

ПАНТЕОНЪ

№ 9. — Сентябрь.

1851.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

А.) ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ИСКАТЕЛЬНИЦА ПРИКЛЮЧЕНІЙ. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. *Эмиля Ожье*.

В.) ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

ЛѢСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ. Романъ *Габріэля Ферри*. Часть третья.

II. ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

ТАРТИНІЕВА ТРЕЛЬ. Разсказъ капельмейстера *Крейслера*.

III. МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ БЕЗЪ ВЫМЫСЛА. Автобіографическаго характера. *А. Грека*.

IV. СМѢСЬ.

1. Лондонская Всемирная Выставка. Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ. (Значеніе Выставки. — Открытіе ея. — Зданіе Кристальнаго Дворца. — Первое впечатлѣніе. — Распредѣленіе Выставки по народамъ. — Ихъ сравненіе и бѣглый обзоръ. — Предметы изящныхъ художествъ.)
2. Идеаль Рафаэля.
3. Воздушное путешествіе, изъ Пармѣ въ Спа, совершенное русскимъ, *И. Маурова.*
4. Эмманюэль Дюпати. (Некрологъ.) П. Б.

V. БАЛАГУРЪ.

Анекдоты, изрѣченія, острия слова, шутки и проч.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ПРЕРВАННЫЙ УЖИНЪ ИЛИ ЛИШНЯЯ ДВЕРЬ ВЪ КВАРТИРѢ ХОЛОСТЯКА. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Н. Я. Яковлевскаго.*

II - 10
n - 124

О П

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ө. КОНИ.

ТОМЪ V.

СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1851.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Центральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. РУЩАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

8701 8667

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 сен-
тября 1851 года.

Ценсоръ: *Н. Пейкеръ.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ОТДѢЛЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ.

ИСКАТЕЛЬНИЦА ПРИКЛЮЧЕНІЙ.

(L'Aventurière.)

КОМЕДІА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

соч. Эмиля Ожье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Мюкарадъ, шестидесяти лѣтъ.

Пикандеръ, братъ его.

Фабрицій, сынъ Мюкарада.

Горацій.

Челія, дочь Мюкарада.

Донья Клоринда.

Донъ Аннибалъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Падуу, 1640 года.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

Мюкарадъ (*одинъ передъ зеркаломъ*). Женщины правы: нарядъ много значить, а мой, кажется, со вкусомъ. Ужъ едва-ли найдется въ Падуѣ такой франтъ, который могъ-бы со мной потягаться. Да и что нынче за молодежь! Все пустой народишка, вертопрахи! Не то, что бывало.... теперъ ужъ не встрѣтить ловкихъ, любезныхъ молодыхъ людей, и настоящихъ молодцевъ надо искать между пожилыми. У Клориды вкусъ не дуренъ: она знала кого выбрать, тотчасъ замѣтила меня.

II.

МЮКАРАДЪ, ПИКАНДЕРЪ.

Пикандеръ (*въ глубинѣ сцены*). Здравствуйте.

Мюкарадъ. Кто тамъ? А! это вы, любезный братецъ? Давно-ли съ дороги?

Пикандеръ. Только что вернулся и ужъ успѣлъ узнать прекрасныя новости.

Мюкарадъ (*всторону*). Надо дать ему отпоръ.... (*громко*) А, такъ вы ужъ знаете....

Пикандеръ. Все знаю.

Мюкарадъ. Очень пріятно.

Пикандеръ. Скажите, пожалуйста, что съ вами сдѣлалось? Отправляясь отсюда, я оставилъ васъ разумнымъ и степеннымъ; вы жили и одѣвались прилично вашимъ лѣтамъ; возвращаюсь и нахожу дурака въ пестрыхъ лентахъ, который въ одинъ день погубилъ всѣ свои шестьдесятъ лѣтъ добропорядочной жизни.

Мюкарадъ. Вотъ что! по вашему шестьдесятъ.

Пикандеръ. Развѣ вамъ меньше? что-же — я неправъ?

Мюкарадъ. По вашему счету выходитъ, что я былъ порядочнымъ человѣкомъ еще до рожденія.

Пикандеръ. А, а! вы шутите! только этого не доставало.... Ну, ужъ признаюсь, вы привлекательный волокита.

Мюкарадъ. Но....

Пикандеръ. Фи! ваши сѣдые волосы пропитаны помадою! не стыдно-ли вамъ разыгрывать маскараднаго шута?

Мюкарадъ. Боже мой! неужели одежда такой важный предметъ, чтобъ изъ-за нея подымать такую пыль?

Пикандеръ. Я сержусь на ваше платье потому, что оно по-

казываетъ ваше сумазбродство, потому-что изъ него я узнаю коварство вашей прелестницы ясенѣ, чѣмъ изъ всѣхъ разсказовъ.

Мюкарадъ. Я знаю всѣ эти сплетни на ея счетъ и, надѣюсь, пристыжу клеветниковъ.

Пикандеръ. Себя пристыдите, а не ихъ! Вы будете величайшимъ глупцемъ, если жепитесь на женщинѣ, которая взялась Богъ вѣсть откуда, съ какимъ-то хвастуномъ, котораго выдаетъ за дворянина и называетъ своимъ братомъ, и которые въ дѣйствительности бродяги! Вотъ кого вы приняли въ домъ, и вотъ на комъ хотите жениться! Ради Бога, не дѣлайте этого: вѣдь это верхъ глупости! пускай красавица разставляетъ вамъ сѣти, посмѣйтесь надъ нею — да и только.

Мюкарадъ. Чтобы вамъ показать, какъ я намѣренъ поступить, я разскажу вамъ всѣ подробности....

Пикандеръ. Не безпокойтесь, я ихъ знаю, я читалъ въ двадцати романахъ такія приключенія. Ваша красавица съ родни американскимъ пикамъ.

Мюкарадъ. Ея происхожденіе не такъ баснословно, какъ вы думаете: ея отецъ былъ бѣдный дворянинъ и умеръ въ прошломъ году въ Мадридѣ.

Пикандеръ. На дуэли.

Мюкарадъ. Въ постель. Она осталась безъ приставища, безъ средствъ, безъ пособія.... тогда донъ Аннибалъ, какъ храбрый человекъ, рѣшился....

Пикандеръ. Прославлять добродѣтели своей сестры.

Мюкарадъ. Нѣтъ, вступить въ военную службу.

Пикандеръ. Этакимъ герой, подумаешь!

Мюкарадъ. Онъ заболѣлъ дорогою, истратилъ всѣ свои деньги и принужденъ былъ остаться здѣсь.... Но по счастью, я ихъ встрѣтилъ.... Кажется, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго?

Пикандеръ. Хорошая ложь должна быть правдоподобна, но эти люди лгутъ безъ совѣсти и безъ мѣры.

Мюкарадъ. Но, что-же вы находите тутъ невозможнаго?

Пикандеръ. Я нахожу, что все это ложь отъ начала до конца.

Мюкарадъ. Ну, такъ ужъ я васъ рѣшительно не понимаю.

Пикандеръ. Я говорю резонно: все, что говорятъ честные люди — правда; все, что скажутъ плуты — ложь....

Мюкарадъ. Но, Боже мой, тутъ есть отъ чего взбѣситься! Скажите, пожалуйста, можно-ли такъ разсуждать въ ваши лѣта! Кто вамъ сказалъ, что они плуты.

Пикандеръ. Я основываюсь на притворной ея любви къ вамъ.

Мюкарадъ. Она притворяется, говорите вы?

Пикандеръ. Да, неужли-же вы въ-самомъ-дѣлѣ думаете, что еще можете правиться?

Мюкарадъ. А почему жъ бы нѣтъ?

Пикандеръ. Вотъ какъ!

Мюкарадъ. Также, какъ и всякой другой.

Пикандеръ. Вы шутите! какъ! съ вашимъ краснымъ носомъ и зелеными глазами....

Мюкарадъ (*всторону*). Невѣжа!

Пикандеръ. Я говорю не съ тѣмъ, чтобы васъ обидѣть, но съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, вы никогда не были красавцемъ, а сегодня вы еще безобразнѣе обыкновеннаго.

Мюкарадъ. А вы всегда одинаково основательны и вѣжливы! Но какимъ бы я вамъ ни казался, Клоринда не находитъ меня ни старымъ, ни безобразнымъ.

Пикандеръ. Это-то и должно бы открыть вамъ глаза.... подумайте....

Мюкарадъ. Къ чему терять ваше краснорѣчiе? Ужъ вы меня не собьете съ толку.

Пикандеръ. Такъ рѣшено: вы жертвуете всемъ для этой проихи?... вашими друзьями, родными, даже дѣтьми?

Мюкарадъ. Дѣтьми, говорите вы, у меня только одна дочь; сыва я давно выгналъ изъ дому и лишилъ наслѣдства....

Пикандеръ. Однако-жъ онъ ваша кровь и долгъ отца велитъ....

Мюкарадъ. Пожалуйста не толкуйте мнѣ о долгѣ! — Сынъ и жена — большая разнища.... Сынъ меня огорчилъ, лишилъ утѣшенiя въ жизни, и я женюсь, чтобъ вознаградить его потерю.

Пикандеръ. Но ваша дочь, она васъ любитъ; за что-же вы надѣяете ее такую мачихою?

Мюкарадъ. Она сирота, а Клоринда любитъ ее такъ нѣжно, страстно, какъ родная мать.

Пикандеръ. Послѣ этого мнѣ нечего говорить о себѣ: кто не дорожитъ собою и дѣтьми, тотъ не можетъ цѣнить дружбы брата. Я сдѣлалъ все, что могъ, но напрасно! И такъ, между нами все кончено.

Мюкарадъ (*тронутый*). Какъ, наша старая дружба?..

Пикандеръ. Что вамъ въ ней! интриганка вамъ дороже брата и дѣтей.

Мюкарадъ. Интриганка!

Пикандеръ. Съ нынѣшняго дня прерываю всякое сношеніе съ вами.

Мюкарадъ (*сухо*). Какъ вамъ угодно.

Пикандеръ. Беру назадъ слово, которое должно было соединить еще тѣснѣе нашу фамилію: мой сынъ никогда не будетъ мужемъ вашей дочери.

Мюкарадъ (*тихо*). Помилуйте! за что-же бѣдныя дѣти будутъ страдать изъ-за нашей ссоры?

Пикандеръ. Нѣтъ, чортъ возьми! какъ-бы онъ ни любилъ вашу дочь, но никогда не будетъ зятемъ негодяйки.

Мюкарадъ. Что дѣлать! дочь моя найдетъ другую партію, въ женихахъ недостатка не будетъ и безъ вашего сына.

Пикандеръ. Желаю, желаю, только не надѣюсь. Едва-ли найдется добрый отецъ, который захочетъ, чтобъ его сынъ вступилъ въ семейство, гдѣ глава сумасшедшій, а власть въ рукахъ ничтожной женщины, которая внесла туда стыдъ и несогласіе. Ни одинъ отецъ не захочетъ, чтобъ его дѣти имѣли предъ глазами примѣръ безнравственности.

Мюкарадъ. Послушайте, чтобъ не увеличить нашей ссоры, лучше разойдемся.

Пикандеръ. Я сказалъ все.

Мюкарадъ. Ну, такъ прощайте!

Пикандеръ. Навсегда! (*Уходитъ.*)

III.

Мюкарадъ (*одинъ*). Ну, вотъ теперь я въ ссорѣ со своей родней и даже съ лучшимъ другомъ! Разрывъ съ нимъ обошелся мнѣ не дешево! гдѣ я найду себѣ такого вѣрнаго друга, такого откровеннаго, веселаго собесѣдника, такого прямаго и добраго совѣтника? Ахъ, Клоринда! твоя любовь мнѣ дорого стоитъ, но она же и заплатитъ мнѣ за всѣ потери... впрочемъ, я тутъ не виноватъ, онъ самъ меня оставилъ; онъ такъ привыкъ, чтобъ всѣ исполняли его капризы, что рѣшился скорѣе разстаться съ братомъ, чѣмъ отступиться отъ своего мнѣнія; онъ всегда былъ таковъ: суровъ, самолюбивъ и гордъ до нельзя, но въ сущности добрякъ, любитъ друзей, когда они ему угождаютъ и покорствуютъ, а

чуть не по немъ — и прощай! Типъ старика эгоиста! Но я не мальчикъ, мнѣ не нуженъ паставникъ, пусть онъ ищетъ себѣ другихъ воспитанниковъ. Не знаю, право, какъ я былъ такъ слабъ прежде, что раздѣлялъ его вкусы и причуды; старый педантъ! онъ, пожалуй, захотѣлъ-бы, чтобъ я окрасилъ голову бѣлками, чтобы казаться старикомъ.... Ему завидно смотрѣть на мою молодость и чтобъ скрыть свою досаду, онъ придрался къ моей жизни. Но теперь — къ чорту подагра и мрачный видъ, я помолодѣлъ на пятьдесятъ лѣтъ, а что всего пріятнѣе, — я всѣмъ этимъ обязанъ женщиנѣ, которая мила, умна, прелестна.... Да, Клорида, ты меня освободила отъ эгоиста, безъ тебя я посядѣлъ-бы подъ его промъ. О! за это я буду тебя любить еще болѣе.

IV.

МЮКАРАДЪ, ЧЕЛІЯ И ГОРАЦІЙ.

Челія (къ Гораціо въ глубинѣ сцены). Постарайся его разжалобить, упадемъ предъ нимъ на колѣна. Ахъ, батюшка!

Горацій. Дядюшка!

Мюкарадъ. Ну, что вамъ надо?

Горацій. Я сейчасъ встрѣтилъ моего отца и онъ....

Мюкарадъ (вынимая часы). Двѣнадцать часовъ! Извини, братъ, мнѣ некогда.

Челія. Сжальтесь, выслушайте насъ.

Мюкарадъ. Мнѣ недосугъ.... (Хочетъ уйти; встору) Приходите вытерпѣть новый приступъ.... дай Богъ, чтобъ только поскорѣй кончили. (Громко) Ну?

Челія. Умоляю васъ, у ногъ вашихъ...

Мюкарадъ. Къ дѣлу....

Горацій. Цѣлую вашу руку....

Мюкарадъ. Это въ сторону!

Челія. Если я ваша дочь....

Горацій. Если вы помните, что я вашъ племянникъ....

Мюкарадъ. Стой, стой, стой! вы вѣрно пришли просить о томъ, чтобъ я пожертвовалъ своимъ бракомъ вашему, ну, такъ я вамъ скажу на отрѣзъ: этого не будетъ, всѣ ваши старанія пропадутъ даромъ; скажу больше, если бъ даже какой-нибудь случай разстроилъ мою свадьбу, такъ ваша отъ этого ни сколько не подвинется впередъ; притомъ, обдумавъ все хорошенько, я пахожу, что вы оба еще слишкомъ молоды и вѣтрепы для семейной жизни. Нако-

нець, любезный Горацій, тебѣ надо забыть твою кузину, ты не будешь съ ней болѣ видѣться.... (Всторону.) Уфъ!

Горацій. Какъ, вы хотите....

Мюкарадъ. Да, я такъ хочу.... Безъ возраженій!

Челія. Прощай, мой милый Горацій!

Горацій. Прощай, безцѣнная Челія!

Челія. Я умру безъ тебя съ тоски....

Горацій. О! и мой смертный приговоръ прочтенъ: не видѣть тебя, значить умереть!

(Мюкарадъ поспѣшно уходитъ.)

V.

ЧЕЛІЯ И ГОРАЦІЙ.

Челія. Онъ не далъ намъ времени его разжалобить: это доказываетъ, что его намѣреніе непоколебимо.

Горацій. Мой отецъ тоже ни о чемъ слышать не хочетъ.

Челія. И мы погибнемъ отъ ихъ упрямства! Но какъ быть надо покориться ихъ желаніямъ.

Горацій. Что-жъ будетъ съ нами? Мнѣ часто говорилъ отецъ, что умный человекъ долженъ умѣть обойтись безъ посторонней помощи.... хорошо-же, я женюсь на тебѣ — безъ всякаго пособія.

Челія. Подумалъ-ли ты объ этомъ?

Горацій. Да! я думаю.

Челія. Опъ тебѣ никогда не проститъ этого!

Горацій. Что дѣлать.... для тебя я на все готовъ.... Я брошу родныхъ, отечество, друзей.... я все могу оставить, кромѣ тебя.

Челія. Да можемъ-ли мы въ наши лѣта жениться?

Горацій. Да, правда, объ этомъ я не подумалъ.

Челія. Нашъ бракъ могутъ разрушить.

Горацій. Что-жъ намъ дѣлать, чтобъ вырваться изъ этихъ тисковъ?

Челія. Во всякомъ случаѣ, поклянемся въ вѣчной любви....

Горацій. Клянусь на колѣнахъ.

Челія. И въ томъ, что не потерпимъ, чтобы другой бракъ разлучилъ насъ.

Горацій. Клянемся! и пусть поцѣлуй запечатлѣетъ клятву.

Челія (уклоняясь). Мое слово не имѣетъ пужды въ такой печати.

Горацій (преслѣдуя). Одинъ только поцѣлуй, милая Челія.... ну, полно-же....

ЧЕЛІЯ. Развѣ тебѣ мало моего сердца, безъ поцѣлуя ?
 ГОРАЦІЙ. Отдавши сердце, за поцѣлуемъ не стоятъ. (*Онъ ее цѣлуетъ.*)

VI.

ГОРАЦІЙ, ЧЕЛІЯ, ФАБРИЦІЙ.

ФАБРИЦІЙ. Желая вамъ всѣ благъ!... сеньоръ Мюкарадъ....

ГОРАЦІЙ. Это мой дядя!...

ФАБРИЦІЙ. Вашъ дялюшка? э! да ты вѣрно маленькій Гораций.

ГОРАЦІЙ. Да, я Гораций. Но кто ты такой, мой другъ!

ФАБРИЦІЙ. Неужели ты меня не узнаешь?

ГОРАЦІЙ. Нѣтъ.

ФАБРИЦІЙ. Какъ! неужели въ десять лѣтъ я такъ перемѣнился, что долженъ называть себя подъ родительскимъ кровомъ! Вотъ жестокой упрекъ за мою долгую отлучку. Я Фабриций.

ЧЕЛІЯ. Боже!

ГОРАЦІЙ (*подавая руку*). Добро пожаловать! вотъ твоя сестра.

ЧЕЛІЯ (*Горацию*). Которую онъ не узналъ.

ФАБРИЦІЙ. Потому, что въ моемъ сердцѣ ты не выросла. Я все еще видѣлъ тебя вѣтраннымъ ребенкомъ, а между тѣмъ, ты стала прелестной дѣвушкой! Но развѣ ты меня боишься? Скорѣй, сюда, ко мнѣ на грудь, милая Челія. (*Они обнимаются.*)

ЧЕЛІЯ (*робко*). Батюшки пѣтъ дома.

ФАБРИЦІЙ. Такъ онъ ушелъ со двора? тѣмъ лучше, это значитъ, что онъ еще въ силахъ, а я боялся найти его дряхлымъ старикомъ!

ГОРАЦІЙ. Напротивъ, онъ никогда не былъ такимъ молодцемъ! съ каждымъ днемъ онъ молодѣетъ на цѣлый годъ.

ФАБРИЦІЙ. Слава Богу! это облегчаетъ мое сердце. Я обвинялъ себя въ его дряхлости, какъ въ горькомъ плодѣ моей неблагодарности, теперь я пришелъ просить прощенія въ моемъ своевольствѣ. Скажите, что онъ попрежнему, также строгъ? тотъ же почтенный видъ?

ЧЕЛІЯ. Вы его увидите, онъ скоро возвратится.

ФАБРИЦІЙ. А въ ожиданіи его, поговоримъ съ тобой, милая сестрица, я даже забылъ звукъ твоего голоса.

ЧЕЛІЯ. За чѣмъ-же было не видаться съ нами такъ долго?

Фабрицій. Да, долго, долго! Мѣста моего дѣтства вѣрно дивятся, видя печальнаго путешественника, вмѣсто пылкаго юноши! сколько здѣсь воспоминаній для меня, вотъ то зеркало... (Подходитъ къ зеркалу.) Валентина стояла тамъ, гдѣ ты теперь, Челія, я стоялъ къ ней спиною, притворяясь, что ничего не вижу, а между-тѣмъ съ трепетомъ примѣчалъ за нею, потому, что мой букетъ скрывалъ въ себѣ робкое письмо. Она прочла его и весело бросила въ окно. Ты видѣло зеркало, какъ тогда плакали эти глаза, которые теперь изсохли и не плачутъ болѣе.

Челія. А между-тѣмъ наполняются слезами.

Фабрицій. Ахъ, какъ далеки эти воспоминанія! Что во мнѣ осталось изъ прежняго молодаго человѣка? Но я еще болѣе постарѣлъ душою, чѣмъ тѣломъ.... Видала-ли ты почернѣвшій каркасъ послѣ блистательнаго фейерверка? — Вотъ — это я.

Челія. О! вы намъ расскажете, что съ вами было?

Фабрицій. Нѣтъ, нѣтъ! Моя исторія плохой предметъ для разговора. Я дѣлалъ всего по немногу, кромѣ того, что долженъ былъ дѣлать; я потерялъ въ моей страннической жизни много мечтаній, еще болѣе волось и радъ, что спасаясь изъ этого омута, могъ уйти полупечальнымъ и плѣшивымъ.

Челія. Вы останетесь съ нами?

Фабрицій. Навсегда! Я вижу, счастье было здѣсь съ тобою и съ моимъ отцемъ; я глупо тратилъ жизнь, отыскивая его по свѣту, я утомилъ сердце на всѣхъ перекресткахъ жизни и хочу его здѣсь успокоить, буду любить то, что ты любишь, и весело состарѣюсь, люблюсь тобою, молодѣя твоей молодостью, радуясь твоей радости.... вѣдь ты мнѣ позволишь скитаться въ твоемъ домѣ, какъ старому другу, бесполезному, но преданному.

Челія. Не говорите этого, любезный братецъ: я васъ люблю.

Горацій. Но отчего-же ты не хочешь жить для самого себя?

Фабрицій. Игра не стоитъ свѣчь, да кромѣ того и поздно.

Горацій. Надо тебя женить.

Фабрицій. Я усталъ отдавать свою судьбу на волю случая, я имъ уже слишкомъ проучень. Къ тому-же, я былъ бы дурнымъ мужемъ, недостойнымъ отцемъ, тогда какъ, если сестра согласна, я могу-быть примѣрнымъ дядей. Кстати, о племянникахъ: не помѣшалъ-ли я моимъ приходомъ вашей размолвкѣ или вы уже мирились? А когда свадьба?

Горацій. Когда?

Челія. Увы!

Фабрицій. Кто-жъ противится вашей любви?

Гораций. Мой отецъ.

Фабрицій. Чемъ-же ему не нравится моя сестра? Развѣ она бѣдна или низкаго происхожденія?

Гораций. Нѣтъ, по дядюшка хочетъ опять жениться, а моему отцу это не нравится.

Фабрицій. Какъ! мой отецъ? Что за шутка?

Челія. Къ несчастію, это вовсе не шутка.

Фабрицій. Мой отецъ женится? (*Всторону.*) Какъ я вижу, овъ нисколько не ослабѣлъ и не постарѣлъ! (*Громко*) Я надѣюсь, что овъ женится не на молодой дѣвушкѣ?

Гораций. Ей около двадцати-трехъ лѣтъ.

Фабрицій. Вдова?

Гораций. Нѣтъ.

Фабрицій. Значить дѣвица?

Гораций. Нѣтъ.

Фабрицій. Такъ что-жъ она такое?

Гораций. Кокетка. Она пришла изъ Мадрита съ какимъ-то хвастуномъ, называетъ его братомъ и выдаетъ за дворянина. Они вдвоемъ такъ ловко принялись и за дядюшку, такъ искусно завлекли его въ сѣти, что овъ поссорился со всѣми друзьями. Мой отецъ до того разсерженъ, что не позволяетъ мнѣ жениться на Челіи, а дядюшка, также затронутый за живое, выгоняетъ меня изъ дому.

Челія. Вы застали наше прощаніе.

Фабрицій. А, миллионъ бомбъ! я шелъ сюда искать тихихъ наслажденій, порядка и покоя, и признаться пришелъ во время! Такъ вотъ тотъ храмъ мира и любви, который я себѣ представлялъ и въ такихъ радужныхъ краскахъ.... Печальное разочарованіе! для чего же я сюда пришелъ?

Челія. Чтобъ насъ спасти, одни только вы въ силахъ отвратить отъ насъ это несчастіе!

Фабрицій. А, это слово призываетъ меня къ долгу! да, я старшій! Я ропталъ на судьбу, но она исполняетъ мои надежды. Я искалъ только порядка и нахожу обязанность! Эта мысль оживляетъ мужество въ моей бездѣйственной душѣ; если я могу разомъ спасти отца и сестру, значить я не бесполезное бремя на землѣ.

Гораций. Дядюшка любить тебя въ глубинѣ души; ему дозволено съ тобой увидѣться, чтобъ сердце его переполнилось родительскою радостью, мы воспользуемся минутой, въ которую овъ будетъ растроганъ, упадемъ предъ нимъ на колѣна, покажемъ, что

Клоринда нарушаетъ миръ его дома, что онъ приносилъ ей въ жертву счастье своей старости, прибавимъ къ этому картину семейнаго блаженства, когда я женюсь на Челіи: ребятшекъ, запачканныхъ въ дѣтской кашкѣ, которые теребятъ его за бороду, лепеча «дѣдушка! дѣдушка!» и Клоринда пропала!

ФАБРИЦІЙ. Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои! если онъ за нее поссорился со всѣми друзьями, такъ захочетъ-ли выслушать голосъ непокорнаго сына! Противъ его страсти бессильны связи дружбы и родства, любовь у стариковъ подобна чужездному растенію; какъ плющъ въ трещины разваливъ, такъ и она въ проломы ихъ сердець, опустошенныхъ временемъ и бѣдствіями, пускаетъ цѣпкіе корни. Они по неволѣ дѣлаются безчувственными и эгоистами, — холодное воспоминаніе, вмѣсто счастливаго прошедшаго, желаніе снова вступить въ жизнь, вотъ крючки, которыми любовь держится въ сердцѣ старика, и вы хотите, чтобы я осмѣлился напасть на все это!

ГОРАЦІЙ. Значитъ нѣтъ средствъ ее удалить?

ФАБРИЦІЙ. Есть, одно только; надо доказать старикку, что она влюблена въ его деньги, а не въ него самаго, по я отъ васъ не скрою — это не легко.

ГОРАЦІЙ. Негодяйка коварна и умѣетъ притворяться.

ФАБРИЦІЙ. Важнѣе всего, — какъ мнѣ сюда явиться, чтобъ изучить патригантку вполнѣ.

ГОРАЦІЙ. Всего лучше придти подѣ своимъ именемъ.

ФАБРИЦІЙ. Тогда она будетъ остерегаться.

ГОРАЦІЙ. Такъ прими какое-нибудь имя.

ФАБРИЦІЙ. А что скажетъ отецъ, если меня узнаетъ?

ГОРАЦІЙ. Развѣ у тебя нѣтъ ни какой отговорки къ оправданію.

ЧЕЛІЯ. Батюшка бросилъ очки и съ тѣхъ поръ не узнаетъ никого, даже въ четырехъ шагахъ.

ФАБРИЦІЙ. Въ добрый часъ; остается одно затрудненіе: какъ представится мнѣ не Фабриціемъ?

ГОРАЦІЙ. Да, правда, надо придумать какую-нибудь хитрость.

ФАБРИЦІЙ. Если я представляюсь отъ имени...

ГОРАЦІЙ. Да это такъ...

ФАБРИЦІЙ. Отъ имени чьего, недогадливый?

ГОРАЦІЙ. Да, чьего?...

ФАБРИЦІЙ. Отъ своего... прекрасно! дѣло кончено. Пойдемъ,

надо, чтобъ меня здѣсь не видалъ, не унывайте, дѣти! я обра-
ботаю дѣло на славу!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

АННИБАЛЪ, КЛОРИНДА.

Клоринда. Никого.

Аннибалъ. Старикашка должно-быть ушелъ.

Клоринда. Что говорить донъ-Аннибалъ?

Аннибалъ. Ничего. Франка-Триппа проговорился; войди въ
свою роль, бездѣльникъ, ни гу-гу, держи языкъ на привязи.

Клоринда. Сдѣлай милость, наблюдай за собою.

Аннибалъ. Охотно, милое созданіе! не кричите-же и вы на
дона Аннибала.

Клоринда. Мюкарадъ вѣрно ушелъ къ кому-нибудь изъ сво-
ихъ друзей.

Аннибалъ. У него ихъ больше нѣтъ.

Клоринда. Какъ знать!

Аннибалъ. Онъ пошелъ провѣтрить свою подагру, вотъ и
все; тутъ не изъ чего тревожиться.

Клоринда. Какъ хочешь, а я предчувствую бѣду.... ты ни-
чему не вѣришь и скажешь, что это глупо, но разбитое зеркало
не выходитъ у меня изъ головы.

Аннибалъ. Оставь меня въ покоѣ съ твоимъ глупымъ зерка-
ломъ. Ну, что-жъ можетъ изъ того выдти, что онъ ушелъ?

Клоринда. Мало-ли что?!.. Довольно случая, чтобъ онъ насъ
узналъ.

Аннибалъ. Этотъ случай долженъ войти въ окно, потому-что
двери мы заперли для всѣхъ.

Клоринда. Какъ ты можешь шутить и такими вещами? Не-
ужели ты вѣчно будешь ничтожнымъ пвтриганомъ, неужли все
твое честолюбіе состоитъ только въ пріобрѣтеніи какого-нибудь
дрянного милліона?

Аннибалъ. Э, э, сударыня! милліонъ вещь очень важная и
вовсе не заслуживаетъ такого названія; я рѣшительно не знаю
человѣка, которому бы милліонъ повредилъ, да и сама ты, не
смотря на твое великодушное презрѣніе къ милліонамъ, не мо-

жешь внутренно не уважать ихъ: ты согласна-же взъ за нихъ выдти за старичишку.

Клоринда. Молчи! ты глупъ! девѣги! что мнѣ въ нихъ? я ихъ всегда презирала, а сегодня цѣню еще менѣе, чѣмъ когда либо.

Аннибалъ. Вотъ какъ мы нынче!

Клоринда. Я испытала до конца всё, что они могутъ доставить; — роскошь, блескъ, удовольствія утомили мое своеправіе и охладили всѣ желанія, я испытала крайнюю бѣдность и чрезмѣрное богатство, и эта безумная жизнь породила во мнѣ пресыщеніе.—Я похожа на моряка, утомленнаго плаваніемъ: какъ онъ завидуетъ тихимъ радостямъ счастливыхъ береговъ, мимо которыхъ плыветъ его корабль, такъ и я завидую большому свѣту, хоть я видѣла его только мимоходомъ. Но теперь я хочу взять въ немъ мою часть, не хочу больше быть игрушкой судьбы, я хочу соединиться съ этимъ ревнивымъ обществомъ, хотя оно сообщается съ нами только презрѣніемъ, я хочу занять мѣсто между этими почтенными женщинами, матерями и сестрами, для насъ недоступными, которыхъ мы знаемъ только по уваженію, которое наши поклонники питаютъ къ ихъ имени.

Аннибалъ. Пощади мои уши, я никогда не слышалъ такихъ нелѣпостей и начинаю разочаровываться въ твоемъ умѣ! Съ которыхъ поръ ты чувствуешь въ себѣ такое призваніе быть почтенной и уважаемой?

Клоринда. Я никогда не могла видѣть безъ зависти ни одной замужней женщины, даже простой мѣщанки въ истертыхъ перчаткахъ, потому что она смотрѣла съ презрѣніемъ на мой блескъ. Какъ пріятно имѣть около себя людей, которыми дорожишь и которые не обращаются съ тобой, какъ съ цыганкой.... какъ пріятно наконецъ не жить внѣ свѣта и закона, и гордиться собственнымъ уваженіемъ къ себѣ.

Аннибалъ. Такъ ты рѣшительно хочешь быть честной женщиной?

Клоринда. Непремѣнно.

Аннибалъ. Не шутя?

Клоринда. А по твоему волокиты такъ опасны, что противъ нихъ нельзя и защититься? Я никого въ жизни не любила.

Аннибалъ. Знаю; ну, а если вдругъ придетъ охота влюбиться?

Клоринда. Никогда! любовь требуетъ покорныхъ сердець и питается нашей слабостью.... по счастью, я не встрѣчала че-

ловѣка, который бы могъ пріобрѣсти надо мною власть! умѣйшіе изъ нихъ превращались въ пдіотовъ, водимыхъ мною за носъ, до того, что я иногда спрашивала себя, почему повелѣваетъ мужчина, а не женщина?

Аннибалъ. Видно, что тебя никогда не колотили; а то ты меньше презирала бы мужчинъ, гордая статуя!

Клоринда. Можетъ быть, оно къ лучшему, что небо не исполнило моихъ желаній и я никого не любила. Любовь ничто иное, какъ война между нами и мужчинами, если мужчина перестаетъ быть жертвою, такъ ею становится женщина. Да, въ этомъ сраженіи, гдѣ всякій ударъ попадаетъ въ сердце, побѣдителемъ всегда будетъ тотъ, въ комъ его нѣтъ.... такъ и я, свободная, несвязанная ничѣмъ, слѣпо шла, куда вела меня судьба.

Аннибалъ. Хорошо, я не буду съ тобою спорить. Твой бракъ можетъ удовлетворить насъ обоихъ, тебѣ онъ доставляетъ прекрасное убѣжище, и право играть роль почтенной дамы, я же благодаря ему, постоянно буду отлично ѣсть и жить. Я надѣюсь еще полюбезничать съ прекраснымъ поломъ, я буду кататься, какъ сыръ въ маслѣ, однимъ словомъ, мы будемъ счастливы, всякій на свой манеръ, но это счастье мнѣ дорого стоитъ: до-сихъ-поръ моя роль моя ужасно утомительна.

Клоринда. Какъ?

Аннибалъ. Какъ? развѣ, легко представлять гордаго и молчаливаго гидаляго, бояться каждымъ словомъ разсердить старика, не отходить отъ тебя ни на шагъ, чтобъ придать тебѣ видъ строго-охраняемой дѣвицы и ревниво хмурить брови, когда старый селадонъ падаеть къ твоимъ ногамъ?

Клоринда. Я согласна, мой другъ, все это не слишкомъ пріятно, но....

Аннибалъ. Скажи нестерпимо! всегда строить рожи, быть какъ на угольяхъ; послѣ каждой такой сцены, у меня дѣлаются судороги въ бровяхъ.

Клоринда. Хорошій обѣдъ поддержитъ твое мужество.

Аннибалъ. Да, хороша поддержка, нечего сказать! Бѣдный Франка-Триппа не смѣетъ сдѣлать лишняго глотка, чтобъ благородный донъ Аннибалъ какъ-нибудь не опьянѣлъ.

Клоринда. За то мы достигаемъ цѣли.

Аннибалъ. Да!

Клоринда. Смотри-же, будь остороженъ.

Аннибалъ. Я просто превращусь въ фампльный портретъ.

Клоринда. Наблюдай за мной, какъ можно строже.

Аннивалъ. Если по дракону будутъ судить о сокровищѣ, то нечего бояться.

Клоринда. Только-бы прошелъ этотъ роковой день! а за остальное я ручаюсь... Кто-то идетъ... это онъ... смотри-же, не зѣвай.

—

II.

КЛОРИНДА, АННИВАЛЪ, и МЮКАРАДЪ.

Мюкарадъ. Здравствуйте, звѣзда моей жизни и богиня любви. Капитанъ, мое почтение.

Аннивалъ. Пожалуйста, безъ церемоній.

Мюкарадъ. Вотъ что я люблю, такъ это вашу откровенность и простые манеры.

Аннивалъ. Военная привычка.

Клоринда (*тихо*). Довольно, ни слова больше.

Мюкарадъ (*всторону*). Какъ-бы удалить этого аргуса.... (*Вслухъ*). Сейчасъ пришли новые рекруты, они плясками и пѣснями произвели суматоху въ городѣ, не хотите-ли на нихъ полюбоваться?

Аннивалъ. Кто служилъ въ старыхъ войскахъ, тому подобныя забавы вовсе незанимательны.

Мюкарадъ. Это правда. За то наши пріѣзжіе актеры васъ вѣрно позабавятъ.

Аннивалъ. Всякій театръ, пріѣзжій или постоянный, мнѣ отвратителенъ.

Мюкарадъ. Вы видѣли императрицу сеньора Ригоме? Ее теперь проводятъ по городу, не хотите-ли взглянуть — чудныя собаки.

Аннивалъ. Обойдусь и безъ нихъ.

Мюкарадъ. А какова погода? просто рай.... теперь бы только и гулять.

Аннивалъ. Я безъ сестры ни на шагъ....

Клоринда. Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, останься.

Аннивалъ. Она такъ скромна, что боится остаться съ глазу на глазъ съ мужчиною.

Мюкарадъ. Очаровательная невинность! неужели вы меня боитесь?

Аннивалъ (*всторону*). Вотъ дуракъ.

Клоринда. Вашъ голосъ проникаетъ до глубины моего сердца, особенно, когда вы поете свою томную арію.

МЮКАРАДЪ. Въ самомъ-дѣлѣ! вы находите, что мой голосъ трогателенъ?

КЛОРИНДА. Спойте мнѣ что-нибудь.

АННИБАЛЪ (*всторону*). То-то будетъ мило, какъ этотъ козель запоетъ.

КЛОРИНДА. Возьмите мандолину.

МЮКАРАДЪ (*беретъ мандолину*). Повинуюсь.

КЛОРИНДА. Благодарю.

III.

ТЪ ЖЕ П ЧЕЛИЯ.

МЮКАРАДЪ (*всторону*). Дочь! какъ некстати! (*Прячетъ мандолину за спину.*)

КЛОРИНДА. Пойте-же.

МЮКАРАДЪ (*Челия*). Что тебѣ надо?

ЧЕЛИЯ. Васъ спрашиваетъ какой-то иностранецъ.

МЮКАРАДЪ. Что за вздоръ!

ЧЕЛИЯ. У него есть письма...

МЮКАРАДЪ. Пусть подождетъ.

ЧЕЛИЯ. Отъ моего брата.

МЮКАРАДЪ. А! такъ пусть войдетъ, онъ мнѣ не чужой.

КЛОРИНДА (*тихо Аннибалу*). Зеркало сдержало слово: и вотъ опасность.

АННИБАЛЪ (*тихо*). Суевѣрка!

МЮКАРАДЪ. О день дважды благословенный! письма отъ моего сына, отъ моего бѣднаго Фабриція, онъ еще ни разу не писалъ, сердце мое бьется отъ восторга, а я воображалъ, что ужъ болѣе не люблю неблагодарнаго.

IV.

ТЪ ЖЕ П ФАБРИЦІЙ.

ЧЕЛИЯ (*тихо Фабрицію*). Это они.

ФАБРИЦІЙ. Хорошо.

МЮКАРАДЪ. Войдите.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Мой бѣдный отецъ.

МЮКАРАДЪ. Вы пришли отъ человѣка, который дорогъ моему сердцу!

ФАБРИЦІЙ (*тронутый*). Какъ! вы его простили?

МЮКАРАДЪ. Зачѣмъ онъ не въ моихъ объятіяхъ ?

ФАБРИЦІЙ. Ахъ ! еслибъ онъ васъ слышалъ.

ЧЕЛІЯ (*тихо Фабрицію*). Не измѣните себѣ.

ФАБРИЦІЙ (*хладнокровно*). Донъ Фабрицій поручилъ мнѣ передать вамъ это письмо.

МЮКАРАДЪ. Благодарю ! благодарю ! вы позволите ? (*Читаетъ письмо*.)

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Сестрица, кажется, хитренька, придется повывѣдать брата.

МЮКАРАДЪ (*прочитавъ письмо*). Вотъ все, что онъ написалъ мнѣ послѣ десятилѣтняго молчанія.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Чортъ возьми ! Я не ожидалъ такого снисхожденія.

МЮКАРАДЪ. Десять строкъ !

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Приму къ свѣдѣнію и напишу ему письмо въ четыре страницы.... (*Громко*.) Извините, я имѣю къ вамъ еще другое посланіе, болѣе обширное.

МЮКАРАДЪ. Давайте-же его.

ФАБРИЦІЙ. Оно осталось у меня въ чемоданѣ.

МЮКАРАДЪ. А гдѣ вы остановились ?

ФАБРИЦІЙ. Въ гостинницѣ «Большаго Омея», подлѣ церкви.

МЮКАРАДЪ (*Челіи*). Скорѣй, Челія, пошли туда кого-нибудь, взять вещи этого господина, и скажи, чтобъ ему приготовили у насъ комнату. (*Челія уходитъ*.) Вы не будете жить ни у кого, кромѣ меня : мой сыиъ мнѣ васъ ркомендуетъ и проситъ удержать здѣсь. Бѣдняжка ! я радъ буду о немъ поговорить.

КЛОРИНДА (*тихо Аннибалу*). Вотъ разговоръ, который ты долженъ предупредить.

МЮКАРАДЪ. Вы его другъ ?

ФАБРИЦІЙ. Мы живемъ душа въ душу.

МЮКАРАДЪ. Онъ васъ чрезвычайно уважаетъ.

ФАБРИЦІЙ. Я этимъ обязанъ нашей постоянной, испытанной дружбѣ.

МЮКАРАДЪ. Вы друзья, какъ братья.

ФАБРИЦІЙ. Больше, чѣмъ братья, онъ совѣтуется со мною во всѣхъ дѣлахъ.

МЮКАРАДЪ. Вы его наставникъ, господинъ Ульрихъ.

ФАБРИЦІЙ. Увы ! онъ слушаетъ мои совѣты, но не слѣдуетъ имъ ; всякій разъ какъ только онъ бывалъ на краю пропасти, онъ сто разъ сожалѣлъ о моей мудрой предусмотрительности, сто

разъ клялся не дѣлать больше подобной глупости. Къ несчастью, это были бесполезныя сожалѣнія и напрасныя клятвы!

Мюкарадъ. Да! да! сердце у него доброе, да голова пылкая. Я въ его лѣта былъ такой-же, горячъ и чувствителенъ, однакожь, я слушался умныхъ совѣтовъ.

Клоринда (*тихо Аннибалу*). Слышпшь?

Аннибалъ (*также*). Еще одинъ, котораго надо сировадить.

Мюкарадъ. Я полагаю, онъ много трудится, чтобъ доставать деньги, имѣнiе его матери было очень незначительно.

Фабрицiй. Онъ сидѣлъ бы безъ куска хлѣба, еслибъ не игралъ такъ счастливо.

Мюкарадъ. Въ этомъ случаѣ, онъ нисколько не похожъ на меня. Пословица говорить: кто счастливъ въ игрѣ...

Фабрицiй. Тотъ несчастливъ въ любви. Это правда! Представьте, онъ такъ часто мѣнялъ предметы своей любви, что въ одинъ прекрасный день, проснувшись поутру, вдругъ увидѣлъ, что у него остались только плащъ да шпага, поэтому онъ и поступилъ на службу и теперь называется полковникомъ Фабрицiемъ.

Мюкарадъ. Полковникомъ! въ его лѣта! (*Клориндѣ*.) Ему не болѣе двадцати пяти лѣтъ.

Аннибалъ. Ого!

Фабрицiй. Право? А представьте, онъ всегда полагалъ, что ему тридцать и даже больше.

Мюкарадъ. Онъ ошибается, я это знаю лучше его. Мнѣ было пятнадцать лѣтъ, когда онъ родился, а теперь мнѣ сорокъ, не угодно-ли сосчитать?

Фабрицiй. Какъ-бы онъ обрадовался, еслибъ узналъ, что еще такъ молодъ.

Мюкарадъ. Извините, ради Бога, я надоѣлъ вамъ моими вопросами... но скажите, по совѣти, вѣдь мой сынъ красивъ собою?

Фабрицiй. На этотъ счетъ я не скажу ни слова, потому что между нами находятъ большое сходство.

Мюкарадъ. Я замѣтилъ это сразу, особенно цвѣтъ волосъ...

Фабрицiй. Говорятъ, что и голосъ...

Мюкарадъ. Не во гнѣвъ вамъ, его голосъ чище, звучнѣе.

Фабрицiй (*всторону*). Правда! въ десять лѣтъ онъ могъ огрубѣть.

Аннибалъ (*тихо Клориндѣ*). Дай мнѣ только напоить его, и его выгонять, какъ собаку.

Клоринда (*Мюкараду*). Дайте немного отдохнуть вашему гостю, вы его совсѣмъ замучили.

Фабрицій. Помилуйте, сенъора....

Мюкарадъ. Это правда, я только думаю о себѣ.

Клоринда. Вы худо исполняете долгъ гостепріимства.

Аннибалъ. Вмѣсто того, чтобъ его мучить распросами, лучше-бъ дать перекусить.

Мюкарадъ. Да, да; вдвойнѣ виноватъ. Эй, кто-нибудь! (*Входитъ слуга.*) Завтракъ! (*Слуга уходитъ и, немного погодя, вноситъ съ другимъ, накрытый столъ.*)

Клоринда. Дайте мнѣ вашу руку, пройдемся по саду, мы только мѣшаемъ нашему гостю; онъ будетъ церемониться; мой братъ лучше насъ составитъ ему компанію.

Аннибалъ (*всторону*). Тѣмъ болѣе, что я съ утра ничего не ѣлъ.

Мюкарадъ (*всторону*). Она сама доставляетъ мнѣ очаровательное свиданіе.

Аннибалъ (*тихо Клориндѣ*). Я налью его по горло.

Фабрицій (*всторону*). Бездѣльникъ этотъ, кажется, не крѣпокъ на голову.

Клоринда (*Мюкараду*). Пойдемъ-те же.

Мюкарадъ (*всторону*). О счастье! она хочетъ, чтобъ я ей спѣлъ ту томную арію, которая ее растрогала. (*Уходитъ.*)

—
V.

АННИБАЛЪ И ФАБРИЦІЙ.

Фабрицій (*всторону*). Мы одни съ хвастуномъ, славно!

Аннибалъ (*всторону*). Мы вдвоемъ! Потормошимъ молодца! (*Громко.*) Долго-ли вы пробудете у насъ?

Фабрицій. Я ѣду въ Римъ.

Аннибалъ. Прекрасное намѣреніе.... Эта ветчина превосходна.

Фабрицій. Она возбуждаетъ аппетитъ.

Аннибалъ. Да и жажду.

Фабрицій. Надо запить. (*Пьетъ.*)

Аннибалъ. Я вамъ скажу, что между достопочтенными моими родственниками, я съ гордостью вспоминаю Паулиція Игнатуса; это былъ отличный человекъ, строгій, набожный, только, знаете, имѣлъ одну слабость.... (*Шепчетъ на ухо.*)

Фабрицій. Неужели?

Аннибалъ. Какъ я имѣлъ честь вамъ сказать, а когда его накроютъ врасплохъ, такъ онъ, бывало, начнетъ смѣяться. Выпьемъ за здоровье бѣднаго покойника!

Фабрицій. Этотъ пирогъ должно быть отличный, какой привлекательный запахъ, попробуемъ.

Аннибалъ. Я забылъ здоровье отца Сидонія, моего дяди, съ матерней стороны; объ немъ рассказываютъ будто онъ жилъ девяносто-восемь лѣтъ. Я вспомнилъ о всѣхъ моихъ родственникахъ, теперь выпьемъ за здоровье вашихъ.

Фабрицій. У меня три тетки, шесть двоюродныхъ братьевъ и восемь внучатныхъ племянниковъ.

Аннибалъ. Три да шесть — девять, да восемь — семнадцать! Выпьемъ за каждого, если вамъ угодно! сперва за дамъ, вашихъ тетокъ. А если которая нибудь изъ нихъ съ хорошимъ наследствомъ, такъ мы выпьемъ за нее въ особенности.

Фабрицій. У всѣхъ есть дѣти.

Аннибалъ. Напрасно! (*Пьетъ.*) Перейдемъ къ вашимъ двоюроднымъ братцамъ. Кто они?

Фабрицій. Военные.

Аннибалъ. Всѣ шестеро?

Фабрицій. Какъ вы.

Аннибалъ. Какъ я! поздравляю.

Фабрицій. Вѣдь вы, кажется, военный?

Аннибалъ. Разумѣется! Чортъ возьми! чѣмъ же быть намъ, дворянамъ, какъ не храбрецами? Я собственноручно убилъ и поранилъ до восемнадцати человекъ... (*всторону*) на дуэли (*Громко.*) Меня два раза находили между мертвыми, и еслибъ вы видѣли мое бѣдно тѣло — рѣшительно, какъ рѣшето.

Фабрицій. Въ самомъ дѣлѣ?

Аннибалъ. Буквально; повѣрите-ли, мнѣ самому такъ гадко, что я боюсь раздѣться.

Фабрицій. Да, дешево не купишь славу, выпьемъ за ваши подвиги.

Аннибалъ. Это единственная польза, которую я извлекъ изъ нихъ, пью въ честь моихъ подвиговъ! бутылка кончена.... Эй! (*Входитъ слуга.*)

Фабрицій. Испанскаго вина! А въ какомъ полку вы дѣлали кампанію?

Аннибалъ. Въ какомъ полку?... въ королевскомъ Инфанта. (*Слугѣ.*) Открой балконъ, здѣсь душно....

Фабрицій (*всторону*). Правду-ли онъ говоритъ? разставлю ему

западно. (Громко.) Въ этомъ полку служить мой школьный товарищъ.

Аннибалъ. Кто такой?

Фабрицій. Артабанъ.

Аннибалъ. О! его я знаю.

Фабрицій. Право! Такъ выпьемъ же за милаго Артабана.

Аннибалъ. Выпьемъ!

Фабрицій (всторону). Его глаза ужъ мутны.

Аннибалъ. Чортъ возми! чѣмъ больше пью—тѣмъ больше жажда мучить. Посмотрите, сеньоръ! на этотъ сокъ, на этотъ олимпійскій нектаръ, который люди называютъ попросту виномъ... это утѣшитель, веселый собесѣдникъ! онъ даритъ радость и уноситъ горе; когда я пью, мнѣ кажется, что я глотаю пѣсни... палей еще куплетъ и пусть себѣ всѣ громы сорвутся съ цѣпи; выпьемъ полнымъ горломъ и запоемъ изъ полной рюмки, что-жъ это вы больше не пьете?

Фабрицій. Я выпилъ, сколько могъ.

Аннибалъ. Вино — дозволенное веселье.

Фабрицій. Оно такъ дѣйствуетъ на человѣка, что его насквозь видно.

Аннибалъ. Забѣйте, человѣкъ родится и плачетъ, живетъ—и все плачетъ, пейте, сеньоръ, жизнь коротка.

Фабрицій. О, какъ коротка жизнь!

Аннибалъ. Говорятъ пьянство гнусный порокъ! О водопійцы, (пьетъ) пьяница подобенъ... Но все-равно, жизнь очень коротка, мой милый, и бѣдное наше тѣло....

Фабрицій. Пейте!

Аннибалъ. Чортъ возми! Чокнемся, господина философа, я самъ пьянъ и васъ хочу напоить.

Фабрицій. За ваше здоровье, мой храбрый витязь.

Аннибалъ. За мое здоровье! (пьетъ.) Хотя, по правдѣ, для васъ это все равно....

Фабрицій. Кто вамъ это сказалъ?

Аннибалъ. Чтожъ! не будете-ли вы оплакивать меня, если я завтра умру отъ разстройства желудка?

Фабрицій. Конечно.

Аннибалъ. Оставьте меня въ покоѣ, съ вашей дружбой! Не пройдетъ года и ты меня забудешь, черная душа! Ты прикидываешься, что меня любишь, потому-что я могу быть тебѣ полезенъ. Боже мой! Боже мой, какъ я несчастливъ, никогда я не могъ довѣриться тѣмъ, кого любилъ; о! какъ тяжело для вѣжной

души не имѣть около себя никого, кто-бъ могъ ее понимать! Скажи мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, причину твоего презрѣнія? чтобъ я могъ оправдаться.

Фабрицій. Полноте! вы пьяны.

Аннибалъ. Вотъ еще! Этотъ шутъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что я пьянъ. Пстой же, я тебѣ докажу, что это вздоръ... Я прочитаю тебѣ роль *Фениса* и если пропущу хоть одинъ стихокъ, ты можешь назвать меня стелькой.

Фабрицій. Вы актеръ?

Аннибалъ. Конечно; онъ еще сомнѣвался въ этомъ; я въ Мадридѣ занималъ амплу хвастуновъ.

IV.

ФАБРИЦІЙ, АННИБАЛЪ за столомъ, МЮКАРАДЪ, КЛОРИНДА въ глубинѣ.

Клоринда. Нѣтъ, нѣтъ, вы не можете оставить такъ вашего гостя.

Фабрицій. А ваша сестра?

Аннибалъ. Моя сестра была также актрисой.

Клоринда. Ты лжешь!

Аннибалъ. Я лгу? Повѣрь же мнѣ, она два года со славой играла *Агнесь*.

Мюкарадъ. Что я слышу?

Клоринда. Но, спльоръ, вы видите, онъ пьянъ.

Аннибалъ. Такъ же какъ и ты; я знаю, что говорю, а что она была хорошей актрисой, такъ это видно по ея напвнымъ манерамъ, которыми она отуманила здѣшняго старика.

Мюкарадъ. Что вы на это скажете?

Клоринда. Да; я васъ обманула.

Мюкарадъ. Уфъ! ничего не могу сказать... я просто сталъ въ тупикъ.

Аннибалъ. Громче, громче, если хочешь, чтобъ я тебя слышалъ... (*Аннибалъ засыпаетъ, Фабрицій становится подлѣ Мюкарада.*)

Мюкарадъ. И такъ, злодѣйка...

Клоринда. Безъ оскорбленій, спльоръ, взявъ на себя трудъ васъ обманывать, я вамъ дѣлала честь.

Мюкарадъ. Какъ?

Клоринда. Я не требую вашей благодарности, только сдѣлайте милость разстанемся прилично.

Мюкарадъ. Какъ, ты смѣешь, несчастная...

Клоринда. Я вижу, съ мѣщанами не скоро сговоришь.

Мюкарадъ (*Фабрицію*). Посмотрите, ради Бога! эта безстыдная питриганка, вмѣсто того, чтобъ бѣжать поскорѣе изъ дому, меня-же еще отдѣлываетъ!

Клоринда. Я васъ худо знала и благодарю судьбу, что она во время открыла мнѣ вашу грубую натуру; я чуть было не попала въ просакъ, но не жалуясь, что была обманута; конечно, вы чувствуете, что съ этихъ-поръ, между нами не можетъ быть и разговора о бракѣ.

Мюкарадъ. Слышите, слышите?

Фабрицій. Боже мой! Что-жъ вамъ до этого?

Мюкарадъ. Ей остается только вытолкать меня въ шею.

Клоринда. Конечно, у себя, я выгнала-бы васъ, но отъ васъ, напротивъ, должна выйти сама.

Мюкарадъ. Да! да, вы уйдете... но я васъ выгоню.

Клоринда. Какъ вы жалки.

Фабрицій. Сдѣлайте милость, умѣрьте себя, а вы, сударыня, уйдите...

Клоринда. О! конечно, я уйду... но я не могу оставить здѣсь этого несчастнаго; сдѣлайте милость, прикажите подать посылки.

Фабрицій. Сейчас! (*Всторону.*) Мы торжествуемъ! (*Уходитъ.*)

VII.

КЛОРИНДА, МЮКАРАДЪ, АННИВАЛЪ СПИТЬ.

Клоринда. Мое приустройство вамъ тягостно, но потерпите нѣсколько минутъ, и вы меня больше не увидите.

Мюкарадъ. Очень хорошо! Только не вздумайте оправдываться.

Клоринда. Послѣ вашихъ поступковъ? Это значило-бы упрекнуть себя. Мнѣ все равно, подозрѣвайте, что вамъ угодно; думайте, пожалуй, что все ваше достоинство въ моихъ глазахъ состоитъ въ деньгахъ.

Мюкарадъ. А если-бъ я даже такъ думалъ?

Клоринда. Вамъ все позволено; позвольте однакожъ, чтобъ и васъ находили смѣшнымъ; подобнымъ подозрѣніямъ можетъ предаваться только человекъ богатый....

Мюкарадъ. А я, развѣ не богатъ ?

Клоринда. Вы !... ха, ха, ха!

Мюкарадъ. 10,000 червонцевъ ежегоднаго дохода.

Клоринда. Это такое ничтожное богатство, сивьоръ, что не стоитъ нагнуться, чтобъ подобрать эти крохи.... Ужь, если я-бы плутовать, такъ игру побольше выбрала.

Мюкарадъ. Между-тѣмъ....

Клоринда. Развѣ вы не знаете, что безстыдныя интриганки, какъ вы меня назвали, проматываютъ ежедневно Крезовы богатства ? Еслибъ я была изъ ихъ числа, то выбрала-бы человѣка, котораго можно разорять подольше.

Мюкарадъ. Я признаюсь.... конечно.... это вздоръ, чтобъ васъ манили только мои деньги, однако-жь, кромѣ то ихъ, чего могли вы желать ?

Клоринда. Чего я желала, сивьоръ ? носить ваше имя, славы быть цѣломудренной супругой, яснаго семейнаго очага и скромной, мирной жизни, наконецъ, я искала добродѣтели. Вотъ почему я оставила театръ и рукоплескавiя восторженныхъ поклонниковъ, вотъ желанiя, которыми билось мое сердце и вотъ что навлекло на меня ваше презрѣнiе.

Мюкарадъ. Но если ваши намѣренiя были такъ чисты, для чего-жь вы употребили обманъ ?

Клоринда. Пока вы были для меня чужой, я не хотѣла вамъ открыться.

Мюкарадъ. Но послѣ, вы должны были мнѣ все рассказать.

Клоринда. Послѣ было слишкомъ поздно.

Мюкарадъ. Почему ?

Клоринда. Сказать-ли ? Я васъ любила, гордилась нашей любовью и не рѣшилась потерять ее.

Мюкарадъ. Какъ ? такъ это изъ любви ? бѣдная женщина ! какъ охотно я увѣнчалъ-бы вашу страсть ! Но что дѣлать.... свѣтъ имѣетъ свои предубѣжденiя, хоть и нелѣпыя, но....

Клоринда. Уважайте ихъ, сивьоръ, вы уже не въ тѣхъ лѣтахъ, чтобъ идти противъ мнѣнiй свѣта.

Мюкарадъ. Не въ тѣхъ лѣтахъ ?

Клоринда. Я оставляю безумную надежду ; ничто не можетъ стереть съ меня клейма неумолимаго прошедшаго ; вижу, мирная жизнь для меня недоступна, возвращаюсь въ Мадридъ, тамъ найду я славу, безумную любовь, которую многiе почитаютъ счастиемъ....

Мюкарадъ. О Боже! ее будутъ любить другіе...

Клоринда. Отказываюсь отъ борьбы! если ужъ мнѣ суждено пасть, покоряюсь року, но я мечтала о лучшей участи...

Мюкарадъ. Эта прелестная женщина достанется другому... Выходите за меня, если не для меня, то для спасенія своей души.

Клоринда. Нѣтъ, сеньоръ! женщина, оскорбленная, такъ какъ я, не можетъ прощать.

Мюкарадъ. Неужели моихъ словъ нельзя ничѣмъ загладить?

Клоринда. Ничѣмъ.

Мюкарадъ. Ахъ, проклятый языкъ, дернулъ же меня лукавый... выходите за меня, вы увидите, я моими заботами, покорностью, угожденіями...

Клоринда. Оставимъ это и разойдемся друзьями.

Мюкарадъ. Какъ?

Клоринда. Вы сдѣлали все остальное невозможнымъ.

Мюкарадъ. Послушайте, не приводите меня въ отчаяніе, оно можетъ быть ужасно.

Клоринда. Но если я вамъ прошу сегодня, вы завтра начнете ту же исторію.

Мюкарадъ. Я на васъ женюсь еще сегодня.

Клоринда. Ахъ, день дологъ, мало-ли, что можетъ случиться.

Мюкарадъ. Хотите, мы сейчасъ же составимъ контрактъ.

Клоринда. Ахъ, какъ вы настойчивы.

Мюкарадъ. Вы отказываете?

Клоринда. Неблагодарный! слѣдовало-бы васъ наказать....

Мюкарадъ. Побѣда! идемъ къ нотариусу.

Клоринда. Странно, вы заставляете меня дѣлать все, что вамъ вздумается.

Мюкарадъ. Потому, что вы меня любите.

Клоринда. А!—идемъ.

VIII.

ТЪЖЕ и ФАБРИЦІЙ.

ФАБРИЦІЙ. Портшезъ готовъ.

Мюкарадъ. И очень кстати.

ФАБРИЦІЙ. Что вы хотите сказать?

Мюкарадъ. Я былъ дуракъ, мой другъ, но она меня прости-

ла; я вамъ послѣ все разкажу, только не говорите никому! (*Мюкарадъ и Клоринда уходятъ.*)

IX.

ФАБРИЦІЙ одинъ, АННИБАЛЪ спитъ.

Фабрицій. Ахъ, чортъ возьми! онъ опять принялся за прежнее и безъ сомнѣнія зашелъ еще дальше, это необходимое слѣдствіе ихъ разговора; если веревка не лопнетъ, то узелъ затянется еще сильнѣе... Но я тебѣ покажу, Макиавель въ юбкаѣ, что честные люди бывають похитрѣе плутовъ и что иногда мужчина можетъ перехитрить женщину; главное въ томъ, что вы меня считаете глупцемъ и что, по счастью, ничего отъ меня не скрылось; я воспользуюсь всѣмъ, чтобы разрушить ихъ маневры; буду, пожалуй, снисходительнымъ простакомъ, если нужно, могу даже найти васъ очаровательною, я предвижу и капканъ, въ который ты попадешься, негодная лисица! (*Аннибалъ храпитъ.*) Это что за хрюканье? а это вы, мой храбрый наставникъ! еслибъ выбросить его въ окно? вѣтъ, предоставлю себѣ это развлеченіе послѣ, а теперь пьяница мнѣ можетъ быть полезенъ, чрезъ него всего легче втереться въ дружбу къ его сестрѣ. Ну! вставай!

Аннибалъ. Кой чортъ!

Фабрицій. Зовутъ объдать! (*Аннибалъ встаетъ и шатается.*)
Потише, поберегите носъ.

Аннибалъ. Да; у меня другаго нѣтъ.

Фабрицій. Гдѣ вашъ трактиръ?

Аннибалъ. На площади. Пожалуйста поддержите меня; вы можете быть, находите, что я немножко грузень.

Фабрицій. У меня здоровыя руки. (*Всторону.*) Ты узнаешь это послѣ, подь палкою. (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ФАБРИЦІЙ въ глубинѣ, ЧЕЛІЯ, справа.

Фабрицій. Сейчасъ я встрѣтилъ за угломъ Гораціо, бѣднякъ стоялъ, какъ журавль на сторожѣ, въ надеждѣ тебя увидѣть. Мнѣ стало жалко на него смотрѣть, и я помогъ ему пройти въ

садъ. Я ему даже общалъ, что извѣщу тебя и что ты къ нему явишься.

Челія. И вы мнѣ позволите? О! какой вы добрый.

Фабрицій. Увы! это единственное достояніе сердца, которое спаслось отъ всеобщаго крушенія.

Челія. Чѣмъ-же мы, въ свою очередь, заплатимъ вамъ за все, что вы для насъ дѣлаете.

Фабрицій. Будьте счастливы и я еще оставуеъ у васъ въ долгу.

Челія. О! мы будемъ счастливы, только бы насъ обвѣнчали.

Фабрицій. Обвѣнчаютъ непременно, благодаря моей изобрѣтательности.

Челія. Какъ! вы пали средство?

Фабрицій. Самое вѣрное, основанное на словѣ, случайно брошенномъ на вѣтеръ.... ты помнишь, что я общалъ батюшкѣ еще письмо, которое будто-бы забылъ въ чемоданѣ.

Челія. Помню.

Фабрицій. Я его ужъ написалъ и когда все будетъ готово, пушу его въ ходъ.

Челія. Что-же вы пишете въ этомъ письмѣ?

Фабрицій. Въ немъ говорится, что я.... Но идуть!... Бѣги скорѣе.... твой женихъ разкажетъ тебѣ остальное. *(Она убѣгаетъ.)*

II.

ФАБРИЦІЙ, МЮКАРАДЪ, КЛОРИНДА.

Мюкарадъ. Вотъ и я, къ вашимъ услугамъ.

Фабрицій *(всторону)*. Очень кстати.

Клоринда *(тихо)*. Выкажите ему все свое достоинство.

Мюкарадъ. О! не безпокойтесь.

Фабрицій *(всторону)*. Посмотримъ, что-то будетъ.

Мюкарадъ. Я пришелъ, милостивый государь, чтобы... *(Всторону)*. Мнѣ какъ-то съ нимъ неловко.... онъ острякъ.... чего добраго, пожалуй, найдетъ, что я смѣшонъ.... О вздоръ! смѣлѣй! *(громко)*. Я пришелъ.... то есть, я желалъ имѣть честь.... однимъ словомъ, представляю вамъ мою жену.... или лучше сказать, почти жену.... Можетъ быть, мое поведеніе покажется нелѣпнымъ въ глазахъ свѣта, но я не дорожу его мнѣніемъ, мнѣ оно ни чемъ, слышите-ли, милостивый государь, я его презираю.

ФАБРИЦІЙ. Да, когда оно насъ стѣбляетъ, всего лучше презирать его.

МЮКАРАДЪ. По мнѣ все равно: стѣбляетъ оно меня или нѣтъ, но я его презираю и считаю глупцемъ и невѣждой того, кто на этотъ счетъ не одинаково со мною думаетъ.

ФАБРИЦІЙ. Это очень умно.

МЮКАРАДЪ. Пусть меня порицаютъ, я горжусь этимъ; но требую, чтобъ всеъ почитали мою жену.

ФАБРИЦІЙ. Я всегда чувствовалъ къ ней еще больше почтенія, чѣмъ вы сами. Когда вы оскорбили ее несправедливымъ гнѣвомъ, я не смѣлъ васъ удержать, но молча оуждалъ вашъ поступокъ, и снѣбора сама засвидѣтельствуетъ, что я всегда былъ въ отношеніи къ ней вѣжливъ и почтителенъ.

КЛОРИНДА. Это правда, онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова обиднаго.

ФАБРИЦІЙ. Но если я молчалъ, такъ повѣрьте, это единственно изъ уваженія къ вашему гостепримству.... но внутренно ваша вспыльчивость меня бѣсила.

МЮКАРАДЪ. Право? Вотъ добрая душа! вотъ славный мальи! такъ вы точно находили, что я глупъ?

ФАБРИЦІЙ. Я этого не говорю.

МЮКАРАДЪ. О, не щадите меня, браните, говорите прямо! я это заслужилъ!

КЛОРИНДА (*всторону*). А я его боялась!

МЮКАРАДЪ. Я былъ сумасшедшій, невѣжда, дуракъ! и не смотря на все это, она, по необычайной добротѣ своей, меня простила.... А? вотъ это значить — любить.

ФАБРИЦІЙ. Конечно, это очень великодушно, но въ васъ, снѣбора, это меня не удивляетъ, вы съ вашей красотой и талантомъ оставили театръ, такой поступокъ невольно обличаетъ тысячу благородныхъ побужденій: чувство собственного достоинства, — необходимость любить, отвращеніе отъ пышности и блеска, наконецъ, какое-то нѣжное скромное чувство, которое хочетъ измѣться и готово на всеъ возможные жертвы.

КЛОРИНДА (*всторону*). Какъ онъ странно смотритъ.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Рыбка клюнула.

МЮКАРАДЪ. Лихой, прекрасный мальи! А я то, съ-дуру, боялся такого умнаго совѣтника.... Ну, скажите, что вы думаете о моемъ бракѣ?

ФАБРИЦІЙ. О снѣборъ, я не нахожу ему подобнаго.

МЮКАРАДЪ. Я слѣпо послѣдую вашему совѣту.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Она вѣрно думаетъ, что я набитый дуракъ. А, вотъ и нашъ хвастунишка!

—

III.

ТѢЖЕ И АННИВАЛЪ.

АННИВАЛЪ. Говорятъ, вы меня спрашивали?

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Онъ ничего не знаетъ.

КЛОРИНДА. Благодарите, что онъ васъ прощаетъ.

АННИВАЛЪ. За что?

ФАБРИЦІЙ. За ваши давшія невѣжества.

АННИВАЛЪ. Что?

КЛОРИНДА (*тихо*). Молчи.

АННИВАЛЪ. Но нельзя-ли узнать, хоть по секрету, за что меня прощаютъ?

ФАБРИЦІЙ. Не помните-ли вы, что были пьяны?

АННИВАЛЪ. Случалось, иногда.

ФАБРИЦІЙ. Сегодня утромъ?

АННИВАЛЪ (*всторону*). Чортъ возьми! не проболтался-ли я.

ФАБРИЦІЙ. Вы мнѣ рассказали....

АННИВАЛЪ. Э! мало ли, что спяну скажешь. Не надо вѣрить.

МЮКАРАДЪ. Напротивъ, добродѣтель вашей милой сестрицы приобрѣла оттого новый блескъ въ глазахъ умныхъ людей.

АННИВАЛЪ (*всторону*). Странно, что бы я могъ соврать на счетъ ея добродѣтели.

МЮКАРАДЪ. Я ненавижу предрасудки, любезный шуринъ! Вашу руку!

АННИВАЛЪ. Много чести.

ФАБРИЦІЙ. Я также прошу вашей дружбы.

АННИВАЛЪ. Согласенъ и надѣюсь на вашу... (*Всторону*.) Меня рѣшительно принимаютъ за другаго.

МЮКАРАДЪ. А вамъ придется сходить взглянуть на нашъ свадебный контрактъ.

АННИВАЛЪ. Я такъ деликатенъ, что вполне на васъ полагаюсь.

МЮКАРАДЪ. Нѣтъ, нѣтъ, непременно взгляните.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Теперь моя очередь. (*Громко*.) Позвольте мнѣ съ вами проститься.... я недалеко отсюда долженъ отдать визитъ....

МЮКАРАДЪ. Пожалуйста, безъ церемоній, мой милый....

Фабрицій (*приготавливается уйти*). Какъ я разсѣянъ, всёмъ забылъ.... отгадайте что?

Мюкарадъ. Вѣрно письмо моего сына, и въ самомъ дѣлѣ — я то забылъ, а еще отецъ!

Фабрицій. Вотъ оно.

Мюкарадъ. За тройной печатью.

Фабрицій (*кланяясь*). Сеньоръ! (*Всторону.*) Опъ имъ вѣрно покажетъ, или мой отецъ сталъ ужъ слишкомъ скрытенъ. (*Уходитъ.*)

IV.

МЮКАРАДЪ, КЛОРИНДА, АННИВАЛЬ.

Мюкарадъ (*открываетъ письмо*). Извините.

Анниваль (*тихоцѣлко*). Скажи мнѣ, что я проболталъ во снѣ?

Клоринда. Все; однако такъ, что онъ за все простилъ.

Анниваль. Бѣдняжка!

Мюкарадъ. Что я вижу, друзья мои.... Знаете-ли, это знаменитый графъ!

Клоринда. Кто?

Мюкарадъ. Опъ.

Анниваль. Я?

Клоринда (*всторону*). Дуракъ.

Анниваль. Мнѣ нынче ужъ черезъ-чуръ оказываютъ много чести.

Мюкарадъ. Кто могъ-бы угадать? Этотъ молодой человѣкъ, мой гость.

Клоринда. Я нисколько этимъ не удивлена, у него такой величавый видъ....

Анниваль. Развѣ что раззорившійся графъ.... это видно по его изношенному платью и по истертой шляпѣ.

Мюкарадъ. Чѣмъ выше санъ, тѣмъ труднѣе скрыть его. Мой сынъ мнѣ пишетъ.... Но, вѣтъ.... Я задыхаюсь отъ волненія и нечаянности.... читайте сами.... (*Отдаетъ письмо Клориндѣ.*)

Клоринда (*читаетъ*). «Милый, добрый батюшка! Ульрихъ вовсе не Мювхенскій гражданинъ, какъ я вамъ писалъ въ предварительномъ письмѣ. Это графъ Гейдельбергскій, одинъ изъ богатѣйшихъ во всей Германіи, онъ путешествуетъ инкогнито, въ одеждѣ простолюдина, изъ романтическихъ видовъ: видите-ли, онъ ищетъ женщину, которая полюбила-бы его не за санъ и богатство, а по страсти къ нему самому. Не упускайте такого

прекраснаго случая выдать замужъ мою сестру ; она вѣрно прелестна, а принцъ не смотритъ ни на богатство, ни на происхожденіе.»

Мюкарадъ. Не правдали, это цѣлый романъ ?

Аннибалъ. А что вы думаете, отъ нѣмецкаго графа все станется : нѣмцы вообще любятъ отличатся странностью.

Мюкарадъ. Ну, любезный братецъ, вы можете приберечь своего сынка на случай... Намъ онъ не нуженъ. Воображаю, какъ взбѣситя этотъ упрямецъ, когда узнаетъ, что я сталъ тестемъ важной особы. Графъ ! Всемогущій Боже ! еслибъ только Челія захотѣла ему понравиться, но она романистка, дура, пожалуй, еще братецъ вскружитъ ей голову и помѣшаетъ моему намѣренію.

Аннибалъ. Дѣвушку въ шестнадцать лѣтъ легко убѣдить, въ чемъ угодно.

Мюкарадъ. Ну, нѣтъ ! Челія устойчива въ своихъ мысляхъ, даромъ что молода. Эта невинница сто разъ озадачивала меня своими отвѣтами. Я ужасно пеловокъ въ этихъ случаяхъ, а у нея такой характеръ, что я сразу все испорчу, если возьмусь за это дѣло. (*Клоринда.*) Мнѣ кажется, вы однѣ въ состояніи наставить ее на настоящую дорогу.

Клоринда. Вы думаете ?

Мюкарадъ. Попробуемъ, я пришлю ее къ вамъ. (*Уходитъ.*)

—

V.

КЛОРИНДА, АННИБАЛЪ.

Аннибалъ. Чудакъ задалъ тебѣ престранную работу.

Клоринда (*задумчиво*). Такъ, рѣшено. Я должна имъ пожертвовать....

Аннибалъ. Кѣмъ-это ?

Клоринда. Графомъ. Я могла-бы за него выйти замужъ, но уступлю его другой безъ сожалѣнія.

Аннибалъ. Ты могла-бы выйти за него ? Ты — за графа ?

Клоринда. Что-жъ тутъ удивительнаго ?

Аннибалъ. Но, душенька, онъ знаетъ твою исторію.

Клоринда. Не всю, и то, что онъ знаетъ, нисколько мнѣ не повредило, а напротивъ, выставило меня еще въ лучшемъ свѣтѣ. Но безъ объясненій... надѣюсь, ты не считаешь меня душой : а тебѣ говорю, мнѣ стоитъ захотѣть, и я за него выйду.

Аннибалъ. Я тебѣ повѣрилъ-бы на слово, еслибъ тутъ не было маленькаго противорѣчія : ты говоришь, что можешь, но не хочешь ; ну, это или слишкомъ благородно, или оченьъ глупо.

Клоринда. Неправда ли, это прекрасно и достойно честной женщины ! не правда ли, теперь я могу безъ угрызевій занять мѣсто въ этомъ гордомъ свѣтѣ ? я довольно дорого плачу ему заправохода, чтобъ не краснѣть, какъ выскочка ! О ! понимаешь ли ты, какъ приятно вступить туда, смѣло поднявъ голову, съ законнымъ правомъ и не надѣвая маски на порогъ ? Ужъ это не призракъ, не мечта, не замаскированная на время личность, нѣтъ, это я сама, моя собственная особа, это дѣйствительность и я самодовольно и свободно дышу въ чистой атмосферѣ.

Аннибалъ. Такъ для мелочной суетности ты пренебрегаешь союзомъ съ вельможей ? Поймай его, если онъ подается въ твои силки, а честной женщиной ты успеешь сдѣлаться и послѣ.

Клоринда. Нѣтъ ! если я упусти этотъ случай, то не встрѣчу его въ другой разъ. Я стою на послѣднемъ перекресткѣ моей жизни, и если не перемѣню дороги теперь, то послѣ будетъ поздно.

Аннибалъ. Надоже быть такимъ осломъ, чтобъ не-умѣть отвѣтить, имѣть золотую курочку и не заставить ее нести яйца

Клоринда. На что ты жалуешься, безстыдный тунеядъ ! развѣ мало того, что я тебѣ доставила ; съ тобою, мы кажется довольно надѣлали зла ? не требуй же отъ меня больше ничего. Прочь отъ меня, злой геній ! если только можно, я примпрюсь со свѣтомъ и съ собою.

Аннибалъ. Несчастливая.... О да какъ-же она глупа !

VI.

ТѢЖЕ И ЧЕЛІЯ.

Клоринда (*тихо*). Вотъ Челія. Взгляни на этотъ кроткій взоръ, на эту гордую непорочность ; свѣжесть ея щекъ показываетъ сердечное спокойствіе. Съ тѣхъ поръ, какъ я могу ей не завидовать, я начинаю любить это невинное дитя.

Аннибалъ. Дивись, дивись своей добродѣтели, даже въ чужомъ тѣлѣ. (*Онъ садится въ уголокъ.*)

Клоринда. Вы не избѣгаете меня сегодня, милое дитя !... О, еслибъ вы знали, сколько доставляете мнѣ этимъ удовольствія.

Челія. Я здѣсь потому, что меня послалъ къ вамъ батюшка.

Клоринда. Неужели для этого нужно было приказаніе отца? Неужели, въ самомъ дѣлѣ вы чувствуете ко мнѣ отвращеніе? За что же вы почитаете меня врагомъ своимъ? развѣ вы замѣтили на лицѣ моемъ ненависть? О! еслибъ я могла открыть вамъ мое сердце, вы нашли бы въ немъ одну пѣжную привязанность, всегда готовую излиться.

Челія. Не знаю, искренно-ли вы высказываете ваши чувства, но я желала-бы противнаго. Горько быть любимой тѣмъ, кого любить не можешь.

Клоринда. Васъ огорчаетъ моя дружба? неужели меня такъ очернили въ глазахъ вашихъ?

Челія. Мнѣ сказали.... Что я слышала, по вашей милости, должно было огорчить меня.... Но этотъ разговоръ для меня ужасно тягостенъ.... позвольте мнѣ уйти.

Клоринда. Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь! хоть этотъ разговоръ тягостенъ для васъ и грустенъ для меня, но мы должны объяснитьсь, это необходимо для насъ обѣихъ.

Челія. Но, Боже мой, я не судья вашихъ поступковъ.

Клоринда. А между тѣмъ, вы судите меня такъ строго! Да, жизнь моя виновна, сердце мое прегрѣшило, но знаете-ли вы отъ какихъ сильныхъ ударовъ! Но какъ вамъ это знать, съ вашей цѣломудренной, спокойной душою? ваша жизнь течетъ спокойно вамъ легко, быть добродѣтельной у васъ для охраненія чести есть семейство, а главное—вы счастливы! Гдѣ вамъ знать, что бѣдность шепчетъ въ молодыя уши во время скорбной бессонницы? Вы никогда не чувствовали голода, вамъ не понять, чѣмъ можно иногда пожертвовать за кусокъ хлѣба.

Челія. Я не знаю, что можетъ внушить бѣдность; но мнѣ кажется, что можно и не слѣдовать ея внушеніямъ, потому что мы видимъ много бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя однакожъ честны, не смотря на холодъ и голодъ.

Клоринда. Конечно, это доказываетъ высокое мужество, удивляйтесь ему, но пожалѣйте и о жертвахъ.

Челія. Да, онѣ жалки! жалки потому, что предпочли позоръ труду, голоду, смерти, потому, что навсегда отогнали отъ себя уваженъе, промѣнявъ несчастье на безчестье, потому наконецъ, что потеряли даже право на самое сожалѣніе.

Клоринда. Такъ вотъ ваше милосердіе? такъ ничто въ этомъ мірѣ, ни горькое раскаяніе, ни глубокія страданія, ни твердая рѣшимость исправиться, не въ силахъ заслужить у васъ прошеніе?

Челія. Вы меня заставляете говорить о страшных предметахъ, я не довольно свѣдуща, чтобъ вполне понимать ихъ; но если я принуждена отвѣчать, то скажу, кто раскаивается въ своей вѣнѣ, тотъ долженъ непамятовать ея плоды; ваше-же раскаяніе сомнительно, если вы такъ смѣло остаетесь на мѣстѣ, которое вамъ не принадлежитъ.

Клоринда. Я его не пятнаю и не должна оставить, я доказала другимъ образомъ мое раскаяніе, дѣломъ до того честнымъ и похвальнымъ, что оно равняетъ меня съ благороднѣйшими душами; стало быть, я имѣю все права на мѣсто, которымъ завладѣла и могу съ спокойной совѣстью занять его.

Челія. Ваше доброе дѣло, которому я охотно вѣрю, только начало раскаянія... добродѣтель представляется мнѣ священнымъ храмомъ, откуда выходъ имѣетъ лишь одну ступень, а входъ составляетъ лѣстница въ сто ступеней, по ней надо входить на колѣнахъ, ударяя себя въ грудь.

Клоринда. О, родъ счастливецвъ, непроницаемая фаланга! вы отвѣтите Богу за сокрушенныя души, которыя ваша строгость обратила опять къ пороку.

Челія. Богу, говорите вы? знайте, что честные люди измѣнили-бы Его святому правосудію, снисходя пороку. Приговоръ ихъ не только мщеніе порочнымъ, но вмѣстѣ и награда строгой добродѣтели, которая также чувствуетъ, на своемъ чердакѣ, и голодъ и холодъ, но не предается пороку.

Клоринда. Давольно, сударыня, довольно!

Челія. Я ухожу; я высказала вамъ больше, чѣмъ хотѣла; прощайте! въ первый и послѣдній разъ, я говорю о подобныхъ предметахъ. (*Уходитъ.*)

—

VII.

АННИБАЛЬ, КЛОРИНДА.

Аннибаль. Дѣвочка-то за словомъ въ карманъ не лѣзетъ. Ну, какъ тебѣ правится этотъ пріемъ, кающаяся грѣшница?

Клоринда. Теперь я каюсь только въ моемъ раскаяніи.

Аннибаль. На силу-то!

Клоринда. Такъ вотъ каково ихъ состраданіе! Хорошо-же, если я наказана за порокъ, то воспользуюсь и его выгодами. Я поставлю такъ высоко предметъ ихъ презрѣнія, что зависть заставитъ ихъ цѣнить его. — Дѣйствительно я была

слишкомъ добра, удостоивая этихъ мѣщанъ своею благосклонностию; что значитъ для умовъ истинно высокихъ уваженіе или ненависть этихъ мелкихъ людшекъ.

Аннибалъ. Славно сказано.

Клоринда. Меня отвергаютъ, тѣмъ лучше! моя судьба оттого будетъ еще блистательнѣе! тѣмъ болѣе, что въ моемъ намѣреніи нѣтъ ничего безчестнаго.

Аннибалъ. Ого!

Клоринда. Графъ хорошъ собою....

Аннибалъ. Прелестенъ.

Клоринда. Строенъ....

Аннибалъ. Какъ Аннолонъ!

Клоринда. Его щеки немножко блѣдны и впалы, но за то въ его наружности есть что то мужественное; его пристальный, спокойный взглядъ проникаетъ прямо въ душу и заставляетъ трепетать.

Аннибалъ. О! не говори: я самъ дрожалъ, какъ листъ.

Клоринда. Я чувствую, что могу его любить, а когда я его полюблю, то выдти за него замужъ, не значитъ обмануть его.

Аннибалъ. Чистенькая логика! но онъ то, съ своей стороны, воспламенится ли къ тебѣ любовью?

Клоринда. Пожаръ готовъ: душа его ужъ тлѣетъ, достаточно искры, чтобъ она запылала.

Аннибалъ. Славно! а высѣкать огонь ты мастерица! ну, Франка-Триппа, собирайтесь, разстанемся! Я теперь важный человѣкъ жениусь на богатой, — чортъ возьми! это мой господствующій вкусъ, и я мало удовлетворялъ его до-сихъ-поръ.

Клоринда. Тише! — вотъ и графъ.

VIII.

ТѢЖЕ И ФАБРИЦІЙ.

ФАБРИЦІЙ (*тихо*). Приму опять свой парадный видъ.

Клоринда (*тихо*). Поди лучше, займи Мюкарада.

Аннибалъ (*тихо*). Понялъ. (*Вслухъ*.) Такъ два червонца говоришь ты? сейчасъ бѣгу—и черезъ пять минутъ онъ будетъ у тебя. (*Къ Фабрицію*.) Извините.... Я спѣшу въ модный магазинъ.

ФАБРИЦІЙ. А! (*Всторону*.) Выдумка недурна и достойна этого гуся. (*Аннибалъ уходитъ, Клоринда садится*.)

IX.

ФАБРИЦІЙ, КЛОРИНДА.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Постараюсь какъ можно натуральнѣй разыграть простака. (*Громко*.) Онъ насъ оставилъ, а я душевно этому радъ, потому что до-сихъ поръ не успѣлъ еще вамъ вы-сказать до какой степени я удивленъ вашей добродѣтелью.

КЛОРИНДА. Развѣ добродѣтель для васъ новость?

ФАБРИЦІЙ. О! я еще не встрѣчалъ ничего прекраснѣе женщины съ непорочною и чистою душею, которая, чтобъ сохранить себя отъ окружающихъ ее соблазновъ, великодушно жертвуетъ своею молодостью и выходитъ за старика. Но выше всего, въ моихъ глазахъ, эта утонченная ложь, съ которой вы, для счастья старика, увѣраете его, что онъ любимъ. По моему, одна эта черта превышаетъ все, и переходитъ даже за предѣлы человѣческой добродѣтели.

КЛОРИНДА. Я принесла себя въ жертву — его счастье и хочу, чтобъ онъ не зналъ, чего не доставятъ его желаніямъ: это единственное средство доказать ему мою благодарность.

ФАБРИЦІЙ. О! вы истинный геній преданности и доброты. (*Всторону*.) Теперь минута молчанія и задумчивости можетъ подвинуть дѣло впередъ.... иногда лучшее краснорѣчіе состоитъ въ молчаніи.

КЛОРИНДА (*всторону*). Онъ въ смущеніи, не знаетъ, что начать.... Оставляю его въ этомъ положеніи, ничто такъ не способствуетъ любви, какъ это замѣшательство: чего не перескажешь въ часъ, передумаешь въ одну минуту.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Отъ сколькихъ глупостей избавляетъ меня это молчаніе, и сколько нѣжныхъ словъ, которыхъ мнѣ въ голову не приходило, подразумѣваетъ въ немъ эта барыня.

КЛОРИНДА (*всторону*). Какъ онъ стыдливъ, какъ вертитъ своей шляпой.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Она вѣрно полагаетъ, что я порядочный ямля.

КЛОРИНДА (*всторону*). Рѣшительно, этотъ тоже глупъ. Видно ужъ приговоръ судьбы таковъ, чтобъ я никогда не встрѣчала умнаго.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Кажется, теперь можно призваться, что я пылаю страстью. На этотъ счетъ женщины никогда не бываютъ недовѣрчивы.

Клоринда (*всторону*). Сколько въ немъ скопляется вѣжничанья, чувствительности и вздоховъ! — какая скука!

Фабрицій (*всторону*). На что мы похожи: на двухъ охотниковъ или на двухъ зайцевъ?

Клоринда (*всторону*). Теперь все сердце его должно быть на языкѣ. Заставимъ его объясниться. (*Громко.*) О чемъ вы задумались?

Фабрицій. О чемъ, сивьора... увы!

Клоринда. Вы вздыхаете?

Фабрицій. Простите... да, я вздыхаю и не хочу болѣе скрываться: узнайте: я васъ люблю.

Клоринда. Какъ, меня!

Фабрицій. Я долженъ бы молчать, но я задыхаюсь... повѣрьте, если я осмѣлился... О! будьте великодушны... Я самъ не знаю, что говорю... Я васъ люблю, вотъ все, что я знаю... (*Всторону.*) Кажется, эта бессмыслица хорошо изображаетъ волненіе моей души?

Клоринда. Я очень несчастна!

Фабрицій. Вы плачете?

Клоринда. И вы хотите, чтобы я не плакала? ударъ слишкомъ жестокъ! сносить оскорбленіе отъ того, кто одишь умѣлъ понять меня.

Фабрицій. Кто? я оскорбилъ васъ!... Я? когда все мое сердце полно вами.

Клоринда. Ваше признаніе доказываетъ больше ваше презрѣніе, чѣмъ любовь, потому что безъ тайной надежды встрѣтить во мнѣ легкомысліе, вы не сдѣлали-бы этой бесполезной попытки.

Фабрицій (*всторону*). Именно такъ. (*Громко.*) Я такъ далекъ отъ дерзкой надежды, что рѣшился проститься съ вами сегодня же вечеромъ.

Клоринда. Вы уѣзжаете?

Фабрицій. Да, уѣзжаю. Могу-ли я оставаться здѣсь и быть свидѣтелемъ этого роковаго брака?

Клоринда. Да, вы правы; уѣзжайте... это необходимо и для васъ и для... Вы меня скоро забудете.

Фабрицій. О! никогда, никогда!

Клоринда. Правда-ли это?

Фабрицій. Жестокая! вы сомнѣваетесь.

Клоринда. О, вѣтъ! потому что я буду васъ помнить, я буду всегда вспоминать вашу дружбу... но долгъ мой требуетъ, чтобъ все остальное было забыто. Не правда ли, мой другъ?

ФАБРИЦІЙ. Вашъ другъ! о, повѣрьте, я стою этого печальнаго и вмѣстѣ сладостнаго названія, потому что я повинуюсь.

КЛОРИНДА. О... благодарю! но будьте вполнѣ великодушны, уѣзжайте, не выдавъ меня болѣе, не простясь со мною.

ФАБРИЦІЙ. Не увидя васъ! это выше сплъ монахъ.

КЛОРИНДА. Къ чему разстравлять рану сердца?

ФАБРИЦІЙ. Чтобъ сдѣлать ее вѣчною, неизлѣчимою, потому что отнынѣ, все мое счастіе будетъ заключаться въ страданіи.

КЛОРИНДА. Но если я сама боюсь свиданія съ вами?

ФАБРИЦІЙ. Что я слышу?

КЛОРИНДА. Нѣтъ, не вѣрьте мнѣ, я сумасшедшая!

ФАБРИЦІЙ. Милый другъ! не откажите мнѣ въ послѣднемъ разговорѣ! (*Снаружи слышны шаги.*)

КЛОРИНДА (*живо*). Хорошо... послѣ ужина, здѣсь.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Bravo! она въ монахъ рукахъ.

—

X.

ТѢЖЕ, МЮКАРАДЪ. АННИБАЛЪ.

МЮКАРАДЪ. Мое почтеніе, ваша сія... (*Спохватясь.*) Здравствуйте, мой милый... Удивительно, какъ у меня сегодня языкъ заплетается! Неудобно-ли поужинать.

ФАБРИЦІЙ. Увольте меня, если можно, я не голоденъ.

МЮКАРАДЪ. Тѣмъ хуже; ѣсть самый здоровый обычай, впрочемъ, какъ угодно, я ничего не стѣсняю. Кто хочетъ ужинать, того прошу за мною! слышите, моя прелесть.

КЛОРИНДА. Пойдемте. (*Мюкарадъ идетъ впереди, Клоринда подлѣ Аннибала.*)

АННИБАЛЪ (*тихо*). Ну, какъ дѣла?

КЛОРИНДА (*тихо*). Ты видишь, онъ потерялъ аппетитъ.

АННИБАЛЪ (*тоже*). У влюбленныхъ это значитъ — потерялъ голову.

—

XI.

ФАБРИЦІЙ (*одинъ*). Истинный любовникъ долженъ сидѣть на діэтѣ, а если ѣсть, такъ по-крайней-мѣрѣ, въ тихомолку. Загляните, прекрасная Клоринда, въ ближній трактиръ, и вы увидите, хорошъ-ли у меня аппетитъ.

—

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

I.

ГОРАЦІЙ одинъ, потомъ ЧЕЛІЯ.

Гораций (*взлѣзая на балконъ*). Дядя мнѣ запретилъ переступить порогъ, но онъ не говорилъ объ окнѣ. Если онъ не точно выразился, я не виноватъ; впрочемъ, выгоняя меня отсюда, онъ вѣрно выразится гораздо понятнѣе.... пусть же ихъ аппетитъ послужитъ мнѣ сообщникомъ. (*Идетъ къ двери комнаты Челія.*) Челія! Челія!

Челія (*входя*). Какъ! ты осмѣлился опять придти?

Гораций. Не бойся, они еще не скоро отуживаютъ, мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Челія. Такъ говори скорѣе.

Горация. Я тебѣ удивляюсь — скорѣе! Да развѣ можно въ двухъ словахъ....

Челія. Чтожъ ты хочешь мнѣ сказать?

Гораций. Да что, по настоящему ничего.... Сколько-бъ я съ тобой ни говорилъ, все не выскажу тебѣ всего и во сто лѣтъ.

Челія. Милый Гораций.... Ахъ, сюда кто-то идетъ.... Уйди... я вся дрожу.

—

II.

ТѢЖЕ и ФАБРИЦІЙ.

Фабрицій. Не безпокойтесь — я васъ искалъ обоихъ. Клоурида попала въ мою западню: надо все приготовить для похищенія.

Гораций. Ты хочешь ее увезти?

Фабрицій. Это единственное доказательство, которому отецъ мой повѣритъ.

Гораций. Куда же ты ее повезешь?

Фабрицій. Разумѣется, въ мои владѣнія. Но дорогой я отрекусь отъ всѣхъ моихъ правъ.

Гораций. Ахъ, дорого бы далъ, чтобъ быть при этомъ отреченіи, и видѣть замѣшательство нашей интриганки.

Фабрицій. Я тебѣ все расскажу. Приготовь только карету, со всѣмъ нужнымъ для этого случая.

Гораций. А красотка согласна?

Фабрицій. Нѣтъ еще ; но ужъ готова на все согласиться. — Иду сейчасъ на приступъ и приготовлю ловкій маневръ, но чтобъ его привести къ концу вы мнѣ оба нужны.

Горацій. Что же намъ дѣлать ?

Фабрицій. Поддержать меня въ моей роли ; я играю наивнаго любовника ; но я на него очень мало похожъ ; и какъ ни роюсь въ памяти, никакъ не могу припомнить ни одной сладенькой нѣжности ; до-сихъ-поръ я отдѣлывался мечтательнымъ молчаніемъ.... она повѣрила всему, что я умолчалъ, но чтобы она повѣрила и тому, что я буду говорить, я долженъ напередъ обновиться немножко въ вашей любви. Ну, образецъ любовниковъ, покажите-ка мнѣ, какъ изъясняются въ любви безбородые страдалцы.

Горацій. Это довольно затруднительно.

Фабрицій. Вотъ народъ ! Да говори все то, что ты говорилъ до моего прихода.

Горацій. Я говорилъ.... что любовь любить тайну, и что всякій лишній свидѣтель возмущаетъ ее.

Фабрицій. Развѣ я въ числѣ лишнихъ ? Я васъ столько же стѣсняю, какъ и ваша тѣнь ?

Челія. Еслибъ моя тѣнь была предо мною въ то время, когда я говорю, то и она бы мнѣ мѣшала.

Горацій. Правда ! Помнишь ли ты, милой другъ, аллею, гдѣ я впервые узналъ твою душу ? (Фабрицію.) Мы шли съ нею по солнцу, — я ей говорилъ о любви ; наши тѣни слѣдовали за нами, вдругъ на одномъ поворотѣ онѣ явились передъ нашими глазами, въ ту самую минуту, когда милая Челія сказала мнѣ слово, которое должно связать судьбу нашу на вѣкъ.... Ужъ не знаю, тѣнь или призваніе виновато — но разговоръ нашъ прекратился и мы пришли домой, не сказавъ болѣе ни слова.

Челія. Да, но какое это было молчаніе, какія сладкія мечты ! души ваши молчали отъ избытка счастія ! Помнишь-ли ты, какъ въ эту минуту небо было прекрасно, какъ все вокругъ насъ улыбалось ? — Ахъ, мы одни улыбались цѣлой природѣ и этотъ небесный свѣтъ выливался изъ нашихъ сердецъ !

Горацій. Какъ коротка показалась намъ дорога къ дому !

Челія. Взойдя на крыльцо, ты упалъ на колѣна, поцѣловалъ мою руку, не говоря ни слова, и потомъ, какъ безумный, пустился бѣжать по полю.

Горацій. Я боялся встрѣтить кого-нибудь, боялся, чтобъ со мной не заговорили.... я въ упоеньи провелъ всю ночь подъ звѣзд-

нымъ небомъ, повторяя безпрестанно самому себѣ восхитительныя слова: — «Милый Горацій, я люблю тебя!»

Челія. Милый Горацій, я люблю тебя и клянусь, что кромѣ тебя никого не любила и никогда не полюблю. Я твоя съ дѣтства, и мое желаніе быть твоей до конца жизни.

Горацій. Съ дѣтства и навсегда! прошедшее, будущее — у насъ все общее, и надежда, и воспоминаніе!

Фабрицій. О! навсегда будь проклята женщина, которая совратила мою душу съ этого прямого пути! навсегда будь проклятъ первый поцѣлуй соблазна, — будь проклято все, что удалило меня отъ счастья!

Челія. Братъ!...

Фабрицій. Я чувствую всю важность моей потери. Моя старая рана еще глубже раскрылась. Гнѣвъ заступаетъ мѣсто презрѣнія, видя блаженство, котораго эти женщины меня лишили! Мало презрѣнія, нужна месть противъ этого безстыднаго и ядовитаго стродья. Безъ нихъ, мнѣ былъ-бы знакомъ чистый восторгъ непорочной любви; молодость моя разцвѣла-бы на солнцѣ, тихо наслаждаясь радостями плодотворнаго брака. Наконецъ, я беззаботно ожидалъ бы старости, среди красныхъ маютокъ и охотно простилъ бы быстрый полетъ времени, которое роста моихъ сыновей, увеличивало бы число моихъ морщинъ. Теперь этимъ счастіемъ я могу наслаждаться только глядя на васъ, но и видѣть его мнѣ ужъ будетъ пріятно.

Горацій. Бѣдный другъ!

Фабрицій. Тсъ! идуть.... это она.... оставьте насъ однихъ, а ты приготовь карету. Какъ ты выйдешь?

Горацій. Да также, какъ вошелъ.... Въ этомъ домѣ для меня дверей нѣтъ! (*Перелъзаетъ черезъ балконъ.*)

—

III.

ЧЕЛІЯ, ФАБРИЦІЙ и КЛОРИНДА.

Фабрицій (*всторону*). Ну, истерзанное сердце, затаи свой гнѣвъ!

Клоринда (*Челіи*). Не обижайтесь, я говорю съ вами отъ имени вашего батюшки: онъ приказалъ сказать, что ожидаетъ васъ внизу.

Челія. Иду. (*Уходитъ.*)

Клоринда (*всторону*). Прекрасно, я ловко стравила отца и

дочь и намъ здѣсь никто не помѣшаетъ. (*Громко.*) Вы видите, я сдержала слово.

ФАБРИЦІЙ. Счастливый старикъ! зачѣмъ не онъ уѣзжаетъ, и не я остаюсь.

Клоринда. Увы! я также спрашиваю, для чего судьба не привела меня спачала къ достойнѣйшему; если бы я встрѣтила васъ прежде, то могла бы любить, не измѣняя своему долгу.

ФАБРИЦІЙ. Меня любить! вы могли бы меня любить?... О Боже! что я слышу? Но нѣтъ, вы хотите только утѣшить меня сожалѣніемъ; я не вѣрю такому счастью....

Клоринда. О! еслибъ я могла еще располагать моимъ словомъ....

ФАБРИЦІЙ. Такъ ты меня любишь!... признаніе противъ воли у тебя вырвалось.... я ослѣпленъ блаженствомъ, какъ внезапнымъ лучемъ солнца.... О! не отпирайся отъ твоего сладостнаго признанія... повтори мнѣ его еще разъ.

Клоринда. Сжальтесь надъ моимъ сердцемъ.

ФАБРИЦІЙ. Я тебя обожаю! мы будемъ счастливы — да, мы еще можемъ быть счастливы, пока ты ничего не подписала, ни въ чемъ не дала обѣта....

Клоринда. Я обѣщала.

ФАБРИЦІЙ. Любовь не можетъ покоряться обѣщаніямъ, ты моя....

Клоринда. Увы!

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Въ чемъ-же у нея еще препятствіе?

Клоринда. Мое сердце разорвалось-бы на части при видѣ слезъ старика и его отчаянія; я скорѣе откажусь отъ всего.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). А! ея чувствительность не любить объясней, она бонется, что отецъ мой пойметъ всю ея полптику, это ясно. Успокоймъ ее. (*Вслухъ.*) Повѣрьте, гнѣвъ его былъ бы и для меня также непріятенъ, какъ для васъ его горе.... Пусть же тайный отъѣздъ освободитъ насъ отъ его слезъ....

Клоринда. Какъ.... бѣжать?

ФАБРИЦІЙ. Любишь ли ты меня на столько, чтобъ слѣдовать за мною? я бѣденъ!

Клоринда. О, ѣдемъ, ѣдемъ, когда хочешь.

ФАБРИЦІЙ. Благодарю, у ногъ твоихъ благодарю! (*Падаеть къ ея ногамъ, входить Мюкарадъ.*)

IV.

КЛОРИНДА, ФАБРИЦІЙ, МЮКАРАДЪ.

Мюкарадъ. Боже! что я вижу?... мой гость.... Какая нязость!

Клоринда (*тихо Фабрицію*). Избавьте меня отъ его отчаянія или я отъ всего отопрюсь.

Фабрицій (*всторону*). Она пожалуй, въ самомъ дѣлѣ отъ всего отопрется. (*Громко*.) Не гвѣвайтесь, синьоръ; — вы не имѣете причины быть ревнивымъ. Синьора отвергла мою преступную любовь (*Тихо Клориндѣ*.) За садомъ, на углу переулка.

Мюкарадъ. Не думаете-ли вы, что я хотя минуту въ этомъ сомнѣвался? Но какъ бы то ни было, сударь, вы меня оскорбили, и я надѣюсь, вы не противопоставите скрытый вамъ санъ моему справедливому мщенію.

Фабрицій. О какомъ санѣ говорите вы?

Мюкарадъ. Прекрасно,—ковчено: вы для меня теперь тоже, что первый встрѣчный.... такъ идемъ!

Фабрицій. Я во всемъ виновать и прошу у васъ прощенія. Кажется, этого довольно?

Мюкарадъ. Мнѣ этого мало.

Фабрицій. Самый щекотливый человекъ этимъ бы удовлетворился.

Мюкарадъ. Нѣтъ, сударь! честь моя не позволяетъ мнѣ принять того, что вы уступаете только моимъ лѣтамъ; свисхожденіе ваше для меня новое оскорбленіе, и я вамъ докажу, что я могу еще наказать вашу измѣну, со шпагою въ рукахъ.

Фабрицій. Право, я не знаю, что вамъ на это сказать.... но только я не могу съ вами драться и удаляюсь.

Мюкарадъ. Чортъ возьми! оставьте ваше наглое почтеніе, кажется у меня не сѣдые волосы.

Клоринда. Ваша честь удовлетворена, — вѣдь онъ вамъ уступаетъ.

Мюкарадъ. Не боятесь-ли вы, что эта дуэль сдѣлаетъ васъ смѣшнымъ? Но, милостивый государь, нельзя оскорблять всѣхъ и каждаго безваканно.... и мнѣ хочется вамъ дать урокъ.

Фабрицій. Государь мой! будьте осторожны....

Мюкарадъ. Какъ, мнѣ, осторожнымъ! Знайте, я еще не такъ старъ, чтобъ бояться своего гвѣва!... Я докажу вамъ кровной обидой, что сердце у меня еще кипитъ и рука довольно сильна... (*Подымаетъ руку.*)

ФАБРИЦІЙ. Батюшка!

МЮКАРАДЪ. Что?

ФАБРИЦІЙ. Слово сказано, притворяться нечего.... да, батюшка, это я; узнайте вашего Фабриція.

МЮКАРАДЪ. Это что за неумѣстная шутка? Фабрицій въ Мюнхенѣ.

ФАБРИЦІЙ. Нѣтъ, онъ здѣсь, у вашихъ ногъ.

МЮКАРАДЪ. Милостивый государь....

ФАБРИЦІЙ (*срывая съ себя парикъ*). Вглядитесь въ меня хорошенько.

КЛОРИНДА (*всторону*). А, гнусный обманщикъ!

МЮКАРАДЪ. Сынь мой! Въ какую минуту приходится мнѣ узнать тебя! что ты дѣлалъ у ногъ Клоринды? Почему сынь мой является ко мнѣ переодѣтымъ?

КЛОРИНДА. Вы не понимаете? Хитрость однако не новая: онъ хотѣлъ испытать мою честь.

МЮКАРАДЪ. А съ какаго права вздумалъ ты повѣрять мой выборъ? Не думаешь ли ты занять здѣсь прежнее мѣсто? Такъ знай же, твоя отлучка и неблагодарность отучили меня отъ глупой спсходительности. — Убирайся опять за-границу.

КЛОРИНДА. Синьоръ, вмѣсто наказанія, поблагодаримъ его, его обидное испытаніе даетъ мнѣ новый случай оправдаться въ позорномъ мнени *пройдохи*.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Она меня удерживаетъ.

МЮКАРАДЪ. Нужно благодарить Бога, онъ заботится о вашемъ оправданіи, что же касается до орудія, которое онъ для этого избралъ, то ему нѣтъ мѣста въ нашей радости.

КЛОРИНДА. Но сынь вашъ, предубѣжденный злою молвой, думалъ вывести васъ изъ ослѣпленія, хотѣлъ своей хитростью спасти васъ отъ самихъ себя.

МЮКАРАДЪ. Въ добрый часъ. На этомъ основаніи, пожалуй, можно простить ему общныя подозрѣнія, но съ этихъ поръ....

ФАБРИЦІЙ. Батюшка, обнимите же вашего Фабриція.

МЮКАРАДЪ (*тронутый*). Хорошо.... послѣ.... (*Всторону*.) А, шрамъ на лбу, который онъ получилъ, выпавъ у меня изъ рукъ до сихъ поръ не заросъ.... живи я сто лѣтъ, я и тогда не забуду этой минуты. Бѣдный мальчикъ, видя, что я блѣденъ и дрожу, шепталъ мнѣ: «Не плачь, папа, это ничего, я тебя люблю» и въ то время, какъ одною рукою ласкалъ меня, другою обтиралъ кровь съ своего милого личика.... Благодарю Тебя, Боже, что Ты

на старости возвращаешь мнѣ сына! Что это?... я плачу и мнѣ не стыдно моей слабости.

Фабрицій. Плачьте, плачьте! батюшка! въ этихъ слезахъ льется прошеніе неблагодарному страннику.

Мюкарадъ. Да, да, я тебя прощаю, отъ всего сердца прощаю! минута твоего возвращенія выкупила твое отсутствіе. Ты больше меня не покинешь, не правда ли?

Фабрицій. О никогда!

Мюкарадъ. Теперь я могу спокойно умереть на рукахъ моихъ дѣтей, въ кругу моего семейства. Ты теперь вразуми всѣхъ на счетъ этой благородной дѣвицы, ты самъ знаешь, чего она достойна.

Фабрицій. О, если наши родственники узнаютъ, что я сдѣлалъ и сколько нашелъ въ снѣборѣ великодушія, то надѣюсь, они всё раздѣляютъ мое уваженіе.

Клоринда. Не хлопочите объ этомъ; я увѣрена, что ваше доброе намѣреніе не принесетъ мнѣ пользы.

Фабрицій. Вы увидите.

Клоринда. Къ чему? Общественное мнѣніе не можетъ у меня отнять семейнаго счастья; отецъ вашъ—принадлежитъ мнѣ, а больше я ничего не желаю.

Фабрицій. При вашихъ доблестяхъ, вы слишкомъ скромны, я буду васъ прославлять изо всѣхъ силъ.

Клоринда. Вы за это ничего не получите... кромѣ моей благодарности.

Мюкарадъ. О! трогательный споръ! обвараужь предъ всѣми ея благородство, сынъ мой! наши граждане упорны въ своемъ презрѣніи, но твое свидѣтельство ихъ разувѣритъ. Какъ я счастливъ, какъ я радъ! я могу тебѣ, мой другъ, въ этомъ сознаться: до-сихъ-поръ я былъ увѣренъ только въ половину; клевета, которой преслѣдуютъ Клоринду тревожила меня въ глубинѣ души, хоть я и не очень поддаюсь чужому мнѣнію; но ты согналъ и это облако.

Фабрицій. Нѣтъ! сто разъ, нѣтъ! я не могу этого долѣе вынести! я знаю, вы мнѣ не повѣрите, но что за дѣло, моя хитрость такъ удалась, что я похитилъ бы снѣбору за четыре шага отсюда, если-бъ вашъ приходъ не помѣшалъ намъ.

Мюкарадъ. Опять за ложь! каковъ же лицемеръ! Какъ! послѣ всѣхъ твоихъ признаній, ты придумываешь новый обманъ? Чего же ты надѣешься отъ всѣхъ этихъ выдумокъ, какъ не моего гнѣва?

ФАБРИЦІЙ. Я ничего не надѣюсь. Но я терзаюсь и не хочу, молча, быть ея сообщникомъ. Я не останусь больше въ этомъ домѣ, но не могу уйти, не высказавъ тому причины.

МЮКАРАДЪ. Онъ сумасшедшій.

КЛОРИНДА. Послѣ того, какъ я его защитила! это, дѣйствительно, похоже на сумасшествіе.

ФАБРИЦІЙ. Клянусь...

МЮКАРАДЪ. Не передо мной, по-крайней-мѣрѣ, несчастный!

ФАБРИЦІЙ. Передъ вами, клянусь и призываю въ свидѣтели...

МЮКАРАДЪ. Замолчи! Дай мнѣ хотя уйти, не будь клятвопреступникомъ передъ твоимъ отцомъ. (*Уходитъ.*)

V.

ФАБРИЦІЙ, КЛОРИНДА.

КЛОРИНДА. Ну, что, сударь? кажется вы сами попались въ свои сѣти; очень жаль....

ФАБРИЦІЙ. Насмѣшка лишняя, я совѣтовалъ-бы вамъ лучше не раздражать мой гнѣвъ.

КЛОРИНДА. О! спустите, пожалуйста, это чудовище. До-сихъ-поръ, я еще не знаю, каковъ вашъ гнѣвъ, но должна вамъ сказать, что я такихъ чудовищъ ужъ очень много укротила. Наконецъ, откровенно говоря, вы бы меня очень стѣсняли, еслибъ не оказали мнѣ этой послѣдней обиды....

ФАБРИЦІЙ. Повинаю, вамъ нуженъ предлогъ, чтобъ выгнать меня отсюда?

КЛОРИНДА. Вы очень проникательны.

ФАБРИЦІЙ. Будьте покойны: я самъ не хочу быть свидѣтелемъ нашего безчестія. Если стыдъ войдетъ въ одну дверь, Фабрицій вѣрно выйдетъ въ другую.

КЛОРИНДА. Стыдъ? Побѣжденный всегда золъ, это понятно, но выраженіе слишкомъ грубо и переходитъ за предѣлы вашихъ правъ. Пусть для васъ честь моя — химера, но вспомните, по-крайней мѣрѣ, что я готовлюсь замѣнить вамъ вашу мать.

ФАБРИЦІЙ. Мою мать!... Презрѣнная!... мою мать! ты безстыдная лгунья, куртизанка! и смѣешь говорить объ этой добродѣтельной женщинѣ не на колѣнахъ!

КЛОРИНДА. Вспомните, вы говорите съ женщиной, сеньоръ.

ФАБРИЦІЙ. Не надѣйся прикрыться этимъ именемъ.... Ты женщина? Трусь развѣ человекъ? нѣтъ.... такъ я тебѣ говорю: женщина безъ стыда также презрительна, какъ мужчина безъ хра-

броси; потому что главное наше право на уваженіе заключается въ мужествѣ, а ваше—въ стыдливости. Ты замарала чистое достоинство женщины, не вспомниай-же о немъ, а старайся лучше, чтобъ и другіе его забыли. Ты одна помни о немъ, женщина безъ любви, безъ дѣтей, безъ супруга! помни и плачь! чуждая всемъ человѣческимъ чувствамъ, ты теперь уже носишь смерть въ жилахъ, и когда сойдешь въ могилу, въ тебѣ ничто не потухнетъ, кромѣ мелкой искры гордости! Вотъ твое наказаніе! О, ты была бы жалка, еслибъ не могла вредить, но когда я вижу, какъ ты, и тебѣ подобныя, вливаютъ ядъ въ самыя кроткія сердца, когда вы подлыми кознями втираетесь въ наши дома, чтобъ занять мѣсто честныхъ женщинъ, когда хотите подлѣ нашихъ сестеръ гордо подымать свое презрѣнное чело и воровать наше уваженіе, нашу любовь.... О! тогда..., прочь!...

Клоринда (*всторону*). Мнѣ страшно.

Фабрицій. Прочь!

Клоринда (*всторону*). Боже мой!

Фабрицій. И ты рассчитываешь на человѣческое уваженіе, безстыднѣйшая изъ женщинъ! Она думаетъ здѣсь безнаказанно упражняться въ своемъ ремеслѣ; завладѣть мною, отцомъ и нашимъ домомъ; осквернить эту комнату, гдѣ умирала моя мать.... пѣть! пѣть, если Правосудіе Небесное такъ медленно, я самъ раздавлю тебя, ехидна, на твоемъ пути.... (*Она бросается на Клоринду, которая вскрикиваетъ и падаетъ на колына.*) Я уйду, чтобъ не осквернить моей руки! (*Уходитъ. Клоринда остается на колынахъ, какъ пораженная громомъ. Входитъ Аннибалъ.*)

VI.

Клоринда на колынахъ, Аннибалъ.

Аннибалъ. Что это ты дѣлаешь?

Клоринда (*вставая*). Это ты меня унижилъ; ты меня лишилъ даровъ неба, изсушилъ сердце, низвергъ меня такъ низко! я хотѣла бы подняться и не могу! обиды и презрѣніе, которыя я испытываю, я обращаю на тебя, злодѣй! я тебя ненавижу, проклинаю тебя, и хотѣла бы переполнить тебя моимъ стыдомъ и отчаяніемъ.

Аннибалъ. Продолжай, продолжай: бранись, что дальше будетъ?

Клоринда. Негодяй! оставь меня! (*Уходитъ.*)

Аннибалъ. Иду за тобой, необъяснимая женщина! (*Уходитъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

I.

КЛОРИНДА, АННИВАЛЬ.

Клоринда. Передъ нимъ въ первый разъ почувствовала и трепеть; какой огонь въ его глазахъ.... и какъ онъ со мной говорилъ.

Анниваль. Кто?

Клоринда. Фабрицій.

Анниваль. Фабрицій?

Клоринда. Да, этотъ мнимый графъ....

Анниваль. Повятно! хитрецъ не слишкомъ тонокъ, и ты его накрыла.

Клоринда. Къ несчастью, да.

Анниваль. Ну, дѣлать нечего: придется выдти за старика.

Клоринда. О, вѣтъ! я хочу все разрушить.

Анниваль. Ба! это что за новый капризъ?

Клоринда. Я хочу возвыситься въ глазахъ Фабриція.

Анниваль. Фу, ты пропасть! я зналъ всегда, что ты надменная женщина, но никогда не думалъ, чтобъ твоя гордость заставила тебя пожертвовать славѣ—выгодою.

Клоринда. Тутъ не одна гордость.

Анниваль. Я ужъ не знаю, что и думать!

Клоринда. Думай. что хочешь, я сама не знаю, что со мною дѣлается, что я начну, какому побужденію послѣдую....

Анниваль. Ужъ не зацѣпилъ-ли и тебя крылатый божокъ любви?

Клоринда. Какая пылкая душа!... онъ едва меня не ударилъ!

Анниваль. А, такъ ты его любишь! любишь грубіяна! дура! баба! И какъ не во время... но ты всегда берегла свое сердце....

Клоринда. Я въ первый разъ встрѣтила человека, необузданное сердце, надъ которымъ я ничего не могу сдѣлать, мужество, передъ которымъ мое печезаетъ! Я чувствую, что я передъ нимъ слаба, ничтожна и горжусь этимъ.... я съ удовольствіемъ готова преклониться подъ его игомъ.

Анниваль. Пустячки! ты выйдешь за старика.

Клоринда. Никогда.

Анниваль. Что такое? Вздоръ! выйдешь—и сегодня-же, не

позже; полно ребячиться. Чувствительность въ дѣлахъ не годится. Если ты выжила изъ ума, такъ у меня хватитъ его на двоихъ. Я хочу этого брака, слышишь-ли, я хочу! Если Фабрицій тебѣ дорогъ, если ты цѣнишь его жизнь, такъ смотри, чтобъ воля моя была исполнена.

Клоринда. Что ты этимъ хочешь сказать?

Аннибалъ. Очень простую вещь: выбирай, или бракъ съ отцомъ или смерть сына.

Клоринда. Ты его зарѣжешь?

Аннибалъ. Фи! да что я, разбойникъ, что-ли? я изведу щеголя приличнымъ образомъ.

Клоринда. На поединкъ? ступай, я не боюсь: Фабрицій храбрѣ тебя.

Аннибалъ. Такъ чтожъ? славный Матапанъ Сиолетскій мнѣ показалъ одинъ секретный ударъ, которымъ я провижу самого лѣшаго.

Клоринда. А если такъ, то ты подлець.

Аннибалъ. Къ твоимъ услугамъ! Не выйдешь за старика, не увидишь твоего Фабриція! Но не воображай, что его пощажу, еслибъ даже я и не выигралъ ничего отъ его смерти. Я, видишь-ли, добрый малый, но спуску не даю. Помнишь дуэль мою съ Жуаномъ въ Валенціи?

Клоринда. Это ужасно!

Аннибалъ. Увѣряю тебя, что нѣтъ.

Клоринда. О, мой братъ.... Боже мой! что сказать.... Подумай, я вѣдь никого не любила до этого часа, сжался, посмотри: я плачу!

Аннибалъ. Не для того-ли, чтобъ разжалобить меня! это глупо! Ты можешь спасти своего дружка однимъ словомъ.

Клоринда. Но я заслужу его презрѣніе и ненависть.

Аннибалъ. А смерть его вѣрно не такъ тебя огорчитъ.... Славная любовь! нечего сказать.

Клоринда. Куда ты идешь?

Аннибалъ. Требовать отъ Фабриція удовлетворенія за оскорбленіе твоей чести.

Клоринда. Остановись, несчастный! Пусть онъ живетъ, пусть онъ живетъ! Я одна должна потерять въ этомъ выборѣ; изъ двухъ золь я выбираю меньшее, но пусть на тебя упадетъ моя горестъ. Дай Богъ, чтобъ ты полюбилъ и почувствовалъ презрѣніе любимой тобою женщины!

Отд. I.

Аннибалъ. Упреки послѣ. Теперь надо вооружить старика противъ Фабриція ; вотъ онъ идетъ.—Я съ нимъ заговорю.

II.

КЛОРИНДА, АННИБАЛЪ, МЮКАРАДЪ.

Аннибалъ. А, любезный шурецъ. Вы очень кстати пожаловали... я взбѣшенъ....

Мюкарадъ. Что съ вами ?

Аннибалъ. Хорошъ мальчикъ вашъ сынъ ! онъ ударилъ сестру мою.

Мюкарадъ. Мой сынъ !

Аннибалъ. Да, безъ церемоніи.

Мюкарадъ. Какъ ! ударилъ ?

Аннибалъ. Да, ударилъ.

Мюкарадъ. О гнусное чудовище ! какъ могъ я произвестъ на свѣтъ такого сына ; невѣроятно !

Аннибалъ. Да и мы не вѣримъ.

Мюкарадъ. Еслибъ это случилось при мнѣ, я раздавилъ-бы его, какъ вотъ... (*Хочетъ что-нибудь разбить и не находитъ.*)

Аннибалъ (*всторону*). Эффектъ не удастся, — нѣтъ никакой фарфоровой вещицы.

Клоринда. Онъ меня не....

Аннибалъ (*тихо Клориндѣ*). Молчи.

Мюкарадъ. Мѣра переполнилась, я его выгоню изъ дому.

Аннибалъ. Я прощаю ему обиду и считаю себя удовлетвореннымъ, если его выкинуть вонъ.

Мюкарадъ. Не бойтесь, я его выпровожу такъ, что онъ не попытается опять подойти къ моимъ дверямъ. А, кстати, вотъ и онъ.

III.

ТѢЖЕ, ФАБРИЦІЙ И ЧЕЛІЯ.

Мюкарадъ. Поди-ка сюда, буянъ.

Фабрицій. Я пришелъ проститься съ вами.

Мюкарадъ. Что ? какъ ? ты хочешь уѣхать, не попросивъ у меня прощенія ? не подождавъ даже, чтобы я тебя выгналъ ?

Фабрицій. Батюшка, я исполняю неизмѣнный долгъ, я обязанъ этимъ почтениемъ той, которой уже нѣтъ. Изъ вашего дома

изгоняется даже то, что самая смерть въ немъ оставила послѣдъ моей матери, и какъ нѣкогда я шелъ за ея гробомъ, такъ и теперь послѣдую за исчезающею о ней памятью.

Мюкарадъ. Прекрасныя рѣчи въ устахъ того, кто бьетъ женщинъ.

ФАБРИЦІЙ. Я билъ?

Мюкарадъ. Я все знаю, мнѣ все передано.

ФАБРИЦІЙ. Кѣмъ? ею?... да, правда.

Клоринда (*всторону*). Онъ даже не хочетъ обличить меня.

Аннибалъ. Повѣрьте, любезнѣйшій....

ФАБРИЦІЙ. Я съ вами не говорю....

Аннибалъ. Но....

ФАБРИЦІЙ. Хотя изъ совѣсти или благоразумія, не обнаруживайте, что вы здѣсь.

Аннибалъ. Чортъ возьми! вы ужъ слишкомъ важничаете, сударь!

ФАБРИЦІЙ. Можетъ быть, всякой говоритъ прилично своему значенію.

Мюкарадъ. Пожалуйста, безъ ссоры! капитанъ, будьте разсудительны и уступите ему.

Аннибалъ. Да, чтобъ не разгорячиться, я лучше уйду! я чувствую, что мнѣ пора ужъ освѣжиться. (*Уходитъ.*)

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Я тебя найду, негодай.

IV.

МЮКАРАДЪ, КЛОРИНДА, ФАБРИЦІЙ, ЧЕЛІЯ.

Мюкарадъ. Ты хотѣлъ ѣхать, прошу поскорѣе.

ФАБРИЦІЙ. Сестра прежде хочетъ вамъ кое-что сказать.

Мюкарадъ. Что еще?

Челія. Я хочу вступить въ монастырь, батюшка; позвольте Фабрицію отвезти меня въ обитель. Вѣроятно, эта госпожа не воспротивится этому.

Мюкарадъ. Какъ и дочь меня покидаетъ?... сынъ мой! и этотъ ударъ ты мнѣ наносишь!

ФАБРИЦІЙ. Могъ ли я при ней оставить мою сестру?

Клоринда (*всторону*). Какое презрѣніе.

Мюкарадъ. Ступайте-же! вы мнѣ раздраете душу; но я также гордъ, какъ вы неблагодарны; ступайте, жестокія дѣти, я васъ не удерживаю.

Челія. Простите мнѣ, батюшка: это необходимо. Вы теперь полны новаго счастья и новой страсти. Но я буду недалеко, и вы меня призовете, когда будете нуждаться въ дочери.

Фабрицій. Пойдемъ. (*Клоринда.*) Радуйтесь, сударыня, я ухажу и оставляю вамъ свободное поле и полную побѣду. Мы уносимъ отсюда только нашу честь и ничто вамъ болѣе не помѣшаетъ разграбить остальное наше достояніе.

Клоринда. О! это уже слишкомъ! сердце мое не можетъ вынести столько ударовъ. Фабрицій! я не заслуживаю такой жестокой муки. Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ; выслушайте меня, я оправдаюсь однимъ словомъ.

Фабрицій. Пойдемъ, Челія.

Клоринда (*Мюкараду*). Ахъ, сеньоръ, упростите, чтобъ онъ меня выслушалъ.

Мюкарадъ. Дай Богъ, чтобъ это слово мнѣ ихъ возвратило. (*Фабрицію.*) Выслушай ее. Я не приказываю, я прошу тебя. Сдѣлай это для того, чтобы остаться, какъ я готовъ все сдѣлать, чтобы удержать тебя.

Фабрицій. Повинуюсь, хоть это рѣшительно бесполезно.

Мюкарадъ. Оставимъ ихъ однихъ, дочь моя. (*Уходитъ съ Челіей.*)

—

V.

КЛОРИНДА, ФАБРИЦІЙ.

Фабрицій. Ну-съ, я слушаю... чего вы отъ меня хотите?

Клоринда. Правосудія. Да, я довольно страдала; вы меня презираете, ненавидите, мое присутствіе для васъ невыносимо, знайте-же, что я хотѣла...

Фабрицій. Что?

Клоринда. Ахъ, я несчастная! онъ мнѣ не вѣритъ, я не могу объясниться.

Фабрицій. Чтожъ вы меня задержали для того, чтобъ посмѣяться надо мною?

Клоринда. Я не осмѣливаюсь сказать слова, которое могло-бы меня оправдать, я боюсь, что оно повлечетъ за собою еще большее несчастіе. Но вѣрите мнѣ, сеньоръ, о вѣрите мнѣ, я нахожусь подъ властію желѣзной воли. Если вамъ нужны клятвы—клянусь, но бѣдная дѣвушка, чѣмъ могу я вамъ поклясться, у меня нѣтъ семейства, я никого не любила, и честь моя—вы ей не повѣрите!

ФАБРИЦІЙ. Если вы не разыгрываете передо мной комедію, то укажите мнѣ, гдѣ препятствіе къ вашему раскаянію, я его уничтожу.

КЛОРИНДА. Вы не можете этого.... я молчу.

ФАБРИЦІЙ. Чѣмъ лицемѣрить, будьте лучше тѣмъ, что вы есть — откровенной интриганкой.

КЛОРИНДА. Вы хотите звать препятствіе? — Это мой братъ.

ФАБРИЦІЙ. Нѣтъ! это уже слишкомъ! Вы, кажется, считаете меня черезъ-чуръ глупымъ.

КЛОРИНДА. Вы не вѣрите?

ФАБРИЦІЙ. Какъ? чтобъ этотъ пошлый дуракъ, этотъ ничтожный лакей вами управлял? По-крайней-мѣрѣ, сдѣлайте мнѣ честь, лгите покладнѣе.

КЛОРИНДА (*всторону*). Боже, мой! я не вынесу его презрѣнія.

ФАБРИЦІЙ. Напрягите вашъ умъ, выдумайте что-нибудь по-лучше.

КЛОРИНДА. Если я не выйду за вашего батюшку, братъ мой убьетъ васъ.

ФАБРИЦІЙ. Что-жъ вамъ въ моей смерти?

КЛОРИНДА. Я васъ люблю.

ФАБРИЦІЙ. Вотъ что!

КЛОРИНДА. Я знаю, я не имѣю на это права.... О! простите меня; не принимайте моего признанія за новую дерзость; я не льщу себѣ и остаюсь на моемъ жалкомъ мѣстѣ. Я знаю, любовь не добродѣтель, она не возвратитъ мнѣ моей потерянной чести; пороки слишкомъ вкоренились въ моемъ сердцѣ, а любовь вырываетъ изъ него только одинъ — гордость. Повѣрьте, я навсегда схоронила бы въ сердцѣ это грустное признаніе, если бы ваши вопросы не вырвали его насильно.

ФАБРИЦІЙ (*всторону*). Нѣтъ, это не можетъ быть новою хитростію; я обходился съ ней слишкомъ грубо, она дѣйствительно меня любитъ.... (*Громко*.) Вы хорошо сдѣлали, что мнѣ во всемъ признались, я вѣрю въ препятствіе и уничтожу его.

КЛОРИНДА. Но вы не можете драться съ негодяемъ.

ФАБРИЦІЙ. Правда, онъ недостоинъ этой чести, но я не взыскателевъ.

КЛОРИНДА. Онъ убьетъ васъ, какъ вы ни храбры; онъ дерется навѣрное и тайными ударами.

ФАБРИЦІЙ. Ну, пусть убьетъ. Будь я побѣжденъ или побѣдитель, все-таки вы будете чрезъ меня въ состояніи послушаться вашего сердца, и если смерть моя принесетъ счастье моимъ близ-

кимъ, я не рошу, она заплатитъ имъ мой долгъ и искупитъ мою жизнь. Но я надѣюсь лучшаго: ежели этотъ негодяй ловокъ, то и я не безрукой, къ тому-же на моей сторонѣ правое дѣло.

VI.

КЛОРИНДА, ФАБРИЦІЙ, АННИБАЛЬ.

Аннибаль. А! вы еще здѣсь, почтеннѣйшіи?

Фабрицій. И останусь здѣсь.

Клоринда. Онъ хочетъ вызвать тебя на дуэль; не соглашайся, братецъ. Онъ знаетъ все.

Аннибаль. Онъ все знаетъ? значить и наше условіе?

Клоринда. Я не виновата, онъ вынудилъ у меня признаніе.

Фабрицій. Такъ идемъ, безъ всякихъ предисловіи.

Аннибаль. Забавное предложеніе; это право принадлежитъ мнѣ, а я вамъ, кажется, не посылалъ вызова.

Фабрицій. Ты отказываешься? хорошо; но ты, безъ сомнѣнія, понимаешь, что я не остановлюсь на пустякахъ. Я поклялся избавить моихъ родныхъ и спасти семейную честь. И я достигну цѣли, какою бы ни было цѣною. Защищайся же, злодѣй, или я проколю тебя, какъ вора. *(Вынимаетъ шпагу.)*

Аннибаль. Тѣмъ хуже для васъ, я съумѣю защищаться. *(Вынимаетъ шпагу.)*

Клоринда. Остановитесь.

Фабрицій. Оставьте насъ.

Аннибаль. Онъ ничего не хочетъ слушать.

Фабрицій. Защищайся.

Аннибаль. Еще слово....

Фабрицій. Къ чему пустыя рѣчи?

Аннибаль. Дуэль эта для насъ обоихъ скверное дѣло: такъ лучше обдумаемъ врежде хорошенько; подрались мы успѣемъ. Вы вѣрно надѣетесь остаться побѣдителемъ.

Фабрицій. Разумѣется.

Аннибаль. Надежда педурна, но очень ненадежна. Я никого не хочу изводить измѣнически, знайте-же: Матапанъ Сполетскій мой учитель.

Фабрицій. А! такъ чтожь?

Аннибаль. Вы, можетъ быть, его знавали?

Фабрицій. Зналъ очень хорошо, я его убилъ.

Аннибаль. Что?

ФАБРИЦІЙ. Его-же знаменитымъ ударомъ.

АННИБАЛЪ. Какая басня! ударъ этотъ неотразимъ.

ФАБРИЦІЙ. Если ты на это только надѣешься, то напрасно. Становись!

АННИБАЛЪ. Позвольте; къ чему такъ торопиться; докажите, что вы знаете этотъ ударъ и тогда увидимъ.

ФАБРИЦІЙ. Я приколю тебѣ доказательство подъ лѣвое плечо.

АННИБАЛЪ. Если вы однимъ словомъ могли окончить нашу ссору, зачѣмъ же вы молчали?

ФАБРИЦІЙ. Затѣмъ, что мнѣ пріятно было-бы наказать тебя...

АННИБАЛЪ. Вы шутите?

ФАБРИЦІЙ. Нисколько. Ну, скорѣй, бездѣльникъ! насталъ послѣдній день твоего мошенничества.

АННИБАЛЪ. Сдаюсь.

ФАБРИЦІЙ. Поздно.

КЛОРИНДА. Снѣгоръ!

АННИБАЛЪ. Что за бѣшеный!

ФАБРИЦІЙ. Нѣтъ! надо избавить міръ отъ разбойника.

АННИБАЛЪ. Караулъ. *(Входитъ Мюкарадъ и Челія.)*

VII.

ТѢЖЕ, МЮКАРАДЪ, ЧЕЛІЯ, ПОГОМЪ ГОРАЦІЙ.

МЮКАРАДЪ. Что такое?

АННИБАЛЪ. Помогите! меня рѣжутъ во цветѣ лѣтъ.

ФАБРИЦІЙ. Подлецъ!

АННИБАЛЪ. Лучше я всего лишусь. *(Мюкараду.)* Не жени-тесь на моей сестрѣ.... онъ знаетъ Матапана!

МЮКАРАДЪ. На Клориндѣ?

АННИБАЛЪ. Я хватаюсь, негодяй, выгоните насъ поскорѣ....

ФАБРИЦІЙ. Трусь!

АННИБАЛЪ *(всторону)*. Дикой забіяка! спадацынь! онъ меня убилъ бы, какъ муху.

МЮКАРАДЪ. Клоринда?—Вы такъ испуганы, что теряете разсудокъ.

АННИБАЛЪ. Ахъ, снѣгоръ! онъ знаетъ мой ударъ, лучше, чѣмъ я самъ. Клоринда васъ обманывала.

КЛОРИНДА. Онъ разрушилъ очарованіе! но отъѣздъ мой не стоитъ вашей слезы; я недостойна даже вашего воспоминаія, все что вы во мнѣ любили, было одно притворство. Бѣдная куртизанка

разговяетъ облако, которымъ прикрывалась.... Взгляните на нее безъ маски—презрѣніе возвратитъ вамъ спокойствіе, которое она похитила.

Челія (*подведя Мюкарада къ креслу*). Батюшка!

Клоринда (*Фабрицію*). Я все сдѣлала, чтобъ онъ меня забылъ; теперь роль моя кончена, мнѣ остается только бѣжать.

Мюкарадъ. Она меня не любила!

Фабрицій (*Клориндѣ*). Благодарность моя послѣдуетъ за вами.

Аннибалъ. Ну, что? хороша плата за твою добродѣтель?

Клоринда. Да; потому что я уйду и не буду совѣмъ позабыта; среди оскорбленій свѣта, мнѣ въ утѣшеніе останется мысль: что есть въ мірѣ хоть одно сердце, въ которомъ я не такъ презрительна.... по крайней-мѣрѣ, въ моихъ воспоминаніяхъ я найду отраду.

Аннибалъ (*всторону*). Поищемъ щастія въ другомъ мѣстѣ.

Клоринда. Прощайте, сивьоръ. (*Она уходитъ съ Аннибаломъ.*)

Фабрицій. Прощайте. (*Всторону.*) А сердце ея вышло изъ рукъ природы добрымъ.

Челія (*Мюкараду*). У васъ остались Фабрицій и Челія.

Мюкарадъ. Фабрицій!

Фабрицій (*становясь на колѣна*). Да, батюшка, я вамъ оказалъ печальную услугу: вѣрьте, что я сочувствую вашему горю, и готовъ выкупить его лучшею моею кровію.

Мюкарадъ. Нѣтъ, пусть печаль моя смертельна, не излечима, но честь спасена, и за это я тебѣ обязанъ. (*Входитъ Горацій.*)

Фабрицій. Горацій, возьми руку моей сестры.

Горацій. Ахъ! добрый дядюшка!

Мюкарадъ. Будьте счастливы.

Горацій. Какая радость!

Фабрицій. Пусть нашъ домъ населяется птенцами.... А мы съ вами, батюшка, будемъ старшими между ними.

II.

ОТДѢЛЪ ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ.

=

ЛЪСНОЙ СКИТАЛЕЦЪ.

=

РОМАНЪ ГАБРИЭЛЯ ФЕРРИ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

ЛАГЕРЬ ЗОЛОТОИСКАТЕЛЕЙ.

Оставимъ на минуту Фабиана и его двухъ товарищей на островкѣ, гдѣ они искали убѣжища, и скажемъ нѣсколько словъ о войскѣ авантюристовъ и ихъ предводитель.

На десятый день похода, послѣ сценъ описанныхъ нами, сорокъ человекъ изъ нихъ пали подъ томагауками индѣйцевъ и подъ пытку лишений. Однако-же, не смотря на это ослабленіе, надежда и бодрость не покидали оставшихся — и сила была почти одинакова, какъ на сторонѣ авантюристовъ такъ и на сторонѣ индѣйцевъ, пре-

слѣдовавшихъ первыхъ съ ожесточеніемъ. — Тѣ и другіе были равно хитры и одинаково владѣли привычкою отыскивать почти незаметные слѣды пути, и алчность однихъ уравнивалась свирепостью другихъ.

Ни одна изъ предосторожностей не была забыта донъ Эстебаномъ, который имѣлъ даръ особеннаго предусмотрѣнія. До-тѣхъ-поръ, въ подобныхъ предпріятіяхъ, каждый человекъ дѣйствовалъ отдѣльно, доверяясь только самому себѣ и своей лошади. Испанецъ пріучилъ этихъ бродягъ къ дисциплинѣ и повиновенію.

Довольно было одной ответственности, лежавшей на донъ Эстебанъ, чтобы помрачить его чело: вотъ почему взоръ его былъ задумчивъ, когда онъ взошелъ въ приготовленную для него палатку; къ тому же, можетъ-быть, донъ Эстебанъ думалъ больше о прошедшемъ, чѣмъ о настоящемъ и будущемъ.

Испанецъ могъ сравнить теперь эвергію и предпримчивость Фабиана съ малодушіемъ Трагадура. Увлеченный событіями, Эстебанъ думалъ только отклонить племянника отъ предпріятого имъ пути; когда же послѣдній погибалъ въ клокотавшей безднѣ, бросая оскорбительную угрозу своему дядѣ, Эстебанъ ощутилъ въ своемъ сердцѣ какую-то страшную пустоту и тягостное предчувствіе.

Худо заживленная рана снова открылась въ его сердцѣ. Онъ достигъ почти всѣхъ предѣловъ своего честолюбія, но былъ боленъ отъ спокойствія; особенно съ той минуты, какъ въ его глазахъ гибнулъ юный Фабианъ. Теперь живое сочувствіе овладѣло имъ къ этому молодому человеку, который, при своей горячности и смѣлости, любимый доньею Розаритой, могъ-бы занять мѣсто Трагадура, дѣйствуя въ пользу плана, предпріятого имъ. Донъ Эстебанъ сожалѣлъ о томъ, что покорился обстоятельствамъ, и когда послѣдній представитель фамиліи Медіана исчезъ предъ его глазами, гордость заставила Эстебана пожалѣть о потерѣ наследника своего имени, который былъ такъ достоинъ носить его. Онъ думалъ, что послѣ него уже никто не увѣковѣчитъ этого имени. Сердце доня Эстебана было полно грусти; къ тому же и отсутствіе Кухилло сильно озабочивало его.

Между-тѣмъ бандитъ умѣлъ постоянно быть впереди индѣйцевъ и, замѣтивъ сквозь чащу кактусовъ и кустарниковъ укрѣпленіе, поставленное его товарищами, ѣхалъ не такъ быстро и съ меньшимъ стра-

хомъ, не желая отбить охоты у своихъ преслѣдователей гнаться за нимъ далѣе.

До лагеря было еще довольно далеко, и ни одинъ изъ бродившихъ около лагеря часовыхъ не могъ замѣтить бандита. Когда Кухилло увидѣлъ, что скакавшіе за нимъ индѣйцы также остановили своихъ лошадей, замѣтивъ столбъ дыму, вѣрный признакъ присутствія бѣлыхъ воиновъ, тогда и онъ удержалъ свою лошадь. Ему хотѣлось возвратиться къ своимъ, какъ можно позже, чтобы сдѣлать тамъ тревогу только въ послѣднюю минуту опасности. Зная хорошо привычки индѣйцевъ, онъ сохранялъ полное хладнокровіе въ этой опасной игрѣ. Онъ былъ увѣренъ что индѣйцы нападаютъ только превосходными силами, и прежде чѣмъ они рѣшатся напасть на лагерь, пройдетъ еще нѣсколько часовъ въ совѣщаніи старшинъ. Кухилло предвидѣлъ, что довольствуясь открытіемъ следовъ, дикари возвратятся назадъ, желая сообщить эту новость своимъ товарищамъ.

Бандитъ не обманулся; краснокожіе не замедлили возвратиться по направленію къ лѣсу, занятому ихъ главными силами.

Ободренный успѣхомъ своей хитрости, Кухилло, по удаленіи враговъ, прилегъ въ лощину и, прислушиваясь внимательно, снова былъ готовъ, при первомъ звукѣ опасности, продолжать свой путь. Онъ надѣялся, что, возвратясь въ лагерь за нѣсколько минутъ передъ схваткой, ему удастся избѣжать такимъ образомъ, среди суматохи, распросовъ дона Антоніо, пронизательность котораго его пугала.

«Завтра мы раздѣлили-бы эти богатства на шестьдесятъ частей, еслибъ я не придумалъ средства, которое, къ концу дня, уменьшитъ число моихъ товарищей на добрую четверть; а теперь пусть эти красные и бѣлые храбрецы-душатъ другъ друга сколько имъ угодно, а я...» Такъ думалъ бандитъ, какъ вдругъ отдаленный шумъ, похожій на выстрѣлъ изъ карабина, внезапно прервалъ его размышленія. Звукъ этотъ, ослабленный разстояніемъ, казалось, принесся съ сѣвера.

Въ-самомъ-дѣлѣ это было по направленію рѣки, среди которой возвышался островокъ, занятый Боа-Розе и его двумя товарищами.

«Странно, что подобный звукъ раздался оттуда, — сказалъ самъ себѣ Кухилло, обращая глаза на сѣверъ: — лагерь бѣлыхъ на востокъ, а красныхъ на западъ.»

Раздался второй выстрѣлъ, потомъ третій, и послѣ довольно продолжительнаго промежутка послѣдовала довольно сильная перестрѣлка.

Сердце сжалось у Кухило, когда онъ подумалъ, что другая многочисленная партія бѣлыхъ, независимая отъ той, которую онъ провозжалъ, шла также за сокровищами и предметомъ его надежды.

Но скоро бандитъ понялъ неосновательность своего страха, вспомнивъ, что на всемъ пути своего слѣдованія, онъ не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ, оставленныхъ въ степи бѣлою партіею; успокоившись, онъ заключилъ, что выстрѣлы сдѣланы какими-нибудь американскими охотниками въ схваткѣ съ апахами, при переездѣ Мексиканской границы.

Оставимъ Кухило съ его предположеніями и возвратимся въ лагерь, гдѣ также слышали перестрѣлку, дѣлая на счетъ ея тысячу предположеній.

Насталъ вечеръ. Красныя облака на западѣ еще показывали огненный слѣдъ солнца. Ночная свѣжесть повѣяла на землю; и вскорѣ послѣдніе отблески дня замѣнились яркимъ, серебристымъ лучемъ луны. При этомъ освѣщеніи видъ лагеря былъ дивно живописенъ. На вершинѣ холма, господствовавшего надъ всею окрестностію, возвышалась палатка предводителя экспедиціи, украшенная флагомъ и звездами. Слабый огонекъ, проникавшій сквозь полотно этой палатки, показывалъ, что предводитель бодрствовалъ за всѣхъ. Огонь разложенный въ ямахъ, за оградой камней, обливалъ поверхность земли красноватымъ заревомъ.

На случай ночной атаки, въ разныхъ частяхъ лагеря были приготовлены кучи сухихъ сучьевъ, и стоило только зажечь ихъ, чтобъ осветить окрестность на нѣсколько верствъ.

Одни изъ авантюристовъ лежали, другіе занимались приготовленіемъ ужина; лошади и вьючные мулы, чавкая свою порцію сарачинскаго пшена, дополняли эту картину. Беззаботность и рѣшительность, выразившіяся на загорѣлыхъ лицахъ скитальцевъ, достаточно доказывали, что они всю заботу о своей защитѣ предоставили бдительности избраннаго ими начальника.

У входа въ палатку, какъ бульдогъ на сторожѣ дома, растянулся беззаботно какой-то человекъ. По его длиннымъ волосамъ, по гитарѣ, лежавшей возлѣ карабина, и по оборванному плащу, легко было узнать въ немъ гамбузино Ороха. Онъ, то созерцалъ блестящія звезды, то поправлялъ хворостъ пылавшаго костра. Лунный свѣтъ, переливаясь въ облакахъ дыма, отражался радужными цвѣтами въ ту-

манъ, покрывавшемъ на западъ вершины горной цѣпи, въ то время, какъ позади тельгъ блистали карабины и зоркіе глаза прохаживающихся часовыхъ.

Въ толпѣ людей, лежавшихъ ближе къ повозкамъ, находились : Бенито, слуга дона Эстевана, Бораджа и Педро-Діазъ. Вся трое бесѣдовали въ полголося.

— Сеньоръ донъ Бенито, — спросилъ Бораджа у стараго слуги, — ты такъ искусно объясняешь всякій звукъ пустыни и льсовъ, не можешь-ли сказать намъ, что значать эти ружейные выстрѣлы, которые послѣ обѣда, сегодня, мы постоянно слышимъ? Признаться, я мало знаю нравы индѣйцевъ.... Объясни пожалуйста, только безъ ужасныхъ недомолвокъ, которыя ты такъ искусно умѣешь влетать въ свои рассказы.

— Я думаю, что индѣйцы мучаютъ теперь какого-нибудь плѣнника, — отвѣтилъ Бенито.

— Такъ ты думаешь, что они успѣли захватить кого-нибудь въ этихъ пустыняхъ?

— Отчего-же и нѣтъ? — продолжалъ старшій вакеро. — Вотъ уже прошло два дня, какъ ушелъ нашъ другъ Кухилло, и я не даромъ боюсь, что эти разбойники гуляютъ теперь на его счетъ; и если они выдѣлываютъ съ нимъ то, что когда-то выдѣлывали со мною, какъ я былъ въ ихъ рукахъ, то, да приметъ Богъ его душу!

— Но, что-же они дѣлали съ тобою? Эти муки не должны быть такъ страшны, когда ты успѣлъ уйти отъ нихъ.

— Г-мъ.... ты думаешь? Такъ я тебѣ скажу, что содрать съ головы кожу, разорвать на куски тѣло и сжечь его на медленномъ огнѣ, ничто передъ этими муками.

— Дьявольщина! — вскричалъ Бораджа. — Что-же они съ ума сходятъ что-ли въ то время, когда забавляются такими муками?

— О нѣтъ! напротивъ, они дѣлаютъ это въ хорошемъ расположеніи духа, потому-что они всегда довольны, если имъ удастся захватить кого-нибудь въ плѣнъ. Вотъ почему, если несчастіе приведетъ тебя въ ихъ руки, другъ Бораджа, то моли Бога, чтобъ апахи были въ хорошемъ расположеніи духа и веселы въ тотъ день.... тогда они будутъ тебя мучить жестоко, но по-крайней-мѣрѣ не долго.

— Такъ, минутъ пять, или шесть?

— Пять или шесть часовъ ; иногда болѣе, но....

Въ это время приходъ Ороха прервалъ Бенито.

— Сеньоръ Діазъ,—сказалъ Орохъ,—донъ Эстебанъ хочетъ поговорить съ вами и проситъ васъ въ свою палатку.

Діазъ всталъ и пошелъ за посланнымъ, оставляя Бораджу и Бенито продолжать начатый разговоръ.

— Какой озабоченный видъ у дона Эстевана!...—сказалъ Бенито.— Я замѣчаю, что онъ потерялъ веселость еще съ тѣхъ поръ, какъ лошадь сбросила въ пучину этого молодаго чловѣка, который насъ преслѣдовалъ, но сегодня онъ насмуривъ обыкновеннаго.

Совѣсть Бораджи не была спокойна въ этомъ дѣлѣ: онъ также стрѣлялъ въ свою очередь по испанцу и Фабіану, а потому-то онъ поспѣшилъ воротиться къ прежнему разговорю.

— И такъ, вы говорите,—сказалъ Бораджа,— что эти муки продолжаются часовъ пять или шесть, но....

— Но никогда не менѣе. Ты самъ увидишь изъ моего разсказа, что пять или шесть часовъ мученія стоятъ иногда болѣе двадцати четьрехъ....

— Брось всѣ свои исторіи! — вскричалъ Бораджа,— я не понимаю, что у меня за страсть вѣчно тебя разспрашивать!

— Это ужасно, но поучительно, и такъ, какъ ты можешь сегодня или завтра попасть въ руки индѣйцевъ, то тебѣ полезно знать ожидающую тебя въ этомъ случаѣ участь: это все-таки утѣшеніе за немнѣиѣмъ лучшаго! — сказалъ Бенито.

— Перестань пожалуйста,—отвѣчалъ Бораджа, тяжело вздыхая:— я вижу по всему, что занятіе золотоискателей проклятое ремесло!

— Не знаю, справедливо-ли это или нѣтъ,—продолжалъ разсказчикъ,— но я всегда думалъ такъ: чему быть, того не миновать, а отсюда слѣдуетъ, что не надо ничего бояться. Вотъ почему, попавъ въ руки индѣйцевъ, я сказалъ себѣ: пусть они дѣлаютъ со мною, что хотятъ, а если мнѣ не суждено умереть, то я буду живъ. Въ этотъ день индѣйцы, какъ нарочно, были въ убійственномъ расположеніи духа, потому что мы не дурно посчитали ихъ въ одной схваткѣ. Сначала они пустились разсуждать, и я видѣлъ по ихъ жестамъ, какъ одни предлагали меня скальпировать, другіе содрать съ живаго кожу, третіе изрѣзать въ кусочки. Наконецъ предводитель, раз-

драженный болѣе всѣхъ, уговорилъ своихъ воиновъ привязать меня къ столбу и учиться на мнѣ стрѣлять изъ карабиновъ.

Въ этотъ день они не находили для себя удовольствій и я моею особою долженъ былъ забавлять ихъ.

Вслушиваясь въ ихъ разговоръ — и понимая изъ него нѣсколь-ко словъ, я подумалъ, что такъ, какъ они, противъ своего обыкновенія, не хотятъ ни содрать мнѣ съ головы кожу, ни сжечь, то я какъ-нибудь избавлюсь отъ всякой другой казни. Въ самомъ дѣлѣ, отъ восхожденія до захожденія солнца, я служилъ цѣлью ихъ карабинамъ. Каждый воинъ, въ свою очередь, выходилъ впередъ, прицѣливался въ мою голову и стрѣлялъ. Такимъ образомъ я получилъ двѣсти-восемьдесятъ-четыре удара, ни больше, ни меньше; я считалъ ихъ для развлеченія, потому-что время для меня тянулось очень медленно.

— Я думаю! — вскричалъ Бораджа, совершенно убѣжденный въ истинъ словъ разскащика. — Но, сеньоръ Бенито — замѣтилъ онъ, ты, кажется, шутишь надъ нами, съ твоими двѣсти-осьмидесятью-четырьмя ударами изъ карабиновъ?

— Что-жъ дѣлать; нельзя ни одного убавить. Я ужъ тебѣ сказалъ, что индѣйцы были очень раздражены, и чтобъ хоть не много себя утѣшить, хотѣли заставить меня умереть отъ страха. Худшіе изъ стрѣлковъ, которые могли-бы нечаянно разможжить мнѣ голову, стрѣляли холостыми зарядами. Я узналъ это послѣ. Лучшие стрѣляли пулями и болѣе двухъ-сотъ разъ я слышалъ шипѣніе свинца въ моихъ волосахъ. Видя однако, что, не смотря на ихъ выстрѣлы, я живъ, они меня отвязали.

«Двѣнадцать часовъ я былъ привязанъ къ столбу, и могу сказать, что былъ разстрѣлянъ двѣсти-восемьдесятъ-четыре раза.

«Неужели тебѣ кажется, — продолжалъ разскащикъ, — что это не страшнѣе самой ужасной казни? Если приближеніе одной смерти доставляетъ иногда столько тоски самымъ храбрымъ, то неужели ты думаешь, что изнывать этой тоскою, двадцать разъ въ одинъ часъ, то есть, одинъ разъ въ три минуты не составляетъ адской муки... Не долженъ-ли я былъ каждое мгновеніе ждать, что эта варварская забава придетъ къ своему концу, и каждый выстрѣлъ считать роковымъ.

Два собесѣдника замолчали; Бенито вспоминалъ свою юность и задумался; Бораджа наострилъ уши и прислушивался, казалось, къ

тишинѣ пустыни, въ которой разыгрываются иногда такія страшныя драмы.

Мысль объ ужасной пыткѣ, продолжающейся пять или шесть часовъ, иногда болѣе, но никогда не меньше, о этихъ двухъ-стахъ-осьмидесяти-четырехъ ударахъ, изъ которыхъ старый вакеро не хотѣлъ ни одного убавить, все это привело въ страшное уныніе Бораджу.

Между тѣмъ непобѣдимое любопытство заставляло его, противъ воли, продолжать свои разспросы.

— И такъ ты думаешь, — сказалъ Бораджа, — что это одинъ изъ нашихъ служить забавою индѣйцамъ ?

— Кухилло или посланный по его слѣдамъ Гайферось ; тотъ или другой, или, можетъ быть, оба вмѣстѣ, — отвѣчалъ Бенито ; — и дай Богъ, чтобъ у нихъ достало силы сохранить тайну о мѣстѣ нашего лагеря въ этихъ мѣстахъ !

— Ты этого боишься ? — спросилъ Бораджа.

— Индѣйцы дьявольски любопытны, и при томъ-же у нихъ есть такія средства для исторженія тайнъ, что они покажутся невѣроятными. Хотя, благодаря ловкости Педро Діаза, они потеряли наши слѣды, но нескромность одного изъ плѣнниковъ можетъ привести ихъ въ нашъ лагерь.

— Какія ужасныя вещи ты говоришь мнѣ ! — пробормоталъ Бораджа.

— Ужасныя, но поучительныя, повторяю тебѣ : помнишь-ли ты тигровъ ?

— Избави Богъ, чтобъ это когда-нибудь еще повторилось... по крайней-мѣрѣ я помню, что мы имѣли тогда дѣло только съ двумя врагами, а теперъ ихъ....

— Не будетъ и сотни, — перебилъ старый пастухъ : — Индѣйцы рѣдко ходятъ большими партіями, — продолжалъ онъ, и при этомъ старый пастухъ остановился, поворотилъ голову на право и на лѣво. — Инстинктъ лошадей никогда меня не обманываетъ, — сказалъ онъ. — Вотъ посмотри : наши лошади перестали жевать свой мансъ и, кажется, къ чему-то прислушиваются.

Бораджа вздрогнулъ и поблѣднѣлъ отъ страха.

— Вотъ благородный скакунъ Педро-Діаза, — продолжалъ флег-

матически Бенито, — посмотри, какъ онъ вытягиваетъ шею, будто чувствуетъ опасность, которая грозитъ ему и его господину.

— Чтожь это значить?

— Пока ничего; но если эти животныя перестаютъ есть, раздуваютъ ноздри, вытягиваютъ шею, дрожать и глухо храпятъ, это значить, что индѣйцы не далеко. Домашнія животныя бояться индѣйцевъ, также какъ и тигровъ.

— Саганба! — сказалъ Бораджа, — ужь не хочешь-ли ты пропѣть гимнъ индѣйцамъ, какъ тиграмъ.

— Отчего-жь и нѣтъ? я отдаю справедливость нашимъ врагамъ. Но успокойся, мулы начали снова есть, и лошадь Діаза, кажется, напрасно потревожилась. Посмотримъ, что дѣлается вокругъ лагера.

Бенито и Бораджа подѣзли подъ тельги, чтобы осмотрѣть молчаливую окрестность; но ничто не показывало приближенія опасности.

Сторожевой проходилъ въ это время мимо ихъ.

— Не слыхалъ-ли ты чего-нибудь? — спросилъ Бораджа.

— Ничего, — отвѣчалъ часовой. — Мнѣ послышалось только лошадиное ржаніе въ одной изъ долинъ, которыя тамъ видныются, но вѣрно я обманулся. Не смотря на все это мнѣ очень странно, что ни Кухилло, ни Гайферось не возвращаются.

Сказавъ это, часовой опять началъ свою прогулку, а разговаривавшіе снова возвратились на прежнее мѣсто.

— Неблагоразумно, — продолжалъ Бенито: — при всѣхъ, взятыхъ донъ Эстебаномъ предосторожностяхъ, поддерживать этотъ столбъ дыму съ самаго обѣда и даже теперь: дымъ въ такую ясную ночь изъ далека виденъ.

— Согласенъ, — сказалъ Бораджа, — но нуженъ-же какой-нибудь знакъ, по которому-бы насъ могъ отыскать Кухилло. Съ одной стороны челолюбіе, а съ другой и нашъ собственный интересъ заставили предводителя принять эту предосторожность, конечно довольно опасную.

— Что касается до челолюбія, то я не говорю ни слова, но наша личная выгода! Путникъ, который-бы последовалъ за блуждающимъ огонькомъ, вѣрно попалъ-бы въ болото.... что-же касается Кухилло, то онъ, по своей физиономіи, кажется мнѣ однимъ изъ тѣхъ проводниковъ, которые приведутъ....

— Ты не слыхалъ, что говорятъ между собою наши товарищи ?

— Какъ-же ! Они говорятъ, что экспедиція эта принята не на удачу, какъ въ прежнія, и что донъ Эстебанъ знаетъ огромную розсыпь въ этихъ пустыняхъ.

— Безъ сомнѣнiя, онъ знаетъ о ея существованiи, но не знаетъ гдѣ, и я имѣю свои основанiя думать, что Кухилло знаетъ объ этомъ болѣе нежели говорить, и его смерть будетъ для насъ невознаградимой потерей.

— Не думаю, — возразилъ старый слуга, качая головою : — физиономiя Кухилло одна изъ тѣхъ, въ которыхъ не обманывается опытный глазъ. Впрочемъ теперь я желалъ-бы обмануться.

— О ! тебѣ все кажется въ черпомъ цвѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ, я долженъ казаться зловѣщей птицей. Никто меньше меня не боится опасности, а между тѣмъ природа одарила меня больше другихъ способностью предугадывать бѣду; и даже сегодня вечеромъ какой-то внутреннiй голосъ говоритъ мнѣ : будь остороженъ... а зачѣмъ и для чего?... А ! — продолжалъ онъ, — животныя опять перестаютъ ѣсть, и прислушиваются !

— Лишь-бы они не дрожали, — замѣтилъ Бораджа.

— То есть, лишь-бы они не пугали тебя, — окончательно сказалъ старый вакеро. Что касается до меня, то я совершенно предаю моему правилу : чему быть — тому не миновать, и потому разстилаю мой плащъ и ложусь спать.

Закрываясь своимъ плащемъ и фатализмомъ, Бенито растянулся на землѣ, положивъ голову на сѣдло.

Бораджа, къ его собственному несчастiю, не былъ одинаковыхъ убѣжденiй съ пастухомъ. Его воображенiе рисовало тысячу страшныхъ картинъ, которыя такъ легко возстаютъ въ торжественной тѣмѣ пустыни. Каждую минуту ему чудилось, что вой индѣйцевъ готовъ нарушить глубокое молчанiе ночи, скрывавшей въ себѣ столько опасностей, изъ которыхъ самая малая могла-бы поднять дыбомъ волосы на головѣ храбраго. Ночью и храбрый человекъ ощущаетъ иногда минуты слабости, а нашъ разорившiйся гацiэндеро хотя не былъ трусомъ, но не могъ похвастаться и отвагой.

Напрасно онъ старался подражать сколько-нибудь своему товарищу. Онъ былъ еще новичекъ на этомъ пути опасностей и приключенiй, и не имѣлъ философской беззаботности Бенито ; какъ тотъ,

онъ не былъ убѣжденъ, что передъ неизбежною опасностью остается только склонить голову, и находилъ, что въ такомъ случаѣ лучше бѣжать. Но въ этой пустынь, блестящей какъ поверхность озера, подъ лучами мѣсяца, смерть была всюду, и бѣжать изъ лагеря было также опасно, какъ кинуться съ борта гибнущаго корабля въ безмѣрный океанъ, гдѣ гнѣздятся только жадныя акулы.

Авантюристы, утомленные длиннымъ переходомъ, спокойно спали на песокъ, и только одни шаги часовыхъ нарушали молчаніе пустыни. Эта безмятежная тишина начала было нѣсколько успокоивать Бораджу, какъ вдругъ вечерній вѣтеръ донесъ звукъ выстрѣла, совершенно подобнаго тѣмъ, которые были слышны въ продолженіе дня. Это обстоятельство показывало, что предположенія стараго вакера на счетъ казни пльнника были ошибочны.

Бораджа толкнулъ локтемъ стараго слугу.

— Тамъ опять стрѣляютъ! — сказалъ онъ.

Вакеро сталъ прислушиваться.

— Правда; но если эти выстрѣлы не означаютъ, что Кухилло или Гайферосъ служатъ целью индѣйскимъ карабинамъ, то я очень радъ и желаю вамъ спокойной ночи! — сказалъ Бенито. Онъ снова закрылся плащемъ; но въ тоже мгновеніе храпніе [муловъ опять заставило его поднять голову. — А! — сказалъ онъ: — красные не далеко.

Въ глубинѣ долины послышалось ржаніе лошади и крикъ тревоги, и въ тоже время какой-то всадникъ прискакалъ во всю прыть къ лагерю. И, какъ будто для послѣдняго сигнала опасности, инстинктъ, казалось, заставилъ замолчать животныхъ; но они дрожали; ихъ глухое храпніе замѣнилось судорожнымъ движеніемъ.

— Это Кухилло! — вскричалъ пастухъ, при видѣ подскакавшаго всадника. Потомъ онъ прибавилъ такъ тихо, что одинъ Бораджа могъ его слышать:

— Пусть бережется путникъ, когда увидитъ блуждающій огонекъ.

II.

ОБРАЩЕНІЕ ДІАЗА.

Въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, донъ Эстебанъ Арехиза бодрствовалъ въ своей палаткѣ, предоставивъ покой и сонъ въѣрившимся ему

авантюристамъ; при тускломъ мерцаніи свѣчи, не смотря на скромное убранство своего жилища и на запыленное платье, испанецъ по прежнему держался гордо, съ достоинствомъ.

Послѣ того какъ мы видели его въ первый разъ, онъ загорѣлъ, что придавало лицу его еще болѣе энергіи. Онъ, казалось, былъ также задумчивъ, какъ и въ то время, когда, сойдя съ лошади, вошелъ въ приготовленную для него палатку; но его думы не были уже такъ мрачны. Наканунъ того дня, которымъ должны были осуществиться его обширныя намѣренія, донъ Антоніо де-Медіана успѣлъ по-крайней-мѣрѣ на время сбросить съ души своей тяжелый гнетъ: надежда на несомнѣнный успѣхъ нѣсколько оживила его.

Онъ поднялъ пологъ, служившій дверью его палатки, чтобы взглянуть на людей покоющихся подъ его охраненіемъ и на мрачный горизонтъ, за которымъ скрывались Туманныя Горы. Онъ, казалось, хотѣлъ сравнить свои средства съ той цѣлю, къ которой стремился. Видъ шестидесяти человекъ, доврившихся его волѣ, возбудилъ въ немъ другія мысли.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ, — говорилъ испанецъ самъ себѣ: — я также командовалъ, и почти такимъ-же числомъ отважныхъ моряковъ. Въ то время я былъ только младшимъ сыномъ нашего дома, и они помогли мнѣ завоевать мое наслѣдство... да, оно было точно мое. Но тогда я былъ въ самомъ цвѣтѣ молодости и впереди меня была цѣль... Я достигъ этой цѣли, даже опередилъ ее, и вотъ теперь, на склонѣ моей жизни, когда мнѣ уже нечего желать, я блуждаю по пустынямъ, какъ некогда блуждалъ по морямъ! Зачѣмъ?

— За тѣмъ, — отвѣтила ему совесть, — чтобы забыть одинъ страшный день своей жизни.

Луна сверкала на карабинахъ, построенныхъ въ пирамиды, и освѣщала шестидесять человекъ закаленныхъ въ опасностяхъ, воздержныхъ, неутомимыхъ, смѣявшихся и надъ жаждой и надъ палящими лучами солнца. Вдали, блѣдно-золотистымъ отливомъ паръ игралъ въ туманъ горъ, у подошвы которыхъ растилалась Золотая Долина.

— Зачѣмъ? — повторилъ донъ Антоніо.

И онъ отвѣчалъ:

— За тѣмъ, что мнѣ остается еще завладѣть безчисленными сокровищами и обширнымъ государствомъ.

Въ глазахъ Медіана блеснула гордость; но мало-по-малу этотъ блескъ потухъ, и Антоніо съ грустью взглянулъ на горизонтъ.

— И что сберегу я для себя изъ этихъ сокровищъ? Ничего. Въ награду я не имѣю даже наследника имени Медіана, который-бы склонился нѣкогда передъ моимъ портретомъ и сказалъ: его не могли искусить ни богатство, ни почести.

Педро-Діазъ, позванный, какъ мы видѣли, донъ Эстеваномъ, поднялъ пологъ палатки въ ту самую минуту, какъ Антоніо де Медіана возвратился въ нее. Предводитель снова принялъ свою гордую осанку и рѣшительный видъ.

— Вы звали меня, сеньоръ донъ Антоніо, — сказалъ авантюристъ, снимая свою шляпу.

— Я долженъ поговорить съ вами о важныхъ дѣлахъ, — сказалъ испанецъ, — о которыхъ вчера не могъ вамъ ничего сказать, потому я хочу вамъ сдѣлать нѣсколько вопросовъ, и хоть теперь время сна, но если я не обманываюсь, то вы, сеньоръ Діазъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые спятъ только въ минуту положительнаго бездѣйствія. Честолюбцы всегда таковы! — прибавилъ донъ Эстеванъ, улыбаясь.

— Я не честолюбивъ, сеньоръ донъ Арехиза, — возразилъ спокойно авантюристъ.

— Вы и сами этого не подозреваете, но я это докажу сейчасъ. Скажите прежде, что вы думаете объ этой отдаленной перестрѣлкѣ?

— И на морѣ люди встрѣчаются другъ съ другомъ, а море обширнѣе этихъ стеней; что-же удивительнаго, что они встрѣтились здѣсь? Путешественники и индѣйцы столкнулись вмѣстѣ и дерутся.... — отвѣчалъ Діазъ.

— Я и самъ такъ думалъ, — сказалъ предводитель. — Еще одинъ вопросъ.... и послѣ мы перейдемъ къ нашему разговору.... Возвратились ли Кухилло?

— Нѣтъ, сеньоръ, и все заставляетъ меня бояться, что мы потеряли проводника,

— А чему приписываете вы это странное замедленіе? — продолжалъ донъ Эстеванъ тономъ чловѣка чрезвычайно озабоченнаго.

— Вѣроятно, преслѣдуя Апаховъ, онъ увлекся очень далеко и былъ схваченъ этими разбойниками: въ такомъ случай его отсут-

ствие будетъ вѣчно, не смотря на поддерживаемый нами въ продолженіи двухъ дней огонь, для указанія ему нашего лагеря.

— Дѣйствительно-ли вы такъ думаете?— снова спросилъ предводитель, пристально смотря на авантюриста.

— Да, хотя сказать правду, Кухилло одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ рѣдко обвиняютъ несправедливо въ вѣроломствѣ. Но я до-сихъ-поръ не могу догадаться, какую-бы онъ избралъ цѣль, если-бы рѣшился предать насъ.

Донъ Эстебанъ распахнулъ одну полу своей палатки, и указывая на горизонтъ, гдѣ густой покровъ тумана, скрывалъ вершины горъ, сказалъ задумчиво :

— Сосѣдство этихъ горъ можетъ объяснить намъ причину отсутствія Кухилло.

— Ну, а не измѣнилось-ли расположеніе умовъ нашихъ людей? сказалъ онъ, измѣняя и тонъ и предметъ разговора.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Діазъ; — они, напротивъ, больше чѣмъ когда-нибудь доверяютъ предводителю, который бодрствуетъ за нихъ, когда они спятъ, и который, не смотря на это, сражается какъ послѣдній изъ нихъ.

— Я сражался на всѣхъ концахъ земнаго шара, — сказалъ Арехиза, довольный похвалою, въ истинѣ которой онъ не сомнѣвался; — и рѣдко мнѣ случалось предводительствовать людьми болѣе рѣшительными, какъ настоящіе друзья мои. И какъ-бы я желалъ утроить, учетверить число этихъ храбрыхъ удалцовъ... О, тогда, — по возвращеніи экспедиціи, мнѣ не трудно было-бы осуществить свои предположенія.

— Я не знаю этихъ предположеній, о которыхъ вы мнѣ говорите въ первый разъ.

— Вы все узнаете, — сказалъ испанецъ, — я вамъ могу все доверить... при первой нашей встрѣчѣ, я увидѣлъ, что направленіе вашего духа соответствуетъ моему, и я убѣжденъ, что мы создамы понимать другъ друга.

Мексиканецъ, одаренный быстрою пропигательностію своихъ земляковъ, хорошо понялъ Арехизу, но ждалъ, чтобы тотъ самъ началъ. Онъ поклонился довольно любезно, и замолчалъ.

Испанецъ вторично отдернулъ заповѣсь своей палатки, и указывая въ даль сказалъ :

— Еще одинъ переходъ и завтра мы будемъ стоять лагеремъ у подошвы этихъ горъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — замѣтилъ Діазъ, — едва 6-ть льё насъ отъ нихъ отдѣляютъ.

— Я не то хотѣлъ сказать, — прибавилъ донъ Эстеваъ, — но знаете-ли вы, что скрываетъ эта туманная занавѣсъ, вѣчающая вершины горъ, у подошвы которыхъ луна освѣщаетъ и серебрить равнины?

— Нѣтъ, — сказалъ мексиканецъ.

Герцогъ Армада бросилъ на Діаза взглядъ, которымъ, казалось, хотѣлъ проникнуть въ глубину его души. Въ эту минуту, когда испанецъ готовъ былъ открыть авантюристу тайну, скрываемую до-тѣхъ-поръ съ такимъ стараніемъ, онъ хотѣлъ убѣдиться въ достоинствѣ того, кого онъ дѣлалъ своимъ довереннымъ. Прямодушная физіономія Діаза, такъ рѣзко отличавшаяся отъ хищныхъ лицъ его товарищей, успокоила испанца.

Онъ продолжалъ :

— И такъ! къ этимъ-то горамъ мы идемъ отъ самаго Тубако. Я вамъ скажу зачѣмъ именно : сюда я направилъ экспедицію, какъ кормчій корабль къ извѣстной точкѣ океана, которую онъ одинъ только знаетъ. Нынѣшній вечеръ вы будете читать мои мысли, какъ я самъ. Мы сотворены, чтобы понимать другъ друга, повторяю вамъ. Этотъ туманъ покрываетъ сокровища, лежація тамъ, можетъ быть, отъ сотворенія міра. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ потоки дождя раскидывали ихъ по всей равнинѣ ; поколѣніе бѣлыхъ едва догадывалось объ ихъ существованіи, а индѣйцы благоговѣли передъ ними ; завтра эти сокровища будутъ принадлежать намъ : вотъ цель, къ которой я стремлюсь...

— Какъ, донъ Діазъ, это не приводитъ васъ въ восторгъ? — спросилъ Эстеваъ, удивленный равнодушіемъ мексиканца.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ авантюристъ ; — алчность къ богатствамъ не заставила-бы меня пренебрегать тѣми опасностями, которыхъ я ищу для удовлетворенія моего мщенія. Я потребовалъ-бы отъ работы своихъ рукъ того, что другіе добываютъ болѣе легкими но не вѣрными средствами. Индѣйцы опустошили мои поля, расхитили мои стада, заръзали моего отца и моихъ братьевъ, и я одинъ только успѣлъ спастись отъ ихъ кровожадности. Съ этого времени я въ вѣчной враждѣ и съ индѣйцами — и съ теми, которые оставляютъ насъ безъ

помощи. Съ индѣйцами я велъ ожесточенную войну, перебилъ ихъ въ трое больше противъ убитыхъ ими; дѣтей ихъ я продавалъ дюжинами, и теперь, если я здѣсь, то это для мщенія, а не для честолюбія или алчности. Но, любя родину, я хотѣлъ-бы этихъ сокровищъ, чтобы содѣйствовать ея благоденствію.

— Хорошо! другъ Діазъ, хорошо!—вскричалъ испанецъ, протягивая къ промышленнику руку.

— Завладѣвъ этимъ золотомъ, — продолжалъ Діазъ, — я раздѣлю мою часть между своими товарищами, которые, теперь спятъ передъ вашими глазами. На возвратномъ пути число ихъ увеличится, и мы поспѣшимъ для сохраненія родины....

Донъ Эстебанъ догадывался уже изъ прежнихъ разговоровъ съ Діазомъ о настоящемъ образѣ его мыслей; но никогда до этого времени авантюристъ не высказывался такъ ясно. Испанцу хотѣлось узнать не личные-ли интересы, подобные высказаннымъ, лежать въ основаніи его ненависти.

— Конгрессъ очень далекъ отъ васъ, — сказалъ онъ съ притворнымъ простодушіемъ; — мексиканскому правительству не достаетъ войска и денегъ, необходимыхъ для охраненія такихъ отдаленныхъ провинцій, какъ ваша. И я думаю, что это самый важный и единственный упрекъ, который вы можете ему сдѣлать?

Діазъ горько улыбнулся.

— Единственный! говорите вы? — повторилъ онъ, покачавъ отрицательно головою; — нѣтъ, ихъ много къ несчастію!

— А между тѣмъ, — прервалъ Арехиза, — надо сказать, что твердые законы, могли-бы привлечь къ вамъ иностранцевъ намѣсто того, чтобы ихъ отталкивать какъ теперь.... и при такомъ положеніи дѣлъ. Европейскіе корабли будутъ тѣсниться въ вашихъ портахъ, цвѣтущее народонаселеніе будетъ размножаться на вашей плодородной землѣ, и изъ слабаго государства, изъ расчлененной конфедераціи возвысится скоро страна сильная и богатая.

Арехиза остановился, внимательно слѣдя, какое произведутъ впечатлѣніе слова его на душу великодушнаго авантюриста. Впечатлѣніе было-бы заметно и для взгляда менѣе проницательнаго чѣмъ у испанца. Перспектива, открывавшая раздольное поле дѣйствій для возвышенія своего отечества, придавало неподвижной физиономіи Діаза восторженность, которою Эстебанъ поспѣшилъ воспользоваться.

— Какимъ образомъ, — вскричалъ удивленный мексиканецъ, — ваши мысли объ этомъ предметъ могли сойтись съ моими?

— Я часто размышлялъ о блестящей судьбѣ, которая ждетъ штатъ Сонору, если она успѣетъ отдѣлиться отъ центральныхъ штатовъ! — отвѣчалъ равнодушно Арехиза.

— Такъ вы также думаете, какъ и я, что положеніе Соноры, ея плодородность, ея богатства могутъ обезпечить ей блестящую будущность?

— Но, — продолжалъ испанецъ, — чтобы сдѣлать изъ Соноры государство равное по силѣ и могуществу европейскимъ націямъ, нужно чтобы она почерпала это благоденствіе изъ одного съ ними источника. Отдѣлившись отъ центральныхъ штатовъ, ей остается только одно условіе, чтобы совершить великія вещи, это — избрать чело­вѣка, котораго-бы искусная и твердая рука могла сосредоточить разнородные элементы. Съ этимъ условіемъ я, котораго вы только знаете подъ именемъ Арехиза, я отдамъ эти сокровища въ ваше распоряженіе, сеньоръ Діазъ.

— Вы хотите сказать предводителя, сеньоръ донъ-Эстебанъ?

— Короля! — таинственно сказалъ испанецъ, — Европа распространила образованіе по всему міру и этимъ она обязана однимъ только своимъ государямъ.

— Знаете-ли вы, — продолжалъ онъ, — что такое король? — Это отецъ, который соединяетъ въ союзъ людей связанныхъ религіею и отечествомъ, и это соединеніе составляетъ его силу.... Король — единство, сила, благоденствіе народа!

Донъ Арехиза на минуту погрузился въ думу и продолжалъ снова съ тѣмъ-же одушевленіемъ.

— Ваши права, — говорилъ онъ, — направлены къ монархическому принципу. Оставимъ вашихъ сѣверныхъ сосѣдей развиваться по началамъ, заключающимъ въ себѣ семена разрушенія, которыя и убьютъ ихъ со временемъ. Сонора ваше отечество, что вамъ за дѣло до остальнаго. Дадимъ примѣръ федеративнымъ штатамъ, и они рано или поздно послѣдуютъ ему. Да, — продолжалъ донъ Эстебанъ, нападая на любовь его къ родинѣ: — другія провинціи стануть подъ наши королевскія знамена; и штатъ Сонора сдѣлается столицею королевства...

Мексиканецъ сомнительно покачалъ головою.

Замѣтивъ это сомнѣніе, испанецъ повторилъ мало-по-малу тѣ

оскорбления, на которыя Діазъ жаловался съ такою горечью, и наконецъ успѣлъ возбудить въ мексиканцѣ сочувствіе къ началу, котораго онъ былъ представителемъ.

Переходя потомъ отъ началъ къ лицамъ, онъ назвалъ короля донъ Карлоса.

— Король Карлъ, — возразилъ Діазъ; — но мы встрѣтимъ множество препятствій.

— Меньше, чѣмъ вы думаете, сказалъ испанецъ. — Это я объясню вамъ въ другой разъ.

Такимъ образомъ смѣлый партизанъ исполнялъ обѣщаніе, данное имъ своему повелителю, и даже посреди пустыни закладывалъ основаніе новой династіи.

Діазъ вышелъ изъ палатки донъ Эстевана и направилъ свои шаги по лагерю, чтобы наконецъ успокоить свои члены, утомленные вечернимъ переходомъ, и приготовить ихъ къ новымъ трудамъ.

Въ ту самую минуту, когда Бенито и Бораджа прилегли на землю, чтобы также заснуть, испанецъ и мексиканецъ могли видѣть равнину во всей ея обширности съ того мѣста возвышенія, на которомъ они находились.

Громадныя горы, подернутыя легкой дымкой вѣчныхъ тумановъ, видѣлись вдали. Луна купала свои долгіе, серебристыя лучи въ густомъ парѣ, подпимавшемся надъ золотыми разсыпями.

Находясь у цѣли своего предпріятія, Антоніо де Медіана, который, казалось, могъ рукою достать Туманныя Горы, взглянулъ на горизонтъ гордо и спокойно.

— Посмотрите, — сказалъ онъ Педро-Діазу: — изъ этихъ тумановъ возстанутъ элементы новаго королевства, и съ-этихъ-поръ наши имена принадлежать исторіи. Теперь я боюсь только измѣны Кухилло, и вы раздѣлили-бы со мной эти опасенія, если-бы знали, что онъ продалъ мнѣ тайну этихъ горъ.

Діазъ задумчиво смотрѣлъ на безграничную равнину, растилавшуюся у его ногъ. Казалось, онъ созерцалъ вдали какую-то точку, невидимую для другихъ.

— А! — сказалъ онъ: — я вижу всадника, онъ скачетъ въ галопъ; это или Гайферось или Кухилло.

— Дай Богъ, чтобъ Кухилло — сказалъ Арехиза, взглядываясь въ приближавшагося всадника: — это такой плуть, котораго я же-

лаль-бы скорѣ имѣть у себя подъ рукой, нежели потерять изъ виду.

— Кажется я узнаю его бѣлую лошадь, — отвѣчалъ мексиканецъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ минуту они распознали, при свѣтѣ луны, Кухилло, скакавшаго къ лагерю.

— Къ оружію ! къ оружію ! — кричалъ Кухилло, — индѣйцы !

— Кухилло ! индѣйцы ! Эти имена предвѣщаютъ недоброе ! — вскричалъ герцогъ Армада.

III.

НАПАДЕНІЕ НА ЛАГЕРЬ.

На крикъ Кухилло, отозвавшійся по всему лагерю, испанецъ и Педро-Діазъ обмѣнялись взглядомъ, какъ-будто одна и таже мысль мелькнула въ ихъ головахъ.

— Странно, — сказалъ донъ Эстебанъ : — какъ могли индѣйцы напасть на нашъ слѣдъ ?

— Въ самомъ дѣлѣ странно, — возразилъ Діазъ. И не говоря объ этомъ болѣе ни слова, они оба вышли изъ палатки, чтобы спуститься съ того возвышенія, на которомъ находились.

Въ одно мгновеніе весь лагерь былъ на ногахъ. Безпорядокъ и замѣшательство господствовали повсюду одну только минуту ; это была минута общаго содроганія между авантюристами, безстрашными, привыкшими къ подобнымъ внезапностямъ ; не разъ уже они мѣрились силами съ своими неумолимыми врагами.

Ружейныя пирамиды были разобраны въ минуту и всякій вооружился на скоро ; лошади и мулы, какъ замѣтилъ это Бенито, дрожали, чую присутствіе индѣйцевъ, и потрясали поводьями, какъ-будто-бы слыша приближеніе льва или тигра.

Такъ, даже для животныхъ страшны въ пустынь вопиющіе дѣти степеней. Скоро общее замѣшательство, произведенное крикомъ тревоги, миновалось и всѣ находились уже на мѣстахъ, указанныхъ предводителемъ на случай нападенія. Первые, обратившіеся съ вопросами къ Кухилло, были старикъ Бенито и Бораджа. — Последний былъ напуганъ мрачными предсказаніями своего товарища

— Если не вы навели индѣйцевъ на наши слѣды, — сказалъ

пастухъ, бросивъ на бандита подозрительный взглядъ, — то какимъ образомъ они могли насъ открыть ?

— Да, въ самомъ-то дѣлѣ приманилъ ихъ я, — отрывисто сказалъ Кухилло, слезая съ лошади. — Хотѣлось-бы мнѣ право посмотреть, чтобы вы сдѣлали, на моемъ мѣстѣ, когда-бъ за вами гналась сотня этихъ головорезовъ... Въдь тоже прискакали-бы въ лагерь искать убѣжища.

— Въ такихъ случаяхъ, — сказалъ сурово Генито : — человекъ не бѣжитъ, а спасаетъ своихъ товарищей, и скорѣе позволить содрать кожу съ своего черепа, нежели измѣнить имъ.... Что до меня, — прибавилъ онъ простодушно, — я бы поступилъ рѣшительно такъ.

— У всякаго свой вкусъ, — сказалъ насмѣшливо Кухилло ; — къ тому-же я обязанъ давать отчетъ только предводителю, а не его слугамъ.

— Да, — проворчалъ старый пастухъ — чему быть, тому не миновать ; отъ измѣнника и труса не дождешься добра....

— А много-ли апаховъ ? — спросилъ Бараджа у своего прежняго друга, потому-что со времени ссоры въ гаціэндъ, они были уже не такъ хороши другъ съ другомъ.

— Мнѣ некогда было ихъ считать, — сказалъ Кухилло отрывисто. — Я могу сказать вамъ только, что они близко.

И не останавливаясь болѣе, онъ прошелъ лагерь, и направилъ свои шаги къ донъ Эстевану, который, принявъ уже нужныя мѣры къ оборонѣ, стоялъ на порогѣ своей палатки и ждалъ отчета отъ Кухилло.

Въ ту минуту, когда Кухилло проходилъ, не отвѣчая на многочисленныя, сыпавшіяся на него со всѣхъ сторонъ вопросы одинъ изъ авантюристовъ несъ горящій факель и хотѣлъ зажечь кучи сухихъ вѣтвей, разложенныхъ вокругъ лагера ; но донъ Эстеванъ остановилъ его.

— Погоди ! — вскричалъ предводитель, — быть можетъ мы встретились напрасно... пока не убѣдимся въ действительности нападенія не надо освѣщать лагера !

На губахъ Кухилло скользнула зловѣщая улыбка. Авантюристъ бросилъ факель.

— Во всякомъ случаѣ, — сказалъ донъ Эстеванъ, — пусть люди сдѣлаютъ лошадей и будутъ на готовѣ.

Донъ Эстеванъ вошелъ въ палатку, приглашая за собою Діаза.

— Это значить, другъ Бораджа, — сказалъ Бенито : — что если приказъ зажечь огни будетъ отданъ, тогда мы можемъ быть увѣрены, что на насъ нападутъ. А ночью въ особенноти это ужасно.

— За послѣднее я ручаюсь ! — сказалъ со вздохомъ Бораджа.

— А бывалъ ты на такихъ ночныхъ праздникахъ ? — сказалъ Бенито.

— Никогда, оттого я и боюсь ночнаго нападенія.

Подходя къ палаткѣ, Кухилло успѣлъ соорудить, или скорѣе разстроить свою физиономію. Онъ отбросилъ назадъ свои длинныя волосы, какъ будто-бы вѣтеръ разбросалъ ихъ во время его бѣгства ; потомъ вошелъ въ палатку, притворяясь, что едва переводитъ духъ, и принялся огирать небывалый потъ. Впрочемъ онъ сохранилъ по прежнему свой наглый видъ. Орохъ, которому, казалось, въ особенноти было поручено охраненіе особы дона Эстевана, проскользнулъ въ палатку вмѣстѣ съ Діазомъ.

Донесеніе Кухилло было коротко : ему поручили узнать мѣста, куда отправлялись авантюристы, но онъ простеръ свои розысканія далѣе предѣловъ, указываемыхъ ему благоразуміемъ. Діазъ прервалъ его :

— Я принялъ такія предосторожности, чтобы скрыть отъ индѣйцевъ нашъ путь, надѣлалъ столько ложныхъ дорогъ, такъ запуталъ ихъ, что вы, должны были взять на право или на лѣво, вмѣсто прямого тракта, чтобы открыть наши слѣды.

— Да ! — возразилъ бандитъ, — я въ самомъ дѣлѣ заблудился ; я былъ обманутъ однообразностью этихъ равнинъ, гдѣ холмы такъ походятъ другъ на друга....

— Холмы походятъ другъ на друга ! — возразилъ насмѣшливо Діазъ. — Пусть они обманутъ горожанина. .. Понятно.... но развѣ страхъ отуманилъ ваши глаза ?

— Страхъ ! — отвѣчалъ Кухилло : — онъ незнакомъ мнѣ, точно также какъ и вамъ.

— Ну ! такъ ваши глаза портятся, сеньоръ Кухилло.

— Какъ-бы то ни было, — продолжалъ бандитъ : — но безъ столба дыму, руководившаго меня, я не попалъ-бы такъ скоро на дорогу къ лагерю. Примѣтивъ толпу выходящихъ индѣйцевъ въ путь, я, чтобы избѣжать встрѣчи съ ними, долженъ былъ сдѣлать большой

кругъ. Въ это-то время я и былъ открытъ индѣйцами, и обязанъ своимъ спасеніемъ только быстротѣ моей лошади, которой они не могли догнать.

Когда онъ оканчивалъ донесеніе, въ продолженіе котораго донъ Эстебанъ не разъ хмурилъ брови, Орохъ вышелъ изъ палатки и тотчасъ же воротился.

— Индѣйцы показались, — сказалъ онъ. — Видите-ли вы эти черныя тѣни, которыя носятся по равнинѣ, это ихъ передовые, посланные узнать расположеніе нашего лагеря.

Въ самомъ дѣлѣ, на бѣлющейся поверхности пустыни, можно было разглядѣть призраки, которые то подвигались впередъ, то скрывались въ тѣни песчаныхъ холмовъ.

Педро Діазъ посмотрѣлъ значительно на дона Эстебана, и потомъ закричалъ, будто подавая знакъ къ битвѣ: «Зажигайте огни повсюду; намъ нужно счесть нашихъ противниковъ!»

Вслѣдъ за приказаніемъ, яркое красноватое пламя, какъ солнце, разлилось по всему лагерю и освѣтило авантюристовъ, стоявшихъ на мѣстахъ съ карабинами на готовѣ, возлѣ осѣдланныхъ и взнузданныхъ лошадей своихъ, изготовленныхъ на случай вылазки. Потомъ палатка дона Эстебана опустилась; Орохъ вырвалъ поддерживавшія ее кольца. Торжественное молчаніе замѣнило тревогу. Пустыня была также молчалива какъ и лагерь. Луна не освѣщала болѣе индѣйскихъ передовыхъ: они исчезли подобно мрачнымъ мечтамъ, прогоняемымъ свѣтомъ. Но это молчаніе предвѣщало жестокую бурю.

Въ самой тишинѣ таилось что-то ужасающее. Она была страшнѣе порывистаго нападенія, которымъ непріятель, готовый отступить при сильномъ отпорѣ, прикрываетъ слабость своихъ силъ. Напротивъ это была отсрочка между двумя безпощадными врагами; въ ней они оба собирали силы, чтобы вступить въ смертельный бой.

— Да, доверься, пріятель Бораджа, этой тишинѣ, — сказалъ старикъ Бенито, — черезъ четверть часа краснокожіе пустятъ такой крикъ, что у тебя морозъ по кожѣ пройдетъ.... Я за это отвѣчаю, потому что мнѣ известны нравы индѣйцевъ.

— Перестань пожалуиста, — возразилъ Бораджа, — ты такой знатокъ въ тиграхъ и въ индѣйцахъ, какого я еще не видывалъ; но сказать правду, ты могъ-бы говорить болѣе утѣшительныя вещи. Дай-то Богъ, чтобъ твои слова не оправдались!

— Есть вещи, которыя всегда легко предвидѣть. Можно навѣрное предсказать путнику, заснувшему въ изсохшей ложбинѣ потока, что онъ проснется въ волнахъ. Такъ вѣрно и то, что индѣйцы, которые знаютъ положеніе своихъ непріятелей, удаляются на минуту только затѣмъ, чтобы счесть своихъ воиновъ и приготовиться къ паденію.

Можно также навѣрное предсказать, что многіе изъ нихъ издадутъ вопль смерти, какъ и то, что многимъ изъ насъ не придется увидѣть разсвѣта; но кому, вотъ этого ни кто не знаетъ. Знаешь-ли ты, сеньоръ Бараджа, отходную молитву?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ печально авантюристъ.

— Жаль: это важная услуга, которую пріатели могутъ оказать другъ другу.

Старый пастухъ былъ прерванъ ужаснымъ воемъ, раздавшимся сперва въ дали, и мало-по-малу все приближавшимся къ лагерю.

Не смотря на зловѣщій смыслъ всѣхъ разговоровъ старика Бенито, его хладнокровіе въ опасностяхъ, его рѣшимость, поддерживали, во время битвы, нетвердое мужество Бораджа. Содрогаясь, противъ воли, при крикахъ войны, которыя нужно слышать самому, чтобы оцѣнить ихъ страшную гармонію, Бораджа взглядывалъ на Бенито, желая почерпнуть въ спокойствіи старика хоть не много той философіи, которая никогда его не оставляла. Свѣтъ огней ярко озарялъ морщинистыя щеки Бенито; облако печали въ первый разъ омрачило его поникнувшее чело; глаза его отуманились и слезы, казалось, хотѣли навернуться на нихъ. Бораджа былъ пораженъ этой переменной. Онъ взялъ старика за руку... Бенито поднималъ голову.

— Я понимаю тебя, — сказалъ Бенито: — но человекъ имѣетъ свои минуты слабости. И можетъ-ли быть иначе? Я похожъ на человека, котораго звукъ военной трубы оторвалъ отъ мирнаго очага въ ту самую минуту, когда онъ меньше всего думалъ его покинуть. Среди этого воя, я слышу, тамъ, на вышинѣ, звукъ призывающей меня трубы, и хоть я старъ, но все-же мнѣ жаль покидать свой очагъ. У меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, съ которыми мнѣ было-бы тяжело расставаться, но есть у меня старый товарищъ моей уединенной жизни; его мнѣ горько оставлять... Для индѣйца утѣшительно думать, что его конь раздѣлитъ съ нимъ могилу, что онъ встрѣтитъ его снова въ странѣ духовъ. Какъ часто съ добрымъ моимъ конемъ

пробѣгали мы лѣса и саванны! Сколько разъ переносили вмѣстѣ и палящій зной солнца, и голодь, и жажду! Ты догадываешься, что этотъ старый товарищъ—мой конь. Я тебѣ дарю его, пріятель Бораджа; обходись съ нимъ ласково, люби его, какъ я любилъ его и онъ будетъ тебя любить, какъ меня. Этотъ конь товарищъ бѣдняка, котораго задушилъ тигръ, и вотъ изъ насъ троихъ онъ останется одинъ одиухонекъ.—Говоря это, старикъ указалъ на благороднаго бѣгуна, который, между другими осѣдланными лошадьми, грызъ гордо свои удила. Бенито приблизился къ нему, поласкалъ рукою его крѣпкій крестецъ, и когда прошла эта минута слабости, лицо его пріяло прежній безстрастный видъ.

Успокоившись, старый пастухъ возвратился къ своимъ привычкамъ все предугадывать и пугать своихъ слушателей.

— Послушай Бораджа:—сказалъ онъ,—въ благодарность за старанія, которыя ты окажешь моему старому другу, я могу тебѣ прочесть, пока еще есть время, стихи изъ предсмертнаго псалма, онъ можетъ принести тебѣ пользу, когда...

— Ну, что-жь! — вскричалъ Бораджа, видя, что старикъ не оканчивалъ: — не хочешь-ли ты мнѣ сообщить какую-нибудь ужасную новость?

Старый пастухъ не отвѣчалъ; но авантюристъ чувствовалъ, что Бенито судорожно сжималъ его руку. Зрѣлище, поразившее Бораджу, было страшнѣе всякаго ужаснаго отвѣта. Глаза Бенито ворочались въ своихъ впадинахъ, одна изъ его рукъ тщетно силилась остановить кровь, которая текла изъ широкой раны. Стрѣла глубоко вошла въ его горло и Бенито упалъ, вскричавъ: «Чему быть, того не миновать. Иди, — прибавилъ онъ, отвергая помощь, которую Бораджа старался ему подать, — мой часъ пришелъ.... вспомни о моемъ старомъ другѣ!...

Потоки крови, хлынувшей изъ раны, отняли у него языкъ.

Въ эту минуту апахи показались въ долину, освѣщенной луною.

Путешественники, встрѣчавшіе только образованныхъ индѣйцевъ, съ трудомъ могутъ составить себѣ понятіе о племени дикихъ индѣйцевъ. Никто такъ рѣзко не отличается отъ извѣженныхъ индѣйскихъ горожанъ, какъ эти неукротимые сыны пустыни; какъ хищныя птицы, которыя, нападая на жертву, крутятся въ воздухъ, такъ и они, носясь вокругъ лагеря, испускали дикіе крики. Отраженіе

огней освѣщало время отъ времени эти лица, отвратительно испачканныя краской. Длинные волосы, развѣваемые вѣтромъ, мѣдные ремни ихъ платья, шипѣвшіе при быстротѣ ихъ движенія, какъ змѣи, зловѣщіе крики, угрозы и вызовы, дѣлали ихъ похожими на демоновъ.

Мало было между мексиканцами такихъ, которымъ не приходилось бы отмстить за какое-нибудь оскорбленіе этимъ неутомимымъ хищникамъ; но ни одинъ изъ нихъ не былъ одушевленъ къ нимъ такою ненавистью какъ Педро-Діазъ. Видъ индѣйцевъ производилъ на него такое же дѣйствіе, какъ красный платокъ на раздраженнаго быка, и, при видѣ ихъ, онъ, казалось, съ трудомъ могъ удержать пылъ ненависти и употреблялъ большія надъ собою усилія, чтобы не поддаться желанію отличиться однимъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые сдѣлали имя его грознымъ для индѣйцевъ.

Но надо было дать примѣръ послушанія и авантюристъ сдерживалъ свое кипѣвшее нетерпѣніе. Впрочемъ близилась минута нападенія индѣйцевъ. На этотъ разъ по-крайней-мѣрѣ, выгодное положеніе мексиканцевъ вполне уравновѣшивало превосходство въ силахъ ихъ враговъ.

Назначивъ каждому свое мѣсто, позади телѣгъ, донъ-Эстебанъ помѣстилъ на возвышеніи, служившемъ прежде мѣстомъ для его палатки, лучшихъ и опытныхъ стрѣлковъ.

Костры распространяли вокругъ достаточно огня, чтобы освѣтить цѣль для ихъ пуль.

Между тѣмъ провинцательный взглядъ передовыхъ индѣйцевъ разглядѣлъ, безъ сомнѣнія, главныя силы и положеніе бѣлыхъ; послѣ криковъ, сдѣланныхъ съ цѣлю утратить враговъ, нѣсколько минутъ нерѣшимость волновала ряды ихъ, но эта минута не длилась....

Послѣ краткаго молчанія сто человекъ вдругъ завывли на тысячу голосовъ крикъ войны; земля дрожала подъ тяжестью скакавшихъ во весь духъ лошадей; и посреди града пуль, камней, стрѣлъ лагерь былъ осажденъ съ трехъ сторонъ толною индѣйцевъ.

Между тѣмъ сильный и перекрестный огонь одѣлъ вершину холма...

Подъ этимъ убійственнымъ огнемъ лошади неслись по долину безъ всадниковъ, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ всадники старались высвободиться изъ подъ убитыхъ подъ ними лошадей, и сраженіе

превратилось вскорѣ въ рукопашный бой. Мексиканцы отчаянно защищали тельги, чрезъ которыя старались перелезть индѣйцы.

Орохъ, Бораджа и Педро-Діазъ были вмѣстѣ; они то отступали, уклоняясь отъ длинныхъ непріятельскихъ пикъ, то сближались и били въ свою очередь, ободряя другъ друга и словомъ и дѣломъ; по временамъ они останавливались, чтобы посмотреть на своего предводителя. Мы сказали уже, что разнесся слухъ, что онъ знаетъ мѣсто, гдѣ хранятся самые богатые прииски; алчность Ороха и Бораджи замѣняла долгу самой восторженной преданности.

— Сагамба! — вскричалъ Бораджа: — человекъ владычій подобной тайной долженъ быть неуязвимъ.

— Разумѣется! — отвѣчалъ Орохъ, — или не умереть до...

Ударъ палицы, спущенной на голову Ороха, отнялъ у него языкъ; и безъ плотной шляпы и густыхъ волосъ ему пришлось-бы проститься съ жизнью. Онъ упалъ на землю.

Въ то время когда Орохъ, оглушенный ударомъ, старался приподняться, его противникъ, увлеченный силою размаха, стараясь удержаться на ногахъ, схватился рукою за дышло тельги, которая ихъ разделяла. Діазъ овладѣлъ этою рукою и, опираясь на колесо, съ необыкновенной силой втащилъ индѣйца; апахскій воинъ выпустилъ дышло и упалъ въ средину лагеря. Онъ не успѣлъ еще коснуться земли, какъ острый кинжалъ мексиканца отдѣлилъ его голову отъ туловища.

Авантюристы, стрѣлявшіе съ холма, видя, что, при общемъ смятеніи, ихъ выстрѣлы могли быть также пагубны для апаховъ, какъ и для своихъ, сошли съ возвышенія и присоединились къ сражающимся.

Въ углу укрѣпленія донъ Эстебанъ и Кухилло должны были выдерживать не менѣе страшное нападеніе. Первый, думая о своей собственной защитѣ, потому что въ подобныхъ случаяхъ предводитель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и солдатъ, заботился тѣмъ не менѣе объ участи битвы на всемъ пространствѣ лагеря; но посреди воплей сражавшихся, ему стоило большихъ усилій передавать свои приказанія. Часто его двухствольное англійское ружье, которое онъ заряжалъ и разряжалъ съ большою быстротою и ловкостью, спасало кого-нибудь изъ его ратниковъ отъ топора или палицы индѣйцевъ, и тогда громкое ура награждало вѣрность его ударовъ. Однимъ сло-

вомъ, онъ былъ теперь такимъ, какимъ видѣли его авантюристы вначалъ этого опаснаго предпріятія, — предводителемъ, который, раздавая приказанія, думалъ обо всѣхъ, и солдатомъ, который ничего не боялся.

Сопровождаемый своею лошадыю, совершенно осѣдланною, [слѣдившею за всеми его движеніями съ понятливостью собаки, Кухилло стоялъ сзади своего предводителя на разстояніи, которое свидѣтельствовало больше о его благоразуміи, нежели о его храбрости. Казалось, онъ заботливо слѣдилъ за успѣхомъ нападенія и защиты, но вдругъ покачнулся и упалъ въ некоторомъ разстояніи отъ повозокъ. Этотъ случай почти никѣмъ не былъ замѣченъ; всякому грозило довольно опасности, чтобы заботиться только о себѣ.

— Однимъ негодяемъ меньше, — сказалъ холодно Арехиза, слѣдившій за всеми благоразумными движеніями Кухилло. Лошадь Кухилло подбѣжала къ своему господину и въ испугъ расширила ноздри. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ Кухилло оставался неподвижнымъ, потомъ приподнялъ голову, и бросилъ вокругъ себя пронизательный взоръ, свѣтлый, какъ и прежде, не смотря на приближеніе смерти. Нѣсколько секундъ спустя, бандитъ привсталъ съ видомъ чловѣка, силы котораго порываются еще разъ побѣдить агонію; онъ прижалъ руку къ груди, будто хотѣлъ удержать жизнь, готовую его оставить; сдѣлалъ, шатаясь, нѣсколько шаговъ впередъ и опустился тихо на землю. Лошадь послѣдовала за нимъ и снова къ нему наклонилась. Еслибы авантюристы не были такъ заняты своими врагами, то они могли бы видѣть, какъ бандитъ покатился къ тому мѣсту укрѣпленія, которое было оставлено индѣйцами. Подождавъ еще не много, онъ подкатился подъ колеса повозокъ.

Тамъ онъ всталъ на ноги также крѣпко, какъ и прежде; мрачная улыбка освѣтила его лицо; темнота и смятеніе помогали его уловкамъ. Отъ отвязалъ тихонько желѣзныя цѣпи двухъ повозокъ и открылъ себѣ выходъ, потомъ свиснулъ, и лошадь его проскользнула въ отверстіе. Въ мгновеніе ока, почти не касаясь стремянъ, онъ былъ уже на сѣдлѣ; вонзилъ шпоры въ бока лошади, которая помчалась какъ стрѣла, и скоро всадникъ и лошадь исчезли во мракѣ.

Съ обѣихъ сторонъ укрѣпленія трупы покрывали землю. До половины сгорѣвшіе костры отбрасывали красноватое зарево на кровавыя картины почвой битвы; крики разсвирѣпѣвшихъ враговъ, без-

престанные выстрѣлы, свистъ стрѣлъ, не прерывались ни на минуту. Звѣрскія лица индѣйскихъ всадниковъ казались еще отвратительнѣе при блескѣ огней; потомъ все исчезло въ мракъ и нельзя было счесть числа непріятелей при мгновенныхъ всплскахъ свѣта.

Одна сторона укрѣпленія начала колебаться. Защитники этой стороны были перебиты или ранены и не могли противиться непріятелю, который, казалось, выросъ изъ земли, нападая съ ожесточеніемъ и свирѣпостью. Это была минута страшнаго замѣшательства: все слилось въ безобразную кучу, въ которой были смѣшаны и копья индѣйцевъ, и оружіе бѣлыхъ, и лошадиныя головы. Скоро индѣйцы прорвали линію; но она снова замкнулась за ними. Ворвавшіеся апахи ринулись, какъ дикіе звѣри, въ середину лагеря. Орохъ, Бораджа и Педро-Діазъ прибѣжали сюда; ничто болѣе не отдѣляло ихъ отъ враговъ. Оборванные, забрызганные кровью и грязью, авантюристы собрали послѣднія силы.

Въ толпѣ индѣйцевъ, копья и палицы которыхъ опускались безъ различія на лошадей, испуганныхъ муловъ и на людей, можно было узнать предводителя по его высокому росту, по раскраскѣ лица и въ особенности по тяжести его ударовъ.

Предводитель апаховъ во второй разъ встрѣтился съ бѣлыми въ этомъ походѣ. Они знали его имя.

— Сюда, Діазъ, — закричалъ Бораджа: — Леопардъ здѣсь!

Бораджа, оставивъ Бенито на полѣ битвы, потому что послѣдній не нуждался уже болѣе въ его услугахъ, присоединился къ Ороху и Діазу.

При имени Діаза, слава котораго дошла до начальника индѣйцевъ, Леопардъ всюду искалъ глазами страшнаго протнника. Взоръ дикаго воина металъ молніи; онъ подобралъ свое копьѣ, готовясь поразить Діаза, прибѣжавшаго на зовъ Бораджи; но въ это время ножъ Ороха подрѣзалъ подкожные жилы его лошади. Индѣецъ упалъ и выпустилъ изъ рукъ копьѣ, которымъ тотчасъ же завладелъ Діазъ, и въ то время, когда апахъ, привставъ на одно колено, старался вытащить ножъ, Діазъ вонзилъ копьѣ въ его обнаженную грудь такъ, что оно выглянуло за плечами. Пораженный на смерть, дикарь не испустилъ ни малѣйшаго крика, взоръ его былъ грозенъ по прежнему и только одно желаніе выражалось на его умирающемъ лицѣ.

— Жизнь Леопарда крика! — сказалъ онъ. Умиравшій индѣецъ сильно сжалъ древно копыя, которое держалъ Діазъ. Казалось, приближеніе смерти нисколько не уменьшило силы этихъ рукъ.

Началась послѣдняя борьба; при всякомъ усилии апаха привлечь къ себѣ своего противника, железо глубже и глубже входило въ его внутренность; но скоро силы его оставили и Діазъ вырвалъ изъ тѣла индѣйца копыя, все покрытое кровью; индѣецъ упалъ, бросивъ на своего врага взоръ презрѣнія, и умеръ.

Предводитель апаховъ погибъ, другіе его воины скоро испытали ту же участь; товарищи ихъ напрасно силились прорвать въ другой разъ линію окованныхъ повозокъ. Индѣйскіе воины, жертвы своей храбрости, умирали одинъ за другимъ, какъ ихъ предводитель, не прося пощады, съ лицомъ обращеннымъ къ непріятелю, посреди труповъ своихъ товарищей.

Изъ всѣхъ дикихъ, ворвавшихся въ лагерь, одинъ только оставался еще на ногахъ; онъ поводилъ вокругъ своими пылающими глазами, будто тигръ, окруженный со всѣхъ сторонъ охотниками. Индѣецъ испустилъ снова крикъ, который смѣшался съ тѣми, которые потрясали долину за укрѣпленіями. Тогда, пользуясь минутнымъ замѣшательствомъ авантюристовъ, тѣснимыхъ извѣтъ, апахъ скользнулъ въ проломъ вмѣстѣ съ своею лошадыю и очутился между своими. Педро-Діазъ одинъ только примѣтилъ апаха. Ему жаль было ускользнувшей добычи и неумолимый врагъ индѣйцевъ не остался при безплодномъ сожалѣніи.

Авантюристъ вскочилъ на лошадь, которою онъ обязанъ былъ щедрости дона-Августина Пена. На лѣвой его рукѣ висѣла на перевязи длинная и широкая шотландская шпага съ лезвіемъ обгареннымъ кровію, и на ней былъ начертанъ гордый испанскій мадригаль:

No la saques razon,

No la embaines sin honor!*

Защитивъ правую рукою глаза отъ свѣта огней, Діазъ устремилъ взоръ въ темную даль. Вдругъ въ концѣ свѣтлой полосы, отбрасываемой потухающими огнями, онъ примѣтилъ индѣйскаго всадника. Это былъ тотъ, кого искалъ Діазъ. Индѣецъ, казалось, былъ въ полномъ бѣшенствѣ; онъ заставлялъ свою лошадь выдѣлывать са-

Не вынимай безъ причины,*

Не вкладывай безъ чести.

мые странные прыжки и испускалъ крики презрѣнія и вызова. Авантюристъ припомнилъ слова гаціэндера, говорившаго ему о своей лошади: «Индѣецъ, за которымъ вы погонитесь, можетъ только на крыльяхъ вѣтра уйти отъ васъ, какъ бы далеко онъ ни былъ», и Діазъ захотѣлъ испытать на дѣлѣ ихъ справедливость.

Благородное животное, понуждаемое шпорами, перескочило черезъ укрѣпленіе, опрокинутое индѣйцами, и въ мгновеніе ока обѣ лошади и оба всадника были другъ возлѣ друга. Индѣецъ потрясалъ булавою, бѣлый изготовилъ окровавленное лезвіе шпаги. Нѣсколько минутъ продолжалась эта битва, тотъ и другой поддерживали славу мексиканцевъ и индѣйцевъ, первыхъ кавалеристовъ въ мірѣ. Подъ топоромъ анаха шпага мексиканца разлетѣлась въ дребезги. Тогда оба всадника вступили въ рукопашный бой, стараясь сбить другъ друга съ сѣдла; но оба, казалось, были прикованы къ своимъ лошадямъ. Наконецъ Діазу удалось освободиться отъ врага; осадивъ свою лошадь, онъ бѣшено возмизалъ въ нее шпоры и заставилъ подняться на дыбы, такъ что одно мгновеніе всадникъ съ лошадыю, казалось, поднялся отъ земли; въ это-то мгновеніе мексиканецъ, не оставляя стремени, поднялъ правую ногу и своимъ деревяннымъ, тяжелымъ и окованнымъ желѣзомъ стременемъ разможжилъ черепъ индѣйца и лошадь понесла мертвеца.

Этотъ послѣдній подвигъ былъ, сигналомъ прекращенія битвы, продолжавшейся такъ долго. Нѣсколько стрѣлъ прожужжали еще вокругъ Діаза, когда его встрѣтили товарищи такими криками радости, которые не уступали крикамъ апаховъ. Діазъ перемѣнилъ свою изломанную шпагу и перевелъ духъ. На обѣихъ сторонахъ, будго по общему согласію, возстановилось на нѣсколько минутъ спокойствіе.

— Бѣдный Бенито! — вскричалъ Бораджа: — пусть Богъ приметъ его душу. Это важная потеря для насъ. Мнѣ жаль даже его страшныхъ исторій...

— А еще болѣе жаль, — прервалъ Орохъ: — что мы потеряли знаменитаго Кухилло, нашего проводника

— Ударъ индѣйской палицы перемѣшалъ, кажется, все ваши мысли, — сказалъ въ свою очередь Діазъ, пробуя на своемъ стремени гибкость новой шпаги. — Еслибъ не этотъ знаменитый Кухилло, какъ вы его называете, то мы не потеряли бы двадцати храбрыхъ

товарищей, которыхъ завтра придется намъ хоронить. Жаль, что Ку-хило не умеръ днемъ раньше.

Въ продолженіи этого времени индѣйцы совѣщались между собою. Послѣдній подвигъ Діаза, смерть, которую многіе изъ нихъ нашли въ лагерь бѣлыхъ и пули мексиканцевъ уменьшили число ихъ товарищей. Индѣйцы никогда не пускаются на невозможные подвиги. Это необыкновенное племя отличается страннымъ смѣшеніемъ осторожности и презрѣнія къ жизни. Благоразуміе совѣтовало имъ отступить, и они отступили также быстро, какъ и напали. Но тактика авантюристовъ была другая. Имъ было необходимо воспользоваться побѣдой, слухъ о которой долженъ былъ проникнуть въ глубину степей и доставить безопасность ихъ дальнѣйшему походу. Такимъ образомъ, распоряженіе дона Эстевана преслѣдовать бѣглецовъ было принято съ восторгомъ. Двадцать всадниковъ вскочили на лошадей, и Педро-Діазъ былъ не изъ послѣднихъ; держа шпагу въ одной рукѣ, лассо и поводья въ другой, онъ съ своими товарищами исчезъ скоро изъ глазъ мексиканцевъ, оставшихся въ лагерь.

Послѣдніе, хотя все были ранены болѣе или менѣе тяжело, однакожь, не предаваясь еще отдыху, занялись поправленіемъ своихъ укрѣпленій на случай новаго нападенія. Потомъ, изнемогая отъ усталости, жажды и голода, разлеглись по полю, еще влажному отъ крови и покрытому трупами. Скоро ночная тишина водворилась повсюду. Лучи мѣсяца и сіяніе потухавшихъ костровъ освѣщали смѣшанную группу людей, изъ которыхъ одни предалися кратковременному сну... другіе вѣчному.

IV.

ФАТАЛИСТЪ.

Посреди тишины, смѣшившей шумъ сраженія, когда земля еще впитывала пролитую кровь, одинъ изъ авантюристовъ поднялся съ земли и взявъ факель, началъ бродить по полю битвы, всматриваясь въ трупы, распростертыя у ногъ его; казалось онъ искалъ кого-то между мертвецами. Дрожащій свѣтъ факела озарялъ попеременно, то страшный трупъ индѣйца, то обезображенное лицо бѣлаго, спавшихъ другъ возлѣ друга послѣднимъ сномъ. По временамъ глухое степеніе вы-

рывалось изъ устъ раненыхъ, но авантюристъ, казалось, не находилъ того, кого искалъ. Вдругъ, посреди молчанія, одинаково хранимаго живыми и мертвыми, слабый голосъ привлекъ вниманіе искателя. Онъ старался разглядѣть въ темнотѣ откуда слышался этотъ голосъ, звавшій его. Слабое движеніе руки одного изъ валявшихся у ногъ его показало ему умирающаго и, при слабомъ свѣтѣ факела, онъ узналъ его.

— Это ты, мой добрый другъ Бенито? — сказалъ авантюристъ и его глаза выразили глубокое сожалѣніе

— Да, — отвѣчалъ пастухъ, — я старый Бенито ... умираю въ пустынь. гдѣ провелъ всю жизнь.... что до меня, я васъ не узнаю; глаза мои помрачались.... Бораджа принадлежитъ-ли еще этому міру?

— Я думаю, — отвѣчалъ авантюристъ, — онъ погнался за индѣйцами, и я надѣюсь, что скоро возвратится и еще успеетъ проститься съ тобою.

— Сомнѣваюсь, — прошепталъ Бенито. — Я хотѣлъ выучить его послѣднимъ словамъ отходной молитвы.... Но теперь никакъ не могу припомнить. Не знаете-ли вы этой молитвы?

— Нѣтъ! — отвѣчалъ авантюристъ умирающему.

— Дѣлать нечего. .. — замѣтилъ Бенито, стоицизмъ котораго не измѣнился и въ эту торжественную минуту.

Потомъ онъ снова началъ прерывистымъ голосомъ :

— Я завѣщалъ Бораджъ.... моего стараго друга; кто бы вы ни были, передайте ему мое послѣднее желаніе.... Пусть онъ любитъ его, какъ я....

— Будь покоенъ, я передамъ ему твою послѣднюю просьбу.

— Благодарю, — съ трудомъ отвѣчалъ старикъ. -- Что до меня, я окончилъ мои похождения.... Былъ я.... въ плѣну.... у индѣйцевъ.... и остался живъ.... а теперь.... они меня не взяли.... нѣтъ.... убили....

Онъ остановился; это было послѣднее усиліе и послѣднія слова его. Старикъ заснулъ съ тѣмъ-же втравленіемъ, которое всегда составляло основаніе его характера.

— Честный былъ слуга, — сказалъ самъ себѣ авантюристъ, — миръ его праху!...

И онъ продолжалъ разглядывать кровавыя трупы, разбросанныя по песку; но, видя что всѣ старанія напрасны, онъ нахмурилъ бро-

ви и задумчиво пошелъ къ тому мѣсту, съ котораго всталъ. Холодъ и однообразная неподвижность смерти снова воцарились въ лагерь, какъ будто послѣдній изъ живыхъ легъ и умеръ въ свою очередь. Костры уже совсѣмъ догорали, когда шумъ голосовъ и лошадиный топотъ возвѣстили возвращеніе авантюристовъ, отправившихся въ погоню за апахами. Тотъ же самый человекъ, который за минуту передъ тѣмъ вставалъ и бродилъ по лагерю, пошелъ на встрѣчу возвратившимся и сталъ ихъ спрашивать. Педро Діазъ, у котораго кровавый потъ выступилъ на лбу, подошелъ къ незнакомцу.

— Сеньоръ донъ Эстебанъ, — сказалъ Діазъ, — нашей погонѣ не совсѣмъ посчастливилось... намъ удалось убить одного или двухъ изъ бѣглецовъ, и заплатить смертію товарища. Впрочемъ я привезъ одного пльнника, неугодноли вамъ разспросить его.

Говоря это, Діазъ отвязалъ арканъ отъ лука и показалъ пальцемъ на безобразную массу, затянутую мертвымъ узломъ. Это былъ индѣецъ, котораго Діазъ тащилъ такъ безошадно по камнямъ и корнямъ равнины, что тѣло бѣдняка вовсе не походило на человѣческое.

— Однако-жъ онъ былъ совершенно живъ, когда я захватилъ его, — сказалъ авантюристъ; — но эти индѣйцы рады лучше умереть, только-бъ не говорить съ своими врагами.

Донъ Эстебанъ, не отвѣчая на эту жестокою шутку, пригласилъ Діаза отойти въ сторону, гдѣ бы не могли ихъ слышать. Когда возвратившіеся также улеглись и молчаніе водворилось, Арехиза сказалъ :

— Діазъ, мы приближаемся къ цѣли нашей экспедиціи; завтра, мы станемъ лагеремъ у подошвы этихъ горъ; но чтобъ успѣхъ увѣнчалъ наши усилія мы должны удалить отъ нашихъ людей всякую возможность къ измѣнѣ. — Вотъ о чемъ я хочу съ вами говорить и открою вамъ свои мысли. Вы знаете Кухилло съ давнихъ поръ, по все-таки не такъ давно и не такъ хорошо, какъ я его знаю. Онъ съ самой ранней молодости привыкъ измѣнять тѣмъ, къ кому, по видимому, долженъ бы быть преданнымъ болѣе всего! Я не знаю, какой изъ пороковъ у него сильнѣе всѣхъ: такъ щедро онъ одаренъ ими, однимъ словомъ зловѣщая маска его лица не воишь отражаетъ всю черноту его души... Я ужъ говорилъ вамъ, что онъ продалъ мнѣ тайну этой богатой и таинственной розсыпи, къ которой я васъ веду и которая должна возстановить Сонору Я

знаю, какъ онъ завладѣлъ этой тайной: убивъ друга, предавшаго ему эту тайну даромъ, думая найти въ немъ себя товарища. Вотъ почему я зорко смотрю за Кухилло. Въ нынѣшній вечеръ его отсутствіе встревожило меня, но оно можетъ быть слѣдствіемъ какого-нибудь несчастія, очень обыкновеннаго въ этихъ пустыняхъ; нападеніе, едва не погубившее насъ, подтвердило мои подозрѣнія. Подъ нашимъ покровительствомъ Кухилло снова приблизился къ тому мѣсту, гдѣ онъ можетъ завладѣть частью безчисленныхъ сокровищъ. Теперь ему нужны были помощники, которые бы погубили шестьдесятъ храбрецовъ, и апахи были сегодня его орудіями и сообщниками.

— Въ самомъ дѣлѣ, — возразилъ Діазъ: — многое мнѣ показалося въ немъ подозрительнымъ. Но, у насъ есть очень простое средство, надобно собрать военный совѣтъ, допросить Кухилло, и убѣдившись въ его измѣнѣ, тотчасъ его разстрѣлять.

Въ началѣ битвы я указалъ ему мѣсто подлѣ себя и видѣлъ, что это ему не понравилось; потомъ онъ упалъ повидимому смертельно раненный и я радовался, что мы избавились отъ измѣнника и негодяя; но сейчасъ я тщательно пересмотрѣлъ всѣхъ мертвыхъ и не нашелъ его между ними. И такъ, не теряя ни минуты мы должны отыскать его слѣды; онъ не могъ уйти далеко. Вы привыкли къ такимъ порученіямъ; а намъ нельзя мѣшкать и необходимо сейчасъ же начать преслѣдованіе... Бездѣльникъ долженъ жизнью заплатить за измѣну.

— Его слѣды можно отыскать скоро и легко, — сказалъ Діазъ, подумавъ немного; — Кухилло навѣрно отправился къ Золотой Долинѣ... Мы его найдемъ тамъ....

— Отдохните, — сказалъ предводитель, — вы утомлены битвой. Ахъ! Діазъ, еслибъ всѣ люди походили на васъ, какъ легко было бы намъ проложить себѣ дорогу золотомъ и шпагою.

— Я дѣлаю, что могу, — отвѣчалъ простодушно авантюристъ.

— Вы скажете нашимъ людямъ, что мы должны сдѣлать нѣсколько поисковъ въ окрестностяхъ лагерея. Да передайте нашимъ солдатамъ, чтобъ они были осторожны и ожидали нашего возвращенія. Потомъ мы возьмемъ съ собою Бораджу и Ороха и отправимся къ Золотой Долинѣ.

— Кухилло навѣрно тамъ, — сказалъ Діазъ, — и не смотря на

то, что онъ далеко ушелъ, мы его встрѣтимъ, если не на дорогѣ туда, то на возвратномъ пути.

— Мы найдемъ его въ Золотой Долинѣ, — сказалъ донъ Эстевапъ ; — когда вы увидите эту долину, вы скажете мнѣ можетъ-ли такой человекъ, какъ Кухилло, оставить ее другимъ добровольно.

Діазъ удалился, чтобы исполнить приказанія предводителя, а донъ Арехиза приказалъ снова поставить свою палатку, желая, чтобъ въ его отсутствіи по-крайней-мѣрѣ флагъ его, украшенный звѣздами, раздвѣялся надъ лагеремъ, какъ знакъ власти и покровительства ; потомъ, не раздвѣяясь, онъ бросился на постель и заснулъ, какъ спать солдатъ на полѣ битвы, послѣ труднаго дня.

Часъ спустя, Діазъ былъ уже на ногахъ передъ дономъ Эстеваномъ, донося ему, что все готово къ отъезду.

— Хорошо ! — сказалъ донъ Эстевапъ въ полголоса, — но прежде чѣмъ мы уйдемъ, спросите у часовыхъ, не возвратился-ли Гайферось.

Діазъ повторилъ вопросъ предводителя одному изъ часовыхъ.

— Сеньоръ капитанъ, — отвѣчалъ солдатъ, — бѣдный малый навѣрно ужъ не воротится ; должно быть онъ попался индѣйцамъ и они разстрѣляли его ... Вотъ и вся причина, какъ говорилъ старикъ Бенито, тѣхъ постоянныхъ выстрѣловъ, которые мы слышимъ послѣ обѣда.

— Весьма вѣроятно, что Гайферось убитъ ; — возразилъ Педро-Діазъ, — но что до выстрѣловъ, которые мы слышали, то вѣроятно этому есть другой поводъ.

Спустя нѣсколько минутъ, донъ Эстевапъ съ Орохомъ, Бораджей и Діазомъ отправился крупною рысью по направленію къ Туманнымъ Горамъ. Въ это время въ лагерь все еще спали и только одни часовые бодрствовали попеременно.

V.

СЦЕНЫ ВЪ ПУСТЫНЬ.

Возвратимся къ тому времени, когда индѣйцы, собравшіеся вокругъ огня, совѣщались напасть на лагерь авантюристовъ, и къ тремъ лицамъ, оставленнымъ нами на островъ.

Было четыре часа по полудни. Въ пустынь царствовала еще тишина. Туманъ началъ медленно подыматься съ рѣки, посрединѣ которой находился островокъ, служившій убѣжищемъ тремъ охотникамъ : Боа-Розе, Фабіану и Пепе.

Большія вербы и осины росли по берегамъ рѣки. Промежутки между деревьями были пополнены перевивающимися отростками ивъ и другихъ деревьевъ. Напротивъ островка за водою открывалась степь, лишенная всякой растительности.

Тутъ была дорога, протоптанная стадами дикихъ лошадей и буйволовъ, приходившихъ пить къ рѣкѣ. Съ островка чрезъ эту просѣку свободно можно было обозрѣвать всю пустынную окрестность равнины. Островокъ, гдѣ находились три охотника, первоначально былъ образованъ изъ древесныхъ стволовъ, корни которыхъ раскинулись по дну рѣки. Другія деревья были остановлены этимъ препятствіемъ ; у многихъ изъ нихъ были еще вѣтви и листья, другія же давно высохли ; корни ихъ переплелись, и все это вмѣстѣ образовывало родъ грубаго плота. — Много лѣтъ прошло со дня образованія этого островка ; высохшія травы, вырванныя быстрою теченіемъ и перемѣшанныя съ древесными вѣтвями, дополняли промежутки плота ; потомъ пыль, издавѣка занесенная вѣтромъ, покрыла эти травы земляной корой, образовавъ что-то въ родъ твердой земли.

Островокъ этотъ вымѣривался пятью или шестью футами въ діаметръ, и лежавшій или даже стоявшій на коленныхъ челоуѣкѣ, какъ-бы не былъ великъ ростомъ, совершенно покрывался занавѣсью изъ отростковъ и вѣтвей вербъ.

Солнце погружалось за горизонтъ и тѣнь отъ листьевъ и травы растилалась по землѣ островка. Фабіанъ спалъ подъ тѣнью ивы... Боа-Розе, казалось, охранялъ этотъ драгоценный сонъ, убаюкавшій юношу, послѣ трудовъ долгаго похода и безпрестанныхъ опасностей. Пепе, ища прохлады, помѣщался надъ рѣкою, опустивъ въ воду ноги. Мы воспользуемся минутнымъ сномъ Фабіана, чтобы поднять занавѣсь, за которою молодой графъ скрывалъ отъ глазъ своихъ двухъ друзей сокровенныя и задушевныя мысли. Въ ту минуту когда Фабіанъ упалъ въ потокъ, Пепе забылъ, что враги, которымъ онъ клялся отмстить, ускользнули отъ его ненависти, а канадецъ заботился только о скорой помощи, въ которой нуждался его любимецъ.

Возвратившись къ жизни съ сердцемъ, еще полнымъ впечатлѣній,

порожденныхъ разсказомъ бывшаго микелета, первымъ движеніемъ Фабіана было снова продолжать прерванную погоню. Завоеваніе Золотой Долины, постоянно представлявшійся образъ доньи Розаріи, все на минуту исчезло передъ торжественнымъ обѣтомъ мщенія за смерть матери.

Пепе съ своей стороны не принадлежалъ къ числу людей отказывающихся отъ данной клятвы. Что касается до Боа-Розе, то вся его любовь сосредоточивалась на двухъ его товарищахъ и онъ послѣдовалъ бы за ними на край свѣта.

Эта минутная неудача вмѣстѣ того, чтобы привести нашихъ героевъ въ уныніе, возбуждала только ихъ жаръ и энергію. Въ любви, какъ и въ ненависти, препятствія служатъ средствами къ новой дѣятельности для неутомимыхъ и предприимчивыхъ душъ. Тѣмъ болѣе это преслѣдованіе представляло Фабіану двойную цѣль. Оно его приближало къ Золотой Долинѣ, расположенной въ пустыняхъ, и въ случаѣ — завоеванія этой долины мрило съ мыслью объ обладаніи Розаритою.

Однакожь останавливаясь на послѣдней мысли, уныніе мало-помалу овладѣло Фабіаномъ. Страстно любя дочь гаціэндеро, онъ хотѣлъ обладать сердцемъ Розариты, а не прельстить ее богатствомъ и мысль быть обязану этой любви только сокровищамъ, приводила его въ отчаяніе. — Юпоша могъ утѣшаться только горячею и ревнивою привязанностію канадца, а между тѣмъ ни самъ онъ, ни Боа-Розе не говорили еще ничего другъ другу о своихъ будущихъ намѣреніяхъ.

— Отраднo и прохладно! — замѣтилъ Пепе. — Сказать правду, — продолжалъ онъ, — жители Мадрита заплатили бы дорого за такую рѣчку, которая въ глазахъ моихъ теперь, ровно ничего не стоитъ.... Мы потеряли цѣлый день, который могли-бы употребить гораздо полезнѣе, потому что отсюда до Золотой Долины не болѣе часа пути.

— Согласенъ, — отвѣчалъ Боа-Розе: — по дитя, — и онъ указалъ на спавшаго не въ далекъ Фабіана, — не столько силенъ, какъ мы, чтобы дѣлать такіе длинные переходы. Для насъ пройти шестьдесятъ льѣ въ 12 часовъ небольшой подвигъ, а для него это что-нибудь значить. По погоди.... только годъ привычки и онъ будетъ обгонять насъ.

На эти слова, Пепе отвѣчалъ улыбкою, которой впрочемъ не замѣтилъ канадецъ.

— Посмотри, — сказалъ Пепе, продолжая полоскать ноги въ свѣжей водѣ и указывая на спящаго Фабіана : — какъ измѣнился бѣдный мальчикъ въ эти дни. Надо сказать впрочемъ правду, въ его лѣта я предпочиталъ смазливенькую манолу всѣмъ великолѣпнымъ видамъ пустыни.... Нѣтъ, я думаю, что у молодого человека есть на душѣ какая-нибудь тайна, которую онъ скрываетъ отъ насъ, — сказалъ Пепе ; — но я постараюсь все развѣдать....

При этихъ словахъ, канадецъ заботливо взглянулъ на своего любимца и радостная улыбка разсѣяла облако, собравшееся было на чель старика.

Въ самомъ дѣлѣ Фабіанъ въ это время улыбался ; ему, быть можетъ, снились очаровательныя видѣнія.

Два охотника нѣсколько минутъ молча смотрѣли на спящаго Фабіана.

— Вотъ послѣдній потомокъ Медіановъ ! — сказалъ испанецъ со вздохомъ.

— Къ чему здѣсь Медіаны, или ихъ могущественное племя, — возразилъ канадецъ, — я знаю только Фабіана. Когда я спасъ ему жизнь, то я привязался къ нему, какъ съ собственному сыну, не заботясь кто его предки.

— Ты его разбудишь : голосъ-то твой реветъ, какъ водопадъ, — сказалъ Пепе.

— Правда !

И великанъ продолжалъ, понизивъ голосъ :

— Но ты, Пепе, всегда напоминаешь мнѣ вещи, которыя мнѣ хотѣлось бы забыть ; я увѣренъ, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ пустынь пріучать его....

— Ошибаешься, братъ, ошибаешься.... — прервалъ въ свою очередь испанецъ. — Ты думаешь, что Фабіанъ съ такими надеждами, которыя ждутъ его въ Испаніи, рѣшится остаться на всю жизнь въ пустынь ; это хорошо для насъ, у насъ нѣтъ ни кола, ни двора, но не для него.

— Вотъ еще ! да развѣ пустыня не лучше всѣхъ возможныхъ городовъ, — отвѣчалъ съ живостью старый матросъ, напрасно силившійся скрыть отъ себя истину. — Я беру съ заставить его полюбить

кочевую жизнь. Для чего-же и рожденъ человекъ, какъ не для испытаній которыя онъ долженъ выносить въ этихъ пустыняхъ.

— Конечно,—отвѣчалъ важно Пепе :— отъ этого-то здѣсь города такъ и пустыни, и пустыни такъ населены.

— Не шути, я говорю о серьезныхъ вещахъ, — возразилъ канадецъ, — противорѣчить наклонностямъ Фабиана я не буду, но съумью заставить его полюбить эту упорительную жизнь трудовъ и опасности. Скажи самъ, этотъ самый сонъ, въ пустынь, посреди двухъ опасностей, не лучше-ли онъ того, которому предаются люди въ городахъ послѣ безопаснаго дня?

Ты самъ, Пепе, вѣрно не согласился бы возвратиться на родину, послѣ прелестей кочевой жизни ?

— Есть значительная разница между наследникомъ Медіановъ, потому что я берусь доставить ему наследство, и между бывшимъ микелетомъ. Онъ получить богатое имѣніе, славное имя, прекрасный готическій замокъ съ башнями... А еслибъ я возвратился домой, то меня посвѣщали бы отправить въ Цейту ловить рыбу, а это самая отвратительная работа, какую я только знаю, и отъ которой нельзя иначе избавиться, какъ только проснувшись въ одно прекрасное утро въ Тунисъ или Тетюанъ невольникомъ нашихъ африканскихъ сосѣдей мавровъ. Правда, и здѣсь я каждый день могу ожидать, что меня поскальцируютъ или сдерутъ съ живаго кожу, вотъ почему я скажу, что города для меня также опасны какъ и пустыни, но что касается до донъ Фабиана...

— Фабианъ всегда жилъ въ уединеніи, — прервалъ канадецъ, — и я увѣренъ, что онъ предпочтетъ тишину пустыни городскому шуму. Какъ все тихо и торжественно вокругъ насъ ! Посмотри, какъ спокойно спитъ этотъ ребенокъ, укачиваемый журчаніемъ волнъ, лобзающихъ берега нашего острова и шелестомъ вѣтерка, играющаго въ листьяхъ тополей ! Видишь-ли тамъ, — и онъ указалъ на горизонтъ, * эти туманы, которые начинаютъ окрашиваться лучами солнца ; взгляни на эту безграничную пустыню, по которой бродитъ человекъ, какъ птица рвущая въ воздушномъ пространствѣ....

Испанецъ сомнительно покачалъ головою, хотя онъ охотно раздѣлялъ идеи канадца и любилъ кочевую жизнь.

— Посмотри, — продолжалъ старый охотникъ : — на облако пыли,

которое подымается на берегу рѣки ; табунъ дикихъ лошадей мчится утолить свою жажду ; вотъ они приближаются во всей своей гордой красотѣ, которую Богъ даетъ свободнымъ животнымъ.... Глаза горятъ, багровыя ноздри раздуты, гривы волнуются. Ахъ ! хочется разбудить Фабиана, чтобъ онъ посмотрѣлъ....

— Пусть его спитъ, Боа-Розе ; можетъ быть его мечты, мечты юности рисуютъ ему такія прекрасныя картины, какихъ онъ не увидитъ въ пустынь и которыхъ много въ нашихъ испанскихъ городахъ на балконахъ и за рѣшетчатыми окнами.

Старый охотникъ вздохнулъ.

— А между тѣмъ, — прибавилъ онъ : — это превосходная картина.

— Ахъ ! какъ мчатся эти благородныя животныя въ упоеніи отъ своей свободы !

— Да, пока индѣйцы не заставятъ ихъ метаться отъ страха.

— Вотъ они снова помчались, будто облако гонимое вѣтромъ, — продолжалъ канадецъ, упорно борovníйся съ своимъ разсудкомъ. — Теперь, картина изменяется : погляди.... видишь-ли ты этого оленя ? замѣть какъ тамъ, между деревьями, блестятъ его большіе глаза, то снова покажется его черная мордочка ! Онъ что-то чуетъ по вѣтру, прислушивается. Вотъ и онъ подходитъ пить въ свою очередь. Онъ слышалъ шумъ и поднялъ голову и вода, капающая съ его морды, похожа на капли растопленного золота. Право, я разбуджу ребенка !

— Оставь его ; можетъ быть въ эту минуту, вмѣсто этого прекраснаго животнаго, онъ видитъ черные глаза и розовыя губки, улыбающіяся ему посреди зелени, или какую-нибудь пимфу, уснувшую на берегу прозрачнаго источника, похожую на цвѣтокъ, выскользнувшій изъ букета и упавшій на траву.

Старый канадецъ снова вздохнулъ.

— Неправда-ли, — сказалъ онъ — этотъ олень — красивое животное ?

— Да, пока онъ не сдѣлается жертвою волковъ. Въ нашихъ королевскихъ паркахъ ему было бы безопасно.

Канадецъ задумчиво склонилъ голову къ груди, и погрузился въ печальныя мечты, бросая украдкой взгляды на своего спящаго сына, а Пене снова надѣлъ свои башмаки изъ буйловой кожи.

— А что ! не говорилъ ли я тебѣ ? слынишь этотъ вой : волки

начинають охоту. Бѣдный олень! Въ самомъ дѣль онъ можетъ служить эмблемой жизни въ пустынь.

— Не разбудить-ли Фабіана?—спросилъ канадецъ съ торжественнымъ видомъ.

— О! конечно,—сказалъ испанецъ,—послѣ сновъ любви лучшее зрѣлище—эта прекрасная охота.

— Такой онъ не увидитъ ни за что на свѣтъ, ни въ одномъ городѣ!—вскричалъ въ восторгъ канадецъ,—такія сцены заставятъ его полюбить пустыню!

И старшій охотникъ осторожно началъ будить молодаго человѣка. Закинувъ голову назадъ, пригнувъ рога къ спинѣ, олень летѣлъ, какъ стрѣла по безконечной пустынь, жилы на его шеѣ надулись, широко раскрытыя поздри жадно впивали воздухъ. По его слѣдамъ неслись стаєю бѣлые и черные волки, какъ ядра, прыгающія рикошетами по равнинѣ.

Олень былъ далеко впереди, но опытный взглядъ охотниковъ могъ-бы различить на песчаныхъ насыпяхъ, растилающихся до самаго горизонта, другихъ волковъ, стоявшихъ на сторожѣ и готовыхъ оборотить оленя назадъ.

Благородное животное, казалось, не видѣло ихъ, потому что бѣжало къ тому мѣсту, гдѣ они его ждали.

Приблизясь на нѣкоторое разстояніе къ этимъ часовымъ, которые ему заперли проходъ, олень остановился.

Въ самомъ дѣль, со всѣхъ сторонъ его обнималъ кругъ враговъ, суживавшійся все болѣе и болѣе. Вдругъ онъ повернулъ назадъ къ тѣмъ волкамъ, которые его загнали въ засаду и рѣшился на послѣднее усиліе; но онъ не могъ прорваться сквозь эту стѣну жадныхъ преслѣдователей и ривулся въ средину ихъ. Нѣсколько волковъ покатались подъ ударами его копытъ, другіе взлетѣли на воздухъ съ распоротыми внутренностями, описывая параболы. И вотъ бѣдвое животное, снова преслѣдуемое волкомъ, впившимся въ его ящукъ, медленно и окравленное подвигалось къ рѣкѣ, которая отдѣляла его отъ трехъ зрителей этой страшной охоты.

— Какъ это хорошо!—вскричалъ Фабіанъ, хлопая въ ладоши; онъ былъ увлеченъ тѣмъ охотничьимъ жаромъ, который заставляетъ молчать состраданіе въ сердце человѣка.

— Неправдали, прекрасно? — повторилъ въ свою очередь старшій

канадецъ, счастливый радостью Фабиана и своей собственною радостью охотника. — Погоди, дитя, мы еще увидимъ много хорошаго. Ты видишь здѣсь только дурную сторону американскихъ пустынь, но когда вмѣстѣ со мною и съ Пепе будешь на берегахъ великой рѣки, на берегахъ великаго озера....

— Животное избавится отъ своего врага, — прервалъ Фабианъ, — оно хочетъ броситься въ рѣку ...

Вода расплеулась и запѣнилась подъ оленемъ. Послѣ него еще расплеулась и запѣнилась двѣнадцать разъ; потомъ изъ пѣны волнъ показались рога и голова оленя, а за нимъ головы волковъ съ глазами налитыми кровью; звѣри были отъ голода и жадности, отвѣчая на завыванье оставшихся на берегу болѣе робкихъ товарищей.

Олень былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ острова, когда волки, оставшіеся на берегу воды вдругъ умолкли и рассыпались въ разныя стороны.

— Что это значить? — вскричалъ Пепе, — чего они испугались? Но едва онъ произнесъ эти слова, какъ узналъ въ чемъ дѣло.

— Пригнитесь, ради Бога, — сказалъ онъ, подавая примѣръ: — индѣйцы также охотятся.

Въ самомъ дѣлѣ, другіе охотники, болѣе страшные, появились въ свою очередь на этой сценѣ.

Дюжина тѣхъ лошадей, которыя недавно въ глазахъ канадца и Пепе приходили утолять свою жажду, скакали, какъ бѣшенныя, по равнинѣ.

Индѣйскіе всадники мчались за ними, пригнувшись и поджавъ колыни; они сняли сѣдла съ своихъ лошадей, чтобы дать имъ болѣе свободы.

Сначала появились только три индѣйца, но потомъ они показывались одинъ за другимъ и ихъ можно было насчитать до двадцати. Одни были вооружены копьями, другіе махали лассо; всѣ испускали тѣ крики, которые означаютъ у нихъ гнѣвъ и радость. Пепе бросилъ вопросительный взглядъ на канадца, какъ будто спрашивая его, не рассчитывалъ-ли онъ на это странное явленіе, чтобы заставить Фабиана полюбить скитальческую жизнь. Въ первый разъ въ жизни лицо безстрашнаго охотника покрылось смертельною блѣдностью. Тоскливый, но краснорѣчивый взглядъ былъ отвѣтомъ Боа-Розе на пѣмой вопросъ испанца.

— Это значить, — подумалъ Пепе, — что привязанность слишкомъ живая, поселившись въ самомъ храбромъ сердцѣ, заставляетъ его дрожать за любимаго человека, а потому авантюристъ не долженъ имѣть никакихъ связей на этомъ свѣтѣ. Вотъ даже Боа-Розе испугался, какъ женщина.

Между тѣмъ, повидимому, можно было оставаться въ полной увѣренности, что и зоркій глазъ индѣйца не откроетъ убѣжища нашихъ охотниковъ и они, послѣ первой тревоги, начали спокойно смотрѣть на охоту степныхъ дикарей.

Еще нѣсколько минутъ дикіе охотники продолжали преслѣдовать мчавшихся лошадей. Безчисленные препятствія, рвы, холмы, колючіе кактусы ничто не останавливало индѣйцевъ; они уклонялись отъ этихъ препятствій, не замедляя для нихъ своего бѣга, и преслѣдовали добычу съ удивительною смѣлостью.

Тибурціо, самъ смѣлый всадникъ, смотрѣлъ съ восторгомъ на все чудеса верховой ѣзды этихъ безстрашныхъ охотниковъ, но предосторожности, которыя должны были принять трое друзей, чтобъ скрыться отъ индѣйцевъ, мѣшали имъ видѣть во всей полнотѣ страшную и вмѣстѣ прекрасную картину индѣйской охоты, предметомъ которой они легко могли сдѣлаться сами.

Эти обширныя саванны, недавно еще столь пустынные, въ одну минуту ожили, преобразившись въ сцену самой страшной дѣятельности. Олень, принужденный снова вернуться къ берегу, продолжалъ нестись, какъ вѣтеръ, преслѣдуемый усталыми волками; дикія лошади скакали отъ гнавшихся за ними индѣйцевъ, которыхъ крики не уступали вою кровожадныхъ преслѣдователей оленя; эхо вторило вою волковъ и апаховъ.

— Такихъ сценъ, — прошепталъ Боа-Розе, — не удастся видѣть жителямъ городовъ, только въ пустынь можно наслаждаться этими картинками ... — Но голосъ его дрожалъ; канадецъ остановился; онъ отдалъ бы годъ своей жизни, чтобы дитя его не было зрителемъ этихъ прекрасныхъ сценъ. Новое явленіе на равнинѣ еще болѣе увеличило его тоску.

На сценѣ, раскрытой передъ ихъ глазами, появился новый актеръ, роль его была коротка, но ужасна. Это былъ всадникъ, въ которомъ трое друзей узнали, по платью, бѣлаго, христіанина, какъ и они.

Бѣднякъ, внезапно открытый индѣйцами во время охоты, обратилъ

на себя весь ихъ охотничій жаръ. Дикія лошади, волки, олень, исчезли въ туманной долинь; на полъ дѣйствія остались только двадцать индѣйскихъ всадниковъ, разсыявшихся во все стороны и составлявшихъ кругъ, центромъ котораго былъ бѣлый всадникъ. Одинъ среди такого множества враговъ, несчастный европеецъ бросалъ вокругъ себя взоръ отчаянія и смертельной тоски. Но индѣйцы были повсюду, исключая берега рѣки, а потому бѣлый всадникъ сюда направилъ свою лошадь, и помчался по направленію къ острову.

Но, минута, въ продолженіи которой онъ выбиралъ тропу, по которой бы могъ бѣжать, погубила его. Индѣйцы успѣли сжать свой кругъ.

— Бѣднякъ погибъ, — сказалъ Боа-Розе: — онъ не успеетъ броситься въ рѣку.

— Боа-Розе, Пепе! — вскричалъ Фабианъ: — если мы можемъ спасти христіанина, то неужели мы позволимъ задушить его въ нашихъ глазахъ.

Пепе посмотрѣлъ на Боа-Розе.

— За твою жизнь я отвѣчаю передъ Богомъ, — сказалъ торжественно канадецъ, — а эта жизнь была бы въ опасности, если насъ откроютъ: насъ только трое противъ двадцати.

— Жизнь трехъ людей, и твоя въ особенности, Фабианъ, дороже жизни одного, и по неволѣ мы должны дозволить исполниться судьбѣ этого несчастнаго.

— Но мы можемъ рассчитывать на наши укрѣпленія! — вскричалъ настойчиво и съ самоотверженіемъ Фабианъ.

— Наши укрѣпленія! — возразилъ Боа-Розе, — ты называешь укрѣпленіемъ эту ничтожную стѣну изъ вербъ и камыша? Неужели ты думаешь, что пуля не пробьетъ этихъ листьевъ, и кромѣ того индѣйцевъ теперь 20, а пусть наша пуля положитъ хоть одного изъ этихъ краснокожихъ, то тотчасъ-же здѣсь ихъ будетъ сто вмѣсто двадцати; да проститъ мнѣ Богъ мою жестокость, но она необходима.

Фабианъ не могъ ничего сказать противъ этого неопровержимаго доказательства, оно было слишкомъ очевидно.

Въ это время бѣдный всадникъ скакалъ, какъ чловѣкъ, который можетъ спастись только быстрою своей лошади, онъ былъ уже

такъ близко отъ берега, что можно было видѣть черты его лица, обезображенныя страхомъ. Не болѣе двадцати шаговъ оставалось ему до рѣки, какъ лассо индѣйца опутало его... и несчастный, сорванный съ сѣдла, упалъ на песокъ....

VI.

ИНДѢЙСКІЙ ДИПЛОМАТЪ.

Крики торжества и радости сопровождали паденіе бѣлаго, но потомъ на нѣсколько минутъ воцарилось глубокое молчаніе.

— Слава Богу! — сказалъ Фабіанъ : — они его не убили.

Въ самомъ дѣлѣ, плѣнникъ былъ только оглушенъ паденіемъ; онъ всталъ и одинъ изъ апаховъ снялъ съ него арканъ.

— Тѣмъ хуже для бѣдняка, — сказалъ испанецъ : — еслибъ онъ умеръ, то не страдалъ-бы болѣе; молчаніе индѣйцевъ показываетъ, что каждый изъ нихъ придумываетъ казнь этому несчастному. Одинъ бѣлый для нихъ дороже цѣлаго стада дикихъ лошадей.

Индѣйцы, не сходя съ коней, окружили плѣнника, который напрасно бросалъ вокругъ себя отчаянные взоры : повсюду были только бронзовыя, неподвижныя лица. Апахи начали совѣщаніе.

Въ это время индѣецъ, повидимому предводитель отряда, отличавшійся отъ всѣхъ прочихъ своимъ болѣе смуглымъ лицомъ и черными перьями головнаго убора, соскочилъ съ лошади и бросилъ поводья одному изъ апаховъ ; послѣдній принялъ ихъ съ почтеніемъ. Тогда предводитель пошелъ прямо по направленію къ островку, и, подойдя къ берегу началъ, казалось, внимательно искать чихъ-то слѣдовъ на песокъ. — Сердце Боа-Розе сильно забилось, потому что этотъ маневръ индѣйца обнаруживалъ его подозрѣнія на счетъ ихъ пребыванія на островкѣ.

— Неужели эта собака, — сказалъ шопотомъ Пепе, — чуешь носомъ близость свѣжаго мяса ?

Но песокъ, истоптанный копытами лошадей, подхитившихъ въ этомъ мѣстѣ пить воду, не могъ показать индѣйцу человеческихъ слѣдовъ ; однако онъ продолжалъ искать ихъ и отправился вверхъ по теченію.

— Индѣецъ что-то подозрѣваетъ, — сказалъ Боа-Розе, — и онъ отыщетъ слѣды, оставленные нами въ полумилѣ отсюда, когда мы входили въ рѣку, чтобы добраться до островка. Я тебѣ говорилъ, Пе-

пе, — продолжалъ канадецъ съ горестью, — что нужно было войти въ рѣку гораздо выше; но ни ты, ни Фабианъ этого не хотѣли, а я, дуракъ, васъ послушался.

Говоря эти слова, храбрый канадецъ билъ себя въ грудь съ такою силою, которая могла-бы разрушить всякое обыкновенное человѣческое тѣло.

Въ это время судьба плѣнника была, повидимому, рѣшена; крики радости были отвѣтомъ на предложеніе, сдѣланное однимъ индѣйцемъ; но должно было ждать возвращенія предводителя.

Этого предводителя мы уже знаемъ подъ именемъ Черной-Птицы.

Черная-Птица все продолжалъ идти вверхъ по теченію и, достигнувъ того мѣста, гдѣ Боа-Розе и его два товарища вошли въ рѣку, онъ пересталъ сомнѣваться, увѣрившись, что донесенія лазутчиковъ были вѣрны; онъ захотѣлъ этимъ воспользоваться для своихъ политическихъ замысловъ.

Увѣрившись въ присутствіи трехъ бѣлыхъ воиновъ, Черная-Птица мѣрными шагами возвратился къ своему отряду. Выслушавъ съ важнымъ видомъ рѣшеніе индѣйцевъ, онъ отвѣчалъ имъ нѣсколько словъ и показалъ рукою, что надобно подождать; потомъ, давъ вполголоса приказаніе пятерымъ изъ своихъ воиновъ, которые тотчасъ-же гикнули на лошадей и помчались, чтобы его исполнить, онъ тѣмъ-же ровнымъ шагомъ подошелъ къ берегу.

Водяныя растенія зеленѣли на солнцѣ; вѣтеръ шелестѣлъ въ древесныхъ листьяхъ и островокъ казался столь-же необитаемъ, какъ въ тѣ дни, когда рѣка несла свои воды только для однихъ своихъ небесныхъ птицъ, буйволовъ и дикихъ лошадей. Одинъ только индѣецъ не могъ быть обманутъ этой тишиной.

Черная-Птица, приставивъ руку ко рту, закричалъ на языкѣ полундѣйскомъ и полуниспанскомъ :

— Бѣлые воины съвера могутъ показаться; Черная-Птица и его воины будутъ имъ друзьями.

При этихъ словахъ, припесенныхъ вѣтромъ на островокъ, канадецъ сильно сжалъ руку испанскаго охотника. Боа-Розе и Пепе цо-няли смѣшенное нарѣчіе индѣйца.

— Что мы отвѣтимъ этому негодяю? — сказалъ онъ.

— Ничего, — отвѣчалъ лаконически Пепе.

Шелестъ вѣтра въ рѣчномъ кампнѣ былъ единственнымъ отвѣтомъ индѣйскому предводителю.

Черная-Птица началъ снова:

— Отъ взора апахъ орелъ можетъ скрыть свой слѣдъ въ воздухѣ, рыба въ водѣ, но бѣлый, проходящій пустыню не орелъ, не рыба....

— И не птица, — проворчалъ Пепе.

Индѣецъ снова прислушивался, но отвѣтъ испанца, конечно, не могъ дойти до него.

— Бѣлыхъ воиновъ съвера, — продолжалъ Черная-Птица: — только трое; — и онъ съ намѣреніемъ сдѣлалъ удареніе на последнемъ словѣ, показывая тѣмъ, что онъ знаетъ не только гдѣ они, но и сколько ихъ; — только трое противъ двадцати, а красные воины даютъ слово быть имъ друзьями и союзниками.

— А! — сказалъ канадецъ шепотомъ Пепе: — индѣйцы, кажется, нуждаются въ насъ для какой-то подлости.

— Пусть говоритъ, а мы послушаемъ, — отвѣчалъ Пепе; — если я не обманываюсь, то онъ еще не кончилъ.

— Если бѣлые воины узнаютъ намѣренія Черной-Птицы, то они выйдутъ изъ своихъ убужищъ, — продолжалъ предводитель апаховъ; — они узнаютъ эти намѣренія; бѣлые люди съвера враждуютъ съ бѣлыми людьми юга; у нихъ не одинъ языкъ и не одна одежда. Апахи окружили цѣлый лагерь воиновъ юга.

— Золотопромышленники, — сказалъ Боа-Розе, — дурно проводить теперь свое время.

— Если воины съвера хотятъ присоединить свои длинныя карабины къ карабинамъ индѣйцевъ, то они разделятъ съ ними волосы, сокровища и лошадей людей юга; и индѣйцы и бѣлые вмѣстѣ попляшутъ вокругъ труповъ своихъ враговъ.

Боа-Розе и Пепе съ изумленіемъ взглянули другъ на друга и объявили Фабиану, что имъ предлагаютъ союзъ, отвергаемый ихъ совестью. Презрѣніе, выразившееся на лицахъ трехъ друзей, показало, что ихъ мнѣніе въ этомъ случаѣ: скорѣе погибнуть, нежели помогать индѣйцамъ даже противъ своихъ враговъ.

— Каковъ негодай! — сказалъ Боа-Розе, волнуемый негодованіемъ; — онъ принимаетъ ягуаровъ за шакаловъ. Ахъ! еслибъ здѣсь

не было Фабіана, — прибавилъ онъ шопотомъ, — пуля была-бы лучшимъ отвѣтомъ этому мерзавцу.

Индеецъ, не сомнѣвавшійся не мало въ присутствіи охотниковъ на островѣ, началъ терять терпѣніе. Онъ получилъ приказъ отъ своего начальника напасть на лагерь бѣлыхъ, но ему хотѣлось въ этомъ случаѣ поступить по своей собственной политикѣ; онъ зналъ, что пули американцевъ и канадцевъ вѣрно попадали въ цѣль и какое-бы не было число мексиканцевъ, никогда не должно было презирать тремя союзниками съвера.

— Не такъ легко отыскать на лугу слѣдъ буйвола, — продолжалъ Черная-Птица, — какъ слѣдъ бѣлаго, по слѣду буйвола; индеецъ узнаетъ его возрастъ, его толщину, цѣль его бѣга и даже время, когда онъ прошелъ. За камышевою колыбелью, качающейся на волнахъ, есть человекъ сильный какъ бизонъ и ростомъ выше самаго длиннаго карабина; съ нимъ есть воинъ смѣшаннаго племени юга и съвера и молодой воинъ чистаго племени юга, но связь двухъ послѣднихъ съ первымъ показываетъ, что они также враги бѣлыхъ юга; потому что слабые всегда ищутъ дружбы сильныхъ и всегда принимаютъ ихъ планы.

— Проницательность этого индѣйца удивительна, — сказалъ Боа-Розе Пене.

— Вамъ такъ кажется, потому что онъ льститъ вамъ, — возразилъ бывшій микелеть, самолюбіе котораго было уколото.

— Я ожидаю отвѣта бѣлыхъ, — началъ Черная-Птица (и онъ продолжалъ слушать), — я слышу только говоръ ручья и вѣтра и они отвѣчаютъ мнѣ за бѣлыхъ воиновъ: бѣлые очень, очень ошибаются, они думаютъ, что у индѣйца глаза на затылкѣ, что слѣды бизона не видны, что пули не пройдутъ сквозь камышъ. Черная-Птица смѣется надъ этимъ отвѣтомъ вѣтра.

— Пусть себѣ смѣется! — сказалъ Пене: — Индѣйцу во что-быто ни стало хочется отыскать такихъ союзниковъ, какъ мы.

— Ахъ! — вскричалъ грустно канадецъ, — еслибъ мы взошли двумя милями выше въ рѣку!

— Отвергнутый другъ, — продолжалъ назидательно предводитель индѣйцевъ: — дѣлается ужаснымъ врагомъ.

— И у насъ есть подобная поговорка, — прибавилъ вполголоса Пене.

Въ то-же время Черная-Птица сдѣлалъ знакъ плѣннику приблизиться къ нему. Этотъ подошелъ; предводитель, указывая ему на маленькое пространство между двумя кущами камыша, роснаго на островъ, сказалъ: «Съумѣеть-ли карабинъ блѣднаго лица бросить пулю въ промежутокъ, разделяющій высокія травы?» Индѣецъ назвалъ свою жертву блѣднымъ лицомъ не по смертной блѣдности, которая его покрывала, но потому что они обыкновенно такъ называютъ бѣлокожихъ.

Плѣнникъ изъ этого разговора понялъ только нѣсколько испанскихъ словъ, примѣшанныхъ къ индѣйскому діалекту, а потому остался совершенно нѣмъ и только дрожалъ. Тогда Черная-Птица сказалъ нѣсколько словъ одному изъ своихъ воиновъ который вложилъ въ руки бѣлаго карабинъ, отнятый ими, и потомъ разными жестами, онъ успѣлъ объяснить плѣнному, чего отъ него хотѣли. Несчастный золотопромышленникъ прицѣлился; но его члены дрожали отъ страха, и карабинъ трясся въ его рукахъ во всѣ стороны.

— Бѣднякъ не попадетъ даже въ островъ, — сказалъ съ беззаботностью Пепе, — и если индѣйцы не имѣютъ лучшаго средства заставить насъ говорить, то я буду молчать хоть до завтра.

Бѣлый выстрѣлилъ, и въ-самомъ-дѣлѣ вылетѣвшая пуля изъ его дрожавшихъ рукъ, шипя, погрузилась въ воду въ нѣкоторомъ разстояніи отъ острова.

Черная-Птица сдѣлалъ знакъ презрѣнія и оглядѣлся во всѣ стороны.

— Да, — сказалъ Пепе: — ищи пороху и пуль между копытами и арканами своихъ воиновъ.

Едва бывший микелегъ успѣлъ окончить эти слова, какъ удалившіеся по приказанію начальника пять всадниковъ, возвратились на своихъ лошадяхъ, покрытыхъ снова попонами, въ полномъ вооруженіи, готовые къ битвѣ; они имѣли карабины или колчаны, наполненные стрѣлами. Они увѣжали за оружіемъ, которое оставили, чтобы дать полную свободу своимъ лошадямъ во время охоты. Пять другихъ всадниковъ удалились въ свою очередь.

— Дѣло принимаетъ дурной оборотъ, — сказалъ грустно Боа-Розе.

— Еслибъ мы на нихъ напали, пока ихъ только пятнадцать, — замѣтилъ Пепе.

— Нѣтъ, — сказалъ канадецъ, — будемъ нѣмы; индѣецъ еще сомнѣвается, что мы здѣсь.

— Какъ хочешь...

И Пепе продолжалъ смотреть сквозь вѣтви деревь.

Предводитель индѣйцевъ взялъ самъ карабинъ и подошелъ къ рѣкѣ.

— Руки Черной-Птицы не дрожатъ, какъ сухая трава отъ вѣтра, — сказалъ индѣецъ, направляя къ острову дуло карабина, который былъ неподвиженъ и твердъ въ его атлетическихъ рукахъ. — Но прежде, чѣмъ раздастся выстрѣлъ, — продолжалъ онъ: — индѣецъ будетъ ждать отвѣта бѣлыхъ, скрытыхъ на островѣ; онъ сосчитаетъ до ста.

— Стань позади меня, Фабианъ, — сказалъ Боа-Розе.

— Я не тропусь съ мѣста, — отвѣчалъ Фабианъ рѣшительнымъ топомъ; — я моложе васъ; на мнѣ лежитъ обязанность подвергнуться опасности для васъ.

— Ребенокъ, — сказалъ канадецъ, — не видишь-ли ты, что мое тѣло шестью футами во всѣ стороны больше твоего, и оставаясь здѣсь, мы сдѣлаемъ двойную цель для пули индѣйца.

И канадецъ осторожно приблизился къ Фабиану и сталъ передъ нимъ на коленн.

— Исполните его желаніе, донъ Фабианъ, — сказалъ спокойно Пепе: — никогда человекъ не имѣлъ болѣе благороднаго щита, какъ сердце этого великана; оно труситъ только за васъ.

Предводитель индѣйцевъ съ карабиномъ въ рукъ прислушивался, продолжая считать, но, исключая воды, которая, журча, склоняла тростникъ къ его ногамъ, и теплаго вѣтерка, глубокая тишина царствовала повсюду.

Черная-Птица выстрѣлилъ, и только водяныя растенія полетѣли на воздухъ; но три охотника, стоя на коленяхъ, не представляли широкой цели, и пуля, шипя, пролетѣла въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи.

Черная-Птица подождать одну минуту, потомъ снова вскричалъ громкимъ голосомъ.

— Индѣецъ обманулся; онъ узналъ свое заблужденіе, и начнетъ искать бѣлыхъ вонновъ въ другомъ мѣстѣ.

— Повѣрь-ка этому, — сказалъ Пепе, — хитрецъ больше, чѣмъ когда-нибудь убѣжденъ въ противномъ.

— Дикарь хочеть оставить насъ на нѣсколько минутъ въ покоѣ, пока онъ управится съ плѣнникомъ, и это, конечно, не будетъ продолжительно, потому что казнь благо для индѣйцевъ такое зрѣлище, котораго они всегда ждутъ съ нетерпѣнiемъ.

— Вотъ время, — вскричалъ Фабiанъ: — сдѣлать попытку въ пользу несчастнаго, котораго ждетъ ужасная казнь!

Боа-Розе въ свою очередь выразительно поглядѣлъ на своего товарища, потомъ, обращаясь къ Фабiану, отвѣчалъ:

— Мы не говоримъ противнаго; но между-тѣмъ, я все надѣюсь, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство намъ поможетъ. Чтобы не говорилъ Пепе, однакожь индѣецъ можетъ все еще сомнѣваться, и если мы покажемся, то онъ не будетъ думать иначе... — Старикъ задумался. — Согласиться на союзъ съ этими разбойниками, даже противъ дона Эстевана, было бы подло. Что дѣлать?... что дѣлать? — прибавилъ съ отчаянiемъ Боа-Розе.

— Другаго рода страхъ проникъ въ сердце Боа-Розе. Онъ видѣлъ Фабiана въ опасности, когда его кровь кипѣла подѣ огнемъ страсти; но имѣлъ-ли Фабiанъ холодную и безстрастную храбрость, которая, не предаваясь гнѣву, пренебрегаетъ смертию; имѣлъ-ли онъ самоотверженiе, которое столько разъ выказывалъ испанецъ и онъ, Боа-Розе? Канадецъ вдругъ, казалось, на что-то рѣшился.

— Слушай, Фабiанъ, — сказалъ онъ: — могу-ли я съ тобою говорить, какъ человекъ взрослый? Не оледенѣетъ-ли твое сердце отъ словъ, которыя ты услышишь?

— Зачѣмъ сомнѣваться въ моей храбрости! — скромно отвѣчалъ Фабiанъ, и въ голосъ его былъ слышенъ легкiй упрекъ. — Чтобы вы не сказали, я услышу, не блѣднѣя; чтобы вы не сдѣлали, я, не колеблясь, послѣдую за вами.

— Донъ-Фабiанъ говоритъ правду, Пепе! — вскричалъ канадецъ. — Видишь-ли ты, какъ его гордый взоръ противорѣчитъ съ простотою его словъ.

И обрадованный старикъ сжалъ руку Фабiану и продолжалъ торжественно:

— Никогда три человека не находились въ такой страшной опасности, какъ та, которая намъ теперь угрожаетъ; враги наши въ семь разъ многочисленнѣе насъ. Еслибъ каждому изъ насъ удалось убить и

иностраныхъ воиновъ, то и тогда даже число ихъ осталось-бы равное нашему...

— Мы ужъ это дѣлывали, — прервалъ Пепе.

— Ну, что-жъ, мы и еще сдѣлаемъ! — вскричалъ Фабианъ.

— Хорошо, мое дитя, очень хорошо, — продолжалъ Боа-Розе; — но чтобы не случилось, индѣйцы не возьмутъ насъ живьемъ въ руки. Посмотримъ, Фабианъ, — прибавилъ старикъ, стараясь поддержать твердость своего голоса, и онъ обнажилъ длинный, широкій кинжалъ, вставленный въ роговую рукоятку: — еслибъ мы остались безъ пороха, безъ хлѣба, на произволь этихъ дикарей, готовые впасть въ ихъ руки, и этотъ кинжалъ оставался-бы послѣднимъ средствомъ спасенія, что сказалъ-бы ты?

— Я сказалъ-бы вамъ: «вопзайте, мой отецъ, и умремъ вмѣстѣ.»

— Да, да, — вскричалъ канадецъ, глядя съ невыразимою нѣжностью на того, кто называлъ его отцемъ; — это будетъ новымъ средствомъ для того, чтобы намъ никогда уже не разставаться. И онъ протянулъ свою дрожащую руку Фабиану, который почтительно ее поцѣловалъ.

Взоръ канадца блестялъ нѣжною гордостью.

— Теперь, — сказалъ онъ, — чтобы не случилось; мы не разстанемся другъ съ другомъ, а остальное совершитъ Богъ; постараемся-же спасти этого несчастнаго.

— Такъ къ дѣлу-же! — вскричалъ Фабианъ.

— Нѣтъ еще, нѣтъ еще, мое дитя; посмотримъ сначала, что эти краснокожіе хотятъ дѣлать съ ихъ пленникомъ.

Въ продолженіе этого разговора, индѣйцы вывели свою жертву, оставляя полную свободу его членамъ. Они образовали прямую линію на два ружейныхъ выстрѣла отъ рѣки. Бѣлые были въ некоторомъ разстояніи отъ своихъ палачей, выровнявшихся въ линію.

— Я вижу, что они хотятъ съ нимъ дѣлать, — сказалъ Боа-Розе, точно также, какъ еслибъ участвовалъ въ ихъ совѣтъ. — Они хотятъ испытать не крѣпче-ли его подколки, чѣмъ руки. Разбойники эти хотятъ доставить себѣ удовольствіе охотой.

— Какъ это? — спросилъ Фабианъ.

— Они позволяютъ пленнику стать на некоторомъ разстояніи впереди ихъ; тогда индѣйцы побѣгутъ за нимъ съ копьями или съ лицами. Если у бѣлаго быстрыя ноги, онъ добѣжитъ до рѣки преж-

де ихъ, и тогда мы закричимъ ему, чтобы онъ бросился къ намъ вплавъ. Нѣсколько выстрѣловъ нашихъ карабиновъ охранять его, и онъ достигнетъ благополучно до острова. Остальное будетъ принадлежать намъ. Но, если страхъ окоченитъ его ноги, какъ недавно было съ руками, первый идвѣецъ, который его догонитъ, разожжетъ ему топоромъ или палицею голову, или проколетъ его насквозь копьемъ. Во всякомъ случаѣ, мы сдѣлаемъ, что можно.

Въ эту минуту пять удалившихся индѣйцевъ возвратились вооруженные съ ногъ до головы, какъ ихъ предшественники, и присоединились къ послѣднимъ.

Фабіанъ сильно сжимая ложе своего карабина, глядѣлъ съ глубокимъ участіемъ на несчастнаго бѣлаго, который съ блуждающими глазами, съ лицомъ обезображеннымъ отъ страха, ждалъ въ ужасной тоскѣ, чтобы предводитель индѣйцевъ подалъ знакъ. Это была страшная минута, и охота на чловѣка должна была скоро начаться.

На островкѣ, также, какъ и на равнинѣ, все ждали этой минуты въ глубокомъ молчаніи... но не безъ волненія. Вдругъ Черная-Птица сдѣлалъ знакъ рукою, чтобы охота была отложена на минуту. Этотъ жестъ легко было понять. Одной рукой онъ указалъ на голыя ноги своихъ воиновъ, потомъ на мѣдныя полусапожки, надетыя на ногахъ бѣлаго.

Тогда увидѣли, что бѣлый съѣлъ на песокъ, и началъ снимать свою обувь съ нерышительностью, медленно, чтобы выиграть, можетъ быть, еще нѣсколько минутъ

— Изверги! — вскричалъ Фабіанъ. Но Боа-Розе закрылъ ему ротъ рукою.

— Молчи, — сказалъ онъ; — не отнимай послѣдней надежды на возможность спасти жизнь этому несчастному; наше покровительство начнется, когда онъ будетъ отъ насъ на разстояніи карабиннаго выстрѣла.

Фабіанъ понялъ и закрылъ глаза, чтобы не видѣть ужасной сцены, начинавшейся передъ нимъ.

Наконецъ бѣлый всталъ во второй разъ и индѣйцы съ выдвинутыми впередъ ногами, пожирали его глазами. Черная-Птица ударилъ въ ладоши. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить вой, который они издали при этомъ знакѣ, какъ только съ рыканіями стаи ягуровъ, преслѣдующихъ дикихъ козъ. Несчастный пленникъ, казалось,

имѣлъ ноги оленя, но его мучители прыгали за нимъ, какъ тигры, когда они на охотѣ.

Благодаря разстоянію, которое отдѣляло его отъ индѣйцевъ, онъ благополучно пробѣжалъ то небольшое пространство, раздѣлявшее его отъ берега рѣки; но камни, раздиравшіе его ноги, острые шипы смоковницъ, вонзавшіеся въ нихъ, скоро заставили его ослабить быстроту бѣга. Не смотря на это, онъ все еще былъ впереди, когда вдругъ передовой индѣецъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ него, и нанесъ было бѣжавшему ужасный ударъ копьемъ. Оружіе прошло между туловищемъ и рукою жертвы, и индѣецъ, увлеченный силою этого неудачнаго удара, потерялъ равновѣсіе и жестоко ударился объ песокъ.

Гайферось (это былъ онъ), казалось, колебался минуту, долженъ-ли онъ поднять копье индѣйца, выпавшее у него во время паденія. Потомъ инстинктъ самосохраненія заставилъ его снова бѣжать. Это замедленіе его погубило.

Три охотника съ приставленными къ плечу карабинами, съ замраниемъ сердца слѣдили взорами за этой борьбою одного противъ двадцатерыхъ. Вдругъ, посреди столба пыли, поднятой отчаяннымъ бѣгомъ, блеснулъ топоръ надъ головою несчастнаго Гайфероса, который въ свою очередь упалъ на землю и своимъ паденіемъ былъ увлеченъ почти до самой рѣки.

Канадецъ хотѣлъ спустить курокъ; но страхъ убить того, кого онъ хотѣлъ спасти, остановилъ его палецъ на куркѣ карабина. Минута, одна только минута и вѣтеръ очистилъ немного облако пыли. Боа-Розе выстрѣлилъ, но ужъ было поздно: индѣецъ, катавшійся въ предсмертныхъ мукахъ подъ пулей охотника, махалъ окровавленной кожей съ волосами несчастнаго обезображеннаго пльнника, лежавшаго на берегу.

При этомъ неожиданномъ выстрѣлѣ и крикѣ, который испанецъ и канадецъ издали, вой индѣйцевъ отвѣчалъ имъ хоромъ въ одно время.

Апахи удалились отъ того, кто казался имъ только трупомъ. Вскорѣ между-тѣмъ, этотъ окровавленный трупъ съ голымъ черепомъ, всталъ, сдѣлалъ, шатаясь, два шага впередъ и снова упалъ истощенный, ослѣпленный кровью, которая ручьями струилась по его лицу.

Канадскій охотникъ дрожалъ отъ негодованія.
— Ахъ! — вскричалъ онъ: — если ему остается еще хоть капля жизни, если онъ только скальпированъ, потому что отъ этого не умирають, мы его еще спасемъ!..

VII.

ИНДЬСКІЯ ХИТРОСТИ.

Какъ только канадецъ окончилъ великодушную клятву, исторгнутую негодованіемъ, ему показалось, что онъ слышитъ умоляющій голосъ.

— Не просить-ли насъ о помощи несчастный? — сказалъ онъ.
— И въ первый еще разъ онъ поднялъ голову надъ камышемъ.

При видѣ лисьей шапки, покрывавшей голову великана и по длинному и тяжелому карабину, который его рука поднимала, какъ ветку ивы, апахи узнали одного изъ самыхъ страшныхъ своихъ враговъ съвера, и весь отступили пораженные удивленіемъ при этомъ неожиданномъ явленіи. Не должно забывать, что исключая Черной-Птицы, ни одинъ изъ индѣйскихъ воиновъ не зналъ объ охотникѣ. Канадецъ бросилъ твердый и увѣренный взглядъ на берегъ, гдѣ лежалъ Гайферось, оставленный апахами. Онъ примѣтилъ оскальпированнаго несчастливца, который слабымъ голосомъ звалъ на помощь и протягивалъ къ нему свои дрожащія руки.

Индѣецъ, скальпировавшій его, держалъ еще въ своихъ пальцахъ, скорченныхъ смертію, волосы бѣлаго воина.

При этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, канадецъ всталъ и выпрямилъ свой гигантскій ростъ во всю длину.

— Стрѣляйте чаще и одинъ послѣ другаго въ этихъ негодаевъ, — сказалъ онъ, — и не забывайте, что они не должны васъ взять живьемъ

Говоря это, Боа-Розе взошелъ съ рѣшительностью въ воду. Человѣкъ обыкновеннаго роста, былъ-бы совсѣмъ покрытъ водою, но канадецъ цѣлыми плечами былъ выше уровня воды. Его карабинъ держалъ враговъ въ почтеніи.

— Я буду стрѣлять первый, вы послѣ меня; — сказалъ Пепе Фабиану, — моя рука вернетъ вашей и мой кентукскій карабинъ бьетъ

вдвое дальше вашего бельгийскаго ружья. Но во всякомъ случаѣ, дѣлайте какъ я, и стойте на прицѣлѣ. Если одинъ изъ этихъ дикарей сдѣлаетъ хоть малѣйшее движеніе, предоставьте ужъ мнѣ прочесть его порядкомъ.

Испанецъ окидывалъ огненнымъ взоромъ стоявшихъ враговъ, и угрожалъ въ свою очередь дуломъ своего карабина каждому апаху, готовый выстрѣлить при малѣйшемъ непріязненномъ знакъ съ ихъ стороны.

Въ продолженіе этого времени канадецъ все подвигался впередъ, и вода мало-по-малу понижалась подъ нимъ. Когда одинъ индѣецъ поднялъ карабинъ, чтобы выстрѣлить въ безстрашнаго охотника, пуля Пепе предупредила его, и индѣецъ упалъ лицомъ на песокъ, роняя ружье.

— Теперь ваша очередь, донъ-Фабіанъ! — сказалъ Пепе, бросаясь на землю, чтобы снова зарядить карабинъ, и онъ легъ на спину по американскому обычаю.

Фабіанъ спустилъ курокъ въ свою очередь; но его ударъ не былъ такъ вѣренъ и ружье не било такъ далеко, какъ кентукскій карабинъ, почему выстрѣлъ этотъ вырвалъ только крикъ бѣшенства у индѣйца: онъ его ранилъ, но не убилъ. Нѣсколько стрѣлъ полетѣло на безстрашнаго канадца; но Боа-Розе, то нагибался, то отстранялъ ихъ рукою, и когда вышелъ на берегъ, Пепе успѣлъ уже снова зарядить свой карабинъ и стоялъ, готовый сдѣлать второй выстрѣлъ. Охотникъ, пользуясь нерышимостью, овладѣвшею на минуту индѣйцами, поднялъ тѣло Гайфероса.

Несчастный, взваленный на плечи великана, имѣлъ присутствіе духа оставить руки своего спасителя свободными въ ихъ движеніяхъ, и канадецъ съ своей пошей, отступая, взошелъ снова въ воду. Одинъ разъ послышался карабинъ Боа-Розе и предсмертный крикъ индѣйца отвѣчалъ на этотъ выстрѣлъ. Наконецъ это львиное логовище, поддерживаемое огнемъ Пепе и Фабіана, заставило индѣйцевъ прекратить битву, и черезъ нѣсколько минутъ торжествующій Боа Розе положилъ на землю островка несчастнаго Гайфероса, который былъ почти безъ чувствъ.

— Вотъ трое индѣйцевъ ужъ и неспособны къ битвѣ, — сказалъ великанъ. — Теперь они оставляютъ насъ на нѣсколько минутъ въ покоѣ. Ну! видишь-ли, Фабіанъ, преимущество батальнаго огня? Мер-

завнамъ порядочно досталось въ эти четверть часа. Для твоего дебюта это нехудо, и я тебя уверяю, что когда ты будешь имѣть кентукскій карабинъ, ты будешь отличный стрѣлокъ.

Минутный успѣхъ, одержанный канадцемъ, казалось, прогналъ его мрачныя мысли: онъ обратился къ Гайферосу, который глухо стоялъ.

— Мы подоспѣли очень поздно, чтобы спасти кожу вашего черепа, мой милый, — сказалъ онъ; — утѣштесь, это небольшая бѣда. У меня множество друзей въ такомъ-же положеніи, какъ и вы, и которымъ это нисколько не мѣшаетъ быть въ добромъ здоровьи; о прическѣ заботиться не надо, вотъ и все. Жизнь на минуту спасена, это главное, а теперь мы постараемся докончить исцѣленіе.

Нѣсколько лоскуткѣвъ отъ платья Гайфероса были употреблены для поддержанія на обнаженномъ черепѣ пивовыхъ листьевъ, смоченныхъ водою. Когда была окончена первая перевязка, лицо мексиканца, съ котораго была смыта кровь, скрыло видъ этой отвратительной раны.

— Видишь-ли, — сказалъ канадецъ, не оставлявшій идеи удержатъ своего Фабіана подле себя: — ты долженъ узнать привычки пустыни и нравы индѣйцевъ. Мерзавцы, узнавшіе по тремъ товарищамъ, убитымъ нами, что мы за народъ, удалились, чтобы достигъ хитростью того, чего не достигли силою. Видишь-ли, какъ все тихо послѣ такого шума.

Пустыня, въ-самомъ-дѣль снова приняла свою смертную неподвижность; только листья осинъ колеблемыя вечернимъ вѣтеркомъ, шумѣли, да садившееся солнце окрашивало рѣку яркими красками.

— Что думаешь ты объ этомъ, Пепе, — прибавилъ канадецъ тонкомъ наивнаго торжества; — теперь ихъ не больше семнадцати...

— Если ихъ не больше семнадцати, — отвѣчалъ Пепе, — то, конечно, я не говорю, что мы съ ними не управимся; но если они получаютъ подкрѣпленіе...

— Пусть! Жизнь наша въ рукахъ Бога! — замѣтилъ Боа-Розе.

— Скажите-же, мой другъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Гайферосу: — вѣроятно вы изъ лагеря дон-Эстевана?

— Развѣ вы его знаете? — сказалъ раненный слабымъ голосомъ.

— Безъ сомнѣнія. Какимъ-же случаемъ вы очутились такъ далеко отъ вашего лагеря?

Раненный рассказал, какъ, по порученію донъ-Эстева, онъ отправился отыскивать заблудившагося проводника ихъ, и какъ, заблудившись самъ, очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ индѣйцы охотились на дикихъ лошадей.

— Какъ зовутъ этого проводника? — спросилъ Фабіанъ.

— Кухилло.

Фабіанъ бросилъ значительный взглядъ на Боа-Розе.

— Да, — замѣтилъ охотникъ: — есть нѣкоторое вѣроятіе, что ваши подозрѣнія относительно этого пройдохы не безъ основанія, и что онъ ведетъ экспедицію къ Золотой Долинѣ; но, мое дитя, если мы убѣдимъ отъ этихъ индѣйскихъ мерзавцевъ, намъ стоитъ только до нея добраться, и будь ихъ хоть сто, мы съ ними справимся. Последнее онъ сказалъ шепотомъ на ухо Фабіану.

— Еще одно слово, — продолжалъ канадецъ, обращаясь къ раненому, — и мы оставимъ васъ въ покоѣ: сколько донъ-Эстева имѣетъ еще съ собою людей?

— Шестьдесятъ, — отвѣчалъ Гайферось.

Получивъ эти свѣдѣнія, канадецъ вторично освѣжилъ черепъ раненаго, окропляя его свѣжею водою, и несчастный на минуту почувствовалъ облегченіе, потомъ ослабленный волненіями и потерей крови, онъ забылся почти летаргическимъ сномъ.

— Теперь, — сказалъ канадецъ, — подумаемъ о нашихъ дѣлахъ, и постараемся построить ограду попрочнѣй, чѣмъ эти листья или тростникъ, ограду, которая бы могла насъ защитить отъ пуль и стрѣлъ. Сосчитали-ли вы сколько карабиновъ въ рукахъ у индѣйцевъ?

— Семь, если я не обманываюсь, — отвѣчалъ бывший миселеть.

— И такъ десять изъ нихъ не такъ страшны. Посмотримъ, мерзавцы не могутъ насъ атаковать ни съ права, ни съ лѣва по теченію воды. Следовательно должно ожидать нападенія только съ обоихъ береговъ, потому что, можетъ быть, они сдѣлали обходъ, чтобы перейдя рѣку, поставить насъ между двухъ огней.

Берегъ рѣки противоположный тому, на которомъ мы видали индѣйскихъ воиновъ, былъ достаточно защищенъ огромными выдвинувшимися корнями, по сторона, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ, должна начаться атака, была защищена только кущей очень неплотной ивовыхъ отпрысковъ и тростника.

Благодаря необыкновенной силѣ своихъ рукъ, канадецъ съ по-

мощно Пепе, усявъ вырвать изъ оконечностей островка, обращенныхъ къ течению рѣки, нѣсколько толстыхъ, засохнувшихъ вѣтвей и стволовъ, недавно прибитыхъ. Достаточно было нѣсколькихъ минутъ двумъ искуснымъ охотникамъ, чтобы укрѣпить самую слабую и болѣе угрожаемую сторону этого грубаго но за то прочнаго укрѣпленія, которое могло избавить защитниковъ островка отъ смертельныхъ выстрѣловъ.

— Видишь-ли, Фабианъ, — сказалъ Боа-Розе: — тебѣ будетъ также безопасно за этими бревнами какъ и въ каменной крѣпости. Тебѣ только могутъ угрожать пули съ верхушекъ береговыхъ деревьевъ; но я позабочусь, чтобы ни одинъ изъ этихъ хищниковъ не достигъ до верхушки.

Канадецъ потиралъ руками отъ удовольствія, что поставилъ между Фабианомъ и смертно достаточную преграду и онъ указалъ ему мѣсто позади самого укрѣпленнаго мѣста.

— Замѣтили-ли вы, — спросилъ Боа-Розе: — какъ, при нашихъ усилахъ сломить вѣтвь или вытащить бревно, островокъ колебался въ своемъ основаніи?

— Да, — отвѣчалъ Пепе: — казалось, что онъ хотѣлъ сорваться съ своего фундамента, чтобы поплыть по теченію воды.

Но два охотника чувствовали, что минута опасности приближалась и что перемиріе приходило къ концу, чтобы уступить мѣсто долгому и смертельному бою.

Канадецъ посоветовалъ своимъ товарищамъ не тратить даромъ пороху; Фабиану онъ далъ нѣсколько наставленій, чтобы стрѣлять вѣрнѣе; онъ сжалъ дрожащею рукою испанца, который ему молча отвѣчалъ тѣмъ-же, потомъ онъ прижалъ съ нѣжностью Фабиана къ своему сердцу, какъ въ тотъ день, когда онъ разлучился съ нимъ въ морской битвѣ. Когда этотъ долгъ человѣческой слабости былъ заплаченъ, три защитника островка снова стали на свои посты, не уступая въ хладнокровіи индѣйцамъ.

Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіе которыхъ только тяжелое дыханіе раненаго нарушало глубокую тишину природы.

Поверхность рѣки, верхушки росшихъ на берегу тополей, самые берега съ своимъ тростникомъ, ничто не ускользало отъ внимательнаго взгляда охотниковъ, потому что ночь быстро приближалась, а съ нею и всѣ хитрости и засады индѣйцевъ.

— Вот настаетъ часъ, когда ночные хищники приводятъ въ дѣйствіе свои замыслы, — сказалъ серьезно Боа-Розе; — часъ, когда эти ягуары рыскають, отыскивая свою добычу.

Ни кто не отвѣчалъ на эту фразу канадца, которая была скорѣе вслухъ выраженная мысль, чѣмъ советъ осторожности.

Между-тѣмъ темвота болѣе и болѣе сгущалась. Росшіе на берегу кустарники принимали фантастическія формы.

Зелень деревьевъ покрывалась чернымъ цвѣтомъ; но привычка дала двумъ нашимъ охотникамъ, канадцу и испанцу, зоркость индѣйцевъ, и ничто, при бдительности, которую они употребили, не могло обмануть ихъ утонченныхъ чувствъ.

— Пепе, — сказалъ канадецъ — не замѣчаешь-ли ты, что тотъ кустарникъ (и онъ показалъ пальцемъ сквозь тростникъ на кущу ивъ) принялъ другую форму и что онъ сдѣлался шире?

— Да, — отвѣчалъ испанецъ: — видъ кустарника измѣнился.

— Фабіанъ, — продолжалъ канадскій охотникъ: — у тебя глаза зоркіе, какіе и у меня были въ твои лѣта, не кажется-ли тебѣ, что на лѣвой сторонѣ этой ивовой кущи нѣтъ листьевъ....

Молодой человекъ тихонько раздвинулъ тростникъ и началъ разсматривать со вниманіемъ мѣсто, на которое ему указывалъ Боа-Розе

— Я бы поклялся, — сказалъ онъ, — но ...

Тутъ онъ остановился, всматриваясь во что-то въ нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, которое безпокоило Боа-Розе.

— Ну что-же! — спросилъ канадецъ, — не увидѣлъ-ли ты новаго предмета?

— Я примѣчаю, — продолжалъ Фабіанъ: — между вербой и тополемъ, въ десяти шагахъ отъ ивовой кущи, кустарникъ, котораго совсѣмъ не было за часъ тому назадъ.

— Ага! — сказалъ канадецъ, вотъ что значитъ жить въ дали отъ городовъ, малѣйшія подробности окрестности врываются въ память и служатъ драгоценнѣйшими примѣтами: ты сотворишь, чтобы вести охотническую жизнь.

Пепе поднялъ свой карабинъ по направленію къ указанному кустарнику.

— Пепе стойтъ только намекнуть, — сказалъ Боа-Розе, — онъ также знаетъ, какъ и я, что индѣйцы употребили все это время на срубку

вѣтвей и на дѣланье изъ нихъ переносныхъ убъжищъ, но въ самомъ дѣлѣ они должны очень презирать бѣлыхъ, изъ которыхъ двое могутъ научить ихъ такимъ хитростямъ, о какихъ они и понятія не имѣютъ. Оставь этотъ кустарникъ Фабиану, — продолжалъ канадецъ, обращаясь къ Пепе, — для него онъ будетъ болѣе легкою цѣлью, а ты стрѣляй въ эти вѣтви, съ которыхъ начинаютъ падать листья. Здѣсь-то засѣли индѣйцы. Въ средину, въ средину! — повторилъ онъ шепотомъ.

Съ островка раздался два выстрѣла, такъ что ихъ вельзя было не счесть за одинъ. Искусственный кустарникъ осылся и два охотника замѣтили краснаго, который ворочался сзади листьевъ, и что прибавленныя вѣтви къ ивовой кущи судорожно качались.

Пепе, Фабианъ и Боа-Розе легли на спину; первые два, чтобы зарядить свои ружья, третій былъ готовъ привести свое въ дѣйствіе.

Пули враговъ переломили тоненькія вѣтви, и листья, рассыпаясь, упали на нихъ, въ тоже время крикъ войны пойманныхъ въ распахъ индѣйцевъ поразилъ ихъ слухъ.

— Если я не обманываюсь, то ихъ не больше пятнадцати, — вскричалъ канадецъ, ломая на пять частей маленькую сухую вѣтвь и втыкая одинъ кусокъ въ землю; — не дурно считать ихъ убитыхъ.

Боа-Розе оставилъ свое горизонтальное положеніе, чтобы стать на колѣни. — Солнце бросало свои послѣдніе лучи на верхушки деревьевъ.

— Вниманіе дѣти, — сказалъ онъ, — я примѣчаю, что листья того тополя шевелятся и, конечно, это вѣтеръ ихъ колышетъ. Безъ-сомнѣнія одинъ изъ этихъ мерзавцевъ взлзаетъ или уже взлзъ на верхушку.

Пуля, пробившая одно изъ бревенъ плота, показала, что догадки охотника были справедливы.

— Чортъ возьми! нужно дѣйствовать хитростью и принудить индѣйца показаться. — Говоря это, онъ снялъ шапку, покрывавшую его голову и блузу съ плечъ и осторожно выставилъ ихъ на показъ между промежутками вѣтвей. Фабианъ глядѣлъ на его хитрость со вниманіемъ.

— Еслибъ я имѣлъ противникомъ бѣлаго солдата, — сказалъ Боа-Розе, то я сталь-бы съ боку моей блузы, потому что солдатъ стрѣлялъ-бы въ блузу, а не въ меня; съ индѣйцемъ же, я стану позади ея, потому что краснаго война этимъ не обманешь, и онъ будетъ

стрелять мимо моего платья. Лягъ, Фабианъ, и ты также, Пепе, позвольте мнѣ дѣйствовать, черезъ минуту вы услышите нѣсколько пуль на право и на лѣво отъ цѣли, которую я имъ подставилъ.

Канадецъ снова сталъ на колѣни позади своей блузы, готовый выстрѣлить въ тополь. Онъ не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Не прошло и минуты, пули индѣйцевъ, свистя, срвзали листья по обѣимъ сторонамъ блузы и шапки, но не попадая ни въ канадца, ни въ его двухъ товарищей, которые удалились отъ правой и лѣвой стороны.

— Ага! — вскричалъ канадецъ, — есть бѣлые, которые могутъ бить индѣйцевъ ихъ собственнымъ оружіемъ. Воткни еще кусокъ дерева въ землю, Фабианъ, мы сейчасъ будемъ имѣть однимъ врагомъ менѣе.

Охотникъ выстрѣлилъ въ одинъ отростокъ тополя, гдѣ показался красный цвѣтъ, похожій для всякаго другаго глаза на осенній листь, и шумъ отъ выстрѣла еще не прекратился, какъ индѣецъ катился уже съ вѣтки на вѣтку, подобно плоду.

Вой индѣйцевъ отвѣчалъ на этотъ мастерской ударъ канадца, и раздавался такъ страшно, что надо было имѣть стальные мускулы, чтобы не содрогнуться отъ ужаса при этихъ раздирающихъ звукахъ; даже раневый, котораго постоянные выстрѣлы не разбудили, вышелъ изъ летаргій и прошепталъ дрожащимъ голосомъ:

— Что это стая тигровъ воетъ въ темнотѣ? Святая Марія сжалясь надо мною!

— Молитесь ей и благодарите, — прервалъ канадецъ: — мерзавцы могли-бы непрерывнымъ своимъ воемъ обмануть такого новичка какъ вы, но ни стараго льенаго скитальца. Слыхали-ли вы какъ воютъ вечеромъ въ лѣсу шакалы и отвѣчаютъ другъ другу; можно подумать, что ихъ сотни, а часто ихъ не больше трехъ или четырехъ. Индѣйцы подражаютъ шакаламъ, и я отвѣчаю, что ихъ теперь не больше дюжины за этими деревьями. Ахъ! еслибъ я могъ заставить ихъ перейти рѣку, не одинъ бы изъ нихъ не возвратился въ свою деревню, чтобъ объявить о своемъ пораженіи.

Какъ будто внезапная мысль пришла въ голову Боа-Розе; онъ заставилъ своихъ товарищей лечь на спину. Олушка островка и стволы деревьевъ достаточно ихъ защищали, пока они находились въ урвень съ землею.

— Мы въ безопасности до-тѣхъ-поръ, пока станемъ лежать, — продолжалъ онъ: — пужно только слздить за верхушками де-

ревьевъ; оттуда только они могутъ попасть въ насъ. Не будемъ стрѣлять, исключая когда мы увидимъ, что они взлѣзаютъ на ивы и притворимся мертвыми. Мерзавцы не захотятъ возвратиться безъ нашихъ волосъ, и ринутся наконецъ придти къ намъ.

Эта мысль, казалось, была послана охотнику самимъ небомъ, потому что едва они успѣли лечь на землю, какъ градъ пуль и стрѣлъ пробилъ окружавшій камышъ, переломивъ вѣтви, позади которыхъ они стояли за минуту предъ тѣмъ, но охотники, лежавшіе горизонтально, были невредимы. — Канадецъ быстро сорвалъ свою блузу и шапку, какъ будто онъ самъ упалъ подъ ударами своихъ враговъ и самая глубокая тишина воцарилась на островкѣ послѣ этихъ выстрѣловъ, по видимому такъ убійственныхъ.

Крики торжества отвѣчали на это молчаніе, которое ни чѣмъ не было нарушено; минуту спустя послѣдовали новые выстрѣлы. Но и на этотъ разъ островъ остался нѣмымъ, мертвымъ, какъ могила.

— Не лзетъ-ли одна изъ этихъ собакъ на иву?—спросилъ Пепе.

— Да; но пусть его стрѣляетъ; не трогаясь съ мѣста, мы будемъ продолжать роль мертвыхъ. Нужно ринуться на эту мѣру. Потомъ онъ скажетъ своимъ товарищамъ, что видитъ четыре трупа бѣлыхъ.

Не смотря на опасность этой военной хитрости, предложеніе Боа-Розе было принято, и каждый остался неподвижнымъ на землѣ, наблюдая съ большимъ вниманіемъ каждое движеніе индѣйца. Съ чрезвычайною осторожностью красный воинъ цѣплялся за вѣтви дерева, и наконецъ достигнулъ до необходимой высоты, чтобы видѣть внутренность пловучаго островка.

Было еще довольно свѣтло, чтобы не потерять изъ виду ни одного изъ движеній индѣйца, по-крайней-мѣрѣ когда листья не скрываютъ его совсѣмъ. Достигнувъ наконецъ до желанной высоты, индѣецъ сталъ на толстую вѣтку, потомъ выдвинулъ осторожно голову. Видъ трудовъ, лежавшихъ на землѣ островка, казалось, ни сколько его не удивилъ. Однако онъ вѣроятно подозрѣвалъ какую-нибудь хитрость, потому-что съ смѣлостью, которой примѣръ одного изъ его товарищей убитаго на этомъ самомъ деревѣ, не долженъ-бы кажется поощрять, апахъ показался весь и направилъ свой карабинъ къ острову; его змѣнный взглядъ, казалось, хотѣлъ околдовать своихъ враговъ; вдругъ онъ поднялъ дуло своего ружья на воздухъ, прицѣлился снова, потомъ нѣсколько разъ сряду по-

вторилъ тотъ-же маневръ ; но охотники не пошевелинулись, какъ-будто они были настоящіе трупы. Тогда индѣецъ испустилъ крикъ торжества.

— Акула, кажется, попалась на удочку, — сказалъ Боа-Розе.

— Я узнаю этого дикаря, — прибавилъ Пепе въ свою очередь, — и если я теперь не могу отмстить ему за неприятное положеніе, въ которое онъ меня поставилъ, то это потому, что мнѣ помѣшаетъ пуля, которую онъ намъ сейчасъ пошлетъ.

Индѣецъ еще разъ направилъ дуло своего карабина въ трупъ, не представлявшій для него ни какого признака жизни. Онъ прицѣлился также спокойно, какъ человекъ, который стрѣляетъ на деревенскомъ праздникѣ, желая получить награду. Наконецъ онъ рѣшился выстрѣлить. Въ ту же минуту, отбитый надъ самою головою испавца осколокъ отъ ствола, ударилъ его въ лобъ. Пепе не больше пошевелинулся, какъ дерево, противъ котораго онъ лежалъ, но онъ удовольствовался, сказавъ :

— Я расправлюсь съ тобой, краснокожій, подожди прійдетъ время. Капли крови брызнули въ лицо канадца.

— Кто-нибудь раненъ ? — спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Царапинка и ничего больше, — отвѣчалъ бывшій микелеть.

— Слава Богу !

Тогда индѣецъ снова издалъ крикъ радости, и слѣзь съ дерева.

Три охотника вздохнули свободнѣе. Однако успѣхъ ихъ хитрости не былъ еще полонъ. Между индѣйцами оставалось еще сомнѣніе, потому-что долгое и торжественное молчаніе послѣдовало за послѣднимъ выстрѣломъ апаха.

Солнце закатилось ; короткіе сумерки бросали на всю природу тусклый свѣтъ ; наконецъ настала ночь и луна заблестѣла надъ рѣкою ; но красные войны не подавали ни какого знака жизни.

— Наши волосы ихъ соблазняютъ, — сказалъ Пепе, начиная звать со скуки.

— Потеримъ, отвѣчалъ канадецъ : — индѣйцы похожи на коршунъ, которые до-тѣхъ-поръ не осмѣливаются расклеивать трупъ человека, пока онъ не начнетъ портиться ; но все-же подъ конецъ они рѣшаются. Апахи дѣлаютъ, какъ коршуны. Теперь опять займемъ наши мѣста позади тростника.

Охотники медленно приподнялись на колѣни и начали наблюдать за

движеніями апаховъ. Прошла еще минута, а противоположный берегъ все былъ пустъ, но вотъ показался индѣецъ сначала съ осторожностью, чтобы испытать терпѣніе врага, въ томъ случаѣ, еслибъ его неподвижность скрывала какую-нибудь хитрость; потомъ къ нему присоединился другой и оба приблизились къ берегу съ возрастающею довѣренностью; наконецъ канадецъ насчиталъ до десяти неприятелей и луна освѣтила ихъ воинственный видъ.

— Индѣйцы, если я не обманываюсь, хотятъ перейти рѣку гуськомъ,— сказалъ Боа-Розе: -- ты, Фабіанъ, цѣль въ перваго, Пепе раздѣляется съ среднимъ, а я съ предпоследнимъ. Дѣйствуя такъ, мы отнимемъ у нихъ возможность напасть на насъ массою, и всѣ выгоды отъ этого будутъ на нашей сторонѣ. Это будетъ рукопашный бой; Фабіанъ мой сынъ, въ то время какъ Пепе и я, мы будемъ ихъ ждать съ ножами въ рукахъ, твое дѣло заряжать наши ружья и передавать ихъ намъ. Именемъ твоей матери, я запрещаю тебѣ драться холоднымъ оружіемъ съ этими дикарями.

Едва только канадецъ кончилъ эти распоряженія, какъ воинъ большаго роста взошелъ первый въ рѣку и въ это-же время луна освѣтила десять другихъ индѣйцевъ. Они подвигались осторожно, чтобы шумъ ихъ шаговъ не измѣнилъ имъ. Можно-бы сказать, что это были тѣни воиновъ, возвратившихся изъ земли духовъ и бродившихъ въ молчаніи по водамъ.

VIII.

ЧЕРНАЯ ПТИЦА.

Охотники притаили дыханіе и индѣйцамъ казалось, что смерть царствовала на островѣ среди молчанія и мрака; но тѣмъ не менѣе апахи подвигались впередъ съ безконечными предосторожностями. Передовой былъ самъ Черная-Птица, онъ достигъ уже глубины, а послѣдній только что сходилъ съ берега. Настала минута исполнить распоряженія канадца.

Фабіанъ хотѣлъ уже стрѣлять въ предводителя индѣйцевъ къ большому сожалѣнію Пепе, у котораго были свои счеты съ Черною-Птицею, но индѣйскій предводитель, можетъ-быть, предчувствуя близкую опасность, а, можетъ-быть, и замѣтивъ дуло ружья, освѣщенное луною, ввезанно погрузился въ воду.

— Экая досада! — вскричалъ Боа-Розе.

Въ тоже самое время индѣецъ, замыкавшій собою линію шествія, упалъ въ рѣку; двое другихъ, подстрѣленные Фабіаномъ и испанцемъ, бились нѣсколько времени посреди воды, но скоро были увлечены теченіемъ рѣки, не показывая ни малѣйшаго движенія.

Пепе и канадецъ быстро отбросили по условію свои карабины назадъ, которые Фабіанъ долженъ былъ заряжать и стали на берегу островка съ ножами въ рукахъ, ожидая враговъ.

— Анаховъ еще семеро, — закричалъ громовымъ голосомъ канадецъ, которому хотѣлось-бы задушить ихъ всехъ разомъ: — осмѣлятся-ли они придти и взять волосы двухъ бѣлыхъ?

Но исчезновеніе ихъ предводителя, смерть ихъ товарищей, растроили индѣйцевъ; они не бѣжали, но стояли въ нерѣшимости неподвижно, какъ черныя тѣни и до половины погруженные въ сверкающія волны потока.

— Видно красные воины умѣютъ только скальпировать трупы, — прибавилъ Пепе съ презрительнымъ смѣхомъ; — видно и апахи, какъ коршуны терзаютъ только мертвыхъ... подвигайтесь же коршуны, бабы трусливыя! — ревелъ испанецъ при видѣ своихъ непріятелей, которые, опомнившись, старались выбраться назадъ на берегъ.

Вдругъ онъ прицѣлился въ чернѣйшій трупъ, который плылъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него, но сверкающіе еще болѣе черные глаза показывали, что это былъ не трупъ, хотя его можно было принять за трупъ, по распростертымъ рукамъ и по неподвижности тѣла.

— Донъ-Фабіанъ, карабинъ мой, ради Бога! вотъ Черная-Птица, онъ притворяется мертвымъ. Этотъ негодяй теперь рассчитается со мною.

Пепе взялъ карабинъ изъ рукъ Фабіана и прицѣлился въ плывущее тѣло, но ни одинъ мускулъ воина не вздрогнулъ, только глаза его сверкали, какъ раскаленные угли. Пепе опустилъ карабинъ.

— Я ошибся, — сказалъ онъ громко, — бѣлые не то, что индѣйцы, не станутъ тратить пороху на трупы.

Тѣло все плыло по прежнему, съ вытянутыми ногами, съ руками сложенными на крестъ, и теченіе воды тихонько его уносило. Пепе снова взялся за оружіе и прицѣлился еще съ большимъ стараніемъ, чѣмъ въ первый разъ, а потомъ опять опустилъ карабинъ, но когда

ему показалось, что онъ достаточно отмстилъ, испанецъ выстрѣлилъ и тѣло исчезло.

— Убилъ ты его? — спросилъ канадецъ.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только перебить ему плечо на память, пусть не забываетъ, какъ онъ пугалъ меня и какъ предлагалъ намъ измѣну. Если-бы онъ былъ убитъ, то продолжалъ-бы плыть. — Лучше-бы ты его убилъ, — возразилъ Боа-Розе. — Ахъ! — вскричалъ онъ, топнувъ ногою, — что теперь дѣлать? Я думалъ кончить съ этими дикарями, схватившись съ ними въ рукопашную, а теперь надо все начинать снова. Мы не можемъ на нихъ напасть сами.

— Ты знаешь хорошо индѣйцевъ и можешь судить, что они жаждутъ теперь мести, какъ голодные волки.

Испанецъ стоически пожалъ плечами. Ему, какъ и канадцу, была очень хорошо известна настойчивость индѣйскаго мщенія.

— Безъ сомнѣнія, — продолжалъ онъ; — но надо на что-нибудь рѣшиться или бѣжать, или остаться здѣсь.

— Чортъ возьми! — еслибы мы были только въ двоимъ, то добраться до того берега было-бы дѣломъ одной минуты. Семь остальныхъ всадниковъ дождались-бы насъ безъ сомнѣнія, и мы вдвоимъ конечно покончили-бы съ ними: прежде мы и не такія дѣла дѣлывали. — А это было-бы лучше нежели оставаться здѣсь и ждать, пока насъ станутъ выкуривать дымомъ, какъ лисицъ.

— Согласенъ, — сказалъ задумчиво канадецъ; — во Фабіанъ... но несчастный скальпированный! нельзя-же бросить его на жертву палачамъ, которые уже изуродовали его такъ странно. Подождемъ крайней-мѣрѣ пока спрячется луна и вокругъ стемнѣетъ. — И старикъ склонилъ голову на свои колѣна съ такою грустью, что испанецъ и самъ призадумался. Канадецъ все оставался въ одномъ положеніи и только по временамъ взглядывалъ на небо, но луна также медленно, какъ и всегда, скользила по голубому пологу неба усвянному звѣздами.

— Пусть и такъ! — сказалъ Пепе, усаживаясь возлѣ своего товарища. — Но посмотри, вотъ уже пять вѣтокъ воткнуты въ землю: это значить, что пяти анаховъ уже нѣтъ; прибавь къ нимъ еще трехъ и будетъ восемь. Но ихъ должно-бы оставаться еще 12, а мы насчитали въ рѣкѣ только десять. Кажется, если я не обманываюсь, Черная-Птица послалъ двоихъ искать подкрѣпленія.

— Быть можетъ, — возразилъ Боа-Розе, — останемся-ли мы или побьжимъ — и то и другое страшно.

Когда трое охотниковъ кончили свой скромный ужинъ, состоявшій изъ говядины, высушенной на солнцѣ и изъ небольшого количества муки и масла, лучи луны падали уже косвеннѣе на легкую рябь потока, и верхушки деревьевъ уже погрузились во мракъ.

Прошло болѣе часу и хотя ни малѣйшій шумъ не нарушалъ спокойствія ночи, Пепе, менѣе Боа-Розе погруженный въ свои мысли, вдругъ началъ съ безпокойствомъ прислушиваться.

— Этотъ свѣтлый мѣсяцъ видпо не спрячется сегодня, — сказалъ онъ, — мнѣ кажется, я слышу плескъ воды и это не шумъ потока, да и буйволы не приходятъ пить воду въ эти часы ночи.

Говоря эти слова, испанецъ поднялся и, наклонившись, началъ смотреть вверхъ и внизъ по рѣкѣ, но тамъ подымались только волнующіеся столбы тумана и закрывали все непроницаемой пеленой.

Свѣжесть американскихъ ночей, слѣдуя быстро за удушливымъ дневнымъ жаромъ, сгущаетъ въ облака испаренія земли и водъ согрѣтыхъ солнцемъ.

— Туманъ и туманъ, — сказалъ Пепе съ досадой.

Но мало-по-малу этотъ неопредѣленный шумъ затихъ и молчаніе снова воцарилось въ воздухѣ. Минуты тянулись безконечно; луна приближалась къ горизонту; природа дремала подъ бѣлымъ покрываломъ тумана... Вдругъ защитники островка вздрогнули и съ ужасомъ взглянули другъ на друга.

На обоихъ берегахъ раздались разомъ такіе пронзительные и такіе долгіе крики, что когда они умолкли, то эхо обоихъ береговъ долго и протяжно звучало въ страшныхъ отголоскахъ. Бѣгство было невозможно болѣе, индѣйцы окружали островъ со всѣхъ сторонъ и два охотника были слишкомъ опыты, чтобы не знать въ чемъ дѣло.

— Пусть себѣ теперь ложится мѣсяцъ, — вскричалъ Пепе, съ бѣшенствомъ сжимая кулаки. — Ахъ! недаромъ я безпокоился объ отсутствіи этихъ двухъ... и шумъ который я слышалъ... Это индѣйцы переходили на тотъ берегъ и кто знаетъ, сколько враговъ теперь насъ окружаютъ?

— Что нужды, — возразилъ канадецъ мрачно, — что сто коршуновъ будутъ раздирать наши трупы и сто индѣйцевъ ревѣть вокругъ ихъ.

— Правда, число ничего не значитъ въ этомъ случаѣ, но можно

сказать навѣрно, что если для индѣйцевъ этотъ день будетъ днемъ торжества, за то коршуны много потеряютъ...

— Ужъ не хочешь-ли ты пѣть пѣснь смерти, какъ индѣйцы, которые, когда ихъ привяжутъ къ смертному столбу, начинаютъ припоминать сколько череповъ они ободрали.

— Отчего-же и не такъ? — это хорошій обычай: легче умереть героемъ, припоминая, что жилъ, какъ слѣдуетъ человѣку.

— Постараемся лучше умереть по-христіански, — возразилъ Боа-Розе; потомъ, призвавъ къ себѣ Фабіана, онъ сказалъ: — я и самъ не могу дать себѣ вѣрнаго отчета въ томъ, что готовилъ тебѣ въ моихъ мечтахъ, мое любимое дитя. Я полудикарь полуевропеецъ, и то и другое отзывается въ моихъ мечтахъ. То я хотѣлъ возвратить тебѣ почести, титла и прибавить къ нимъ сокровища Золотой Долины, то я мечталъ дать тебѣ всю красоты пустыни, всю эту могучую гармонию, которая убаюкиваетъ человѣка вечеромъ и ласкаетъ его при пробужденіи; но я могу сказать только то, что мысль не оставлять тебя всегда была со мною. Не ужели-же смерть, одна только смерть соединить насъ? Ты такъ молодъ, такъ прекрасенъ, такъ храбръ, не ужели-же тебя ожидаетъ такая-же судьба, какъ и меня, человѣка, который завтра-же не будетъ ни кому нуженъ въ этомъ мірѣ.

— Но кто-же будетъ меня любить, какъ вы любите? — возразилъ Фабіанъ голосомъ, у котораго отчаяніе этого положенія не огняло ни пріятности, ни твердости. — Прежде, чѣмъ я васъ нашелъ, земля скрыла отъ меня все, что я любилъ и единственное существо, которое могло мнѣ замѣнить все это, были вы. О чемъ-же мнѣ жалеть въ этомъ мірѣ?

— О будущемъ, дитя мое, о будущемъ, въ которомъ любить погружаться юность, какъ олень въ озеро....

Отдаленная перестрѣлка прервала печальныя размышленія стараго охотника. Въ это самое время индѣйцы нападали на лагерь донна Эстевана и эти выстрѣлы свидѣтельствовали объ отчаянной борьбѣ индѣйцевъ съ бѣлыми. Читатель знаетъ результатъ этой борьбы. Вдругъ сильный крикъ раздался съ берега.

— Пусть бѣлые откроютъ уши, — сказалъ голосъ

— Опять Черная-Птица! — вскричалъ Пепе, узнавъ голосъ предводителя, котораго онъ ранилъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ два воина поддерживали его подъ руки.

— А на что намъ открывать уши? — вскричалъ Пепе голосомъ стентора, употребляя смѣшанное нарѣчіе испанское съ анахскимъ. — Бѣлые смѣются угрозамъ Черной-Птицы и презираютъ его обѣщанія.

— Хорошо, — возразилъ индѣецъ: — бѣлые храбры, имъ понадобится вся ихъ храбрость. На бѣлыхъ людей юга теперь нападаютъ, для чего-же бѣлые съвера не хотятъ быть противъ нихъ?

— Для того, чтобы не быть вмѣстѣ съ тобою, зловѣщая птица; потому что львы не охотятся съ шакалами; шакалы только воютъ, а львы терзаютъ. Примь мой комплиментъ, негодяй, это самое изысканное выраженіе индѣйской реторики! — прибавилъ взбѣшенный Пепе.

— Хорошо! — возразилъ предводитель. — Бѣлые дѣлаютъ какъ побѣжденные индѣйцы, оскорбляя своихъ побѣдителей. Но орелъ смѣется надъ оскорбленіями наемъшливой птицы, принимающей всѣ голова, но не наемъшливую птицу удостоиваетъ орелъ своей рѣчи.

— А кого-же? — вскричалъ Пепе, котораго это сравненіе нисколько не успокоило.

— Великана, своего брата орла Туманныхъ Горъ, который не захочетъ подражать голосу другихъ птицъ.

— Что вамъ отъ него нужно? — возразилъ Боа-Розе.

— Индѣецъ хочетъ, — возразилъ предводитель, — чтобы воинъ съвера попросилъ у него жизни.

— А у меня есть совсѣмъ другая къ вамъ просьба, — сказалъ канадецъ.

— Я слушаю! — возразилъ индѣецъ.

— Поклянись мнѣ честью воина, на костяхъ твоихъ отцовъ, что ты сохранишь жизнь троицъ моихъ товарищей, и я перейду рѣку одинъ, безъ оружія и принесу тебѣ волосы, которые вьются на моемъ черепѣ. Это его соблазнить, — прибавилъ въ полголоса бѣдный Боа-Розе.

— Но не съ-ума-ли сошелъ ты? — вскричалъ Пепе.

Фабіанъ бросился къ канадцу.

— Если вы сдѣлаете шагъ, чтобы идти къ индѣйцамъ, я пробью себѣ грудь кинжаломъ, — сказалъ съ жаромъ молодой человекъ.

Сердце суроваго охотника растаяло при звукахъ этого голоса. Индѣецъ замолчалъ и повидимому размышлялъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія раздался его отвѣтъ.

— Черная-Птица хочетъ, чтобы бѣлый съвера просилъ у него жизни, а онъ просить у него смерти. Они не могутъ согласиться другъ съ другомъ. Моя-же воля такова: пусть человекъ съвера оставить своихъ товарищей, и я клянусь честью война, на костяхъ моихъ предковъ, что жизнь его будетъ сохранена, но только его одного; трое остальныхъ должны умереть.

Боа-Розе не отвѣчалъ ничего на это предложеніе, которое было оскорбительнѣе того, чтобы присоединиться къ индѣйцамъ противъ мексиканцевъ. Индѣйскій предводитель, прождавъ напрасно отвѣта, снова началъ:

— До того часа, когда наступитъ казнь, бѣлые не услышатъ болѣе голоса предводителя, который говоритъ теперь въ послѣдній разъ. Мои войны окружаютъ островокъ, подобно рѣкѣ, со всехъ сторонъ. Индѣйская кровь пролита и должна быть отмщена; кровь бѣлыхъ должна пролиться въ свою очередь; по индѣйцу не нужна эта кровь, когда она будетъ согрѣта жаромъ битвы, но когда оледенѣетъ отъ ужаса и истощится отъ голоду. Онъ возьметъ бѣлыхъ живыми и будетъ ихъ держать не какъ воиновъ, но какъ голодныхъ собакъ, которыя воютъ, видя изсохшую кость буйвола; тогда индѣецъ увидитъ, что скрывается во внутренности людей истощенныхъ голодомъ и страхомъ; изъ ихъ кожи онъ сдѣлаетъ сѣдло для своей боевой лошади и ихъ волосы будутъ привѣшены къ его стремянамъ, какъ знаки мщенія. Мои войны будутъ окружать островъ пятнадцать дней и пятнадцать ночей, если нужно столько, чтобы завладѣть людьми бѣлаго племени.

Потомъ, послѣ этихъ страшныхъ угрозъ, индѣецъ исчезъ за деревьями, но Пепе не хотѣлъ, чтобы индѣецъ подумалъ, что они испугались его, и онъ закричалъ такъ хладнокровно, какъ только позволялъ ему его душевный гнѣвъ: «Собака, умѣющая только лаять, бѣлые презираютъ твое хвостовство; одинъ видъ ихъ скелетовъ способенъ нарушить твой сонъ, шакалъ нечистый!... Я тебя презираю... Я тебя... — Но гнѣвъ душилъ бывшего микелета, и не будучи въ состояніи говорить болѣе, онъ замѣнилъ слова жестами, которые казались ему самыми выразительными. Громкій смѣхъ былъ отвѣтомъ Пепе, который и самъ нѣсколько успокоился тѣмъ, что онъ выдумалъ такую штуку и оставилъ за собой послѣднія слова. Что ка-

сается до Боа-Розе, то въ угрозахъ индѣйца, онъ видѣлъ только отказъ принять его геройское самопожертвованіе.

— Ахъ! — вскричалъ великодушный старикъ: — за чѣмъ вы мнѣ не позволили кончить? Я бы устроилъ все это ко всеобщему удовольствію. Теперь ужъ поздно, такъ и не будемъ больше говорить объ этомъ.

Луна уже скрылась; отдаленная перестрѣлка прекратилась; молчаніе и тьма, распространившая вокругъ, заставила еще болѣе трехъ друзей почувствовать, какъ легко было имъ уйти на другой берегъ и даже унести съ собою раненаго, если-бъ къ индѣйцамъ не подоспѣло подкрѣпленіе. Раненный рѣшительно ничего не чувствовалъ, что дѣлается вокругъ него и по прежнему былъ погруженъ въ летаргическій сонъ.

— И такъ! — сказалъ Пепе, первый нарушая молчаніе, — передъ нами еще пятнадцать дней. Правда, у насъ нѣтъ провизіи, но мы будемъ ловить рыбу и для того, чтобы пообѣдать и для препровожденія времени.

Но шутка Пепе не могла развеселить канадца.

— Постараемся только, — сказалъ онъ, — употребить съ пользою тѣ часы, которые намъ остаются до утра.

— А на что-же мы ихъ употребимъ? — спросилъ Пепе.

— Да на то, чтобы уйти, чортъ возьми!

— Какъ-же это?

— Въ этомъ-то и затрудненіе. Ты, Фабіанъ, конечно, умѣешь плавать?

— Какъ-же бы безъ этого я могъ спастись изъ волнъ бышенаго Сальто-де-Агуа.

— Правда! страхъ, кажется, потемнилъ мнѣ разсудокъ! Хорошо-же, можетъ-быть, намъ удастся прорыть дыру посреди этого острова и предаться такимъ образомъ теченію рѣки. Ночь теперь довольно темна и индѣйцы, не слыша и не видя, чтобы мы бросались въ воду, позволятъ намъ уплыть по теченію рѣки. Посидите-же, я прежде самъ попробую.

Говоря эти слова, канадецъ не безъ усилія вырвалъ изъ земли пень ивы; этотъ пень запачканный грязью походилъ нѣсколько на голову человѣка. Старый охотникъ осторожно положилъ его на поверхность воды и скоро черная масса, тихо колыхаясь, понеслась

внизъ по теченію. Трое друзей заботливо слѣдили за плывущимъ кускомъ дерева, и когда онъ исчезъ въ темноту, канадецъ сказалъ : — Вы видите, что благоразумный пловецъ проплыветъ также непримѣтно, какъ это дерево; ни одинъ индѣецъ не тронулся.

— Правда, — сказалъ Пепе, — но кто поручится, что глазъ апаха не можетъ отличить челоуька отъ куска дерева и кромъ того одинъ изъ насъ вѣроятно не поплыветъ.

— Кто-же это ?

Испанецъ указалъ на раненнаго, который все еще спалъ, но въ снѣ стоналъ, какъ будто-бы его ангель-хранитель шепталъ ему, что дѣло идетъ о его участи.

— Что-жъ дѣлать! — возразилъ Боа-Розе, послѣ минутной нерешимости, развѣ жизнь этого челоуька стоитъ жизни послѣдняго потомка Медіановъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ испанецъ : — я только что сейчасъ предлагалъ оставить этого бѣдняка; а теперь скажу, что это будетъ не челоуьколюбиво.

— У этого челоуька, — прибавилъ Фабіанъ : — есть, можетъ-быть, дѣти, которые будутъ также плакать по своему отцу, какъ плакалъ-бы и послѣдній потомокъ Медіановъ въ подобномъ случаѣ.

— Это будетъ дурное дѣло; оно принесетъ намъ несчастье, — продолжалъ испанецъ.

Чувства канадца пробудились при этихъ словахъ товарища и онъ не настаивалъ болѣе на своемъ предложеніи, но сказалъ : — Хорошо-же, Фабіанъ, — ты хорошій пловецъ, иди-же теперь по дорогѣ, которая тебѣ указана; мы съ Пепе останемся здѣсь и если умремъ исполняя нашъ долгъ, то по-крайней-мѣрѣ съ увѣренностью, что ты живъ и цѣлъ.

Фабіанъ отрицательно покачалъ головою.

— Я вамъ повторяю, что я не хочу жить безъ васъ и останусь съ вами.

— Ну, что же дѣлать? Что дѣлать? — спрашивалъ съ тоской канадецъ.

— Подумаемъ, — отвѣчали разомъ Фабіанъ и Пепе. — Но положеніе ихъ, къ несчастію, было одно изъ тѣхъ, гдѣ всѣ челоуьческія средства безсильны и изъ котораго можетъ извлечь только одно Провидѣніе. Напрасно сгущался туманъ и ночь дѣлалась темнѣй: твердая

рвимость не оставлять раненнаго не допускала въ прочихъ мысли о бѣгствѣ. Скоро запылали огни, разложенные индѣйцами по обоимъ берегамъ и осветили воду краснымъ пламенемъ на далекое разстояніе. При этомъ свѣтъ, и послѣдняя надежда, предложенная канадцемъ, сдѣлалась невозможною; но объ этомъ никто и не думалъ. На берегахъ рѣки царствовала такая полная тишина, что ихъ можно было принять за совершенную пустыню. У костровъ не видно было ни одного врага и ни одинъ человѣческой голосъ не нарушалъ ночной тишины. Въ это время пары, освобождаясь изъ пѣдръ потока и сгущаясь мало-по-малу, собрались вокругъ островка. Казалось, что берега рѣки уходятъ все дальше и дальше, потому что они вовсе исчезли и посреди тумана огни едва блестя, а силуэты деревьевъ едва чернѣлись въ сѣрой мглѣ.

IX.

ПЛОВУЧІЙ ОСТРОВЪ.

Бросимъ теперь взглядъ на берегъ рѣки, занятый воинами Черной Птицы.

Зажженные индѣйцами на обоихъ берегахъ огни, освѣщая рѣку, распространили свѣтъ такъ далеко и такой яркій, что враги, ими окруженные, не могли сдѣлать никакого покушенія, если бы желали обмануть ихъ бдительность. Подлѣ всякаго очага находился на часахъ индѣецъ, котораго обязанность была поддерживать огонь и слѣдить за малѣйшими движеніями на островѣ. Черная — Птица сидѣлъ, прислонясь къ дереву; его раздробленное плечо было обвязано кожанымъ ремнемъ. Впрочемъ на лицѣ его замѣчалось только выраженіе удовлетворенной кровожадности; что касается до боли отъ этой раны, то, подобно древнему философу, индѣецъ, какъ и всѣ его товарищи, не хотѣлъ и знать объ ней. Его огненный взоръ былъ постоянно прикованъ къ темной массѣ острова, гдѣ, по его мнѣнію, три человѣка, крови которыхъ онъ такъ сильно жаждалъ, находились въ ужасной тоскѣ. Въ продолженіе первыхъ часовъ ночи бдительность индѣйцевъ не встрѣчала никакого препятствія, но по мѣрѣ того, какъ непроницаемый туманъ сгущался вокругъ убѣжища бѣлыхъ, освѣщенная часть рѣки мало-

по-малу исчезала. Вскорь пары такъ усилились, что индѣйскіе часовые потеряли изъ виду сначала противоположный берегъ, потомъ пылавшіе тамъ очаги, а наконецъ и самый островъ исчезъ въ туманъ.

Начальникъ индѣйцевъ почувствовалъ, что необходимо удвоить бдительность. Онъ призвалъ къ себѣ двухъ воиновъ, въ преданности которыхъ былъ увѣренъ, и приказалъ одному изъ нихъ перейти рѣку, а другому возвратиться на свой постъ, чтобы объявить такимъ образомъ ведетамъ на обоихъ берегахъ одни и тѣже приказанія и угрозы.

— Идите, — приказывалъ имъ предводитель, — и скажите тѣмъ изъ моихъ воиновъ, которые взялись стеречь христіанъ, что волосы и кожа бѣлыхъ украсятъ нашихъ лошадей, и что сыны пустыни должны каждый имѣть по четыре ока, чтобы замѣнить глаза ослѣпленные туманомъ; скажите имъ, что въ такомъ случаѣ они могутъ рассчитывать на благодарность предводителя, но если сонъ оглушитъ ихъ уши, то палица Черной-Птицы пошлетъ ихъ спать навсегда въ землю духовъ.

Оба посланные отправились исполнить свои порученія и вскорь возвратились, увѣряя предводителя, что онъ можетъ вполне полагаться на точное исполненіе его распоряженій.

Въ самомъ дѣлѣ, воодушевляемые въ одно и тоже время и собственною ненавистью къ бѣлому племени и надеждою на награду, ведеты удвоили бдительность, тѣмъ болѣе, что страхъ заснуть и проснуться въ странѣ духовъ, съ поникшимъ отъ стыда лицомъ, что сонъ побѣдилъ воина, поддерживалъ ихъ энергію.

Малѣйшій шумъ ночи едва ускользнетъ отъ превосходнаго слуха индѣйцевъ, также какъ никакой предметъ отъ зоркости ихъ взора; но на этотъ разъ туманъ ослабилъ звонкость воздуха и скрылъ совершенно отъ ихъ глазъ вышніе предметы. Одно только самое напряженное вниманіе могло добавить чувствомъ то, что у нихъ было отнято непроницаемымъ туманомъ и темнотою ночи.

Съ зажмуренными глазами, но съ открытыми ушами неподвижно стояли индѣйскіе воины подлѣ своихъ очаговъ; они нарочно не садились, чтобы прогнать оцѣпѣніе, навѣваемое на нихъ глубокимъ молчаніемъ природы; только каждый поочередно бросалъ

вѣтку въ огонь, чтобы поддерживать пламя и потомъ принималъ опять свою наблюдательную, молчаливую позу.

И такъ въ продолженіе довольно значительнаго промежутка времени на обоихъ берегахъ и на островъ единственный шумъ, нарушавшій спокойствіе ночи, былъ слабый гулъ рѣчнаго журчанія.

На лѣвомъ берегу стоялъ предводитель индѣйцевъ. Ночной воздухъ, раздражая рану въ его плечь, увеличивалъ только его злобу. Свѣтъ очага, зажженнаго подлѣ того дерева, къ которому прислонился Черная Птица, освѣщала всю его фигуру. Его лицо, покрытое отвратительными изображеніями и искаженное болью, которую онъ скрывалъ; его блестяшіе, яростные глаза заставляли его походить на одного изъ тѣхъ кровожадныхъ идоловъ, которые встрѣчаются только въ варварскія времена.

Между тѣмъ, мало-по-малу, не смотря на власть, которую индѣецъ имѣетъ надъ своими чувствами, его глаза, отягченные дремотою закрылись.

Черезъ нѣсколько минутъ сонъ его сдѣлался такъ глубокъ, что онъ не слышалъ даже шума сухихъ вѣтвей, хрустѣвшихъ подъ ногами челоуѣка, и не видѣлъ, какъ индѣецъ одного съ нимъ племени приблизился къ нему.

Неподвижный, прямой какъ стволъ бамбука, покрытый кровью, съ расширенными поздырями, съ колыхавшеюся грудью, какъ бываетъ послѣ долгой и быстрой ѣзды, апахскій посолъ ждалъ въ двухъ шагахъ онъ заснуваго индѣйца, пока страшный предводитель, къ которому онъ пріѣхалъ, откроетъ глаза и начнетъ его спрашивать.

Видя однакожъ, что голова предводителя склонялась на грудь, онъ рѣшился объявить о своемъ присутствіи, и глухимъ, гортаннымъ голосомъ онъ сказалъ :

— Когда Черная-Птица откроетъ глаза, онъ услышитъ отъ меня вѣсть, которая далеко прогонитъ отъ него сонъ.

Индѣецъ, при звукѣ голоса, поразившаго его слухъ, приподнялъ рѣсницы, и сдѣлавъ надъ собою страшное усиліе, пришелъ въ себя. Пристыженный тѣмъ, что позволилъ застать себя въ располхъ соннаго, онъ думалъ, что самое лучшее въ этомъ случаѣ извиниться.

— Черная-Птица потерялъ много крови ; онъ ее потерялъ столько,

что даже и будущее солнце не высушить ее на землю, и его тьмо слабѣе, чѣмъ его воля.

— Человѣкъ такъ ужъ сотворенъ, отвѣчалъ посланный.

Черная-Птица продолжалъ :

— Извѣстїе, которое хочешь ты мнѣ сообщить безъ сомнѣнїя очень важно, потому что Леопардъ поручилъ его одному изъ самыхъ дѣятельныхъ посланныхъ.

— Леопардъ не будетъ дѣлать больше порученїй, — отвѣчалъ индѣецъ своимъ гортаннымъ голосомъ : — копье бѣлаго въ его груди, и предводитель находится теперь съ своими предками въ землѣ духовъ.

— Все равно ! онъ умеръ побѣдителемъ, онъ прежде чѣмъ умеръ, видѣлъ разсыянныхъ на равнинѣ бѣлыхъ собакъ.

— Онъ умеръ побѣжденнымъ ; напротивъ апахи должны были бѣжать, потерявъ предводителя и пятьдесятъ лучшихъ своихъ воиновъ.

Немного надобно было, чтобы Черная-Птица вскочилъ на свои ноги при этой неожиданной новости, не смотря на жгучую боль его раны и на власть, которую предводитель индѣйцевъ долженъ имѣть надъ собою. Между тѣмъ онъ удержался и важно отвѣчалъ, хотя губы его дрожали :

— Кто-же послалъ тебя ко мнѣ, вѣстникъ такихъ печальныхъ новостей ?

— Воины, которые нуждаются въ предводителѣ, чтобы поправить свою неудачу. Черная-Птица былъ предводитель одного только племени, а теперь онъ предводитель цѣлаго народа.

Удовлетворенная гордость заблестѣла въ черныхъ глазахъ индѣйца. Съ одной стороны увеличивалась его власть, съ другой поражение, о которомъ ему говорили, доказывало мудрость совѣта, который онъ давалъ, и который не былъ принятъ предводителями.

— Еслибъ карабины сѣверныхъ людей присоединились къ оружію нашихъ воиновъ, то бѣлые юга не были бы побѣдителями.

Потомъ, вспоминая объ обидѣ, которою два охотника отвѣчали на его предложенїя, ненависть присоединилась къ гордости, блестящей въ его глазахъ, и онъ продолжалъ, указывая пальцемъ на свою рану :

— Что можетъ сдѣлать раненный предводитель ? Его ноги отказываются ему служить, съ трудомъ онъ можетъ держаться на своей лошади.

— Его привяжутъ къ ней, — возразилъ посланный — Предводитель есть въ одно и тоже время и голова и рука : если его рука безсильна, то будетъ дѣйствовать голова. Видъ крови своего предводителя всегда воодушевляетъ воиновъ. Огонь совета загорѣлся снова послѣ пораженія ; ждуть только Черную-Птицу, чтобы онъ подалъ тамъ свой голосъ ; его боевая лошадь готова, отправляемся же.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Черная-Птица ; — мои воины на обоихъ берегахъ окружаютъ бѣлыхъ воиновъ, которыхъ я хотѣлъ имѣть союзниками ; теперь они враги : пуля одного изъ нихъ лишила меня руки, которая была такъ быстра въ битвѣ, и если бы мнѣ предлагали командованіе десятью народами, я бы отказался, чтобы дожидаться здѣсь часа, когда полетѣя передъ моими глазами кровь, которой я жажду.

Черная-Птица, разсказалъ въ короткихъ словахъ плѣнь Гайфероса, освобожденіе его канадцемъ, разсказалъ, какъ были отвергнуты его предложенія и наконецъ клятву мщенія, которую онъ далъ.

Посланный важно его выслушалъ

Онъ чувствовалъ всю важность новаго нападенія на промышленниковъ золота въ ту минуту, когда эти послѣдніе, упоенные побѣдою, менѣе всего должны ждать близкаго нападенія, и настаивалъ, предлагая Черной-Птицѣ замѣнить себя кѣмъ-нибудь по его выбору въ этой осадѣ.

Индѣецъ былъ непоколебимъ.

Между тѣмъ посланный все еще не отчаявался.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — минута недалеко, когда засіяетъ солнце ; я подожду дня, чтобы сообщить апачамъ новость, что Черная-Птица предпочитаетъ свою частную месть чести цѣлаго племени. Наши воины будутъ имѣть время пожалѣть о потерѣ храбрѣйшаго изъ нихъ.

— Пусть будетъ такъ, — сказалъ индѣецъ тономъ тѣмъ болѣе важнымъ, что эта тонкая лестъ пріятно щекотала его слухъ, — но посоль ичветъ жажду въ отдыхъ послѣ битвы и долгаго пути. Въ продолженіе этого времени я буду слушать разсказъ о битвѣ, гдѣ Леопардъ потерялъ жизнь.

Скрестивъ ноги, посланный сѣлъ возлѣ огня, опершись локтемъ на колено. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и отдыха, въ продол-

женіе котораго утихло усменное біеніе его сердца, индеець началъ подробныйъ разсказъ атаки лагеря бѣлыхъ его народомъ.

Онъ не забылъ ни одного факта, который могъ бы пробудить ненависть Черной-Птицы къ мексиканцамъ.

Когда этотъ разсказъ былъ оконченъ, посланный легъ подлѣ огня и заснулъ или сдѣлалъ только видъ, что заснулъ. Но на этотъ разъ бурныя страсти, кипѣвшія въ сердцѣ Черной-Птицы, честолюбіе съ одной стороны, жажда мщенія съ другой, не дали ему заснуть, и ему не было надобности дѣлать надъ собою усилія, чтобы прогнать сонъ.

На берегу, гдѣ былъ Черная-Птица, сдѣлалось также тихо, какъ и на островкѣ, потерявшемся въ туманъ.

Прошелъ часъ и посланный приподнялся въ половину на своей тревожной постели.

Онъ отбросилъ полу плаща изъ бизоновой шкуры, которою была закутана его голова, для предохраненія отъ тумана, и увидѣлъ, что Черная-Птица оставался въ томъ же положеніи: неподвижный, съ открытыми глазами.

— Тишина ночи говорила моимъ ушамъ, — сказалъ онъ, — и я думалъ, что такой знаменитый предводитель какъ Черная-Птица, долженъ къ восходу солнца держать враговъ въ своемъ могуществѣ и слушать ихъ пѣсни смерти.

— Воины мои не могутъ ходить по водамъ какъ по военной тропинкѣ, — отвѣчалъ предводитель; — люди съвера не похожи на людей юга, и ихъ карабины также легки въ ихъ рукахъ, какъ дуслистый тростникъ.

— Кровь, которую потерялъ Черная-Птица, поколебала его разсудокъ и помрачила его глаза. Если онъ захочетъ мнѣ позволить, то я буду дѣйствовать за него и завтра, онъ можетъ вполне удовлетворить свое мщеніе.

— Дѣлай, — отвѣчалъ предводитель; — съ какой бы стороны не пришло мщеніе оно будетъ мнѣ пріятно.

— Хорошо, я скоро приведу сюда троихъ охотниковъ и того, котораго волосъ они не могли сберечь.

Говоря это, индеець всталъ и скрылся въ туманъ изъ глазъ Черной-Птицы, постоянно прикованныхъ къ островку.

Тамъ по-крайней-мѣрѣ разыгрывались самыя великодушныя

страсти. Тогда какъ торжественное молчаніе ночи царствовало во всей окружающей природѣ, сонъ бѣжалъ отъ трехъ охотниковъ.

Если есть въ жизни критическія минуты, когда сердце можетъ измѣнить самымъ храбрымъ людямъ, то настоящее положеніе ихъ было конечно одно изъ таковыхъ. Кромѣ того, что опасность была ужасная, неизбежная, нельзя даже было пасть въ ней въ жару битвы, ни даже съ высочайшимъ утѣшеніемъ, что дорого продалъ свою жизнь.

Окруженные врагами, которыхъ береговія деревья скрывали отъ ихъ выстрѣловъ, трое охотниковъ не могли надѣяться возбудить ярость индѣйцевъ, какъ наканунѣ, убивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Боа-Розе и испанецъ хорошо знали непреклонное упорство индѣйцевъ, чтобы надѣяться, что Черная-Птица, утомленный бесполезной осадой, не запретитъ своимъ воинамъ отвѣчать на ихъ атаки, и погубить ихъ убійственной перестрѣлкой.

Смерть солдата на полѣ битвы казалась очень пріятной въ ненавистныхъ расчетахъ начальника апаховъ. Онъ хотѣлъ, изморивъ голодомъ, взять своихъ враговъ живыми.

Подъ влияніемъ такихъ мрачныхъ мыслей три охотника замолкли, но они хотѣли скорѣй покориться своей участи, чѣмъ оставить несчастнаго раненаго, пытаясь сдѣлать вылазку на одинъ изъ береговъ рѣки. Фабианъ рѣшился также умереть, какъ и его товарищи; его обманутыя надежды, глубокое уныніе овладѣвшее имъ, отняло у смерти все, что ее дѣлаетъ такъ страшною; не смотря однакожъ на это, жаръ его крови заставлялъ его предпочитать смерть скорую, съ оружіемъ въ рукахъ, смерти безславной, медленной, которая ихъ всѣхъ ждала у столба индѣйцевъ.

Онъ первый рѣшился прервать глубокое молчаніе, господствовавшее на островкѣ посреди ночнаго тумана.

Могильное спокойствіе рѣки и ея береговъ было для опытныхъ глазъ канадца и испанца вѣрнымъ признакомъ непобѣдимой рѣвности ихъ враговъ; но Фабиану, напротивъ, она казалась милостью неба, которой надобно было воспользоваться.

— Теперь все спитъ вокругъ насъ, — сказалъ онъ, — не только индѣйцы, но и все живущее въ лѣсахъ и въ пустыняхъ; самая рѣка замедлила, кажется, свой бѣгъ. Видите-ли вы отраженіе, гаснущихъ

въ дали отъ насъ огней? Не избрать-ли намъ эту минуту для вылазки на одинъ изъ береговъ рѣки?

— Индѣйцы спать? — Съ желчью прервалъ Пепе. — Да, это вода, которая только кажется стоячею, но которая тѣмъ не менѣ течетъ до неизвѣстныхъ пучинъ, гдѣ она теряется. Вы не спяте и трехъ шаговъ въ рѣкъ безъ того, чтобы индѣйцы не бросились за вами, какъ волки за оленемъ. Нѣтъ-ли у тебя, Боа-Розе, чего-нибудь получше?

— Нѣтъ, — отрывисто отвѣчалъ канадецъ, тогда какъ его рука искала молчаливо руку Фабіана. Потомъ онъ указалъ на раненнаго, шептавшаго во снѣ. Этотъ отвѣчалъ на всѣ возраженія Фабіана.

— Но за недостаткомъ лучшаго, — отвѣчалъ этотъ послѣдній, — мы можемъ по-крайней-мѣрѣ умереть съ честью, одинъ подлѣ другаго, такъ какъ мы хотѣли умереть. Если мы останемся побѣдителями, то придемъ на помощь этому несчастному, который имѣетъ только насъ защитниками; если же мы погибнемъ, то самъ Богъ не обвинитъ насъ, когда мы предстанемъ передъ Нимъ, что мы пожертвовали жизнью чловѣка, вѣрннаго Имъ нашему попеченію, когда мы сами отдавались на жертву для общаго спасенія.

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ Боа-Розе, — но будемъ надѣяться на Бога, соединившаго уже насъ какимъ-то чудомъ. Что не случилось сегодня, то можетъ случиться завтра: мы имѣемъ еще время, пока не истощатся наши запасы. Выйти теперь на одинъ изъ береговъ, значить итти на вѣрную смерть, потому что число индѣйцевъ вѣроятно больше, чѣмъ утроилось. Умереть мы всегда успѣемъ. А если насъ возьмутъ въ плѣнъ? Я дрожу при одной мысли о тѣхъ мученіяхъ, которыя намъ готовятъ враги наши. Ахъ! мой возлюбленный Фабіанъ, индѣйцы надѣясь насъ взять живыми, продолжаютъ по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней мое счастье быть подлѣ тебя.

Молчаніе снова воцарилось между смущенной группой. Мысль жить еще нѣсколько времени подлѣ своего сына, была для канадца, какъ отсрочка для приговореннаго къ смерти. Но скоро, какъ осужденный, вспомнившій рѣшительную минуту, которая должна послѣдовать за этою отсрочкой, яростно потрясаетъ желѣзныя рѣшетки своей тюрьмы, такъ и Боа-Розе, перегоняя воображеніемъ тотъ день, когда онъ будетъ принужденъ отказаться отъ этого утѣшенія, хотя ужаснаго, судорожно качалъ стволъ дерева, къ которому прикрѣплялся

островокъ. Островокъ дрожаль подь его могучимъ усилиемъ, какъ будто его сорвало до основанія.

— Ахъ! — вскричалъ въ туже минуту испанецъ, не бывъ въ состояніи удержать крикъ бѣшенства. — Посмотрите!

Огненный свѣтъ мало-по-малу проникаль сквозь густую массу тумана, разостлавшагося по рѣкѣ, и, казалось, усиливался по мѣрѣ приближенія, какъ зарево распространяющагося пожара.

И странное дѣло пожаръ скользилъ по водѣ.

Не смотря на то, что туманъ былъ до того густъ, что его можно было ощущать руками, масса пльвнаго огня разсыявала его, какъ разсыяваетъ солнце тьму.

Три охотника не успѣли еще надивиться этому внезапному появленію свѣта, какъ они угадали уже о его причинѣ.

Продолжительная жизнь въ пустыняхъ, посреди опасностей безпрестанно увеличивавшихся, дала канадцу твердость мускуловъ, которой не имѣль испанецъ. Не увлекаясь гнѣвомъ, какъ Пепе, Боа-Розе сохраняль свое обыкновенное спокойствіе.

Онъ зналь, что хладнокровно смотрѣть на опасность, значить вполонину побѣдить ее, какъ-бы она не была ужасна, и при приближеніи этой опасности хладнокровіе канадца удвоилось противъ обыкновеннаго.

— Да, — сказалъ онъ, — отвѣчая на восклицаніе бывшаго микелета, я вижу, что это такое, какъ будто индѣйцы заранѣе мнѣ сказали объ этомъ. Ты говорилъ недавно о лисицахъ, выкуриваемыхъ дымомъ изъ норъ, а вотъ эти мерзавцы хотять насъ спалить въ нашей!

Огненная черта, пльвная по рѣкѣ, увеличивалась съ ужающею быстротою и подтверждала слова канадца. Уже посрединѣ воды, по багровѣвшей отъ пламени, тростникъ, отростки пльвы и все окружающее островъ, было освѣщено пльвучимъ огнемъ.

— Это брандеръ! — вскричалъ Пепе; — они хотять сжечь нашъ островокъ.

— Слава Богу! — прибавиль Фабианъ; — лучше бороться съ огнемъ, чѣмъ ожидать смерть безъ битвы.

— Это правда, — сказалъ Боа-Розе; — но огонь ужасный претивникъ. Ахъ! если-бъ я могъ зажечь степь въ отплату.... Къ несчастію мы не въ равнинѣ и всѣ преимущества на сторонѣ этихъ изверговъ.

Канадецъ намекаль на военную хитрость, которую индѣйцы часто

употребляютъ противъ своихъ враговъ. Въ безконечныхъ степяхъ Америки, гдѣ высокія травы образуютъ зеленыя волны, похожія на волны океана, пламя распространяется съ быстротою пороха, и потому бѣлый охотникъ, и опытный индѣецъ, угрожаемый пожаромъ, сражается противъ огня—огнемъ-же. Онъ сплнитъ самъ выжечь довольно большое пространство, покрытое сухой травою, и когда пожаръ, подожженный его рукою, уничтожитъ вокругъ него все способное горѣть, неприятельское пламя останавливается передъ этою пустошью, но здѣсь осажденные не могли противопоставить пламя пламени, брандеръ, спущенный индѣйцами, долженъ былъ пожрать пловучій островокъ. Находившіеся тамъ охотникамъ не оставалось другого средства избавиться отъ пожара, какъ только броситься въ рѣку; но и тамъ они находились въ рукахъ индѣйцевъ, и должны были или пасть подъ ихъ выстрѣлами, или попасться живыми къ нимъ въ плѣнъ.

Таковъ былъ расчетъ индѣйскаго посла. По его приказанію апахи очистили смолистую сосну отъ вѣтвей: потомъ склади въ кучи эти вѣтви и привязали ихъ къ этому очищенному отъ вѣтвей дереву; подложили туда огонь и спустили въ воду эту воспламенительную машину. Планъ ихъ такъ хорошо былъ обдуманъ, что плавучее пламя прямо несло къ островку

Пепе бросилъ на Боа-Розе и на Фабіана изглядъ полный горести. Видно было какъ мстительныя страсти испанца воспламенялись опасностью. Его взоръ всврѣтилъ тихую и ясную физиономію канадца и спокойное лицо Фабіана.

Благородный молодой человекъ перенесъ уже въ своей душѣ болѣе сильную жертву, чѣмъ эта въ своей жизни.

Трескъ горѣвшаго смолистаго дерева похоронно раздавался по поверхности рѣки, и подъ балдахиномъ чернаго дыма, смѣшаннаго съ туманомъ, островъ и берега рѣки были освѣщены, какъ при полномъ сіяніи солнца, и время отъ времени можно было видѣть красный силуэтъ индѣйскаго часоваго.

Пепе не могъ противиться внезапному искушенію.

— Вотъ тебѣ, адскій демонъ! — сказалъ онъ вполголоса; по крайней-мѣрѣ ты не пойдешь рассказывать въ своей деревнѣ о послѣднихъ предсмертныхъ минутахъ христіанина.

Говоря эти слова, вспѣлчивый испанецъ приложилъ дуло сво-

его карабина къ плечу, и видно было какъ съелась шапка индѣйскаго воина въ ту самую минуту, когда выстрѣлъ изъ карабина нарушилъ молчаніе, господствовавшее такъ долго подъ покровомъ ночи.

— Грустное и позднее мщеніе, — торжественно сказалъ Боа-Розе, видя упавшаго индѣйца.

Въ самомъ дѣлѣ апахи какъ будто презирали выстрѣлы побѣжденнаго врага, потому что берегъ, послѣ выстрѣла, погрузился снова въ мертвое молчаніе и вой не сопровождалъ по обыкновенію послѣдніе вздохи воина.

Пламя отъ горѣвшаго тростника было уже не далеко отъ островка, въ прямой съ нимъ линіи; оно позволяло разсмотрѣть черты испанца, искаженныя безсильнымъ бѣшенствомъ.

— Милльонъ бомбъ! — вскричалъ онъ, топая ногой, я тѣмъ спокойнѣе умру, чѣмъ больше пошлю на тотъ свѣтъ этихъ красныхъ изверговъ.

И, продолжая снова заряжать свой карабинъ, онъ повсюду искалъ глазами, по обоимъ берегамъ, какой-нибудь жертвы, которую бы онъ могъ принести своему мщенію.

Въ продолженіе этого времени канадецъ хладнокровно слѣдилъ за приближавшимся огнемъ, который, дойдя до островка, долженъ былъ зажечь сухія деревья.

— Ну, чтожъ! — вскричалъ Пене, въ которомъ ярость почти уничтожила разсудокъ: — вамъ хорошо любоваться этимъ брандеромъ. Есть-ли у васъ какое-нибудь средство дать другое направленіе этому плывущему бревну, которое сейчасъ пристанетъ къ бокамъ острова?

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ лаконически канадецъ, продолжая свое наблюденіе. Бывшій микелетъ началъ свистать въ пальцы, напрасно стараясь скрыть свой гнѣвъ подъ видомъ равнодушія.

— Послушай, — продолжалъ Боа-Розе: я замѣчаю, что расчеты этихъ лѣсовиковъ не всегда вѣрны, и еслибъ не градъ пуль и стрѣлъ, которыя они пустятъ, чтобы принудить насъ оставаться здѣсь спрятавшимися, и не помѣшать брандеру насъ сжечь, я бы также мало заботился объ немъ, какъ о мухѣ огненнаго цвѣта, которая летаетъ въ травѣ.

Плотная пластинка изъ мокрова съна поддерживала кучу смолистыхъ вѣтвей, и этотъ пловучій очагъ приближался къ островку. Индѣйцы вычислили толстоту этой подстилки такъ, что она и вѣтви деревьевъ, поддерживавшія ее, высыхая по мѣрѣ приближенія огня,

должны были вспыхнуть въ ту самую минуту, когда бранеръ подплыветъ къ острову. Но сѣно часто погружалось въ воду, и сырость, которая на ней оставалась, замедляла каждую минуту его горѣніе. Толстыя вѣтви дерева не успѣли еще загорѣться въ свою очередь, а тонкія и листья уничтожились уже.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ наблюдательнаго взора канадца, который съ длиннымъ шестомъ въ рукѣ, рѣшился разсыпать эту подстилку сухихъ травъ; но въ минуту, когда онъ приготовился исполнить это опасное предпріятіе, его предсказаніе исполнилось.

Нѣсколько пуль и стрѣлъ шипя, погрузились въ маленькомъ промежуткѣ, оставшемся пустымъ, между островомъ и бранеромъ. Этотъ залпъ, казалось, былъ сдѣланъ съ цѣлю скорѣе устранивъ охотниковъ, чѣмъ попасть въ нихъ.—Теперь я не сомнѣваюсь больше, —сказалъ вполголоса Боа-Розе, — что они хотятъ насъ взять только живыми. Посмотримъ!—удастся ли имъ это!

Куча огня касалась почти островка; еще нѣсколько минутъ и пожаръ долженъ былъ сообщиться самому островку. Горячій дымъ обнималъ уже его гостей, какъ вдругъ, съ быстротою молніи, канадецъ бросился въ воду и исчезъ со всѣмъ въ ней. Съ обонхъ береговъ рѣки раздался страшный вой, и индѣйцы также какъ и испанецъ и Фабианъ увидѣли, что пльвшее дерево начало сильно качаться въ могучихъ рукахъ канадца.

Огромный очагъ на минуту вспыхнулъ еще жарче; потомъ, чрезъ нѣсколько времени зашипѣла вода, еще минута и разрозненная масса огня была поглощена пвнящейся волною.

Самая непроницаемая темнота послѣдовала вдругъ за свѣтомъ, который происходилъ отъ огня; мракъ и туманъ снова распространилъ свой мрачный пологъ по всему теченію рѣки Пльвшее дерево съ почернѣвшими вѣтвями, получивъ другое направленіе, пльло мимо острова, ломая тростникъ; и въ это же время Боа-Розе присоединился къ своимъ товарищамъ, посреди ужаснаго воя индѣйцевъ.

Островокъ затрясся подъ усиліями канадца, когда онъ всходилъ на него.

— Войте, сколько вамъ угодно, —сказалъ Боа-Розе, переводя дыханіе;—мы еще у васъ не въ рукахъ.... но,—прибавилъ онъ тихо, — всегда ли мы будемъ такъ счастливы!

Въ самомъ дѣлѣ, избавившись отъ этой опасности, сколько имъ

еще оставалось побѣдить другихъ? Кто могъ предвидѣть новыя хитрости, которыя индѣйцы употребятъ противъ нихъ?

Эти размышленія омрачили первый восторгъ побѣды, и мертвое молчаніе послѣдовало за поздравительными привѣтствіями Фабіана и Пепе. Вдругъ испанецъ подпрыгнулъ, удерживая крикъ, но крикъ радости.

— Боа-Розе, донъ-Фабіанъ, — вскричалъ онъ, — мы спасены; я отвѣчаю вамъ въ этомъ.

— Спасены! — потворилъ канадецъ дрожащимъ голосомъ. — Ахъ! говори Пепе, скорѣе говори.

— Не замѣтили-ли вы, — продолжалъ микелеть, — какъ трясся островъ нѣсколько часовъ тому назадъ, подъ нашими руками, когда мы отрывали толстыя вѣтви, чтобы сдѣлать изъ нихъ укрѣпленіе? Да, недавно еще ты самъ, Боа-Розе, заставлялъ его дрожать. И такъ, я думалъ сдѣлать плоть изъ тонкихъ корней, которые у насъ подъ ногами, но теперь я отказываюсь. Намъ трое, и мы можемъ съ помощью рукъ оторвать отъ корня самый островокъ и пуститься по теченію. Туманъ густъ, ночь темна и завтра, когда настанетъ день....

— Мы будемъ далеко, — вскричалъ Боа-Розе. — Къ дѣлу-же! къ дѣлу! холодющій вѣтеръ показываетъ приближеніе утра: у насъ немного времени. Если я не потерялъ опытность моряка, то могу навѣрное сказать, что рѣка не пронесетъ насъ болѣе трехъ узловъ въ часъ.

— Тьмъ лучше, — сказалъ Пепе, перемѣщеніе будетъ не такъ замѣтно.

Храбрый канадецъ, пожавъ руки своимъ товарищамъ, всталъ.

— Что вы хотите дѣлать? — спросилъ Фабіанъ, развъ мы въ троемъ соединенными силами не сдвинемъ острова съ мѣста.

— Правда.... но мы здѣсь можемъ размѣтать его такъ, что онъ разсыплется, а, быть можетъ, его держитъ на якорь одинъ — только корень.... Другіе-же корни должны были давно сгнить отъ времени — и это-то я и узнаю.

Съ этими словами Боа-Розе спустился въ воду.... Черезъ нѣсколько мгновеній онъ снова показался у островка, желая перевести духъ.

— Ну, что? — вскричалъ Пепе.

— Все благополучно; — насъ держитъ только одинъ корень, какъ я говорилъ вамъ.... — И снова вода зашипѣла надъ головою канадца.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, присутствіе подъ водою Боа-Розе обнаруживалось легкимъ колебаніемъ островка. — И наконецъ онъ весь дрогнулъ, закачавшись на водѣ, какъ будто отдѣленный отъ своего якоря.

Въ ту же минуту, канадецъ вспрыгнулъ на островокъ.

Островокъ тихо началъ вертѣться и потомъ медленно спустился по водѣ... Единственное препятствіе, огромный корень переломился въ могучихъ рукахъ великана, сила котораго всегда увеличивалась въ десять разъ въ положеніяхъ опасныхъ.

— Слава Богу! — вскричалъ онъ, — последнее препятствіе побждено и мы плывемъ... Господи! — повторилъ онъ, — еще нѣсколько часовъ ночи и твои созданія спасены!

Охотники молча и съ безпокойствомъ слѣдили за движеніями островка. Разложенные на берегахъ огни казались только блѣднѣющими звездами на небѣ при возвращеніи зари. Съ этой стороны опасность не была велика; надежда ускользнуть отъ зоркихъ глазъ индѣйскихъ часовыхъ была почти вѣрна; но новая опасность угрожала тремъ охотникамъ.

Пловучій островъ, не смотря на всю медленность, съ которою онъ плылъ, слѣдовалъ, кружась, теченію рѣки, и можно было опасаться, чтобы онъ въ своихъ безпрестанныхъ поворотахъ, не свернулъ съ прямой линіи и не наткнулся на одинъ изъ береговъ. Направо, на лѣво — индѣйцы были повсюду. Какъ матросы корабля лишеннаго руля и мачтъ, несомые волнами на подводные камни, гдѣ они должны разлетѣться въ щепя, три охотника слѣдили взоромъ полнымъ тоски, за неровнымъ и молчаливымъ плаваніемъ островка. Изрѣдка легкій вѣтерокъ, набѣгавшій съ земли, шелестилъ въ листьяхъ, въ сухихъ вѣтвяхъ и въ окружавшемъ тростникъ. Пловучій островокъ, казалось, наклонялся то въ право то въ лѣво, описывая широкій кругъ. Время отъ времени сильное теченіе, образованное неровностью въ руслѣ рѣки, овладевало плотомъ и заставляло его плыть по прямой линіи, но ни въ какомъ случаѣ усилія находившихся на немъ не могли измѣнить принятаго имъ направленія.

Малѣйшій шумъ, пробуждая эхо береговъ, былъ-бы увѣдомленіемъ для индѣйцевъ, къ счастью туманъ былъ такъ густъ, что самыя деревья, осѣнявшіе берега рѣки, сдѣлались невидимы.

— Полно унывать, — говорилъ Непе; до-тѣхъ-поръ, пока береговья

деревья отъ насъ скрываются, значить мы на хорошей дорогѣ. Ахъ ! если Богъ поможетъ намъ, то на этихъ берегахъ теперь столь молчаливыхъ на разсвѣтъ дня раздадутся крики индѣйцевъ, когда они не найдутъ ни островка, ни тѣхъ, которые на немъ были.

— Да, — отвѣчалъ старшій охотникъ, — тебѣ, Пепе, пришла счастливая мысль сорвать островокъ. Я тогда былъ такъ смущенъ, что эта простая мысль, мнѣ не пришла-бы въ голову.

— Простыя то мысли и приходятъ послѣ всего на умъ, — сказалъ Пепе, — но знаешь-ли, Боа-Розе, что это доказываетъ? — прибавилъ бывшій таможенный сторожъ на ухо своему товарищу, — въ пустыняхъ довольно страха и за себя одного и потому не должно пускаться въ нихъ на долго съ тѣми, которыхъ мы любимъ больше своей жизни. Это новое обстоятельство отнимаетъ у чело­вѣка возможность обсудить средства защищать. Скажу тебѣ откровенно, Боа-Розе, что съ недавняго времени я тебя со всѣмъ не узнаю.

— Это правда. — Я и самъ себя не узнаю, — отвѣчалъ въ полголоса канадецъ, — а между-тѣмъ ...

Боа-Розе не окончилъ словъ своихъ, онъ погрузился въ глубокую задумчивость, въ продолженіе которой, казалось, вовсе не обращалъ вниманія на невѣрное движеніе пловучаго островка. Это оттого, что для охотника, который уже двадцать лѣтъ жилъ въ безграничной свободѣ пустынь, отказаться отъ ней значило умереть, отказаться же отъ наслажденія видѣть каждый день Фабиана, отъ утѣшенія, что его усыновленный закроетъ ему глаза — значило проститься съ счастьемъ. Фабианъ и пустыня были двѣ преобладающія страсти его жизни; отказаться отъ того или другаго ему казалось усиленіемъ невозможнымъ. Въ душѣ канадца это была борьба чело­вѣка цивилизованнаго съ чело­вѣкомъ, котораго долгая привычка почти сълала дикаремъ.

Пепе поспѣшилъ прервать мечты товарища. Уже нѣсколько минутъ онъ еще съ большимъ безпокойствомъ вглядывался въ одинъ изъ береговъ рѣки. Сквозь густой покровъ тумана ему показались смутно бѣлыя фантастическія формы деревьевъ, рисовавшихся въ туманъ, какъ чуть замѣтныя призраки, окутанные въ длинную одежду паровъ.

— Мы сбиваемся съ пути, Боа-Розе, — сказалъ тихо Пепе; —

эти волны тумана, которыя вонъ тамъ еще кажутся гуще, должны быть верхушки березовыхъ ивъ.

— Это правда, — отвѣчалъ канадецъ, — отрываясь отъ своихъ размышленій; по огнямъ, блистающимъ еще на право и на лѣво легко видѣть, какъ мало мы проплыли въ продолженіи получаса.

Въ этомъ мѣстѣ плывучій островокъ получилъ толчекъ усилившей скорость его движенія.

Въ нѣсколько секундъ онъ описалъ двѣ кривыя линіи, описываемыя имъ прежде въ продолженіи болѣе значительнаго времени, и верхушки отдѣльныхъ деревьевъ начали обозначаться яснѣе. Два охотника переглянулись съ безпокойствомъ.

Плотъ все подвигался ближе къ берегу. Одинъ изъ огней, блестящихъ въ туманъ за нѣсколько минутъ, такъ слабо, теперь мало-по-малу увеличился въ глазахъ дрожавшаго Боа-Розе.

При тускломъ свѣтѣ жаровни можно было замѣтить индѣйскаго часоваго, стоявшаго неподвижно въ своемъ ужасномъ воинскомъ костюмѣ. Длинная грива буйвола показывала его голову, надъ которой развивался пукъ перьевъ на манеръ римскихъ касокъ.

Канадецъ указалъ Пепе на воина, опершагося на копье. Къ счастью туманъ былъ слишкомъ густъ, и апахъ, за пылающимъ костромъ, не могъ завидѣть черной массы островка плывшаго, какъ морская птица, надъ поверхностію воды.

Между-тѣмъ, дикарь какъ-будто инстинктивно почувствовалъ, что смѣлость и ловкость его враговъ готова обмануть его бдительность, онъ поднялъ наклоненную голову и тряхнулъ волнующею гривой.

— Ужъ не догадывается-ли онъ? — сказалъ канадецъ Пепе. — Ахъ! если бы отъ карабина было такъ-же мало шума, какъ отъ стрѣлы, то съ какимъ удовольствіемъ, я отправилъ-бы этого буйвола, — отвѣчалъ испанецъ.

Тутъ два охотника увидѣли, что индѣйскій воинъ воткнулъ въ землю копье, на которое опирался, наклонился впередъ, прикрылъ руками глаза и началъ пристально вглядываться.

Тоска пробѣжала по сердцамъ бѣглецовъ, которые, при видѣ индѣйца, въ продолженіи минуты не переводили дыханія.

Съ тѣломъ перегнувшимся вдвое, какъ дикій звѣрь, кровожадный

воинъ былъ отвратителенъ и ужасенъ. Человѣкъ обыкновенной храбрости не могъ-бы не задрожать при его видѣ.

Но три бѣглеца столь-же мало испугались этого видѣнія, какъ и появленія ребенка, еслибъ появленіе ребенка въ столь критическую минуту не было-бы также страшно, какъ появленіе индѣйца.

По причинѣ густаго тумана очагъ, подлѣ котораго бодрствоваль дикій часовой, освѣщаль небольшое пространство.

Вдругъ апахъ, простоявшій нѣсколько времени въ положеніи человѣка, старающагося различить отдаленный предметъ въ темнотѣ, сдѣлалъ три шага впередъ по направленію къ рѣкѣ и исчезъ. Вечерній вѣтеръ развѣвалъ только человѣческія волосы, привѣшанныя вмѣсто флюгера на древкѣ копья, остававшемся все еще на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ недавно индѣецъ.

Минута эта была страшная, потому что ночь теперь скрывала движеніе индѣйца.

Бѣглецы притаили дыханіе и плоть продолжалъ тихо скользить по почернѣвшей поверхности рѣки.

— Не замѣтилъ-ли онъ насъ? — шепталъ Пепе на ухо канадцу.

— Это и страшно, — отвѣчалъ Боа-Розе; — зловѣщій крикъ заставилъ охотниковъ вздрогнуть, крикъ этотъ былъ повторенъ на обонхъ берегахъ: это были сигналы, которыми обмѣниваются часовые, подражая голосу ночныхъ птицъ. Послѣ чего снова воцарилась тишина.

Наконецъ Боа-Розе отрадно вздохнулъ, указывая Фабіану на очагъ, горѣвшій на берегу. Индѣецъ снова появился въ кругу огня, взявъ свое копье, оперся на него и опять принялъ положеніе, которое за минуту передъ симъ оставилъ.

Хотя это была ложная тревога, но островъ тѣмъ не менѣе продолжалъ двигаться къ берегу.

Плывя по этому направленію, черезъ двѣ минуты, мы наткнемся на бивакъ этого индѣйца, Ахъ! еслибъ мы могли погрести немного вотъ этимъ большимъ сукомъ; скоро-бы мы очутились на хорошей дорогѣ, но шумъ воды выдаетъ насъ, — сказалъ Пепе.

— Однако мы должны на это рѣшиться; но прежде испытаемъ теченіе рѣки.

Сказавъ это, Пепе отломилъ кусокъ сухаго дерева и бросилъ его въ рѣчку. Наклонившись на край острова, Пепе и Боа-Розе слѣдили

за направлениемъ, которое принимало дерево. Въ этомъ мѣстѣ былъ сильный водоворотъ, образуемый вѣроятно какой-нибудь ямой на днѣ рѣки. Съ минуту кусокъ дерева вертѣлся, какъ-будто онъ готовъ былъ погрузиться на дно, потомъ круто принявъ направление противоположное берегу. Два охотника вздохнули свободнѣе, тихо изъявляя свою радость; но это продолжалось недолго, глубокое уныніе послѣдовало за нею. Вѣтка оттолкнутая какимъ-нибудь противнымъ течениемъ, вдругъ поплыла къ берегу. Нельзя было больше обманываться: съ островкомъ должно было случиться тоже самое, какъ и съ кускомъ дерева.

Въ-самомъ-дѣлѣ, пловучій островокъ, казалось, остановился на минуту, но потомъ, повинаясь первому теченію, онъ снова удался отъ берега. После того туманъ, пустившись на право и на лѣво, показалъ разувѣрившимся двумъ охотниками, что плотъ принялъ благоприятное направление.

Прошло уже около часа, между убійственнымъ страхомъ и надеждою: прежде, чѣмъ огни индѣйскихъ бивуаковъ начали теряться въ туманъ; бѣглецы были почти внѣ опасности, однако же нельзя было оставаться въ бездѣйствіи.

Успокоенный пройденнымъ пространствомъ, старый морякъ съ сукомъ въ рукѣ, сталъ на задней части острова и началъ сильно грести.

Какъ лошадь долго оставленная на своей волю и вдругъ почувствовавшая руку и шпоры искуснаго всадника, пловучій островокъ быстро понесся по теченію, направляемый канадцемъ по тому мѣсту, гдѣ рѣка была глубже. Островокъ проплылъ довольно значительное пространство. Теперь три друга могли считать себя, если не совершенно спасенными, то по-крайней-мѣрѣ въ меньшей опасности.

— Скоро разсвѣтетъ, — сказалъ Боа-Розе, — теперь нужно пристать къ какому-нибудь берегу и пробираться дальше, потому что пѣшкомъ мы пройдемъ въ двое больше, чѣмъ на этомъ плотѣ, который плыветъ медленнѣе голландской барки.

— Ну что-же! причаливай, гдѣ хочешь, Боа-Розе, — сказалъ Пепе; — потомъ нѣсколько пройдемъ по водѣ, чтобы скрыть наши слѣды отъ индѣйцевъ, а раненаго понесемъ на рукахъ, если нужно, и такимъ образомъ, мы съѣдемъ въ часъ по-крайней-мѣрѣ

два лье. Какъ вы думаете, донъ-Фабіанъ, Золотая Долина еще далеко отсюда. Вы также видѣли, какъ и я, — отвѣчалъ Фабіанъ, — что солнце съло за Туманными Горами, которыя ее скрываютъ, мы отъ нее на нѣсколько часовъ ходьбы, и безъ сомнѣнія придемъ туда до свѣта.

Боа-Розе съ помощію Пепе далъ плоту косвенное направленіе къ лѣвому берегу, и черезъ четверть часа островокъ такъ сильно наткнулся на крутой берегъ рѣки, что внутри его образовалась расщелина. Въ то время какъ Пепе и Фабіанъ сыривали съ островка на берегъ, на которомъ не было больше враговъ, канадецъ взялъ въ свои руки неподвижнаго гамбузина и вынесъ его на берегъ. Раненый пробудился. При видѣ мѣстности, совершенно противоположной той, гдѣ онъ заснулъ, измѣненіе которой было замѣтно не смотря на туманъ и ночь, онъ бросалъ вокругъ себя удивленные взоры.

— Святая дѣва! — вскричалъ онъ, — неужели я долженъ еще слышать эти ужасные крики, нарушающіе мой сонъ?

— Нѣтъ, мой милый, индѣйцы теперь далеко и мы въ безопасности. Слава Богу, что я успѣлъ спасти все мнѣ дорогое, моего Фабіана и моего стараго товарища опасностей...

Говоря эти слова, канадецъ почтительно открылъ съдую свою голову и дружески протянулъ руку Пепе и Фабіану.

Давъ нѣсколько минутъ гамбузино собраться съ силами, три охотника приготовились продолжать свой путь.

— Если вы не въ состояніи идти съ нами, — сказалъ Пепе скальпированному, — мы сдѣлаемъ для васъ носилки; мы не должны терять времени, если хотимъ ускользнуть отъ этихъ мародеровъ, которые съ появленіемъ дня станутъ за нами охотиться, какъ никогда не охотились за христіанами

Желаніе Гайфероса бѣжать отъ новой встрѣчи съ индѣйцами было такъ сильно, что онъ почти совершенно забылъ ужасныя мученія, перенесенныя имъ. Онъ объявилъ, что послѣдуетъ за тремя своими освободителями такъ быстро, какъ только они сами могутъ идти и предложилъ отправиться въ ту же минуту.

— Мы прежде должны принять нѣкоторыя предосторожности, — сказалъ Боа-Розе, — отдохните еще нѣсколько времени, пока мы оттолкнемъ и поправимъ плотъ, оказавшій намъ такую помощь, по теченію рѣки. Необходимо пужно скрыть отъ индѣйцевъ наши слѣды.

Три охотника припались за работу; ослабленный тѣмъ, что уже разъ былъ сорваннымъ съ корней, островокъ не долго противился соединеннымъ усилямъ трехъ охотниковъ. Составлявшіе его стволы деревьевъ постепенно были вырваны и оттолкнуты по теченію, которое ихъ унесло, и скоро не осталось ни малѣйшаго знака отъ плота, для образованія котораго природа употребила столько лѣтъ.

Когда послѣдняя вѣтвь исчезла изъ глазъ охотниковъ, Боа-Розе съ помощью Пепе началъ выпрямлять траву, чтобы уничтожить слѣды оставленныя ихъ ногами, послѣ чего далъ знакъ къ отправленію. Будучи самымъ большимъ и самымъ сильнымъ изъ четырехъ бѣглецовъ, онъ первый взшелъ въ воду и удалился отъ берега на такое разстояніе, чтобы вода могла скрыть слѣды и чтобы индѣйцы подумали, что они все еще продолжаютъ плыть на островъ. Этотъ послѣдній переходъ былъ утомителенъ и слѣдовательно не могъ быть быстръ; однако все-таки послѣ часовой ходьбы, въ то время когда боль въ ногахъ, не смотря на то, что они были обуты, заставила бы ихъ остановиться, они достигли разъединенія двухъ рѣкъ, образующихъ дельту, на которой должна была находиться Золотая Долина.

День начинался; востокъ бѣлѣлъ, сѣроватый свѣтъ смѣнилъ темноту. Къ счастью рукавъ рѣки, который оставалось перейти, не былъ глубокъ. — Масса рѣчной воды стремилась въ противоположный рукавъ. Обстоятельство это было очень благоприятно, потому что для равнаго гамбузино нужно было много времени, чтобы переплыть его.

Боа-Розе взялъ его на свои плечи, и всѣ трое взошли въ воду, едва доходившую имъ до колѣнъ и скоро вышли на противоположный берегъ. Цѣпь Туманныхъ Горъ отстояла отъ того мѣста, гдѣ они остановились, не больше какъ на одно лье, и отдохнувъ немного, они продолжали свой путь съ новымъ усердіемъ.

Скоро измѣнился видъ почвы. На мѣсто тонкаго наноснаго песку, покрывавшаго землю, появились глубокія рытвины, высохшее русло ручьевъ, образующихся во время дождей, низвергающихся съ горъ; на мѣсто узкой длинной полосы ивъ и хлопчатниковъ, отбывавшихъ пустынные берега, возвышались время отъ времени зеленые дубы; волнообразный ландшафтъ этотъ оканчивался цѣпью горъ, называвшихся Туманными.

Тамъ то путешественники наши на минуту остановились. Вблизи видѣ окрестности былъ страненъ и величественъ. Рѣдко ноги бѣлыхъ людей топтали эту дикую дѣвственную пустыню: Маркъ Арелланосъ и Кухилло одни только успѣли проникнуть сюда.

Какъ въ тѣхъ безконечныхъ базиликахъ, гдѣ все наполнено величіемъ Бога, темное чувство благоговѣйнаго страха заставляло невольно понизить голосъ передъ сверхъестественною прелестью, господствовавшею въ этой дикой мѣстности.

Одѣтые вѣчнымъ туманомъ даже и тогда, когда окружающія равнины сіяли въ лучахъ солнца, холмы, казалось, скрывали на вершинахъ своихъ непроницаемыя тайны.

Иногда, по разсказамъ путешественниковъ, при совершенно безоблачномъ небѣ ослѣпительныя молнія разскаютъ пологъ тумана, покрывающаго ихъ вершины. Эхо повторяетъ глухой этотъ звукъ, какъ бы происходящій отъ отдаленнаго грома, заглушая шумъ низвергающихся водопадовъ. Можно бы сказать, что подземные гени, невидимые стражи сокрытыхъ сокровищъ, борятся между собою въ недрахъ земли, и какъ говорятъ индѣйскія повѣрья, этотъ туманный пологъ скрываетъ ненарушимое жилище владѣтелей тѣхъ горъ.

X.

ПЕРСТЬ БОЖІЙ.

Между тѣмъ усталость и страданіе обезсилили гамбузино, и какъ необходимо нужно было скрыть отъ него положеніе Золотой Долины и даже не открывать о ея существованіи, то Боа-Розе и Пепе рѣшились съ общаго согласія, оставить его на нѣсколько часовъ, тѣмъ болѣе, что теперь онъ былъ въ полной безопасности, и употребить это время для розысканія мѣстъ, описанныхъ Фабиану усыновившею его матерью.

— Послушай мой милый, — сказалъ Боа-Розе Гайферосу, — мы тебѣ достаточно доказали нашу любовь и преданность для того, чтобъ ты могъ въ ней не сомнѣваться, и потому можемъ оставить тебя одного здѣсь на полъ-дня, а можетъ быть и на цѣлый день. Намъ нужно покончить кой-какія дѣла, требующія троихъ рѣшительныхъ людей; и если нынче вечеромъ или завтра утромъ мы будемъ живы, то ты

насъ увидишь здѣсь ; если же нѣтъ.... ты, понимаешь, это будетъ не наша вина. А пока вотъ вода и сушеная говядина... съ подобнымъ запасомъ 24 часа пройдутъ скоро.

Съ видимымъ замѣшательствомъ и грустью скальпированный рѣшился исполнить желаніе охотниковъ.

— У меня есть послѣдняя къ тебѣ просьба,—сказалъ старый охотникъ,—если случай приведетъ сюда твоихъ товарищей, съ которыми такъ несчастно разлучился ты, то требую отъ тебя, если ты сколько-нибудь цѣнишь оказанную тебѣ услугу, чтобы ты поклялся не открывать никому изъ нихъ нашего присутствія въ этихъ мѣстахъ. Что же касается до твоего, ты объяснишь его какъ тебѣ лучше покажется.

Гайферосъ обѣщалъ исполнить требованіе охотника, и три друга удалились скорымъ шагомъ.

Передъ исполненіемъ самаго задушевнаго своего желанія, Боа-Розе, казалось, забывая въ пылу своей преданности, что завоеваніе Золотой Долины и слѣдовательно обогащеніе любимаго своего сына положить еще большую преграду между имъ и Фабианомъ.

Пепе готовый исправить, сколько зависѣло отъ него, невольное зло причиненное имъ фамилии Медіана, шелъ легкимъ шагомъ въ самомъ счастливомъ расположеніи духа. Казалось одинъ Фабианъ былъ далеко отъ счастья, и черезъ четверть часа онъ подъ предлогомъ, что нуждается въ минутномъ отдыхѣ, остановилъ своихъ товарищей. Вся трое съѣли на горкѣ, съ которой могли вполнѣ обнимать окружавшую ихъ окрестность.

— Неужели, допъ-Фабианъ, — сказалъ Пепе тономъ веселаго упрека, указывая пальцемъ на массу еще неопредѣленную Туманныхъ Горъ, — неужели сосѣдство этихъ мѣстъ, такъ обильныхъ золотомъ, не придаетъ вашимъ ногамъ новой силы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Фабианъ, — потому что я не сдѣлаю больше ни одного шага по этому направленію до восхода солнца.

— Какъ ! — вскричалъ канадецъ, и отвѣчая на жестъ удивленія Пепе и на свое собственное изумленіе, онъ продолжалъ : — вотъ новость ! это почему ?

— Почему ? — потому что это ужасное мѣсто, мѣсто, на которомъ былъ зарванъ тотъ, кого до васъ я любилъ какъ отца ; потому что тамъ ожидаютъ васъ тысячи опасностей, а я ужъ и то слыш-

комъ много подвергалъ васъ имъ, заставляя принимать участіе въ моемъ дѣлѣ.

— Какія же это опасности, которыхъ бы мы въ троемъ не побѣдили? Ужъ небольшое-ли они тѣхъ, отъ которыхъ мы недавно избавились? И наконецъ, если намъ хочется, Пепе и мнѣ, подвергаться имъ для васъ? — отвѣчалъ канадецъ.

— Опасности эти всѣхъ родовъ, — продолжалъ Фабіанъ; — зачѣмъ обманывать себя дольше? Не доказываетъ-ли прямое направленіе, принятое экспедиціею къ этимъ мѣстамъ, что донъ Антонио де-Медіана знаетъ также, какъ и я, о существованіи Золотой Долины? Проводникъ ведущій экспедицію, идетъ на вѣрное, какъ въ этомъ нынче я убѣдился.

— Ну что же? — спросилъ Боа-Розе, какое слѣдствіе изъ этого вы выводите?

— Такое, — отвѣчалъ Фабіанъ, — что три человѣка, не въ состояніи бороться противъ шестидесяти.

— Послушай, сынъ мой, — замѣтилъ канадецъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ: — объ этомъ надобно-бы подумать прежде чѣмъ мы начали это предпріятіе; теперь поздно; и почему нынче ты не думаешь, какъ думалъ вчера?

— Потому что еще вчера ослѣпляла меня страсть, а теперь холодное разсужденіе замѣнило жаръ, одушевлявшій меня, и наконецъ, что я не надѣюсь уже сегодня на то: па что надѣялся вчера.

Противоположныя страсти, волновавшія сердце Фабіана, помѣшали ему объяснить лучше канадцу приливъ и отливъ его желаній.

— Фабіанъ! — сказалъ торжественно канадецъ, — ты долженъ выполнить святой и ужасный долгъ, а долгъ не допускаетъ отлагательствъ; потому кто тебѣ сказалъ, что экспедиція, предводительствуемая донъ-Антоніемъ, слѣдуетъ тому же направленію, какъ и мы? Но если бы это и такъ, то тѣмъ лучше убійца твоей матери попадетъ въ наши руки.

— Проводникъ, ведущій эту экспедицію, непременно долженъ быть этотъ негодяй Кухилло, — замѣтилъ Фабіанъ, старавшійся скрыть отъ Боа-Розе настоящія свои чувства. — Не показывалъ-ли я вамъ слѣдъ его лошади, часто удаленной отъ другихъ лошадей и товарищей? Слѣдовательно, если я не обманываюсь, онъ также знаетъ о Золотой Долинѣ; во всякомъ случаѣ, не смотря на ваше нетерпѣніе, мы

должны дожидаться восхода солнца, прежде чѣмъ пустимся, какъ слѣпые, въ страну совершенно намъ неизвѣстную, гдѣ эти жадные къ богатству авантюристы будутъ для насъ такими же врагами, какъ самыя индѣйцы. Неправдали, Пепе ?

— Въ продолженіи почти цѣлой ночи, — отвѣчалъ бывшій таможенный сторожъ, — вѣтеръ доносилъ до насъ гулъ перестрѣлки, доказывающій, что главныя силы войска должны быть атакованы индѣйцами ; слѣдовательно невѣроятно, что бы кто-нибудь изъ нихъ могъ предать насъ ; и такъ, откровенно говоря, мнѣніе мое не сходитъ съ вашимъ, и я считаю необходимымъ достигъ, не теряя ни малѣйшаго времени, до одной изъ этихъ горъ, гдѣ мы можемъ съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ завязать послѣднюю неизбѣжную битву.

— Этой-то неровной битвы я и хочу избѣжать, — съ жаромъ возразилъ Тибурціо. — До-тѣхъ-поръ, пока я могъ падѣяться встрѣтить, не доходя до Тубакской перзиды, тѣхъ, которыхъ само Провидѣніе обрекло моему мщенію и напасть на нихъ въ троемъ противъ пятерыхъ, я преслѣдовалъ ихъ безъ разсужденія ; до-тѣхъ-поръ, пока я могъ думать, что я обманулся и такъ экспедиція, какъ и всѣ предшествовавшія, имѣетъ только цѣль открыть какую-нибудь неизвѣстную россыпь, я слѣдовалъ за нею шагъ за шагомъ ; но что-жъ изъ этого вышло ? Въ продолженіе четырехъ дней, когда мы взяли противоположное направленіе, не находимъ ли мы снова нынѣшнюю ночь донъ-Эстевана и его людей подлѣ Туманныхъ горъ. Стало быть цѣль ихъ такая же какъ и у насъ. Три человѣка не могутъ сражаться противъ 60. Въ такомъ случаѣ значитъ Богу не угодно, чтобъ я для личныхъ своихъ видовъ пожертвовалъ двумя великодушными друзьями, жизнь которыхъ мнѣ дороже своей.

— Ребенокъ, — сказалъ канадецъ, — неужели ты не видишь, что здѣсь всякій заботится о себѣ и что выгоды всѣхъ соединены въ одно ? Развѣ за два дня передъ тѣмъ, когда Богъ вторично возвратилъ тебя въ мои объятія, не преслѣдовали мы человѣка разрушавшаго въ то время твои надежды, человѣка, который отнялъ у тебя мать — и укралъ имя. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ Пепе и я составляемъ одно лицо, наши враги были одни и тѣже, друзья одного были друзьями другаго и ты также сынъ Пепе, потому что ты мой сынъ, Фабіанъ ! Мой сынъ благодари Бога, который хочетъ, что бы мы, служа своему

дѣлу, служили также и твоему. Во всякомъ случаетъ, чтобы ни случилось, мы не отступимъ ни на шагъ....

— Кроме того, — сказалъ бывшій карабинеръ, — развѣ вы ставите не во-что, Фабіанъ, груды золота, когда съ одной стороны цѣлая жизнь изобилія, а съ другой только призракъ опасности? Повторяю вамъ: мы должны прибыть первые въ Золотую Долину, и одинъ день, одинъ часъ могутъ обогатить насъ навсегда, вы видите, что мы не больше какъ жалкіе эгоисты готовые на всякую жертву, не для однихъ вашихъ, но и для своихъ личныхъ выгодъ.

— Пече правъ, — прибавилъ старшій охотникъ, — мы хотимъ золота, много золота!

— А что же вы сдѣлаете съ этимъ золотомъ? — спросилъ улыбаясь Фабіанъ.

— Что я съ нимъ сдѣлаю? — вскричалъ Боа-Розе, толкая локтемъ бывшаго карабинера; — ребенокъ спрашиваетъ, что я съ нимъ сдѣлаю!

— Да, я хочу это знать, — повторилъ Фабіанъ. — Что я съ нимъ сдѣлаю? — снова началъ честный канадецъ, нѣсколько смущенный этимъ вопросомъ; — я изъ него сдѣлаю.... я изъ него сдѣлаю тысячу вещей. Да, еслибъ я употребилъ его на дуло моего карабина! — прибавилъ онъ съ торжествующимъ взглядомъ....

Фабіанъ, продолжая смѣяться, пожалъ плечами.

— Ты смѣешься, — снова и воодушевляясь началъ Боа-Розе, — доканчивая апаха, сіу или фавнія не лестно-ли будетъ сказать ему: знай: пуля, разможжившая твою голову, вышла изъ золотого дула!

Фабіанъ грустно покачалъ головою....

— Что говорить, друзья мои, а донъ-Эстебанъ ускользаетъ отъ моего мнѣнія, благодаря солдатамъ, которые его окружаютъ; рассыпъ эта, которую я почиталъ уже своею, также переходитъ въ его руки. .. но что за дѣло! развѣ я не могу потребовать обратно своего имени и моихъ богатствъ оставленныхъ мнѣ предками, еслибъ честолюбіе овладѣло мною? Развѣ нѣтъ въ Испаніи судилищъ, которыя съ равною справедливостію судятъ всѣхъ? Остальное сдѣлаетъ Богъ; но я не хочу, какъ сумасшедшій, подвергать опасности двухъ благородныхъ друзей; я не говорю о себѣ, — продолжалъ онъ: — не смотря на мою молодость не выпилъ-ли я до дна чашу горечи? Довольно этого, и

ваши великодушныя уловки не заставятъ меня отказаться отъ принятаго намѣренія.

Говоря эти слова, Фабианъ протянулъ руку двумъ охотникамъ, которые дружески ее пожали. Канадецъ съ умилениемъ разсматривалъ нѣсколько минутъ благородное лицо того, кого онъ съ гордостью называлъ своимъ сыномъ; потомъ когда минутное принужденіе уступило мѣсто настоящимъ чувствамъ, онъ вскричалъ:

— Фабианъ, дитя мое, всю жизнь свою я провелъ на морѣ и посреди пустынь; но я еще хорошо помню о городахъ и ихъ обычаяхъ, и знаю, что справедливость не всегда безкорыстна. И такъ, мое дитя, это золото, скрываемое горами, мы употребимъ на то, чтобы сдѣлать тебя тѣмъ, чѣмъ назначено тебѣ быть Провидѣніемъ; это золото уничтожитъ препятствія, которыя могутъ встрѣтиться. Пепе не уличитъ меня во лжи, если я скажу, что мы хотимъ подвергнуть жизнь нашу опасности, лишь бы возвратитъ тебѣ богатства и знаменитое имя твоихъ предковъ, которыхъ ты такъ достоинъ.

— Да, — прибавилъ карабинеръ, — первая половина моей жизни, какъ я вамъ сказалъ, не такова, какою бы я хотѣлъ ее видѣть; отчасти въ томъ виноваты обстоятельства, которыя отъ меня не зависели; тѣмъ не менѣе на сердцѣ у меня лежитъ ужасная тяжесть. Часто я съ грустью разсматриваю свою прошедшую жизнь; но Богъ всегда прощаетъ преступнику, если покаяніе его искренно. День искупленія насталъ, прощеніе близко, и, рискуя моею жизнью, я только дѣлаю справедливое, возвращая вамъ то, въ отплату чего нѣкогда помогаль.

— Такъ пойдемъ-же, — сказалъ канадецъ: — самъ Богъ указалъ намъ всѣмъ дорогу, и какъ ты самъ замѣтилъ, Фабианъ, онъ сдѣлаетъ еще больше. Если ты остаешься, мы пойдемъ безъ тебя.

При этихъ словахъ канадецъ всталъ, вскинулъ на плечо свой карабинъ и повелительнымъ жестомъ пригласилъ своихъ товарищей следовать за нимъ; Фабианъ былъ принужденъ покориться непоколебимому рѣшенію своихъ друзей. Всѣ трое направили путь свой къ Туманнымъ Горамъ и скоро скрылись за буграми пестрившими окрестность.

Темнота не смѣнилась еще свѣтомъ, когда канадскій охотникъ и его два товарища удалились отъ мѣста, служившаго имъ приваломъ,

между тѣмъ новый актеръ приближался въ свою очередь къ театру дѣйствій, которыя скоро должны были произойти.

Какъ духъ злобы, онъ вѣхалъ одинъ; его лошадь неслась во весь опоръ, взбрасывая ногами на воздухъ песокъ и куски сплавившихся мелкихъ каменьевъ. Всадникъ, лицо котораго было одушевлено зловыми страстями, казалось, время отъ времени, волновался тайнымъ страхомъ. Въ этомъ кавалеристъ нетрудно было признать Кухилло.

Въ самомъ дѣлѣ бѣгство его изъ лагеря могло не ускользнуть даже въ жару схватки отъ взгляда кого-нибудь изъ тѣхъ, которыхъ оставилъ онъ въ минуту опасности; индѣйскіе мародеры могли также замѣтить его дезертирство. Вотъ что и было причиною его страха и быстрого бѣга коня его.

Между тѣмъ Кухилло не былъ изъ тѣхъ, которые отваживаются на подобную дерзость, не взвѣсивъ напередъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ охотникъ, который, желая захватить дѣтенышей льва или тигра, бросаетъ ему добычу, чтобы развлечь и удалить его отъ берлоги. Добыча, брошенная Кухилло владѣтелямъ этихъ пустынь были его товарищи.

Прежнія его отлучки, имѣли только цѣль привлечь къ лагерю донъ-Эстевана индѣйцевъ, слѣды которыхъ онъ успѣлъ открыть. Правда онъ игралъ въ опасную игру, и мы видѣли съ какимъ трудомъ успѣлъ онъ присоединиться къ лагерю нѣсколькими минутами раньше апахскихъ воиновъ, гнавшихъ за нимъ по пятамъ. Онъ думалъ, что борьба продолжится часть ночи, и что во всякомъ случаѣ, останутся-ли авантюристы побѣдителями или побѣжденными, они не осмѣлятся въ продолженіи слѣдующаго дня оставить своихъ укрѣпленій, и что на его долю выпадетъ много свободного времени, въ продолженіи котораго онъ успѣетъ похитить часть сокровищъ Золотой Долины и, возвратясь, положить свою добычу подъ защиту своихъ же товарищей; что въ то время, когда цѣлая экспедиція овладѣетъ этими сокровищами, то онъ получитъ часть ихъ какъ солдатъ, да еще какъ проводникъ. А чтобы объяснить свое новое отсутствіе, онъ придумалъ основательный предлогъ, и такимъ образомъ извлекалъ пользу со всѣхъ сторонъ изъ тайны, проданной уже за значительную сумму. Но какъ, мы видѣли, Кухилло не бралъ во вниманіе подозрѣній донъ-Антоніо. Что бы заключить съ последнимъ

контрактъ, бандитъ принужденъ былъ дать такія точныя свѣдѣнія о положеніи Золотой Долины, что отъ мѣста, куда дошла экспедиція, донъ-Эстебанъ не могъ ошибиться въ дорогъ; и Арехиза передалъ свѣдѣнія эти Педро Діазу только въ тотъ вечеръ, когда подозрѣнія его были возбуждены долгимъ отсутствіемъ Кухилло, благоразуміе того требовало, ибо алчность увлекла бы и другихъ къ тому, что дѣлалъ бандитъ. Притворившись смертельно раненымъ, Кухилло упалъ посреди лагеря, потомъ незамѣтно поползъ къ тому мѣсту укрѣпленія, гдѣ не было индѣйцевъ. Приученная лошадь по обыкновенію слѣдовала за нимъ; и, съ помощью темноты, онъ понесся стрѣлой къ холмамъ по знакомой ему дорогѣ.

Алчность была преобладающею его страстью, она ослѣпляла его, и онъ не замѣчалъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ своего плана, котораго исполненіе представляло столько опасностей; однако мы видѣли что его вѣроломство едва не увнчалось успѣхомъ. Съ глазами, горѣвшими страстью, съ сердцемъ, волнуемымъ страхомъ и надеждою, приближался онъ во весь опоръ къ Золотой Долинѣ. Но, какъ скряга, который безпрѣстанно страшится, чтобы кто-нибудь не послѣдовалъ за нимъ туда, гдѣ онъ прячетъ свои сокровища онъ время отъ времени пріостанавливалъ свою лошадь и, прислушивался внимательно къ смутному шуму пустыни, но убѣдясь въ неосновательности своего страха, онъ съ новымъ жаромъ продолжалъ дорогу.

Были минуты, въ которыя при взглядѣ на знакомыя пустыни душа бандита, волновалась страшнымъ воспоминаніемъ. Инстинктъ его вѣрно велъ по той же дорогѣ: на этомъ возвышеніи онъ отдыхалъ съ Маркомъ Ареланосомъ, этотъ напалъ снабдилъ ихъ своими освѣжающими плодами; тутъ оба они созерцали съ тайнымъ ужасомъ страшный видъ Туманныхъ Горъ.

Кухилло продолжалъ скакать, вѣтеръ развѣвалъ его волосы, лошадь его, ржа быстро, несла убійцу къ мѣсту, гдѣ несчастная жертва пала подъ его ударомъ. Тогда страхъ встрѣчи съ земными врагами уступилъ мѣсто тайному ужасу, внушаемому подъ покровомъ тмы тѣмъ, совѣсть которыхъ, усыпленная днемъ, пробуждается ночью съ большею силою. Кустарники, напалы представлялись Кухилло призраками, протянувшими къ нему свои руки, чтобы преградить ему дорогу; холодный потъ выступалъ на вискахъ

бандита; но алчность, преодолевая страх, побуждала его, как шпоры его лошадь нестись быстрей и быстрей къ Золотой Долинѣ. Но действительность быстро смѣняла видѣнія и оправившійся бандитъ смѣялся надъ своимъ страхомъ.

— Призраки, — говорилъ онъ, — къ бѣднякамъ, подобнымъ мнѣ, никогда не обращаются; но лишь бы мнѣ унести одинъ или два араба этого золота, я расквитанюсь съ Арелланосомъ.

Тутъ Кухилло погналъ свою лошадь еще быстрѣе. Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ бышеннаго бѣга, онъ снова остановился и началъ прислушиваться. Исключая тяжелого сапьяна его лошади ни малѣйшій шумъ не нарушалъ молчавія пустыни. Бандитъ обнажилъ на минуту свою голову, покрытую потомъ, чтобы освѣжиться утреннимъ вѣтеркомъ.

— Я одинъ, совершенно одинъ, — продолжалъ онъ, — эти скоты, которымъ я такъ хорошо указывалъ дорогу, теперь бьются за тѣмъ, чтобы я имѣлъ свободное время набрать побольше песку, въ которомъ притаилось столько золота. Кто помѣшаетъ мнѣ черезъ нѣсколько минутъ, когда начнется день, набрать его столько, сколько я могу увезти, не измѣняя своей тайны? Теперь не такъ будетъ какъ съ Арелланосомъ и мнѣ не придется спасаться отъ индѣйцевъ; я брошу имъ добычу, чтобы удалить ихъ отъ моей дороги; потомъ снова я приду съ тѣми изъ моихъ товарищей, которымъ удастся избѣгнуть копій апаховъ! Сколько-то ихъ останется, чтобы разделить это золото? Ахъ! одна мысль объ этихъ сокровищахъ воспламеняетъ кровь въ моихъ жилахъ. Развѣ не одно золото, которое скоро мнѣ будетъ принадлежать, не одно оно даетъ здѣсь на землѣ все удовольствіе.

Ослѣпительный блескъ промелькнулъ передъ глазами бандита; онъ далъ шпоры лошади и понесся къ Золотой Долинѣ.

Въ то время, какъ упоенный надеждою богатой добычи, закрывъ глаза, Кухилло стремился туда, куда звала его судьба, четыре всадника тихо оставили мексиканскій лагерь и влекомые тѣмъ же инстинктомъ, который руководилъ и бандита, направились по его слѣдамъ. Всадники эти были: донъ-Эстебанъ, Педро Діазъ, Орохъ и Бораджа.

Изъ всѣхъ авантюристовъ, находившихся подъ предводительствомъ Антоніо, эти послѣдніе, какъ мы видѣли, пользовались особенною его довѣренностью.

Хотя Туманные Горы отстояли отъ лагеря не болѣе шести льё, Арехиза приказалъ ждать своего возвращенія подъ прикрытіемъ укрывленій. Потомъ онъ удалился, какъ мы сказали, подъ предлогомъ осмотрѣть окрестность, не подавая такимъ образомъ авантюристамъ вида, что они такъ близко къ цѣли своего предпріятія.

Орохъ и Бораджа, одни знали настоящія причины этой ночной экспедиціи и слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи отъ вѣхшихъ впереди донъ-Эстевава и Діаза.

Два друга подвигались въ темнотѣ съ бьющимся отъ удовольствія сердцемъ, при мысли, что они скоро соберутъ самую богатую россыпь, которая когда-либо ослѣпляла глаза золотопромышленниковъ, и надѣясь, что они отрѣжутъ такимъ образомъ путь Кухилло.

Но двухъ часовая быстрая ѣзда не имѣла никакого результата, потому что Кухилло, опередивъ ихъ столькими же часами, былъ невидимъ, и при темнотѣ врядъ-ли бы даже глаза индѣйца могли открыть его слѣды.

Много разъ донъ-Эстевавъ готовъ былъ оставить бесполезное преслѣдованіе и приписать исчезновеніе Кухилло не измѣнъ, но совершенно другимъ причинамъ.

— А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — сказалъ Педро-Діазъ, — что мерзавецъ воспользовался нападеніемъ индѣйцевъ и убѣжалъ къ Золотой Долинѣ, чтобы взять съ проданныхъ намъ сокровищъ пошлину. Это грабительство надо предупредить.

— Этого то я еще не такъ боюсь, — отвѣчалъ улыбаясь донъ-Эстевавъ. — Но, достигши почти цѣли, заставившей меня пренебречь пустынею и промѣнять завидное положеніе въ свѣтъ на опасности экспедиціи, подобной нашей, я чувствую какой-то смутный страхъ; мысль погибнуть въ саваннѣ пугаетъ меня. Пустыня, какъ море, полна пиратами всѣхъ родовъ, а душа Кухилло полна измѣнами; я какъ будто предчувствую, что бандитъ будетъ причиною моей гибели...

Не то было съ двумя всадниками, слѣдовавшими за донъ-Эстеваномъ; глазамъ ихъ казалось, что золотой туманъ возвышался надъ поверхностью россыпи, къ которой они приближались.

— Пусть, — говорилъ Бораджа своему товарищу, — пусть цѣлую жизнь я не буду носить лучшаго плаща чѣмъ вашъ, если Кухилло не одинъ изъ самыхъ большихъ мерзавцевъ, которыхъ когда-либо я встрѣчалъ! — и между тѣмъ я ему прощаю отъ всего сердца его вѣро-

ломства, едва не погубившія насъ, потому что именно ему я обязанъ вступленіемъ на одну изъ золотыхъ россыпей, о которыхъ я столько слышалъ, но въ богатствѣ которой, другъ Орохъ, признаюсь, часто сомнѣвался.

Въ ту минуту, когда длинноволосый гамбузино готовъ былъ открыть ротъ, чтобы отвѣчать на слова товарища, донъ-Эстебанъ остановился, а Діазъ сошелъ съ лошади.

Авантюристъ нагнулся, чтобы поднять съ песку черноватый предметъ загадочной формы; это была маленькая мѣдная сумка, въ которой всѣ признали вещь принадлежащую Кухилло.

— Вотъ вамъ доказательство, — вскричалъ Діазъ, — что мы попали на его слѣдъ и что загорающійся день покажетъ намъ присутствіе предателя...

— И предательство котораго, клянусь будетъ послѣднимъ! — прибавилъ донъ-Эстебанъ.

Послѣ этого всадники снова продолжали свою дорогу, убѣжденные на этотъ разъ, что Кухилло впереди ихъ и что они скоро его догонятъ.

Въ самомъ дѣлѣ, при восходѣ солнца, минута котораго была близка, главные актеры этой драмы, влекомые безъ ихъ вѣдома перстомъ Божиимъ, должны были прибыть на извѣстное мѣсто, чтобы встрѣтиться въ самой непроходимой части пустыни, среди картинъ также странныхъ, какъ и величественныхъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА.

РАЗСКАЗЫ СТАРАГО МУЗЫКАНТА.

ТАРТИНЬЕВА ТРЕЛЬ.

*Соната для скрипки (1720 г.) **

«Expliquer l'artiste par l'individu moral et celui-ci par l'artiste.»

Улыбывсь.

I.

Многочисленная толпа студентов выходила изъ подъ красиваго мраморнаго перистилля Падуанскаго Университета. Въ эпоху нашего разсказа (начало XVIII столѣтiя) Университетъ этотъ процвѣталъ: шесть тысячъ отборной итальянской молодежи собирались туда преимущественно для слушанiя лекцiй знаменитаго Θεологическаго факультета. Отличительная черта Университета Падуанскаго отъ прочихъ его собратiй по наукѣ, былъ его необыкновенный аристократизмъ, проявившiйся даже во внѣшности зданiя: все пространство подъ перистилемъ было усыяно гербами и геральдическими украшенiями про-

* По нѣкоторымъ 1745; но мы, согласно Гати и др., принимаемъ первую цифру, какъ болѣе вѣроятную.

фессоровъ и студентовъ. Въ сѣняхъ стояла мраморная статуя знаменитой Елены Пископіа, умершей тридцати лѣтъ, въ 1684 году. Эта женщина знала языки—испанскій, французскій, латинскій, греческій, еврейскій, арабскій, пѣла свои стихи, акомпанируя себя сама; заводила диспуты богословскіе, математическіе, астрономическіе и была докторомъ философіи. Статую можно видѣть до-сихъ-поръ: знаменитая *bas bleu* своей эпохи изображена въ бенедиктинскомъ одѣяніи; черты ея прелестны. Эта дѣвушка, — явленіе характеризующее какъ нельзя болѣе ту чудную эпоху, когда наука, въ совершенномъ разладѣ съ жизнью, не соглашалась ни на какія уступки съ ея стороны и требовала для себя полной жертвы всего, — дала съ самыхъ молодыхъ лѣтъ обѣтъ дѣвственности, и не смотря на разрѣшеніе родителей, не смотря на искательство знатнѣйшихъ дворянъ, — сохранила его до своей смерти.

И такъ, — многочисленная толпа студентовъ выходила изъ зданія Падуанскаго Университета.

День былъ жаркій, іюньскій день; солнце палило; было душно.

— Пусть меня задавитъ первый глотокъ пыли, на дорогѣ, коли завтра не будетъ славный праздникъ! — сказалъ одинъ студентъ, рослый, лѣтъ двадцати-двухъ, съ атлетическими формами.

— Не бойся: и безъ того поперхнешься пылью, какъ собьешь тебя съ ногъ дѣтина, котораго молодой сипѣоръ Сисмонди привезъ съ собою на завтрашнія игры! — отвѣчалъ другой.

— Ну, еще это мы посмотримъ, собьешь или не собьешь! Я ужь два года сижу на сосновой колесницѣ и еще никто меня не сбивалъ. Что будетъ то будетъ, а что будетъ — увидимъ завтра.

— Заключение неправильное и послышки не такъ выведены, какъ училъ *dottoге* Монегелли, — возразилъ молодой человекъ съ сверткомъ бумагъ въ рукахъ. Онъ молчалъ до-сихъ-поръ, потому-что всасывалъ въ себя двухъ-аршинную макарону и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрывалъ въ пространствѣ какой-то догматическій вопросъ. «Да и сидишь-то ты на сосновой таратайкѣ два года только потому, что къ празднику Св. Антонія, Джіузеппе Тартини, какъ нарочно, всякой разъ уходитъ въ Венецію.

— Джіузеппе! я-бы желалъ. ...

Но не успѣлъ молодой человекъ съ атлетическими формами окон-

чить свою фразу, какъ въ группу студентовъ пробился юноша лѣтъ двадцати-пяти и воскликнулъ :

— Джіузеппе? кто говоритъ про меня : я завѣсь !

— Джіузеппе здѣсь ! Да вѣдь ты еще на той недѣль ушелъ въ Венецію.

— Ну, чтожъ тутъ ? -- ушелъ и пришелъ !

— Да что такъ скоро ?

— А то, что нечего мнѣ было дѣлать въ Венеціи.

— Какъ нечего ?

— Да такъ : Антонио Лотти переманили въ Дрезденъ, а при соборной капеллѣ остался несчастный пачкунъ бумаги — Маррери.

— Лотти уѣхалъ ! да какъ-же отпустили его венціанцы ? — спросилъ кто-то.

— Ну, вотъ поди ; — отвѣчалъ Тартини ; — вздурили патрици : Маррери взялъ меньше денегъ. Да что тутъ деньги ! На Страстную этотъ болванъ написалъ такую миссу, что просто не разберешь ничего ; а въ прошломъ году, какъ нарочно, въ тотъ-же день пѣли « Сгусіѳіхус » Лотти, который онъ положилъ для осьми голосовъ. Вотъ это — штука ! Самъ полайскій проведиторъ, синьоръ Бенедетто Марчелло, плакаль.

— Да, оно почти-что такъ ; — возразилъ кто-то : — вотъ дядя мой разказывалъ — онъ помнитъ, какъ былъ у насъ капелмейстеръ Леандро Галлерано изъ Брешии... тоже сочинялъ миссы, мотетты разные... Вотъ нашъ епископъ и заказалъ ему обѣдню, только, какъ запѣли ее, такъ просто, говоритъ дядя, такъ къ слезамъ и клонить.

— И къ слезамъ клонить и досадно : такъ и хочется попробовать самому, что написать ! — воскликнулъ Тартини. — Слышалъ я, братцы, диво дивное въ Венеціи — ученицу проведитора Марчелло. Вѣдь синьоръ Марчелло и баричъ, и славный музыкантъ : пѣли мнѣ его Давидовы псалмы и не надивнись, какъ хороши ! Прихожу я разъ, въ церковь Св. Марка ; толпа такая, что просто булавка на полъ не упадетъ. На хорахъ гудѣлъ органъ подъ пальцами молодого Галуппи, который успѣлъ оттягать отъ Маррери мѣсто органиста. Вдругъ органъ стихъ и раздался звуки голоса. Ахъ, братцы ! просто морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Голосъ — чистый, чистый какъ хрусталь, звѣнитъ, какъ самая лучшая сталь... а душа-то, душа

какая! Я глядь на верхъ : на хорахъ стоитъ шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, красавица собою; подлѣ нее — синьоръ Марчелло. Въ жизнь не видывалъ я такой красавицы...

— Даже лучше нашей Беатриче-Корнаро, племянницы кардинала? — перебилъ кто-то.

— Корнаро сама по себѣ, — отвѣчалъ Тартини, нѣсколько смутившись : — теперь не объ ней рѣчь ...

— А какъ-же зовутъ венеціанскую-то красавицу-пѣвицу?

— Зовутъ ее Фаустиной Бордонни... — отвѣчалъ Тартини, у котораго вдругъ пропало болтливое расположеніе.

— А мы вотъ, дружище, разсуждали тутъ о завтрашнемъ праздникѣ. Вѣдь ты будешь на играхъ, а то, смѣкаешь, (любителъ макаронъ взглянулъ при этомъ искоса на юношу съ атлетическими формами) кое-кто ждетъ не дождется, чтобы его сбили съ сосновой колесницы.

— Ну, — объ этомъ завтра, а теперь — прощайте, братцы, у меня еще кой-какія дѣла въ городѣ.

И съ этими словами Тартини пошелъ по направленію къ набережной Бренты.

Разсмотримъ его на просторѣ.

Тартини родился въ 1692 году; значить теперь, въ эпоху нашего разсказа (1718 годъ), ему было двадцать шесть лѣтъ. Въ помнятъ, вѣроятно, портретъ типическаго итальянца, набросанный мастерской рукой Жоржъ-Санда въ «Теверино», таковъ былъ Тартини. Пылкій итальянецъ съ ногъ до головы, съ античными чертами, полный отваги, не имѣвшій соперниковъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, твердившій Феолагіно, пикиавшій самоучкой на скрипкѣ и любившій страстно музыку, предававшійся всему съ увлеченіемъ, съ жаромъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія наука все еще была въ совершенномъ разладѣ съ жизнью, была антипатична ей. Портретъ эрудита, начерченный Эразмомъ Роттердамскимъ, утратилъ очень мало характерн-стическихъ чертъ въ эпоху нашего разсказа.

Эразмъ говаривалъ, что Цицероніанецъ имѣетъ въ домѣ своемъ кабинетъ съ толстыми стѣнами, двойными окнами и дверьми, у которыхъ законопачены все щели, чтобы сквозь нихъ не проникалъ ни шумъ, ни свѣтъ. Чтобъ быть цицероніанцемъ надо быть чистымъ отъ всехъ пороковъ, свободнымъ отъ всехъ заботъ и выдержать испны-

таніе въ родѣ того, которое требуется для поступленія въ магіки или астрологи Цицероніанецъ не женится изъ опасенія, чтобы жена не осквернила его святилища; онъ не беретъ ни мѣста, ни должности (правда, есть исключенія), чтобы не тратить на нихъ время, все принадлежащее Цицерону. Обѣдъ его ограничивается десятью изюмками и тремя обсахаренными кишлецами. Угодно вамъ взглянуть, какъ производится его корреспонденція?—Таціусъ взялъ у него на поддержаніе манускрипты, которые ему вдругъ очень понадобились. Нужно написать Таціусу письмо, чтобы онъ ихъ возвратилъ. Для составленія этого письма, цицероніанецъ пробѣгаетъ всего Цицерона, справляется по всемъ таблицамъ оглавленій, отмѣчаетъ чисто-цицероновскія выраженія, обороты, тропы, построеніе фразъ; за симъ онъ старается употребить подмѣченныя имъ риторическія украшенія. Такимъ образомъ въ одну зимнюю ночь онъ составитъ періодъ, а такъ какъ въ письмѣ къ Таціусу ихъ надо по-крайней-мѣрѣ шесть, то послѣдній можетъ спокойно пользоваться манускриптами еще шесть дней и шесть ночей.»

Это, конечно, карриатура, но, нѣтъ сомнѣнія, что главныя черты ея вѣрны натурѣ. Жалкіе паразиты науки уединили ее отъ жизни и тѣмъ лишили прочнаго основанія Человѣкъ, инстинктивно понимавшій, что жизнь не шутка, не оскверненіе тайника науки, ставился въ самое затруднительное положеніе и, едва только жажда дѣятельности и наслажденій была въ немъ сильна, — онъ бросался въ жизнь, очертя голову, и забывалъ науку, потому-что мирить эти два начала не было возможности. Въ такомъ положеніи находился Тартини. Со всей любовью пылкаго юноши предался онъ ей, — но сухость ея оттолкнула его. Въ пылкомъ юношѣ интересы науки пришли въ борьбу съ интересами жизни и послѣдніе перетянули. И точно — какъ не перетянуть имъ? Жизнь такъ весело улыбалась молодому человѣку, а келья ученаго казалась такъ не веселою. Другая еще была причина, не мало содѣйствовавшая удаленію его отъ науки. Изъ предъидущаго разговора читатели могли замѣтить, что Тартини любилъ страстно музыку и предавался ей отъ души.

Прошло лѣтъ около пяти со смерти Корелли и произведенія этого маэстро сдѣлали скрипку народнымъ инструментомъ въ Италіи. Родной по тенденціи въ странѣ мелодіи, — этотъ инструментъ вдругъ популяризировался тамъ не меньше фортепьяно въ настоящую эпоху.

Тартини, какъ и всѣ, выучился кое-какъ играть на скрипкѣ и съ тѣхъ поръ не было ему покоя на землѣ. Подобно Шатобрианову Рене, онъ могъ сказать «un instinct secret me tourmente», но что именно томило его — на это онъ не могъ отвѣчать самъ. Онъ любилъ музыку, но... любилъ не ее одну и...

Пока мы съ вами толковали о немъ, нашъ молодой человекъ уже успѣлъ дойти до архіепископскаго дворца. Стемнѣло. Дворецъ былъ не подалеку отъ кафедральнаго собора, первоначальный планъ котораго былъ начерченъ Микелемъ-Анджело. Впоследствии каждая эпоха приносила ему дань своего вкуса. Куполь, теперь оконченный, еще не былъ достроенъ въ эпоху нашего разсказа. Въ этомъ разнообразіи архитектурныхъ построекъ итальянскихъ церквей есть своя прелесть и Св. Петръ въ Римѣ, напримѣръ, можетъ представить вамъ собою всю исторію архитектуры въ Италіи. Пройдя церковь и помолвившись набожно, Тартини обогнулъ епископскій дворецъ, отыскалъ калитку у сада и постучался три раза

Отвѣта не было.

Тихій стукъ возобновился.

— Кто тамъ?—сказалъ чей-то голосъ изъ-за калитки.

— Это я, Джіузеппе: ужели ты меня не узнала, Маріэтта?

— Пресвятая Богородица! кто-же зналъ, что вы такъ скоро вернетесь изъ Венеціи.

Калитка отворилась; на Тартини пахло запахомъ померанцевъ и лимоновъ. День, какъ обыкновенно въ Италіи, незамѣтно перешелъ къ ночи и состояніе духа молодого человека легко было сравнить съ тѣмъ, которое овладѣваетъ вами, когда, при обворожительной декорациі, раздаются звуки чудной пѣсенки Моцарта: «Deh vieni alla fenestra.» Здѣсь — вмѣсто обворожительной декорациі была обворожительная природа, а вмѣсто пѣсенки Моцарта — душа Тартини напѣвала все то, что такъ ловко и вѣрно подслушалъ у нее этотъ веселый балагуръ Вольфгангъ-Амадеусъ.

На порогъ калитки показалась хорошенькая смуглянка.

— Здравствуй, Маріэтта; что, никто не шляется тутъ?—спросилъ Тартини, оглядывая садъ по всѣмъ направленіямъ. — Маріэтта! мнѣ надо видѣть Беатриче!—продолжалъ онъ торопливымъ голосомъ.

— Беатриче теперь нельзя; она сидитъ въ библіотекѣ съ дядюшкой своимъ кардиналомъ. Съ самаго обѣда все о чемъ-то толкуютъ.

— Боже мой! какая досада... ну, слушай-же, Мариэтта! я пока буду здѣсь; (онъ показаль на домъ противъ сада) какъ только кардиналь уйдетъ, ты подойди къ этой двери и постучи. Не бойся: тутъ живутъ свои люди!

— Ужъ мнѣ не знать, гдѣ живетъ веселый и забавный господинъ Шарль Патенъ;—отвѣчала дѣвушка.—Славный человекъ Шарль Патенъ!

— Да, онъ хорошенькихъ дѣвушекъ любитъ.... такихъ, какъ ты, напримѣръ, Мариэтта. А? что на это скажешь?

— А то, что убирайтесь скорѣе вонъ: камердинеръ кардинала и то ужъ намѣкаль мнѣ, что я не за добромъ все къ калиткѣ хожу.

— Иду, иду, Мариэтта!... Но, скажи пожалуйста, — Беатриче здорова!

— Здорова!

— Не ждетъ меня? — продолжалъ Тартини, нетерпливо ускоряя вопросы.

— Вчера спрашивала?

— Груститъ?

Мариэтта хотѣла отвѣчать, но видно отвѣта не надобно было: въ темнотѣ раздался поспѣшный поцѣлуй, потомъ восклицаніе «ахъ, вы!...» потомъ калитка затворилась и Тартини очутился уже у противоположнаго крыльца.

— Бьюсь объ закладъ, что это повѣса Тартини такъ стучится!— говорилъ голосъ изнутри и вмѣстѣ съ тѣмъ слышалось щелканье ключа и шумъ выдвигаемаго засова.

— Онъ, онъ и есть, любезнѣйшій, милѣйшій, почтеннѣйшій docteur! И Тартини радушно протянулъ руки отворившему дверь.

Этотъ отворившій былъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти, съ веселой, мускулистой и подвижной физиономіей, умными глазами и нѣсколько утомленнымъ лицомъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что улыбка не всегда сіяла на немъ. Характеристическія черты французскаго типа рѣзко бросались въ глаза при самомъ поверхностномъ анализѣ. И точно передъ нами стоялъ Шарль Патенъ, послѣдній сынъ остроумнаго и страстнаго Гюи Патена, который оставилъ намъ, въ своей корреспонденціи, самый забавный, вѣрный и полный комментарий на Мольера. Шарль долженъ былъ покинуть Францію и поселился въ Падуѣ профессоромъ хирургіи при тамошнемъ Университетѣ. Это

тотъ самый Патенъ, могилу котораго путешественники, посѣщавшіе Падуу, вѣроятно видѣли въ больномъ соборѣ, направо отъ входа, недалеко отъ великолѣпнаго памятника Сперона-Спарони.

— Очень радъ васъ видѣть, любезный Тартини, — сказалъ Патенъ, пожимая его руки: — вы вернулись изъ Венеціи ранѣе, чѣмъ васъ ожидали. Тѣмъ лучше: значить вы примете завтра участіе въ нашихъ олимпійскихъ играхъ.

— Непремѣнно, почтеннѣйшій *dottore*, непременно! Я уже два года не сидѣлъ въ сосновой колесницѣ. Ну что, какъ ваши дѣла?

— Наши дѣла все въ одномъ и томъ-же положеніи: занимаемся, рѣжемъ, разсѣкаемъ. Благодаря просвѣщенію, насъ уже не жгутъ за опыты науки, но мы все еще встрѣчаемъ большія препятствія.

— Скоро-ли поймутъ люди, что хирургія анатомируетъ мертвыхъ для спасенія живыхъ? — спросилъ Тартини.

— Со временемъ и это поймутъ. Впрочемъ, въ Падуѣ суевѣріе издавна было слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ: вотъ почему я и избралъ ее мѣстомъ своего изгнанія. Когда въ Парижѣ мнѣ дѣлали препятствія въ моихъ занятіяхъ на каждомъ шагу, когда вздумали даже заподозрить меня въ участіи въ шайкѣ страшныхъ разбойниковъ, для которыхъ была учреждена *Chambre Ardente*, я вспомнилъ, что есть на свѣтѣ городъ, гдѣ, въ 1609 году, въ присутствіи дожа и главнѣйшихъ сановниковъ, Галилей произвелъ первые свои опыты надъ телескопомъ и маятникомъ...

— О! Галилей: мнѣ объ немъ много говорилъ провѣдиторъ Марчелло! — воскликнулъ Тартини; — онъ былъ прекрасный музыкантъ!

— Да и даже первый телескопъ былъ сдѣланъ имъ изъ органаго осьми-фута, въ который онъ вставилъ оптическія стекла.

— Великій человекъ, пострадавшій отъ суевѣровъ!

— Отъ суевѣровъ и философовъ, — сказалъ Шарль Патенъ съ улыбкою. — Въ здѣшнемъ Университетѣ онъ встрѣтилъ страшныхъ противниковъ въ лицѣ Іезуитовъ, преподавателей перипатетической философіи, съ которыми не сошелся въ мнѣніи на счетъ пятенъ на солнцѣ, и, помяните мое слово! когда-нибудь окажется ясно, какъ день, что современная философія участвовала не менѣе суевѣрія въ преслѣдованіи этого великаго человека.

— Зачѣмъ это такъ устроено на свѣтѣ, что все истины науки

берутся съ боя, а не признаются всеми вдругъ? — спросилъ Тартини.

— Затѣмъ, что человѣку всегда трудно отказать отъ своихъ убѣжденій, а тѣмъ болѣе намъ, ученыхъ, которые имѣемъ претензію думать, что заблуждаемся меньше другихъ.

— Докторъ, скажите, когда вы сдѣлали ваше хирургическое открытіе, о которомъ говорили мнѣ недавно, — какъ пришло оно вамъ въ голову?

— Странный вопросъ!

— О, Бога ради, отвѣчайте! Оно важнѣе для меня, чѣмъ вы думаете.

— Какъ вамъ сказать?... Давно уже неясная мысль бродила у меня въ головѣ и не давала мнѣ покоя. Я занялся ею и однажды, при разсѣченіи одного трупа, подмѣтилъ тотъ феноменъ, присутствіе котораго подозрѣвалъ. Чтеніе сочиненій Фабриція Аквапенденте, одного изъ моихъ предшественниковъ и соорудителя здѣшняго анатомическаго театра, указало мнѣ фальшивый путь его изслѣдованій и ясность и очевидность моего открытія.

Тартини сидѣлъ неподвижно и глоталъ жадно слова Патена. Когда тотъ кончилъ, онъ всталъ, взялъ его за руку и сказалъ:

— Благодарю васъ, вы мнѣ открыли глаза. Вотъ уже съ годъ, какъ меня томить одинъ подмѣченный мною феноменъ: чувствую, что онъ важнѣе, чувствую, что въ немъ заключается корень цѣлой науки доселѣ фальшиво понимаемой и... боюсь, боюсь обмана, боюсь ошибки, боюсь, что не достаточно уяснилъ себѣ его. Вы не знаете, какое это мучительное состояніе, любезнѣйшій докторъ!

И Тартини снова закрылъ лицо руками.

— У васъ есть скрипка? — спросилъ онъ.

— Да, и очень не дурная: она досталась моему брату отъ Люлли. — И Патенъ бережно вынулъ изъ ящика одну изъ тѣхъ дивныхъ старыхъ итальянскихъ скрипокъ, секретъ которыхъ потерянъ на всегда. Читатели помнятъ, вѣроятно, въ «Кремонской Скрипкѣ» Гофмана фантастическое лицо господина, который занимается покупкою лучшихъ скрипокъ и потомъ разбиваетъ ихъ на части, отыскивая законъ наклоненія курбатуры. Дѣло въ томъ, что это лицо понятно какъ нельзя болѣе тому, кто прислушивался къ хорошимъ старымъ скрипкамъ Амати, Гварнеріевъ и Страдивари, которыхъ теперь такъ

не много. Фантастическая скрипка Паганини въ сущности была одна изъ этихъ chefs d'oeuvres инструментальнаго искусства.

Тартини жадно схватился за скрипку и попробовалъ ее.

Тартини въ Падуу былъ не то, что Тартини въ Ассизи, гдѣ онъ въпослѣдствіи занялся болѣе игрою на скрипкѣ. Тогда господствовала школа Корелли. Изъ Бюрнея можемъ мы заключить, что этотъ маэстро отнюдь не былъ шукаремъ на своемъ инструментѣ и не зналъ пассажей. Онъ обладалъ чуднымъ, ровнымъ широкимъ тономъ и простымъ, исполненнымъ чувства и патетизма исполненіемъ. Тѣми же качествами отличалась первоначально игра Тартини. Чувство преобладало въ ней. Лучшую характеристику игры его находимъ въ его собственныхъ словахъ. Какой-то скрипачъ, сильный въ пассажахъ, игралъ передъ нимъ. «Прекрасно! претрудно!» — воскликнулъ Тартини, — «но здѣсь (при этомъ онъ указалъ на сердце), здѣсь, оно мнѣ ничего не сказала!»

Тартини игралъ; лицо его оживлялось: скрипка пѣла все патетичнѣе и патетичнѣе и, казалось, не была она однимъ проводникомъ чувствъ играющаго, а дѣятельно и самостоятельно сама выражала свои ощущенія, свои страданія, свою любовь. Положеніе скрипки полно поэзіи: играющій приводитъ ее въ соприкосновеніе съ головой и грудью (сердцемъ и умомъ), а смычокъ при этомъ какъ-бы тотъ проводникъ, соприкосновеніе котораго возбуждаетъ гальванизмъ и электричество.

Патенъ слушалъ съ удовольствіемъ, хотя, подобно большинству французовъ, и не сильно сочувствовалъ музыкѣ.

— Вотъ въ чемъ дѣло! — воскликнулъ Тартини. Онъ подстроилъ скрипку и началъ брать на ней рядъ терцій.

— Сколько нотъ слышите-вы?

Патенъ прислушался.

— Конечно три! — отвѣчалъ онъ.

— А я беру только двѣ струны!

— Какъ-же это?

— Симпатія, феноменъ, на которомъ, какъ я думаю, должна быть построена вся наука гармоніи. Сама природа на таинственномъ своемъ языкѣ указала намъ естественный законъ гармоніи. Отсюда намъ ренъ я вывести всѣ законы гармоніи, какъ изъ самаго простаго, естественнаго начала. Нѣтъ! гармонія не изобрѣтеніе чело-

въка, не плодъ его фантазiи, а феноменъ природы, основанный на физическомъ законѣ. Вотъ, что я открылъ, *dotto*re! И вотъ отчего мнѣ нѣтъ покоя, отчего меня томить это открытiе, пока я его не изслѣдую вполне, не употреблю въ дѣло!

— Что-же васъ удерживаетъ? Займитесь, бросьте ваше фехтованье, удалитесь въ Венецію къ Марчелло.... займитесь. — Патенъ дружески взялъ Тартини за руку.

— Ахъ, еслибъ это было возможно! — воскликнулъ онъ почти съ отчаянiемъ.

— Да по чему-же нѣтъ?

— Почему?... И то правда: вы ничего не знаете! Знайте-же, что я не могу двинуться ни на шагъ изъ Падуи, что я не могу заниматься музыкой такъ, какъ-бы хотѣлъ.... потому.... потому-что я влюбленъ, влюбленъ безъ ума!

— О, Боже мой! да развѣ одно мѣшаетъ другому?

— Мѣшаетъ? А если я вамъ скажу, что я женатъ?

Патенъ попытался отъ удивленiя.

— Вы... женаты! — проговорилъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ.

«Но если вы женаты, — продолжалъ онъ, — что-же мѣшаетъ вамъ взять съ собою вашу жену и все-таки уѣхать въ Венецію.

— Я обвѣнчанъ тайно; — отвѣчалъ Тартини, — и жена моя не можетъ покинуть своего семейства. Годъ тому назадъ я встрѣтилъ здѣсь дѣвушку, которая предстала мнѣ, какъ олицетворенiе того идеала, о которомъ я всегда мечталъ. Она слышала мою игру, когда я приходилъ къ вамъ съ моей скрипкой....

— Но около меня, кромѣ еписк....

— Пойдите!... она видѣла меня побѣдителемъ на всѣхъ играхъ, въ фехтовальныхъ залахъ, во время праздниковъ... Она тоже любила меня.... Мы обвѣнчались тайно..

— Но кто же она, ваша жена? — спросилъ съ содроганiемъ Патенъ.

— Моя жена — Беатриче Корпаро, племянница кардинала-епископа!

— Несчастный! Да знаете-ли вы, что если кардиналъ ...

— Откроетъ нашъ бракъ? Знаю, что тогда будетъ: да можно-ли мнѣ было подумать объ этомъ? Такъ вы не знаете, что значить любить и быть любимымъ? За одинъ мигъ тутъ ставишь на карту

всю жизнь, всю будущность. И я не жалею: я счастливъ, а тамъ—
будь, что будетъ.

И Тартини сдѣлалъ разгульный и вмѣстѣ съ тѣмъ отчаянный жестъ рукою.

Патенъ задумался.

— Долго вашу тайну нельзя будетъ скрывать. Беатриче — красавица, на каждомъ шагу у нея являются блестящіе соискатели и даже я слышалъ не далѣе какъ сегодня кое-что насчетъ этого отъ нашего ректора, аббата Менегелли.

— Что, что такое?

— Вчера прѣхалъ сюда синьоръ Сисмонди изъ Анконы и поговариваютъ, что кардиналъ хочетъ выдать за него вашу жену. — Патенъ улыбнулся.

— Она откажетъ!

— Хорошо, но кардиналъ будетъ настаивать, спроситъ почему — и тогда придется все сказать, а то вы знаете, что это за упрямый человекъ!

— Придется... — проговорилъ печально Тартини. — Ну, чтожъ за бѣда! пусть онъ узнаетъ все, а Беатриче будетъ все-таки моей женою...

— Вы такъ думаете, другъ мой, но берегитесь: въ рукахъ ея дяди страшная власть.

Въ это время послышался тихій стукъ въ дверь.

— Это Мариэтта, — сказала Тартини: — она за мной! Прощайте, любезнѣйшій *dotto*re, сейчасъ увидимъ, въ какомъ положеніи наши дѣла.

— Будьте осторожны! — отвѣчалъ, пожимая ему руку, Патенъ.

Въ то время, какъ наши друзья толковали о предметахъ, описанныхъ нами, въ библиотекѣ епископскаго дворца происходила слѣдующая сцена:

Кардиналъ Джорджіо Корнаро сидѣлъ въ большихъ креслахъ у стола посреди обширной библиотeki. На табуретѣ у его ногъ граціозно сидѣла осьмнадцати лѣтняя дѣвушка: то была Беатриче Тартини, племянница кардинала. Патенъ былъ правъ: дѣвушка эта была точно красавица въ полномъ смыслѣ слова. Стройная, роста средняго, съ бюстомъ античной чистоты формъ, съ роскошными плечами и волосами, — она соединяла блѣдно-матовый прозрач-

ный цвѣтъ лица. Эта прозрачность заключала въ себя что-то воздушное, напоминавшее колоритъ головокъ Майкова, въ которомъ есть много невыразимой прелести. Нѣсколько продолговатое лицо ея было окаймлено густыми, червыми локонами, падавшими на плечи. Но лучше всего были ея глаза — огромные, черные, выразительные, — въ которыхъ было такъ много силы и энергій, что никто не могъ выносить ихъ взгляда. Длинные ресницы смягчали огонь этихъ глазъ на столько, чтобы придавать имъ иногда томный отблескъ. Носикъ, вздернутый немного къ верху, сообщалъ всей физиономіи, которая безъ глазъ была-бы нѣсколько неподвижна, — какое-то оживленіе, un air éveillé. Все, отъ непогрѣшительной формы ея чудныхъ рукъ, до маленькой ножки, отзывалось какимъ-то античнымъ совершенствомъ. Но, если она была антикомъ, то и самое выраженіе лица и самая поза подходили подъ характеръ древняго ваянія, преданія котораго передалъ новому искусству Торвальдсенъ. Одни глаза противорѣчили характеру античнаго спокойствія и неподвижности, который господствовалъ во всей ея фигурѣ. Въ характеръ Беатриче было много настойчивости, но она проявлялась часто подъ формою дѣтскихъ капризовъ, что было тѣмъ болѣе удивительно, что вообще въ ней было мало ребяческой рвзвости. Это была дѣвушка, которая увлекалась первымъ движеніемъ и настойчиво предавалась ему преимущественно при встрѣчѣ препятствія; но потомъ, послѣ перваго порыва, жаръ проходилъ, увлеченіе тоже, и она часто впадала въ довольно-апатическое состояніе. Въ этотъ моментъ каждое физическое или нравственное потрясеніе пугало ее и она старалась всѣми силами его отдалить отъ себя. По этимъ даннымъ читатели могутъ составить себѣ всю исторію ея тайнаго брака съ Тартини и теперешняго положенія. Ударъ висѣлъ вѣчно надъ головою, но, по странной безпечности, Беатриче отклоняла его мало-по-малу и старалась не думать о приближавшемся кризисѣ.

Кардиналь говорилъ о чемъ-то важно, когда мы, по праву повѣствователя, проникли въ библіотеку.

— Сильоръ Сисмонди прекрасный человекъ, — говорилъ онъ: — его ищутъ самыя знатныя фамиліи республики и твое упрямство приводить меня въ совершенное изумленіе.

— Ахъ, дядюшка; онъ только-что вчера пріѣхалъ, я его вовсе

не знаю : какъ-же можно такъ... отвѣчала дѣвушка голосомъ, которому она старалась придать спокойное выраженіе.

— Но я его знаю! — сказалъ кардиналъ, ударяя съ особеннымъ удовольствіемъ на я, причемъ рука его направилась къ груди и вѣрно дошла-бы до нее, если-бы онъ не заблагоразсудилъ вернуть ее назадъ съ дороги. Рука упала на ручку кресла и оттуда направилась къ подбородку Беатриче. На этотъ разъ путешествіе совершилось благополучно и голова Беатриче съ нависшими слезами на глазахъ должна была повернуться къ кардиналу.

— Ты меня рѣзительно удивляешь, Беатриче : въ какихъ-нибудь десять мѣсяцевъ тебѣ представилось пять блестящихъ партій и ни одна не пришлась тебѣ по вкусу. Чего-же ты хочешь? Я заботился о тебѣ, какъ отецъ, помня, что ты дочь покойнаго моего брата, венеціанскаго сенатора, воспиталъ тебя и за это... ты не хочешь оказать мнѣ ни малѣйшаго повиновенія?

— О, дядюшка, какъ-же мнѣ не чувствовать все ваши благодѣанія! но ради Бога, оставьте синьора Сисмонди, если вы хоть сколько нибудь меня любите....

— Пойми свое положеніе, — другъ мой! — возразилъ кардиналъ, ты дочь сенатора, племянница кардинала епископа изъ знаменитаго рода Корнаро... Ты не можешь располагать своей рукой по произволу! Мужъ твой долженъ быть равенъ тебѣ во всехъ отношеніяхъ... не за мѣщанина-же тебѣ идти. Это безразсудно да и я этого не стерплю никогда.

Кардиналъ продолжалъ такимъ образомъ ; бѣдная дѣвушка трепетала и жалась, какъ голубь, застигнутый вдругъ дождемъ и градомъ, не знающій куда укрыться. Голосъ кардинала становился все суровѣе и суровѣе. «Не узналъ-ли онъ чего?» думала Беатриче и эта мысль еще увеличивала ея смятеніе. Все эти обстоятельства начинали утомлять ее, поддерживая постоянное раздраженіе и напряженіе.

— Я уже говорилъ, что этого вовсе не понимаю, — продолжалъ кардиналъ, — и что скоро, наскучивъ потакать тебѣ, начну дѣйствовать самъ и, наперекоръ тебѣ, устрою твое счастье. Отецъ твой поступилъ-бы также, если-бы былъ живъ. Даю тебѣ срокъ до завтрашняго утра : завтра или синьоръ Сисмонди будетъ объявленъ твоимъ женихомъ, или.... увидимъ!

И кардиналъ всталъ и удалился, оставя Беатриче въ совершенномъ отчаяннѣи.

— Какъ быть, что предпринять, на что рѣшиться? открыть все кардиналу, — но онъ будетъ неумолимъ; молчать — а синьоръ Сисмонди, а завтрашнѣй день! И какъ нарочно Джіузеппе ушелъ въ Венецію и не будетъ раньше какъ черезъ недѣлю.

Въ это время Маріэтта просунула свою голову изъ-за двери бібліотеки.

— Синьорина! кардиналъ ушелъ?

— Что тебѣ надо, Маріэтта? дядюшка ушелъ.

— А мнѣ надо то, что пожалуйста погулять!

— Какъ погулять? ты съ ума сошла!

— Нѣтъ, синьорина: васъ кто-то ждетъ тамъ у калитки.

— Какъ ждетъ, кто такой?

— Синьоръ Джіузеппе: онъ вернулся изъ Венеціи и хочетъ съ вами говорить.

— Ахъ, Маріэтта, какъ не совѣстно, что-же ты молчишь такъ долго?

— Какъ, сударыня, молчу! да я...

— Гдѣ-же онъ, гдѣ-же онъ: скорѣе!...

— Пойдите! вы сойдите въ садъ, а я схожу къ Шарлю Патену и вызову его оттуда.

Дѣвушки пустились въ садъ.

— Самъ Богъ услышалъ меня, — думала Беатриче.

Черезъ нѣсколько минутъ она уже была въ объятіяхъ Тартини и, вполнѣ счастливая, забыла тучу, сбравшуюся мало-по-малу на ихъ горизонтъ и лепетала, какъ птичка, вырвавшаяся изъ кѣтки на свободу.

— Такъ вотъ она, моя Беатриче, — говорилъ Тартини, лаская ее, — а они говорятъ, что ее могутъ у меня отнять! посмотрѣль-бы я....

Эти слова напомнили Беатриче скоро забытыя происшествія вечера. Она задрожала.

— Ахъ, ты не знаешь, что я вытерпѣла сегодня! — сказала она, — ты не знаешь, какая опасность грозитъ намъ съ тобою, а то ты не былъ-бы такъ веселъ!

— Что, что такое? Я уже кое-что слышалъ, да полно правдали это?

— А что ты слышалъ?

— Да то, что сюда прѣхалъ вчера синьоръ Сисмонди, за котораго твоей дядюшка хочетъ во что-бы то ни стало тебя отдать.

— И ты не вѣришь? Да знаешь-ли, про что мы толковали сейчасъ съ дядюшкой? Знаешь-ли....

— Я знаю только, что ты удивительно хороша, когда смотришь на меня своими большими глазенками,—отвѣчалъ Тартини, цѣлуя ее.

Беатриче граціознымъ движеніемъ уклонилась отъ этой ласки и продолжала :

— Знаешь-ли ты, что мнѣ дано до завтра время на размышленіе, и что завтра я или должна принять синьора Сисмонди себя въ женихи, или... «Увидимъ» сказалъ дядюшка, — а я его знаю и знаю также, что мнѣ ожидать отъ этого «увидимъ»!

Тартини смутно предчувствовалъ ударъ, но какъ это часто случается, почувствовалъ его вполне только тогда, когда Беатриче рассказала всю сцену, описанную нами выше.

— Сегодня я еще кое-какъ держалась, — прибавила она, — по завтра, Джузеппе, что буду я говорить дядюшкѣ въ свое оправданіе.... Признаться во всемъ—то тогда я погублю и тебя и себя.... Молчать.... что значить его «увидимъ». Ну, если онъ отшлетъ меня въ монастырь, разлучить на вѣкъ съ тобою....

— Надо бѣжать! — сказалъ Тартини рѣшительнымъ тономъ.— Бѣжать завтра-же, во время всеобщаго движенія по случаю праздника Св. Антонія.

— Бѣжать? — повторила Беатриче машинально.

— Это одно спасеніе! мы укроемся куда-нибудь, я добыю мѣста капельмейстера, обезпечу намъ насущный хлѣбъ.... Ты не знаешь, Беатриче, сколько у меня плановъ здѣсь (онъ показалъ на голову); будь спокойна: мужъ твой заставитъ говорить о себѣ! И кардиналъ скоро узнаетъ, съ кѣмъ ему надо имѣть дѣло. Три года тому назадъ я видѣлъ въ Пантеонѣ могилу Корелли; на ней была надпись: «Principes musicorum»; болонцы съ гордостью говорили о ней.... повѣрь, Беатриче, и обо мнѣ будутъ говорить со временемъ и, когда будутъ играть мои сочиненія, то скажутъ: «подлѣ него была прелестная жена его, Беатриче, которая его вдохновляла. Да!

будущность не отниметь у меня кардиналь, также какъ не отниметь у меня тебя ни синьоръ Сисмонди, ни кто другой. Со мной шутить плохо и всѣ товарищи знаютъ владѣть-ли кто шпагою или эспадромомъ искуснѣе меня!

— Но завтра.... что я скажу дядюшкѣ? — проговорила Беатриче со страхомъ.

— Скажи, что ты согласна или нѣтъ.... постой!... ну, скажи, что хочешь!

Очевидно онъ самъ не зналъ, какъ разрѣшить этотъ вопросъ.

— Беатриче, скажи дядѣ, что ты желаешь еще день на размышленіе.... а завтра вечеромъ — мы будемъ уже внѣ городскихъ стѣнъ Падуи, другъ мой!

— А если онъ откажетъ?

— Одинъ день! — Это невозможно. Да притомъ завтра всѣ будутъ въ хлопотахъ. Утромъ кардиналь будетъ служить обѣдню въ церкви Св. Антонія, потомъ онъ отправится на игры.... синьоръ Сисмонди тоже. Богъ милостивъ!

— Да, Богъ милостивъ, на него одна надежда!

— Слушай, Беатриче! — сказалъ Тартини, указывая на противоположный домъ: — здѣсь живетъ человекъ разсудительный, добрый и умный; онъ мой другъ и сегодня я признался ему во всемъ. Иди спать, дитя мое, а я зайду къ нему и попрошу совѣта: онъ научитъ меня.... а завтра.... ну, что тутъ говорить! Утро вечера мудренѣе!

Онъ поцѣловалъ ея и пошелъ, потомъ вернулся, поцѣловалъ еще, прижалъ къ сердцу и выпшелъ за калитку.

Луна сіяла на небосклонѣ; Тартини направился къ дому Шарля Патена. Въ это время кто-то положилъ руку на его плечо. Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ видный мужчина, закутанный въ плащъ. Черты его нельзя было разсмотрѣть при мерцающемъ свѣтѣ луны, но осанка и блестящіе глаза показывали, что Тартини имѣлъ дѣло съ человекомъ, который не зналъ въ словарь своемъ глагола *болтаться*. Онъ видимо былъ чѣмъ-то взволнованъ.

— На два слова! — сказалъ онъ изумленному Тартини.

— Что вамъ угодно? — возразилъ тотъ: — я васъ не знаю и очень удивляюсь....

— Восторону удивленіе и фразы : я маркизь Сисмонди ! — воскликнулъ незнакомецъ.

Тартини покорило.

— Вы понимаете, что я все слышалъ ! — продолжалъ Сисмонди : — съ вами есть шпага ?

— О, за этимъ дѣло не станетъ ! — сказала Тартини, хватаясь за шпагу, — но прежде, скажите мнѣ, вы все слышали ?

— Я-же вамъ говорю : все !

— И вы знаете...

— Все знаю !

— Что Беатриче моя жена, что мы обвѣчаны законнымъ образомъ ?

— Я знаю все, и хочу наказать васъ за эту дерзость.

— О, это слишкомъ ! — воскликнулъ Тартини.

— Слишкомъ ? А это не слишкомъ, что вы лишаете меня моего счастья, это не слишкомъ, что я люблю Беатриче и видѣлъ ее въ вашихъ объятіяхъ. Видите-ли, все это, быть можетъ, глупо, но у меня страшное желаніе васъ убить ! — Маркизь говорилъ съ жаромъ.

— У меня рука чешется не меньше вашего помѣриться съ вами... но, послушайте... если я погибну... все останется тайной... кардиналъ не будетъ знать ничего ?

— Я маркизь Сисмонди : спросите въ Анконѣ былъ-ли я когда заподозренъ въ безчестномъ поступкѣ !

— Вѣрю вамъ, — отвѣчалъ Тартини : — идемъ !

Они пошли къ берегу Бренты. Тартини былъ мастеръ въ фехтованьи ; прежде, чѣмъ музыка увлекла его, онъ имѣлъ твердое намѣреніе отправиться во Францію учителемъ это искусства.

Ночь была чудно-хороша. Зеленый берегъ Бренты искрился мириадами свѣтящихся мошекъ и блисталъ, какъ ривьера брильянтовъ на груди красавицы. Воздухъ дышалъ благоуханіемъ. Фразы эти опошлись отъ частаго употребленія, но, что дѣлать, такова именно южная итальянская ночь !

Противники остановились и сбросили верхнее платье. Бой начался. Оба бойца были искусны. Обстановка напоминала, какъ нельзя болѣе, сцену дуэли съ командоромъ въ «Донъ-Жуанъ». Эти сцены — неотъемлемая принадлежность музыки : слова, поэзія — здѣсь далеко не такъ картинны.

Маркизь Сисмонди упалъ на колѣни съ слабымъ вскрикомъ боли; Тартини бросился къ нему.

Если-бы мы писали занимательный романъ или модную повѣсть, то, конечно, на этомъ мѣстѣ опустили-бы занавѣсъ первой главы. Тогда читатель, волнуемый разнообразными ощущеніями, ломалъ-бы себѣ голову надъ тѣмъ: умеръ-ли маркизь или нѣтъ и съ трепетомъ приступилъ-бы къ слѣдующей главѣ, въ которой маркизь оказалъ-бы спасеннымъ. Но мы пишемъ простую исторію, незамысловатую и нехитрую и потому признаемся откровенно, что маркизь былъ только раненъ въ грудь, около плеча. Прибавимъ, пожалуй, что это былъ очень ловкій ударъ, называемый на таинственномъ языкѣ науки фехтованія un coup de seconde и увѣримъ читателя, что рана вовсе не опасна.

Тартини хотѣлъ было подать помощь лежавшему Сисмонди, но въ сторонѣ послышались шаги и, для собственной безопасности, онъ долженъ былъ поспѣшно бѣжать. Приближавшійся былъ Шарль Патенъ, вызванный изъ своей комнаты шумомъ шпагъ. Онъ помогъ маркизу дойти до своего дома, перевязалъ его рану и черезъ полчаса, Сисмонди былъ уже на своей постели.

II.

«Ecco il carroccio uscir fuor della porta,
Tutto coperto d'or»...

Tassoni.

На утро слѣдующаго дня, вся Падуа приняла праздничный видъ. Всюду на лицахъ изображалось удовольствіе и надежда будущихъ наслажденій дня. Въ запискахъ Казановы находится множество любопытныхъ подробностей насчетъ уваженія, которымъ пользовался Св. Антоній въ этомъ городѣ.

Съ самаго утра огромная толпа окружала церковь Св. Антонія «Il Santo». Эта церковь превосходной архитектуры—работа знаменитаго Николая Пизанскаго. Надъ большимъ входомъ изображены двѣ прекрасныя фигуры Св. Антонія и Св. Бернардина работы Мантеньи. Внутренность церкви поразительно-хороша: хоры и главный алтарь—лучшее, что есть въ этомъ родѣ въ Италиі. Посереднѣхъ висѣлъ

знаменитый канделябръ Андрея Риггіо, который стоилъ ему десяти лѣтъ работы. Красивыя каменные колонны, выдѣланныя Іеронимомъ Кампанья, опоясывали церковь. Всѣ мелочныя украшенія, не говоря уже о живописи, — были произведенія знаменитыхъ мастеровъ. Въ сторонѣ находилась капелла Св. Антонія, куда, преимущественно направлялись богомольцы. Она работы Сансовино и Фальконетто и украшена превосходными арабесками. Барельефы ея также замѣчательны и, между ними, есть одинъ крайне любопытный, изображающій разныя черты изъ жизни Св. Антонія.

На паперти стояла толпа нашихъ старыхъ знакомцевъ, падуанскихъ студентовъ. Между ними былъ и молодой человекъ съ атлетическими формами, но уже безъ той благородной увѣренности, которою онъ былъ проникнуть въ началѣ этого разсказа.

Здѣсь вниманіе разговаривавшихъ было отвлечено явленіемъ ректора, аббата Менегелли, вѣроятно предка того, который, въ 1828 году, издалъ курьозное описаніе: «*Processo verbale per collocamento di una vertebra di Galileo Galilei*» и пр. Всѣ поклонились аббату и онъ важно проходилъ мимо студентовъ.

— Domine Чеполи! — возгласилъ онъ.

— Adsum! — отвѣчалъ парень съ атлетическими формами.

— Обратите вниманіе, domine, когда будете, какъ я полагаю, участвовать въ играхъ, — обратите вниманіе на то обстоятельство, что вы должны будете состязаться съ знаменитымъ бойцомъ, привезеннымъ сюда синьоромъ Сисмонди, и постарайтесь поддержать вашу честь.

— Да здѣсь Джіузеппе Тартини, domine ректоръ! — отвѣчало нѣсколько голосовъ съ разныхъ сторонъ.

Обстоятельство это, на которое, въ настоящую минуту обратилъ все свое вниманіе dominus Чеполи, казалось, — вовсе не поправилося ему, а аббатъ продолжалъ свой путь, сказавъ весьма одобрительно: «А!»

Разговоръ возобновился.

— Джіузеппе Тартини пріѣхалъ! — продолжалъ догматикъ: — вотъ и баста!

— Да, ужъ онъ дастъ потасовку — на шпагахъ или на кулачкахъ, — какъ хочешь, все равно!

— Ну, еще не извѣстно! — возразилъ domine Чеполи, который жадно

искалъ случая оправиться послѣ понесеннаго афронта. — Мнѣ сдается, что прѣзжій забьетъ Тартини.

На это, лишенное всякаго патріотизма, сомнѣніе, поднялся со всѣхъ сторонъ страшный гулъ и отдѣльныя фразы корифеевъ перешли въ общій хоръ

Обратимъ наше вниманіе на другіе предметы. Въ церковь уже вошелъ кардиналъ-епископъ Корнаро, съ Беатриче и синьоромъ Сисмонди. Послѣдній былъ блѣденъ и шелъ нетвердо. При входѣ глаза его встрѣтились съ огненнымъ взглядомъ Тартини, сюда-же подоспѣваго : онъ отвернулся, нѣсколько смущенный.

Тартини съ самаго вчерашняго вечера былъ весь полопъ движенія и дѣятельности. Тысячи разныхъ плановъ рождались и разрушались одинъ за другимъ въ его головѣ. Онъ не могъ остановиться ни на одномъ. Пронсшествія вчерашняго дня и, особенно, дуэль съ маркизомъ окончательно сбили его съ толку. Маркизь не убить ; что-же будетъ онъ дѣлать теперь ? Онъ все знаетъ, любитъ Беатриче и вѣроятно, обо всемъ сообщить кардиналу. Тогда все пропало ! Лишь-бы удалось убѣжать съ Беатриче сегодня вечеромъ.... А какъ не удастся ? Изъ этого очарованнаго круга онъ не выходилъ съ самаго утра.

Въ церкви раздались звуки органа : Тартини вошелъ туда. Органистъ былъ музыкантъ незамѣчательный, не то, что Галуппи въ Венеціи, но органъ такой благодарный инструментъ, что скрываетъ многіе недостатки исполненія. Онъ игралъ «Magnificat» знаменитаго Фрескобальди, перваго и лучшаго изъ итальянскихъ органистовъ XVII столѣтія. Фугообразные приемы этого композитора поразили Тартини ; съ благоговѣйнымъ вниманіемъ началъ онъ вникать въ постройку кантика и погрузился весь въ это созерцаніе. Пылкому воображенію его становилось все болѣе и болѣе понятнымъ, при торжественной обстановкѣ, значеніе этихъ приемовъ, какъ символа религіи, какъ выраженія общаго убѣжденія, общаго направленія мыслей къ одному высокому предмету, одной цѣли, при сохраненіи самостоятельности каждаго голоса, изображающаго молящихся.... Глаза его невольно упали на превосходную фреску. «Входъ Св. Антонія на небеса», работы Либери, находившуюся надъ входомъ въ ризницу : какая-то сладкая дремота овладѣла имъ. Тѣло измѣнило подъ тяжестью безсонной ночи, а воображеніе дѣятельно заработало. Органъ все гудѣлъ, церковь была та-же, но обстановка перемѣнилась.

На возвышеніи былъ расположенъ оркестръ изъ 64-хъ музыкантовъ и 24 пѣвчихъ : имъ дирижировалъ Тартини. Органъ смолкъ и оркестръ съ пѣвчими грянулъ. Всѣ встрепенулись и ожили. Музыка проникала въ сердца всѣхъ, самъ Тартини былъ тронутъ, — онъ плакалъ. Но вотъ замолкъ и оркестръ и Тартини заигралъ соло на скрипкѣ. Онъ игралъ какой-то фантастическій концертъ. Концертъ открылся мелодической фразой, полной пѣнія и патетизма. Не было въ ней мрачныхъ движеній, не было страстей бурныхъ и необузданныхъ. То была пѣснь спокойная, торжественная и полная безотчетной любви ; въ родъ тѣхъ *andante* Гайдна, проникнутыхъ наивно-религиознымъ чувствомъ, которыя разбросаны у него въ «*Stabat Mater*» и его ораторіяхъ. То была религія, основанная на безконечной любви. Мелодическое пѣніе перешло въ болѣе запутанные пассажи, но и въ нихъ не было мрачныхъ тревоженій, не было земныхъ страстей... вотъ трель, чистая, постепенно усиливающаяся и замирающая, какъ душа, стремящаяся куда-то. Тартини взглянулъ на себя и изумился : передъ нимъ былъ не тотъ страстный, пылкій, взбалмошный Тартини, какимъ онъ зналъ себя, но человекъ степенный, съ ясной улыбкой, свидѣтельствовавшей о ясности и спокойствіи его внутренняго міра. Всѣ были поражены, взволнованы... Въ церкви стоялъ кардиналъ Корпаро и всѣ его приближенные, но между ними не было Беатриче. Въ неопisanномъ волненіи, Тартини быстро вскочилъ....

Органъ гудѣлъ... отъ «*Magnificat*» Фрескобальди, онъ перешелъ къ «*Symphonia Sacra*» Габріэли... Оркестра какъ не бывало... Онъ взглянулъ на верхъ : надъ нимъ была прекрасная фреска Либери ; Беатриче, блѣднѣе обыкновеннаго, стояла неподалеку отъ маркиза Сиемонди ; а въ душѣ Тартини кипѣлъ цѣлый адъ мученій.

— Это былъ сонъ ! — проговорилъ онъ : — странный сонъ !

Служба кончилась ; толпа вынесла Тартини на паперть.

— На площадь, на площадь ! — раздались голоса.

И всѣ бросились туда ; за ними и Тартини.

Игры должны были начаться черезъ два часа. Кардиналъ-епископъ пожелалъ отдохнуть и собраться съ силами. Но жадная толпа, не смотря на это, снѣшила, какъ-бы боясь пропустить представленіе.

Едва кардиналъ ушелъ въ своей комнату, какъ къ нему вошелъ маркизь Сиемонди.

— Эминенца, — сказалъ онъ, — извините, что я осмѣливаюсь потревожить вашъ покой.

Кардиналь привѣтливо улыбнулся и сказалъ :

— Маркизь, мнѣ очень пріятно васъ видѣть, тѣмъ болѣе, что въ церкви я не могъ сказать вамъ двухъ словъ. Ваше присутствіе напоминаетъ мнѣ кое-что. Я сейчасъ велю позвать Беатриче и тогда....

— Бога ради не зовите ее! — воскликнулъ Сисмонди; — мнѣ надо вамъ сообщить кое-что важное.

Кардиналь усѣлся на кресло, съ котораго всталъ.

— То, что я вамъ скажу, будетъ очень странно, эминенца; но что-же дѣлать? Рано или поздно вамъ пришлось-бы узнать объ этомъ и, можетъ-быть, черезъ людей, отъ которыхъ покамѣстъ можно все скрыть.

— Вы меня пугаете.... что такое?

Кардиналь, съ которымъ мы не имѣли случая короче ознакомиться, былъ одинъ изъ тѣхъ прелатовъ, прототипы которыхъ часто встрѣчаемъ въ Италіи. Онъ приучилъ себя къ мысли, что все должно ему подчиняться; между-тѣмъ это противорѣчило съ его природной добротой. Къ этому присоединялось въ немъ убѣжденіе въ аристократизмъ своей фамиліи. Джорджіо Корнаро былъ младшій сынъ знатной фамиліи, а известно, что фамильная гордость всегда гораздо сильнѣе въ младшихъ, чѣмъ старшихъ наследникахъ имени. Очевидно это была фамильная черта Корнаро, которую мы отчасти подмѣтили и въ характеръ Беатриче, съ тою разницею, что въ пей она была смягчена минутнымъ увлеченіемъ и настойчивостью. Какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи въ женщинѣ нѣтъ тѣхъ угловатостей и рѣзкихъ чертъ, которыя составляютъ типическую характерность мужчины: не потому-ли характеръ женщины всегда труднѣе уловить, чѣмъ характеръ мужчины?

Изъ этого очерка, читатели поймутъ настроеніе духа кардинала, когда Сисмонди завелъ рѣчь о вещахъ очевидно важныхъ, и даже, быть-можетъ, нѣсколько подозрительныхъ.

— Боже мой, какъ вы блѣдны! — продолжалъ кардиналь: — что-же такое, что случилось?

— Эминенца! Я имѣлъ честь просить у васъ руки вашей племянницы Беатриче, и вы были такъ милостивы, что приняли мое пред-

ложение благосклонно. Мы дѣйствовали съ вами до-сихъ-поръ, не Спросивъ согласія самой сеньоры Беатриче....

— Ея согласіе, любезный маркизь, будетъ дано вамъ сегодня, и я хотѣлъ позвать ее за этимъ, когда вы меня такъ живо остановили.

— Ея согласіе не будетъ дано никогда, эминенца.

— Вы меня не знаете, маркизь! Если я что рѣшилъ,—то будетъ, и никто не воспрепятствуетъ этому.

— Быть-можетъ! Но, повторяю вамъ: вы никогда не получите согласія Беатриче на бракъ со мною, да и не можете его получить, не смотря на всю вашу власть, на всю твердость вашего характера!

— Я думаю лучше всего будетъ мнѣ отвѣчать вамъ, призвавъ Беатриче и соединивъ васъ....

— Не призывайте Беатриче, не дѣйствуйте на нее ни убѣжденіемъ, ни властью, потому что все это напрасно, и, чтобы не продолжать нашего спора бесполезно, знайте, что Беатриче уже замужемъ!

Кардиналь обомлѣлъ. Это былъ для него ударъ страшный: самолюбіе, гордость, любовь къ Беатриче, потому что въ слѣдствіе привычки видѣть у себя племянницу, онъ ее любилъ, — все это было поражено однимъ словомъ.

— Она?... замужемъ!... Откуда у васъ взялась эта мысль.... вы.... пошутили.... Да, да, — продолжалъ онъ, какъ-бы вымалывая у маркиза утвердительный отвѣтъ, — я понимаю: ревность молодого челоуѣка, влюбленного по уши.... да, да, конечно.... Это шутка съ вашей стороны.... вы пошутили.... Ха, ха, ха! Эй!... позвать Беатриче!

— Ради Бога, что вы дѣлаете? — воскликнулъ маркизь. — Эминенца, мнѣ очень прискорбно, но я клянусь вамъ честью, что ваша племянница замужемъ. Въ моемъ положеніи.... объявить вамъ объ этомъ очень больно... мой поступокъ могутъ перетолковать, но я сдѣлалъ это для васъ. Послушайте! еще есть время спасти приличія: сегодня вечеромъ племянница ваша должна бѣжать отсюда съ своимъ мужемъ.

— Бѣжать?... она.... бѣжать отъ меня! — Кардиналь поднялъ руки. — Я вамъ очень благодаренъ за это открытіе.... точно, еще можно спасти ее и честь дома.... Но кто-же мужъ ея, гдѣ онъ, какъ его зовутъ?

— Этого я самъ не знаю... но я его видѣлъ сегодня въ церкви Св. Антонія, видѣлъ вчера и черты его врѣзались въ моей памяти... слишкомъ врѣзались! — Последнее Сисмонди сказалъ съ спертымъ гнѣвомъ.

— Но, кто онъ?

— Кажется, студентъ здѣшняго университета... музыкантъ... больше ничего не знаю!

— Вы его узнаете въ толпѣ!

— О, конечно!

— Ну, такъ мы отправимся сейчасъ на игры... тамъ эта молодежь потѣшается сегодня. Вы его узнаете, укажете мнѣ и.... тогда... онъ заплатится за свою дерзость! Этотъ бракъ я уничтожу, объявлю недѣйствительнымъ... А Беатриче... съ нею я раздѣляюсь по своему!... Беатриче! Беатриче! позвать ее сюда!

Маркизь остановилъ кардинала.

— Эминенца! — сказалъ онъ; — я оказалъ вамъ услугу и за это требую другую: пусть Беатриче не будетъ никогда знать, что вы узнали о ея бракѣ черезъ меня... я васъ прошу объ этомъ.... Мы удалимъ мужа, разорвавъ ихъ бракъ.... и тогда.... О, эминенца! я люблю вашу племянницу и чувствую, что отказаться отъ нее свыше моихъ силъ. Я останусь здѣсь.... Быть-можетъ время, мои старанія .. произведутъ въ ней переменъ; быть-можетъ, я еще могу питать надежду свискать ея расположеніе.... Почему знать? И такъ,— продолжалъ онъ, перемѣняя тонъ, — Беатриче не будетъ знать о нашемъ разговорѣ и даже не будетъ знать сегодня о томъ, что вамъ извѣстенъ ея бракъ.... этотъ бракъ, который лишаетъ меня моего счастья!

Кардиналъ самъ не желалъ ничего лучшаго. Онъ общалъ все сдѣлать, какъ требовалъ того маркизь Сисмонди и крайне взволнованный и погруженный въ думы о нарушеніи всѣхъ его надеждъ и ожиданій и преимущественно о могущемъ возникнуть изъ всего этого говоръ, — отправился съ нимъ на площадь, гдѣ должны были производиться игры и гдѣ его ожидала нетерпѣливая толпа, толкуя отъ нечего дѣлать о томъ, о семъ.

Кардиналъ вошелъ съ Беатриче и маркизомъ Сисмонди въ teatro diugno, — родъ замкнутой арены, безъ крыши со сценой, — гдѣ труппа пѣвцовъ должна была представить почтеннѣйшей публикѣ

«Fagnese», новую оперу молодого Леонардо да Винчи *, слава котораго быстро распространилась въ то время по Италиі. Оркестръ былъ въ полномъ комплектѣ: скрипки, различной величины и названій, віолы, віолы-басы, и violoni составляли струнную партію его; духовая состояла изъ флейтъ съ мундштуками, различнаго рода гобоевъ, бассоновъ, фаготовъ и тромбъ. Не мало удивился-бы дилеттантъ настоящаго времени, взглянувъ невзначай на это разнообразіе инструментовъ. То видѣлись крошечныя скрипки, то громадная девяти-футовая violone, которую читатели могутъ видѣть на картинѣ Павла Веронеза «Свадьба въ Каннѣ»; то были скрипки, на которыхъ играли, держа ихъ у плеча; то такія, которыя клали на колѣна, а шны держались, какъ нынѣшній виолончель. На иныхъ было пять, семь, девять, а на нѣкоторыхъ двѣнадцать и даже четырнадцать струнъ. Духовые инструменты представляли не меньшее разнообразіе видовъ и формъ. Тутъ-же стояли клавикорды для речитативовъ.

Увертюра началась фразой *andante*, написанной для трехъ скрипокъ, віолы, баса и гобоя униссономъ съ первой скрипкой. Фраза состояла изъ шестнадцати два раза повторенныхъ тактовъ. За симъ раздалось *allegro* въ сто-четыре такта; инструментация его была сильнѣе; она состояла изъ струнныхъ инструментовъ съ *cello*, двухъ гобоевъ и одного фагота. Финалъ составили двадцать-семь тактовъ для скрипки, віолы и басса. Увы! несчастныя музыкальныя уши нашихъ праотцевъ! гобои были невѣрны, всѣ флейты фальшивили четвертью тона, *cello* было построено ниже оркестра... но увертюра прошла хорошо и публика осталась очень довольна. Представленіе началось. Представивъ читателямъ образецъ музыкальных наслажденій въ началѣ осмнадцатаго столѣтія, мы избавимъ ихъ отъ дальнѣйшаго описанія хода «Fagnese», увѣривъ предварительно, что все шло, какъ нельзя лучше, что кастраты были въ голосѣ, и что теноръ разыгралъ превосходно свою роль. Обстановка оперы, конечно, довольно печальна, оркестръ слабъ, гармонія плоха, но Леонардо да-Винчи нужно отдать ту справедливость, что онъ былъ замѣчательный композиторъ и одинъ изъ основателей неаполитанской школы. Замѣтимъ также, что въ эпоху, рассматри-

* Этотъ Винчи не имѣетъ никакого отношенія съ знаменитымъ живописцемъ того-же имени.

ваемую нами, рутина еще не успела водвориться въ итальянской оперѣ и композиторы работали добросовѣстно, не имѣя понятія о томъ, что въ послѣдствіи было названо *aria di sorbetti*.

Одинъ нашъ знакомый сидѣлъ въ Неаполь въ театрѣ, во время представленія какой-то оперы Пачини. Увертюра промелькнула въ шумъ разговоровъ и всеобщей бѣготни. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ одинъ почтенный итальянецъ и внимательно читалъ какую-то газету. Занавѣсъ взвился. На сцену явились хористы и хористки въ какихъ-то древнихъ костюмахъ; итальянецъ все читалъ. Хоръ пропѣлъ свою партію, явился первый теноръ и началъ довольно-хорошо инструментованный речитативъ; итальянецъ все не спускалъ глазъ съ газеты. Наконецъ теноръ запѣлъ свою первую каватину: итальянецъ отложилъ газету всторону. Теноръ ушелъ и на мѣсто его явился второй бассъ.... Итальянецъ замоталъ головою, пробормоталъ «*Sento! e una aria di sorbetto*» и погрузился снова въ чтеніе своей газеты. Когда окончился первый актъ, знакомый нашъ обратился къ итальянцу съ какимъ-то вопросомъ; тотъ отвѣчалъ очень учтиво; разговоръ завязался:

— Позвольте васъ спросить, сеньоръ, — сказалъ нашъ знакомый; — я сейчасъ подслушалъ, какъ вы назвали арію, которую пѣлъ Чеккони (это было въ ту эпоху, когда этотъ артистъ еще не вздѣлъ въ Америку и не растерялъ въ густыхъ и дремучихъ лѣсахъ ея остатки своего голоса), *aria di sorbetto*. Я-бы желалъ знать, какое значеніе вы придаете этому выраженію?

— А! *aria di sorbetto*! да, я точно сказалъ это. Дѣло въ томъ, сеньоръ, что музыку писать гораздо труднѣе, чѣмъ исполнять, потому-что не всегда можно найти себѣ хорошихъ пѣвцовъ. Вы ангажированы написать оперу въ двухъ-трехъ актахъ для какого-нибудь театра. Хорошо, если импрессаріо составилъ вамъ *teatro di cartello*, но часто вамъ говорятъ: вотъ вамъ прекрасное сопрано, хорошій теноръ, плохой бассъ, а все остальное еще хуже! — пишете оперу! *Sentite, signor*, дѣло скверно. Вы дали двѣ добрыя аріе *di bravura* примадоннѣ съ маленькой каватиной не въ счетъ; вы дали арію и каватину, тенору, два дуэта сопрано и тенору, трію имъ, двумъ и басу.... но вѣдь изъ этого нельзя еще составить оперы: тутъ дѣйствіе, завязка, побочныя лица, — надо-же вѣдь соблюсти все, какъ слѣдуетъ. Ну, вотъ композиторъ и пишетъ: тутъ хоръ,

тамъ речитативъ, тутъ арію, другую, тамъ *prezzo concertato*. Вышла опера, но вамъ надо прослушать только аріи сопрано и тенора, дуэты ихъ и трію, а остальное не для слушанія, а для наполненія промежутковъ. Вотъ эти-то промежутки и называются у насъ *aria di sorbetti*.

Знакомый поблагодарилъ итальянца и записалъ его объясненіе.

Между представленіемъ, описаннымъ нами выше и тѣмъ, въ которомъ нашъ знакомый получилъ это назидательное толкованіе, прошло ровно сто-двадцать лѣтъ. Пусть выведутъ читатели изъ этого сближенія какое имъ угодно заключеніе, а

...«Я молчу:

Два вѣка спорить не хочу!»

Опера, между-тѣмъ, приближалась къ концу. На лицахъ слушателей было написано удовольствіе, страхъ, горестъ, испугъ, смотря по тому направленію, которое принималъ ходъ лирической драмы. Тартини былъ тоже въ числѣ зрителей, но онъ стоялъ за сценой и потому Сисмонди не могъ его видѣть. Восторгъ его былъ не описанъ, хотя неопытность и вялость скрипачей невольно бѣсила его. «Чурбаны, — думалъ онъ: — ужели вы не понимаете, что отъ васъ зависитъ все выраженіе и весь колоритъ музыки! Часто его неприятно поражали также грубыя ошибки въ гармоніи: Леонардо да-Винчи легко создавалъ свои музыкальныя идеи и потому часто пренебрегалъ просматривать сочиненія свои, отчего впадалъ въ ошибки противъ науки гармоніи. Сопранистъ также доставилъ ему нѣсколько неприятныхъ минутъ безколоритностью своего пѣнія. Дѣло въ томъ, что бравурная школа пѣнія уже овладѣла тогда пѣвцами, подъ мощнымъ вліяніемъ Порпоры, а о *драматическомъ* (выразительномъ) пѣніи не было и поминна. Между-тѣмъ, скрипка, въ рукахъ двухъ-трехъ мастеровъ, уже усвоила себѣ вполне эту выразительность и владѣла ею, какъ своей неотъемлемой собственностью. Тартини долженъ былъ особенно сочувствовать пустозвону этого пѣнія, — онъ, въ игрѣ котораго виртуозность, — новый элементъ, чуждый Корелли, — была соединена съ широкимъ, патетическимъ и выразительнымъ смычкомъ.

— Bravo, bravo! — кричала толпа, вырываясь изъ театра на площадь.

Площадь представила вдругъ зрѣлице самое разнообразное и занимательное во многихъ отношеніяхъ. Это былъ знаменитый Prato della valle: онъ окруженъ каналомъ, который, отъ ионскихъ зноевъ, былъ тогда въ довольно несчастномъ состояніи, и усяянъ тощими и жидко-насаженными деревьями. Prato della valle — воздушный Пантеонъ, какъ называлъ его одинъ путешественникъ: онъ заключалъ въ себѣ, и заключаетъ до-сихъ-поръ, статуи знаменитыхъ людей, уроженцевъ Падуи отъ Атенора-Троянца, основателя ея. Позднѣе въ немъ начали помѣщать статуи знаменитыхъ людей всей Италиі, такъ-какъ въ самой Падуѣ таковыхъ оказалось немного. Въ настоящее время этотъ Пантеонъ украшенъ двумя статуями работы Кановы и самъ онъ изображенъ отдѣлывающимъ статую Антонія Капелло, но въ эпоху нашего разказа статуи великихъ людей были также жидко разставлены, какъ и деревья, о которыхъ мы говорили выше. Тѣмъ не менѣе, картина площади, въ настоящую минуту, была живописна и любопытна. Многочисленная и разнообразная толпа облепила заранѣе приготовленную арену: тутъ были люди всѣхъ возрастовъ, половъ и состояній. Тутъ были и почтенные граждане, члены муниципалитета, и студенты, и смуглянки, и люди, которымъ-бы, лѣтъ за тридцать тому назадъ, пришлось сидѣть на lapis vituperii, — лобномъ мѣстѣ должниковъ, — и сбирь, и лакеи въ ливреяхъ графовъ Тренто-Паппа-Фава* и другіе. Вся эта толпа жадно ждала представленія, въ то время, какъ въ сторонѣ уже стояла извѣстная читателямъ изъ разговоровъ студентовъ сосновая колесница, запряженная мулами. Тартини пробирался между студентами, когда Шарль Патенъ остановилъ его и отвелъ въ сторону.

— Я васъ ищу съ самаго утра, — сказалъ онъ: — я имѣю сообщить вамъ нѣчто очень важное для васъ.

— Ахъ, dottore, для меня уже нѣтъ ничего важнаго послѣ вчерашнихъ событій! — отвѣчалъ грустно Тартини.

— Часа съ два послѣ того, какъ вы ушли отъ меня, вдругъ слышу я шумъ шпагъ по направленію къ Брентъ. Я бросился туда: гляжу — лежитъ раненый человекъ....

— А другой, принявъ васъ за сбира, бѣжитъ и скрывается изъ виду!

* Знаменитая падуанская фамилія: палаццо ихъ существуетъ до-сихъ-поръ и есть одна изъ архитектурныхъ знаменитостей Падуи.

— Да вы какъ знаете?

— Раненный былъ маркизь Сисмонди, а бѣжавшій Джіузеппе Тартини!

— Такъ вы съ нимъ дрались?

Тартини разсказалъ, какъ было дѣло.

— И вы еще здѣсь, послѣ этого?

— Какъ видите!

— И вы думаете, что маркизь не разсказалъ обо всемъ кардиналу?

— Думаю, а, впрочемъ, — Богъ знаетъ! Кто поручится въ честности чловѣка!

— Тартини, Тартини, Джіузеппе Тартини! — раздалось нѣсколько голосовъ: — тебя ищутъ, иди!

— Видите! — сказалъ Тартини Патену, — сказалъ или нѣтъ.... все равно.... надо идти: не бѣжать же постыдно!

Патенъ пожалъ плечами. Внутренно онъ сочувствовалъ во всемъ молодому студенту, но опытность научила его слушаться голоса разсудка и быть осторожнымъ.

А точно время было позвать Тартини. Парень съ атлетическими формами, доминус Чеполи покидалъ арену разбитый въ пухъ: прѣзжій боецъ бодро прохаживался, вызывая желающихъ помѣриться съ нимъ. Чувство патриотизма гражданъ Падуи было сильно затронуту и всѣ начали искать и звать Тартини. Тартини вышелъ на арену. Въ это время около кардинала Корнаро произошло едва замѣтное движеніе: Беатриче зарумянилась вдругъ и вся фигура ея обратилась на арену съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Маркизь Сисмонди замѣтилъ всю эту маленькую драму. Когда вышелъ Тартини онъ какъ-будто нѣсколько колебался, но тутъ всякое колебаніе исчезло и, наклонившись къ уху кардинала, онъ сказалъ:

— Мужа Беатриче зовутъ Джіузеппе Тартини!

Кардиналъ вздрогнулъ и устремилъ на молодого чловѣка гнѣвный и мрачный взоръ.

Вздрогнулъ въ тоже время одинъ чловѣка и въ толпѣ, окружавшей кардинала: то былъ Шарль Патенъ, наблюдавшій съ нѣкотораго времени зоркимъ глазомъ за группой кардинала съ его семействомъ. Патенъ задумался и много грустныхъ думъ промелькнуло въ его головѣ. Тартини долженъ бѣжать отъ ярости кардинала и онъ будетъ

скитаться изгнанникомъ по Итали, точь въ точь какъ самъ Патенъ, который долженъ былъ бѣжать изъ Парижа и изъ Франціи. Найдеть-ли онъ себѣ уголокъ такой-же гостепріимный, какъ Падуа для ученаго француза? Или придется ему горемыкъ блуждать съ мѣста на мѣсто, не зная, куда приклонить голову, гдѣ найти убѣжище? А Беатриче — съ нею что будетъ, что готовитъ ей кардиналъ? — Монастырь, это общее мѣсто заточенія женщинъ въ прошедшемъ столѣтіи. Ему сдѣлалось невыразимо грустно быть, если не равнодушнымъ, то, по-крайней-мѣрѣ, постороннимъ зрителемъ этой страшной драмы, въ которой гибли два прекрасныя существа.

Радостныя восклицанія толпы вывели его изъ задумчивости: приѣзжій боецъ былъ побѣжденъ и Тартини побѣдитель торжественно сѣлся въ сосновую колесницу для прогулки по всему городу. Кардиналъ приказалъ сбирамъ взять Тартини вечеромъ, по окончаніи церемоніи. Поездъ тронулся, сопутствуемый многочисленными зрителями и участниками торжества. Тартини забылъ на минуту свои горести: взоръ его блисталъ гордостью и удовольствіемъ, волосы развѣвались по плечамъ, а сверхъ его простаго и въ своемъ родѣ живописнаго костюма, была надѣта пурпуровая мантия. Медленно подвигалась колесница по городу и не ранѣе, какъ черезъ часъ, достигла она воротъ Савонаролы — превосходнаго памятника архитектуры знаменитаго Фальконетто. Здѣсь былъ предѣлъ его путешествію. Тартини сошелъ съ колесницы, сложилъ съ себя мантию триумфатора и думалъ уже идти приготовиться къ побѣгу съ Беатриче, когда Шарль Патенъ тронулъ его за плечо и увелъ непримѣтно въ одну изъ амбразуръ воротъ, довольно глубокую и замаскированную тополями.

— Послушайте! — сказалъ онъ, — кардиналъ знаетъ все и, вѣроятно, уже отданъ приказъ васъ схватить. Я сейчасъ былъ у себя: около ограды епископскаго сада шмыгаютъ сбирьы. Съ Беатриче бѣжать вамъ не возможно, — за нею присматриваютъ, — но будьте спокойны! Черезъ Маріэтту я буду знать всѣ подробности о томъ, что будетъ происходить въ домѣ кардинала, и буду васъ увѣдомлять объ этомъ. Каждая минута дорога! Вотъ платье доминиканскаго монаха: бѣгите изъ воротъ, падѣньте его и идите куда глаза глядятъ, только подальше отсюда!

— О, докторъ.... я не знаю!

— Идите, идите, — это одно спасеніе! Домой заходить вамъ нельзя, а вотъ примите отъ меня на память эту вещь: вамъ она нужнѣе, чѣмъ мнѣ!

И добрый Патенъ подалъ ему ящикъ съ своей скрипкой, наследство Люлли.

— Вы благороднѣйшій, добрейшій человекъ въ мірѣ, — сказалъ Тартини, обнимая Патена. — Скажите Беатриче, пусть Маріэтта скажетъ ей, что я скоро вернусь и умолю кардинала, что я буду писать къ ней, буду думать о ней....

— Хорошо, хорошо, но, ради Бога, не мышкайте: идите, пока насъ не примѣтили.

— Еще просьба, докторъ! Зайдите, ко мнѣ.... вотъ ключъ отъ стола.... тамъ вы найдете листки, исписанные моей рукою, подъ заглавіемъ: Trattato di Musica; — приберите ихъ къ себѣ: это единственное мое сокровище и, съ вашей драгоценной скрипкой, единственная надежда на будущее!

Патенъ обѣщалъ все сдѣлать, по его желанію, и когда толпа мало-по-малу разбрелась, Тартини, въ одеждѣ доминиканскаго монаха, вышелъ за городскія ворота. Здѣсь предался онъ вполне своимъ думамъ и вспомнилъ сонъ, который видѣлъ утромъ, во время обѣдни.

— Бываютъ же такіе нелѣпые сны, — подумалъ онъ. — Я бѣгу изгнанникомъ изъ Падуи, оставляю тамъ жену на произволь судьбы; самъ не знаю, куда иду, что дѣлаю, чѣмъ займусь, какъ достану себѣ насущный хлѣбъ, — а сонъ предсказываетъ мнѣ Богъ знаетъ какія почести.... Да, еслибъ все сны сбывались! И, разсуждая такимъ образомъ, нашъ изгнанникъ сдѣлалъ миля четыре и очутился у деревушки Арква, бывшаго мѣста жилища Петрарки. Арква находится въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи: она разбросана между красивыми холмами и покрыта виноградниками. Послѣ описанія Чайльдъ-Гарольда, конечно, было бы дерзостью съ нашей стороны описывать ее снова, но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на живописную дорогу, по которой шелъ Тартини: она была окружена фиговыми рощами и обсажена ивами, на которыхъ развѣсались, какъ природныя фестоны, виноградныя лозы, переплетаясь съ зеленою деревъ и перекидываясь съ одного на другое.

Тартини съѣлъ отдохнуть подъ одно изъ деревъ, окаймлявшихъ до-

рогу. Минуты съ двѣ сидѣлъ онъ на этомъ мѣстѣ, какъ подошелъ къ нему молодой человекъ лѣтъ двадцати, повидимому иностранецъ.

— Отецъ мой, — сказалъ онъ дурнымъ итальянскимъ выговоромъ: — какъ мнѣ выйти на дорогу въ Римъ? Я здѣсь чужой и ничего не знаю.

— Я иду въ Римъ, — отвѣчалъ Тартини; — и, если вамъ угодно, мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Вы мнѣ окажете благодѣяніе, — отвѣчалъ юноша. — Я изъ Верхней Саксоніи и иду въ Римъ учиться музыкѣ... Я играю на флейтѣ. Мы, музыканты, смотримъ на вашу Италію, какъ на обѣтованную землю!

— Дай Богъ, чтобы ваше мнѣніе было точно справедливо! Но часто эта обѣтованная земля обходится очень сурово съ своими дѣтищами. Молодой человекъ! благодарите Бога, что вы родились въ Верхней Саксоніи, а не въ Италіи: — у васъ будетъ однимъ очарованіемъ больше! Я знаю вашу страну: туда отправился недавно нашъ знаменитый композиторъ Антоніо Лотти!

— Лотти? я встрѣтился съ нимъ въ Вьнѣ; оцъ слышалъ меня и одобрилъ мое намѣреніе учиться музыкѣ въ Римѣ!

Тартини былъ радъ сердечно встрѣчь съ молодымъ флейтистомъ: его звали Іоганнъ-Іоахимъ Кванцъ. Въ послѣдствіи онъ былъ знаменитымъ траверзистомъ и пользовался покровительствомъ Фридриха-Великаго, который, какъ извѣстно, самъ игралъ на флейтѣ. Онъ же оставилъ намъ много подробностей о Тартини, подробностей, безъ которыхъ читатели не имѣли бы передъ глазами нашего настоящаго разказа.

III.

Одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ верхней Италіи — Миноритскій монастырь въ Ассизи. Онъ расположенъ на берегу рѣки и окаймленъ прядью живописныхъ горъ. Горы эти возвышаются громаднымъ амфитеатромъ и сливаясь, по мѣрѣ отдаленія, съ синевою неба, представляютъ собою тотъ неуловимый колоритъ, который досихъ-поръ еще не усвоила себѣ живопись. Монастырь прильпленъ къ одной изъ скалъ, спускающихся почти вертикально къ рѣкѣ. Онъ оканчивается терассой, висящей надъ пропастью: эта терасса пред-

ставляетъ навѣсъ, поддерживаемый колоннами, на которыхъ покоилась прежде ея кровля. Теперь часть колоннъ была разрушена, а кровлю замѣнилъ навѣсъ изъ широко-переплетенныхъ сухихъ вѣтвей, по которымъ широко разросся плющъ, падая прядями на самыя колонны и обвиваясь около нихъ. Въ глубинѣ скалы была пробита тропинка... часто она прерывалась вертикальностью скалы, и тогда висячія лѣстницы соединяли одну часть съ другою. Скала поросла мѣстами кустарникомъ и образовала на себѣ небольшія рощи благоухающихъ деревь. Окрестный видъ былъ въ характерѣ пейзажей Сальватора Розы: миноритскіе монахи не могли найти себѣ лучшаго уединенія.

Вечерело... солнце бросало съ запада послѣдніе лучи свои; монастырь былъ освѣщенъ ими ярко съ одной стороны, въ то время, какъ другая съ частью скалы была уже погружена въ мракъ. По рѣкѣ плыла лодка, грубо выдолбленная изъ древеснаго ствола. Въ ней сидѣлъ у кормы монахъ лѣтъ пятидесяти, перебирая четки; передъ нимъ была молодая поселанка, съ чертами лица правильными и прекрасными, которыя встрѣчаются только въ Италіи. Дѣвушка укладывала что-то въ корзинахъ, стоявшихъ подлѣ нея. Картину довершалъ красивый мужчина лѣтъ подъ тридцать, въ костюмѣ итальянскихъ поселанъ: онъ гребъ и направлялъ лодку къ виднѣвшемуся на берегу монастырю. Въ это время съ колокольни монастыря ударилъ колоколъ къ «Ave Maria» Монахъ склонилъ голову и сталъ читать тихимъ голосомъ молитву, дѣвушка задумалась, гребецъ остановился, всталъ и оперся на весло. Конечно, это былъ тотъ оригиналъ, съ котораго К. Рубанъ взялъ свою прекрасную картину: «Вечерній звонъ.» Съ другой стороны, нѣмецкому романтику эта сцена напомнила-бы чудное «Ave Maria» Франца Шуберта. Нѣсколько минутъ длилось на лодкѣ благоговѣйное молчаніе... Послѣдній ударъ колокола затихъ въ отдаленіи.

— Надо спѣшить. Джузеппе, — сказалъ монахъ, — а то мы опоздаемъ къ вечернему служенію.

— Черезъ пять минутъ мы будемъ уже у берега, радге Боэмо, — отвѣчалъ поселанинъ, котораго монахъ назвалъ Джузеппе — именемъ намъ довольно знакомымъ изъ предъидущихъ главъ. И точно, поселанинъ былъ никто иной, какъ Джузеппе Тартини.

Изгнанный изъ Падуи, онъ отправился первоначально съ Юганномъ

Кванцомъ въ Римъ, но тамъ кардиналь Корнаро скоро напалъ на его слѣды. Переодѣвшись пилигримомъ, онъ началъ тогда скитаться изъ мѣста въ мѣсто и вспомнилъ, что одинъ родственникъ его былъ кистеромъ въ Миноритскомъ монастырѣ въ Ассизи. Тартини отправился туда, былъ принятъ радушно и жилъ, скрытый отъ преслѣдованій Корнаро. Спутникъ его на лодкѣ, радре Боэмо, — органистъ Миноритскаго монастыря, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наставникомъ Тартини, который ревностно занимался съ нимъ музыкой.

Отецъ Боэмо — одна изъ тѣхъ личностей, которыя исчезли окончательно съ прошедшимъ столѣтjemъ.

Извѣстно, что новая музыка возникла въ средніе вѣка въ церквахъ и монастыряхъ Западной Европы. Она — произведеніе христіанства и не могла существовать въ древнемъ мiрѣ. Какъ ни бился аббать Фоглеръ съ своей греческой музыкой, а все-таки ничего не доказалъ. Греческая музыка была не болѣе, какъ просодія; да иначе и не могло быть тамъ, гдѣ пластика была началомъ всего. Христіанство завело въ новый мiръ начало чисто-духовное и музыка явилась, какъ результатъ этого анти-пластическаго воззрѣнія. Когда Св. Бенедиктъ положилъ начала новаго аскетизма, музыка вошла въ него, какъ искусство по преимуществу романтическое, стремящееся къ сверхчувственному, духовному, возвышающее душу надъ всѣмъ земнымъ и приводящее ее въ соприкосновеніе съ надземнымъ мiромъ. Архитектура, ваяніе, — какъ искусства чисто пластическія, — были развиты въ совершенствѣ въ древнемъ мiрѣ; живопись, — переходъ отъ пластики къ романтизму, — уже гораздо менѣе, а музыка, — какъ искусство чисто идеальное, романтическое, — полное и неоспориваемое достояніе нашего христіанскаго мiра. Здѣсь заключается вся разгадка великаго значенія и могущества музыки въ новой Европѣ, здѣсь также становится очевиднымъ роль, которую она играла въ монастыряхъ до-тѣхъ-поръ, пока тенденція эпохи не сообщила ей новаго направленія и не приобщила ей новыхъ элементовъ. Вѣчная тема теоретиковъ будетъ объясненіе ощущеній, возбуждаемыхъ музыкой, — и все-таки эта тема не приведетъ ни къ чему. Почему? потому что все значеніе музыки и заключается въ этой неопредѣленности, въ этомъ сверхчувственномъ стремленіи. Эта истина проявляется особенно въ сужденіяхъ тѣхъ, которые не знаютъ музыки, но подчиняются вліянію ея.

«Привольно душѣ носиться по волнамъ звуковъ, по гармоническому ихъ разливу въ широту и глубину. Я страстно люблю эту музыку, которая то возноситъ духъ на какую-то высоту, свѣтлую, божественную; то прихотливо волнуя неизъяснимой тревогой, низвергаетъ въ неизмѣримую глубину — глубину смертную и мрачную, то снова несетъ въ область свѣта и утѣшенія, дышетъ на него роскошью жизни и набожнымъ успокоеніемъ.

«Но звукъ умеръ. Душа погружается сама въ себя, томится неразгаданностью того вліянія, той власти въ музыкѣ, которой она такъ охотно, съ такимъ наслажденіемъ покоряется. Отчего въ музыкѣ (когда она созданіе гения), отчего въ этой музыкѣ слышится такой усладительный и знакомый душѣ голосъ! откуда въ ней эта власть надъ душою? Откуда эта полнота, какъ будто въ ней цѣлый міръ, вся повесть жизни и судебъ, со всеми превратностями * ?

Вы видите: все вопросы и вопросы неразрѣшимые. Этимъ путемъ ничего не узнаешь и Гофманъ гораздо умнѣе объяснялъ музыку, введя въ нее романтико-фантастическій, какъ и она сама, элементъ.

Теперь читателямъ будетъ понятно вполне, почему музыка возникла въ монастыряхъ западной Европы. Вся или самая большая часть первоначальныхъ дѣйствователей въ исторіи музыки — монахи; самые отцы западной церкви были все музыканты. Въ монастыряхъ-же возникъ типъ тѣхъ страстныхъ музыкантовъ по призванію и въ слѣдствіе внѣшней обстановки обстоятельствъ, — къ которымъ принадлежалъ органистъ Миноритскаго монастыря Боэмо.

Боэмо родился въ деревенькѣ, которая была расположена около монастыря, — остатокъ и памятникъ феодальныхъ временъ, когда поселяне тѣснились, какъ беззащитныя овцы, подъ покровительство духовенства. Съ молодыхъ лѣтъ онъ привыкъ ходить ежедневно въ церковь монастыря и слушать прекрасный органъ, который былъ построенъ тамъ знаменитымъ фламандскимъ іезуитомъ Іосифомъ Херманномъ, соорудителемъ органовъ въ Трентѣ и Пистойѣ, — замѣчательныхъ и извѣстныхъ до-сихъ-поръ. Когда торжественные звуки раздавались съ высоты хоровъ, Боэмо овладевало дѣтски-фантастическое чувство. Шумъ мѣховъ казался ему мощнымъ дыханіемъ страннаго существа, заключеннаго въ ящикъ, и когда существо это, раздышавшись, начинало пѣть, ему опять представлялась цѣлая вереница са-

* Сер-бръйскій, «Мысли о музыкѣ.»

мыхъ фантастическихъ образовъ. И вотъ, казалось ему, чей-то мощный голосъ звалъ къ нему, манилъ соблазнительно, потомъ угрожалъ, потомъ снова становился ласкательнымъ. Молитва безсвязно вырывалась изъ испуганныхъ устъ мальчика и страхъ и трепеть овладѣвали имъ. Мало-по-малу, онъ свыкъся съ своимъ грознымъ соседомъ; тогда въ немъ возбудились другія ощущенія. Голосъ органа сдѣлался для него чѣмъ-то давно знакомымъ, чѣмъ-то напоминавшимъ родныя звуки, родныя мечты. Никто не занимается мальчикомъ и скоро между имъ и органомъ завелась какая-то странная, непонятная связь. Онъ былъ для него нянькой, вѣчно сказывавшей то убаюкивающія, то страшныя и тревожившія сонное воображеніе сказки. Такъ росъ мальчикъ, подъ вліяніемъ страннаго воспитателя, дѣтельно развивавшаго его горячее итальянское воображеніе и настроивавшаго его къ сверхъ-чувственному и фантастическому. Въ вліяніи органа было что-то поглощающее. Часто мальчикъ засыпалъ и вдругъ вскакивалъ въ ужасъ: во снѣ ему слышался грозный голосъ органа, который звалъ его къ себѣ. Передъ нимъ проходили веселые хороводы, деревенскіе товарищи звали его разделить ихъ игры; большею частью онъ отказывался, иногда шелъ, но вдругъ, посреди игръ, становился пасмуренъ, задумчивъ: ему слышался въ отдаленіи призывный голосъ органа. Когда Бозмо достигъ лѣтъ семнадцати, ребяческіе страхи покинули его, но тутъ начались испытанія другаго рода. Часто звуки органа дѣйствовали на него томительно, раздражали его и, въ то время когда нервное раздраженіе достигало сильнѣйшей степени, онъ бѣжалъ въ страхъ, увѣренный, что находится подъ вліяніемъ врага людей, демона, но и въ бѣгствѣ его преслѣдовалъ органъ, шелъ по пятамъ его, гудѣлъ то ласково, то грозно... и Бозмо снова возвращался. Въ деревнѣ всѣ рѣшили, что Бозмо *испорченъ*. Настоятель монастыря, которому онъ сообщилъ происходящее съ нимъ, убѣждалъ его принять монашество. Юноша согласился и вступилъ въ монастырь послушникомъ. Здѣсь органъ продолжалъ по прежнему дѣйствовать на него, а убѣжденіе въ томъ, что это было навожденіе демона, разыгрывало воображеніе его на самыя фантастическіе лады.

Однажды Бозмо былъ одинъ въ мрачной церкви; туда вошелъ органистъ монастыря съ какимъ-то старикомъ почтенной наружности.

— Мнѣ любопытно попробовать вашъ органъ, — говорилъ новый пришлецъ: — въ Пистойѣ я игралъ на органъ того-же Юсифа Херман-

на и онъ поразилъ меня своей мягкостью, разнообразіемъ и чудной гармоніей.

— Могу увѣрить васъ заранее, что нашъ органъ не хуже пистойскаго, — отвѣчалъ органистъ. — Педаль устроилъ у насъ Каспарини; всѣ микстуры удивительно хороши, — особенно *sesqui-altera*. Но обратите вниманіе на регистры и на необычайную мягкость *flauto amabile*.

Привзжій съѣлъ за органъ. Торжественно загудѣлъ органъ въ *plein jeu*; послѣ интродукціи, заключающейся плагальной каденцой, привзжій перешелъ въ регистръ *flauto amabile* и торжественные звуки смѣнились нѣжными и тихими. Въ живой и мастерской импровизаціи онъ испробовалъ всѣ матерьяльныя средства органа, восклицая, время отъ времени: — «превосходно, удивительно! сейчасъ узнаешь Іосифа Херманна!» — Послѣ этого онъ остановился на минуту, вздохнулъ и началъ играть превосходный моттеть въ фугатномъ стилѣ: по мѣрѣ игры гармоническія сплетенія становились все разнообразнѣе и разнообразнѣе.... движеніе усиливалось.... Органистъ монастыря былъ въ полномъ восторгѣ:

— Вы гениальный человекъ, Фрескобальди! — воскликнулъ онъ: — въ жизнь мою я не слышалъ такой игры! что это вы играли?

— Это одна вещьца изъ моихъ «*Ziori musicali di Toccate*», которую я сочинилъ въ Римѣ.

— Божественно хорошо!

Въ то время, какъ этотъ разговоръ происходилъ между двумя органистами, Боэмо стоялъ ни живъ ни мертвъ. Съ самаго момента, какъ заигралъ Фрескобальди, молодой послушникъ ощутилъ что-то досель ему незнакомое: то было чувство неизъяснимо сладкое и вмѣстѣ томительное. Онъ бросился на хоры и очутился передъ Фрескобальди.

— А, ты здѣсь, Боэмо, — сказалъ ему органистъ монастыря: — я очень радъ этому. Помни всю свою жизнь, что тебѣ удалось слышать великаго Фрескобальди!

— О, это совершенно излишній совѣтъ: я думалъ, что умру сію минуту! — Боэмо говорилъ съ жаромъ, глаза его горѣли.

— Вы любите музыку? — ласково спросилъ у него Фрескобальди.

— Я ничего не люблю, кромѣ музыки, — отвѣчалъ Боэмо.

— Вы учитесь?

— Нѣтъ, — но желалъ-бы, — сказалъ Боэмо печальнымъ голосомъ.

Фрескобальди взглянулъ на него.

— Послушайте, — сказалъ отъ, отвѣдя органиста въ сторону; — у меня глазъ опытенъ: это будетъ мастеръ со временемъ, — займитесь имъ!

— Весьма охотно, — отвѣчалъ тотъ. — Боэмо! хочешь-ли, чтобы я занялся съ тобой музыкой?

Боэмо зарыдалъ отъ внутренняго волненія.

Съ-тѣхъ-поръ онъ жадно поглощалъ уроки своего наставника и дѣлалъ каждый день необыкновенные успѣхи. Наука музыки и игры на органѣ развертывалась передъ нимъ мало-по-малу. Наконецъ вожделѣнный часъ наступилъ и однажды Боэмо долженъ былъ въ первый разъ играть на органѣ во время обѣдни. Когда пальцы его ударили по клавишамъ и звуки полились, Боэмо вдругъ созналъ, въ чемъ была загадка преслѣдовавшихъ его обольщеній. Теперь инструментъ гудѣлъ послушно подъ его пальцами, фантастическія видѣнія исчезли. — «Побѣдилъ я тебя,» — думалъ Боэмо. Съ-тѣхъ-поръ онъ часто заступалъ мѣсто старика органиста и сзыкался все болѣе, и болѣе съ бывшимъ своимъ воспитателемъ органомъ. Однажды Боэмо съѣлъ за органѣ взволнованный, въ слезахъ и заигралъ «Requiem»; въ церкви стоялъ чей-то гробъ. Панихида кончилась, стали прощаться съ покойникомъ! Боэмо началъ фангазировать ему прощальную пѣсню. Импровизація была задушевная, теплая, полная грустнаго вдохновенія. Такъ почтилъ онъ прахъ своего учителя. Послѣ его смерти, Боэмо былъ назначенъ органистомъ. Въ это время образовался преимущественно его талантъ. Связь его съ органомъ возобновилась снова: онъ сдѣлался для него другомъ, которому отъ позврялъ все свои ощущенія, все то, что тревожило его и убаюкивало въ тиши монастырской кельи. Боэмо жилъ весь въ музыкѣ: съ нею были нераздѣльны для него и религіозные обряды, во время которыхъ онъ игралъ на органѣ. Для него не было другихъ интересовъ, не было другихъ побужденій. Потомству осталась память о немъ, какъ о замѣчательномъ органистѣ, но славы онъ никогда не имѣлъ, не искалъ ея и не понималъ. Боэмо типъ тѣхъ музыкантовъ въ душѣ, которые населяли Германію и Италію тысячами, работали добросовѣстно въ тиши и, въ XIV и XV столѣтіяхъ, подвигали мало-по-малу науку впередъ. Въ XVI столѣтіи, въ Германіи органисты сдѣлались изъ духовныхъ свѣтскими, но въ сущности типичность ихъ отъ этого не изменилась. Гумпельцгаймеръ, Хаслеръ, Эрбахъ и тысячи другихъ вве-

ли въ тихомолку съ 1590 года нѣмецкую церковную музыку въ ту стезю, на которой высоко поставили ее Фробергеръ, Бахъ и Гендель. Итальянскіе органисты остались по преимуществу духовными. Они жили до XIX-го столѣтія, питаясь классическими преданіями Габріэли, Меруло и Фрескобальди, и сохраняли въ скромныхъ монастыряхъ, палестриновскую чистоту стиля. Миръ праху вашему, послѣдніе римляне истинной, классической церковной музыки!

Тартини жилъ уже около двухъ лѣтъ въ Ассизи и Бозмо находилъ истинное утѣшеніе, занимаясь съ нимъ музыкой и слушая игру его на прекрасномъ Аматі, — подарокъ Шарля-Патена

Между-тѣмъ лодка уже причалила къ берегу. Поселянка взяла корзины свои, поблагодарила Тартини и отправилась въ деревушку у монастыря, — а Бозмо съ своимъ ученикомъ посѣщали въ монастырскую церковь къ вечернему служенію. Когда они вошли туда, монашествующая братія уже собралась. Бозмо сѣлъ за органъ, Тартини помѣстился подлѣ него и, помогая учителю, управлялъ отъ времени до времени педальными суб-бассаами. Миноритскій монастырь въ Ассизи былъ одинъ изъ тѣхъ, гдѣ служеніе сохранилось со всеми своими первоначальными обычаями.

Служеніе кончилось; мало-по-малу церковь пустѣла, молящіяся разошлись и Тартини остался одинъ. Въ характеръ его, какъ читатели уже вѣроятно замѣтили, была странная смѣсь южной горячности, живости и увлеченія съ сильнымъ религіознымъ чувствомъ. Эта смѣсь была источникомъ вѣчныхъ противорѣчій въ его жизни. Но въ Ассизи съ нимъ совершился рѣшительный переломъ. Вотъ обстоятельство, послужившее поводомъ къ этому. Тартини былъ въ Римѣ уже нѣсколько времени, когда онъ получилъ слѣдующее письмо отъ Шарля Патена.

— Любезный другъ, бѣдный изгнанникъ, — писалъ онъ ему; — не знаю, получите-ли вы это письмо когда-нибудь, но все-таки пишу къ вамъ на всякій случай. Здѣсь ничего про васъ не знаютъ и только отъ вашего родственника миноритскаго кистера узналъ я, что вы должны находиться въ Римѣ. Кардиналъ былъ въ страшной ярости, когда узналъ о вашемъ бѣгствѣ: три дня сбирь бѣгали по всемъ дорогамъ. Теперь онъ обратилъ весь свой гнѣвъ на вашу жену, Беатриче, и преслѣдуетъ ее всеми средствами. Бѣдная, какъ говорила мнѣ Маріэтта, терпитъ каждый день страшныя моральныя пытки.

Сначала кардиналъ подозрѣвалъ, что она васъ обо всемъ предувѣдомила и придумывалъ разныя угрозы, чтобы заставить открыть ваше убѣжище. Теперь, кажется, онъ убѣдился, что Беатриче сама не знаетъ, гдѣ вы, но преслѣдованія не прекратились. Посылали къ нашимъ родителямъ въ Пирамо, думая, не тамъ-ли вы укрылись, — но отвѣтъ вашего отца разубѣдилъ въ этомъ. Тяжко мнѣ передавать его вамъ, — но, что дѣлать?—вѣдь вы узнаете-же это современемъ. Соберите всю твердость вашего духа и знайте, что отецъ вашъ отвѣчалъ кардиналу, что отказывается навсегда отъ сына, поступившаго на переکورъ ему и разрушившаго себѣ карьеру. Это, вѣроятно, было сказано въ первомъ порывѣ, и потому вамъ нечего отчаяваться. Синьоръ Сисмонди живетъ у насъ; они желаютъ, кажется, разрушить вашъ бракъ и выдать Беатриче за него, грозя ей, въ противномъ случаѣ, заточеніемъ въ монастырь....

Остальная часть письма была наполнена совѣтами и утѣшеніями, которые самые благомыслящіе люди имѣютъ слабость находить излишними, а тѣмъ болѣе Патетъ, въ которомъ былъ таки значительно силенъ элементъ французской болтливости. Это письмо окончательно сразило Тартини; въ то же время онъ получилъ тайное предостороженіе, что убѣжище его открыто и кардиналъ, дѣйствуя черезъ сильныхъ друзей, просить папу о выдачѣ его. И вотъ надо опять начать странническую жизнь! Въ пѣмой и немощной ярости Тартини ничего радостнаго не видѣлъ передъ собою. Но, когда минута отчаянія прошла, — религиозное чувство его сильно заговорило въ немъ. Вся живость его и горячность исчезли, онъ проводилъ дни въ уединеніи и молитвѣ и увѣрилъ себя, какъ это часто бываетъ съ впечатлительными натурами, что вся вина произошла отъ его прежней жизни и увлеченій ея. Въ музыкѣ находилъ онъ единственное утѣшеніе и предавался ей исключительно; но эти занятія не могли его оторвать вполне отъ воспоминаній прошедшаго и отъ тревожныхъ думъ о томъ, что онъ посягнулъ однажды на помощь духа зла. Такимъ образомъ въ Ассизи мы имѣемъ передъ собою уже далеко не прежняго Тартини. Уединенная жизнь въ монастырѣ не мало способствовала къ перемѣнѣ въ характеръ его, и подъ влияніемъ ея, разрабатывалась въ немъ та фантастическая почва, которая привела его къ тому обстоятельству, на которое намѣкаетъ заглавіе нашего разсказа.

И такъ Тартини остался одинъ въ пустынной церкви. Мы отка-
зываемся заранѣе отъ изображенія тѣхъ разнородныхъ ощущеній,
которыя тревожили его въ настоящую минуту.... Онъ долго молил-
ся, потомъ всталъ и отправился въ одну изъ келій, расположенныхъ
на внутреннемъ дворѣ монастыря. Это была келья отца Боэмо. Боль-
шое Распятіе въ углу, скромная постель, столъ, два стула, кипы
исписанной потной бумаги и скрипка на стѣнѣ, — вотъ все убран-
ство жилища монастырскаго органиста. Было также нѣсколько
книгъ, касавшихся теории музыки: «Opuscula musica» Херманнуса
Контрактуса, «Instituzione armoniche» Царлино, «L'antica musica ridol-
ta alla moderna prattica» дона Николо Вичентино, «Tractatus de
Musica» и «Summa Magistri Joan de Muris», «Harmonia theoretica» Мер-
сеня и др. Когда вошелъ Тартини, отецъ Боэмо что-то писалъ.

— Заняты? — сказалъ Тартини.

— Да, оканчивалъ «Кугіе», которое будутъ исполнять у насъ въ
воскресенье. «Сомпнио» я уже написалъ и отдалъ отцамъ разъ-
учить вокальныя партіи: я обработалъ его кафономъ и боюсь, что-
бы нашему хору не показалось слишкомъ труднымъ.

— Однако вашъ хоръ поетъ довольно хорошо; — замѣтилъ Тар-
тини.

— Хорошо, но нѣтъ чистоты и вѣрности: надо еще поработать
надъ нимъ. Ну, что, рѣшили-вы наши задачи?

— Рѣшилъ, — отвѣчалъ Тартини, показывая листокъ.

— Къ чему такое множество *bravure*, — замѣтилъ Боэмо, снисхо-
дительно качая головою: — не въ этомъ задача; употребляйте укра-
шенія только тогда, когда они колорируютъ мелодію и не прерыва-
ютъ ее. Вотъ и въ вашей игрѣ на скрипкѣ.... Я слыщалъ Корелли: онъ
никогда не позволялъ себѣ раздроблять пѣніе.... оно было у
него просто, широко и такъ и шло прямо въ душу. У васъ не-
обычайная бѣглость въ пальцахъ и вы выдѣлываете пассажи прево-
сходно, — но только не злоупотребляйте ими — это важнѣе всего!

— Однако, я хочу тоже показать мое искусство....

— Искусства въ широкомъ пѣніи такъ-же много, какъ и въ пас-
сажахъ, — отвѣчалъ Боэмо.

— Да оно не такъ бросается въ глаза! — подхватилъ живо Тар-
тини.

— Въ глаза! такъ вы играете для другихъ, а не для себя! У

Корелли былъ ученикъ Джеминиани, — онъ теперь, кажется, въ Лондонѣ. Вотъ у него тоже въ игрѣ были пассажи, разныя украшенія... а пьніе Корелли все-таки болѣе пѣняло!

— Но мнѣ кажется, отецъ мой, что можно избрать средній путь и, не обременяя пьнія, дать смыслъ пассажирамъ!

— Быть можетъ, но этого еще никто не сдѣлалъ. Попробуйте! Вы многое можете!

Тартини взялъ скрипку, началъ играть и пытался создавать элегантныя мелодіи, но, какъ нарочно, дѣло шло хуже, чѣмъ всегда. Боэмо на каждомъ шагу останавливалъ его, говоря: «Все это прекрасно и очень трудно, но въ душѣ оно ничего не шевелитъ! Сыграйте мнѣ вашъ концертъ, — адажіо!»

Тартини заигралъ прекрасную, широкую мелодію своего 3-го концерта.

— Вотъ это душа! — сказалъ Боэмо, — а изъ пассажировъ вы ничего не сдѣлаете!

— Такъ сдѣлаю-же! — воскликнулъ Тартини, и снова принялся фантазировать, но не съ большимъ успѣхомъ. Пассажи были бойки, живы, трудны, блестящи, — но блѣдны, безжизненны, какъ мишурныя погремушки. Досада взяла его.

— Ужели воля человѣческая немощна, когда стремишься что-нибудь создать или разрушить? — сказалъ онъ въ раздумьи. — Гдѣ-же сила, гдѣ-же даръ, который даетъ Богъ?

— Даръ этотъ не всегда присущъ въ васъ, — отвѣчалъ Боэмо; — надо пользоваться тѣми минутами, когда Провидѣніе насылаетъ на насъ вдохновеніе. Очевидно, вы теперь не расположены...

— Въ томъ-то и дѣло, что расположенъ, какъ нельзя болѣе! но вотъ — подите: какая-то невѣдомая сила противится мнѣ. Странныя вещи происходятъ со мною иногда, я не съумасшедшій, а между тѣмъ часто, когда я добиваюсь чего на скрипкѣ и не могу достигнуть, въ ушахъ моихъ раздается какой-то странный, насмѣшливый смѣхъ. И какъ будто этотъ смѣхъ выходитъ изъ корпуса скрипки!

— Игра воображенія! — возразилъ Боэмо.

— Вы мнѣ не врите?

— Очень вѣрю, потому что въ юности со мной тоже происходили странныя вещи, но потомъ все прошло вмѣстѣ съ молодостью!

И Боэмо разсказалъ Тартини ту исторію съ органомъ, которую читатели прочли выше.

— Все это меня очень волновало, — заключилъ онъ ; — но, когда я впервые съѣлъ за органъ и заигралъ на немъ, всѣ видѣнія исчезли и болѣе не возобновлялись !

— Да, вы побѣдили вашего врага, — сказалъ Тартини ; — а я, сами видите, ничего не могу сдѣлать съ моей скрипкой. Здѣсь (онъ показалъ на грудь) чувствую, что бродитъ какая-то мысль и мысль очень ясная, — но пальцы немощны : а какъ побѣдить ихъ ?

— Временемъ и терпѣніемъ ; — отвѣчалъ органистъ.

— Временемъ, терпѣніемъ ! — но мнѣ уже двадцать-восемь лѣтъ, половина жизни моей прошла въ волненіяхъ и безразсудныхъ выходкахъ.... и до-сихъ-поръ мысль о страданіяхъ жены и разлука съ нею убиваютъ меня ! — Тартини былъ взволнованъ. — Вмѣстѣ съ этимъ меня преслѣдуетъ мысль о томъ, что я совершилъ въ Римѣ....

— Мгновенное заблужденіе, въ которомъ вы вполне раскаялись.... — сказалъ першительнымъ голосомъ Боэмо.

— А если раскаяніе мое не принято, а если я теперь нахожусь во власти.... если эта скрипка....

— Фантазія ! — возразилъ Боэмо : — завтра вы будете въ лучшемъ расположеніи духа и тогда скрипка будетъ послушнѣе и всѣ эти мечты разлетятся въ пухъ !

— Дай Богъ ! — сказалъ Тартини. Онъ простился съ Боэмо и отправился въ свою келью, которую монахи предоставили ему. Дорогой мысль о разрѣшеніи препятствій въ выразительности пассажей не покидала его и серьезно мучила. Прийдя домой, онъ схватилъ скрипку и неистово началъ фантазировать, добиваясь рѣшить задачу, которую задалъ себѣ у отца Боэмо и которая уже давно занимала его. Тартини напрягалъ всѣ силы своей фантазіи, но дѣло не шло на лады и пальцы и смычокъ упорно противились.

Въ досадѣ на самого себя, Тартини положилъ скрипку и, когда онъ ее клалъ, — былъ-ли то простой скрипъ или игра настроеннаго воображенія, — только ему послышался ѣдкій смѣхъ, выходившій, по видимому, изъ скрипки.

Благоразумные читатели нашего просвѣщеннаго XIX столѣтія, конечно, могутъ быть въ полной претензіи на насъ за то, что мы представляемъ ихъ читать такіа небывалыя и невѣроятныя исторіи. Мы

осмѣлимся имъ замѣтить только, что все то, о чемъ мы пишемъ здѣсь, — факты историческіе, дошедшіе до нашего времени изъ устъ самаго Тартини и что эпоха нашего разказа — первая четверть прошедшаго столѣтія : въ 1701 году только рѣшился Томазіусъ публично защищать свою диссертацию о невозможности чародѣйства, и самая эта диссертация имѣла такъ мало эффекта, что, въ 1739 году, въ Венгрин двѣнадцать человекъ, уличенныхъ въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, были пытаны и сожжены на кострь. Да наконецъ, отбросивъ эту обстановку и всеобщее убѣжденіе, — скажите, не находили-ли на cadaго изъ насъ минуты особеннаго настроенія духа, когда самыя фантастическія идеи возникаютъ въ головѣ одна за другою, тревожатъ сонъ вашъ, представляютъ виднѣя поразительныя по своей жизни и пластичности? Прибавьте къ этому частичку суевѣрія начала прошедшаго столѣтія, — и вотъ уже явленія эти примуть сейчасъ опредѣленныя формы.

Смѣхъ, почудившійся Тартини, поразилъ его и испугалъ.

— А Боэмо говоритъ, что это игра разстроенаго воображенія ! — сказалъ онъ, раздвѣаясь и ложась спать. Онъ сотворилъ молитву. Въ кельи было темно ; къ мраку ночи присоединился мракъ отъ громовой тучи, заслонившей собою горизонтъ. Вѣтеръ вылъ уныло, удараясь о кровли келій, молнія разсѣкала пространство отъ времени до времени, громъ рокоталъ глухо въ отдаленіи. Тартини задумался о предметахъ своего предъидущаго разговора съ Боэмо. Въ первой половинѣ нашего разказа мы видѣли, какъ пылкій юноша возсталъ противъ исключительнаго направленія науки, не имѣвшей ничего общаго съ жизнью и стремившейся уединиться отъ нее. Обратясь къ музыкѣ, Тартини встрѣтилъ ту-же исключительность въ направленіи этого искусства, какъ понималъ его Боэмо — представительность стараго взгляда итальянской школы, заимствованнаго ею у фламандцевъ. При этомъ столкновеніи, нашъ герой остался вѣренъ себѣ и инстинктивно чуждался той музыки, которая отвергала жизнь, драматизмъ и страсти, а подобно живописи Рафаэля, силлась создать что-то такое внѣ осязанія человеческихъ чувствъ. Онъ чувствовалъ, что долженъ быть средній терминъ между двумя исключительностями ми. Въ живописи исключительность Рафаэля уже породила противоположную крайность въ драматической школѣ Каррачей, доведенной до крайнихъ предѣловъ Микелемъ-Анджело Караваджіо ; въ му-

зыкѣ эта крайность начала проявляться въ виртуозномъ направленіи и итальянскомъ оперномъ стилѣ. Мурильо нашелъ средній терминъ въ первомъ искусствѣ; въ музыкѣ — это дѣло совершилось окончательно въ эпоху намѣ почти современную, если принять труды великихъ дѣятелей конца XVIII-го столѣтія въ Германіи, какъ за начало осуществленія того, что волновало Тартини, смутно представляясь ему возможнымъ.

Тартини задремалъ съ этими мыслями...

И вотъ чудится ему кто-то отворяетъ дверь его кельи; онъ хочетъ встать, но не можетъ... шаги приближаются все больше и больше... комната освѣщается фантастическимъ свѣтомъ и передъ Тартини предстаетъ чудное существо. То былъ человекъ высокаго роста въ черныхъ шелковыхъ чулкахъ, узкихъ брюкахъ и коротенькомъ бархатномъ камзолѣ: онъ былъ такъ худъ, что казался скелетомъ, обтянутымъ кожей! Лицо его было мертвенно-блѣдно, глаза блистали, жидкія и прямыя пряди волосъ падали до плечъ. Но характернѣе всего въ его физиономіи былъ длинный, огромный носъ, который скрываетъ половину лица. Въ этомъ лицѣ господствовала какая-то убійственная меланхолія и скорбь. Казалось, передъ Тартини стояла жертва, заранѣе обреченная на закланіе. Этотъ странный пришлецъ подошелъ къ постели Джузеппе и поднялъ огромную, костлявую руку, съ пальцами необыкновенной длины. — «Что, Джузеппе Тартини, — сказалъ онъ ему: — добился ты того, что искалъ на скрипкѣ? Видно искусство не помогаетъ! Видно мало таланта у тебя! Бѣжишь впередъ, другъ мой, это не годится! Времени не перебъжишь, а тому надъ чѣмъ ты бьешься, еще не время явиться въ музыкѣ. Работай, труженикъ! И то много, что ты догадался въ чемъ дѣло. Да и самъ посуди: если-бы все выпало на твою долю, — что-бы осталось другимъ? Ты будешь творцомъ новой школы, эта школа дойдетъ послѣ тебя до крайняго предѣла нелѣпости и тогда явится человекъ, который осуществитъ то, что ты задумалъ. Этотъ человекъ наполнитъ славой своей весь міръ и все-таки останется для всѣхъ вѣчной загадкой! Слушай! — я тебѣ покажу, какъ можно осуществить то, что тяготитъ тебя, какъ можно въ музыкѣ сочетать мысль съ виртуозными украшеніями и дать имъ смыслъ!»

Чудный пришлецъ схватилъ скрипку и заигралъ... Игра его не

была похожа ни на что, слышанное когда-либо Тартини: то была игра фантастическая въ полномъ смыслѣ слова. Скрипка его говорила языкомъ страсти, понятнымъ для всѣхъ, была, ликовала, ворковала тоскливо и вдругъ уносила васъ въ какую-то незнакому страну, гдѣ все было загадочно и, между тѣмъ, задѣвало за живое. Самые капризные, едва подчиненныя формѣ пассажи были выразительны по своему, рассказывали цѣлую исторію жизни, полной странныхъ приключеній и страданій невыразимыхъ.

Тартини, въ восхищеніи, сдѣлалъ сверхъ естественное усиліе и... проснулся.

Въ кельи было темно; онъ раздѣлъ огонь: скрипка лежала на столѣ. Тартини схватилъ ее!... «Это былъ сонъ, — сказалъ онъ себѣ, — да нѣтъ, быть не можетъ: я помню все, что игралъ этотъ чудный человекъ!... человекъ! что я говорю, — никакое человѣческое воображеніе не въ состояніи задумать и создать того, что я слышалъ!» И Тартини старался припомнить фантазію, слышанную имъ во снѣ. Увы! напрасный трудъ: кое-что онъ припомнилъ, но это была только сотая часть всего. Да и этому дивился Тартини: никогда въ жизни не приходило ему ничего подобнаго въ голову! Проигравъ раза два затверженное, — онъ съелъ написать это. Работа кипѣла; рука писала какъ-бы сама собою!... Тартини взялъ снова скрипку и попробовалъ самъ создать что-нибудь подобное; но усилія его не привели ни къ чему и, бросивъ съ досадой инструментъ, — онъ началъ перечитывать написанное. «Такъ, такъ! — говорилъ онъ: — вотъ именно то, о чемъ я мечталъ и къ чему стремился! Какъ жалки, подлѣ этой сонаты, мои сочиненія! И будетъ человекъ, который осуществитъ все это!»

Цѣлую ночь просидѣлъ Тартини надъ страннымъ сочиненіемъ, слышаннымъ имъ во снѣ. Утромъ рано онъ отправился къ отцу Бозмо.

— Помните нашъ вчерашній споръ? — сказалъ онъ ему, — вы говорили, что невозможно дать смыслъ и выраженіе пассажиамъ: слушайте-же!

И онъ сыгралъ ему.

— Джіузеппе! я побѣжденъ! — отвѣчалъ Бозмо: — но вы колоссально выросли, другъ мой, въ одну ночь. Между теперешнимъ вашимъ сочиненіемъ и прежними — цѣлая бездна!

— Моймъ! дѣло въ томъ, что вы побуждены вполнину: эта соната сочинена не мною!

— Но къмъ-же? у насъ въ монастырь, кромъ васъ...

— Эта соната сочинена неестественною силою.

Боэмо попытился назадъ и съ участіемъ схватилъ Тартини за руку. Тартини разсказалъ ему происшествія прошедшей ночи.... Боэмо повикъ головою.

— Все это такъ странно, — сказалъ онъ, — что я рѣшительно теряюсь! Много слышалъ я странныхъ и непонятныхъ вещей, но эта удивительнѣе всѣхъ.

Боэмо посоветовалъ разсказать все дѣло духовнику монастыря. Тартини отправился къ нему. Добродушный старикъ ужаснулся. Онъ пожелалъ, чтобы тотъ сжегъ свою «Трель». Все исполнилъ Тартини въ точности, только не сжегъ сонаты. Артистическое чувство сильно заговорило въ немъ противъ этого и соната была запрятана въ дальній ящикъ. Органистъ упорно не спрашивалъ о существованіи этого сочиненія; только однажды вошелъ онъ въ келью скрипача блѣдный и взволнованный. Онъ началъ рѣчь изъ далека и потомъ сказалъ:

— Послушайте, Джузеппе, вы вѣрно не сожгли знаете ту сонату, которая....

Онъ не договорилъ.

— Нѣтъ, отецъ Боэмо, она у меня!

— Покажите ее мнѣ!

Соната была вынута. Старикъ-музыкантъ съ вниманіемъ просмотрѣлъ ее.

— Съиграйте, пожалуйста!

Тартини взялъ скрипку и исполнилъ его желаніе.... Боэмо сидѣлъ, погруженный въ думы, лицо его горѣло.

— Это чудная вещь! — сказалъ онъ наконецъ со вздохомъ: — это вещь, которая ушла далеко впередъ оттого, что было написано до сихъ-поръ: никогда въ сочиненіяхъ Корелли и Джеминіани не встрѣчалъ я ничего, что можетъ стать наряду съ этой сонатой.

И Боэмо снова погрузился въ думы.

— Да, да, — продолжалъ онъ: — чудное происшествіе, но только знаете что? Это совершилось естественнымъ порядкомъ! Теперь я болѣе убѣжденъ въ этомъ, чѣмъ когда-либо.

— Но, этотъ человекъ...

— Этотъ человекъ дивное созданіе вашего воображенія, но онъ когда-нибудь осуществится. Въ міръ есть много страннаго, непонятнаго, Вы прозрели будущее, въ этомъ я увѣренъ, и ваша соната когда-нибудь заставитъ многихъ задуматься... Эта трель, — продолжалъ онъ, разсматривая бумагу; — сколько въ ней мысли, чувства и значенія! Вы были правы, сто разъ, правы: это возможно и, когда-нибудь, будетъ вполне осуществлено.

Нѣсколько дней спустя въ монастырь былъ храмовой праздникъ. Многочисленная толпа народа собралась изъ разныхъ окрестныхъ городовъ къ обѣднѣ. Тартини долженъ былъ играть на скрипкѣ концертъ своего сочиненія. Такъ какъ онъ боялся, что падуанцы могутъ замѣтить его, то хоры были завѣшены драпри, для этого случая приготовленнымъ. Но, какъ на бѣду, вътеръ, ворвавшись въ церковь, приподнявъ занавѣсъ въ то самое время, какъ Тартини игралъ свой концертъ. Бывшій тутъ падуанскій каноникъ изъ приближенныхъ кардинала — узналъ его и, по окончаніи службы, потребовалъ отъ настоятеля его выдачи. Предупрежденный во время своимъ родственникомъ, — Тартини бѣжалъ въ Анкону.

Однажды вечеромъ, въ 1728 году въ Венеціи, большое общество собралось у патриція и известнаго музыканта Бенедетто Марчелло. Тутъ были: Антоніо Лотти, уже возвратившійся изъ Дрездена, Іоаннъ Кванцъ, собиравшійся ѣхать въ Берлинъ, Бальдассаро Галуппи, Франческо Гаспарини, котораго только, что сдѣлали директоромъ венеціанской консерваторіи della Pietà, Джузеппе Тартини и много другихъ. Большой кружокъ составилъ около одной молодой женщины, красавицы собою, которая любезничала колко и умно съ каждымъ изъ присутствовавшихъ. Это была знаменитая Фаустина Бордони. Она только, что вернулась изъ Лондона, гдѣ побѣдила знаменитую Куццони*. Фаустина вскружила головы всему Лондону и

* То-есть *Сандони*; въ 1726 году она вышла замужъ за пѣвиста и органиста этого имени. Ее звали «Золотой Лирой». Однажды въ Лондонѣ Гендель чуть-чуть не выбросилъ ее за окно.

слабая партія куцонистовъ неистово дралась съ фаустинистами. Герцогъ Бедфордъ и сынъ герцога Орлеанскаго, стояли во главѣ двухъ партій : дуэли возобновлялись ежедневно. Это было именно въ то время, когда Гендель раззорился въ качествѣ директора и антрепренера лондонской итальянской оперы. По возвращеніи въ Венецію Бордони, въ полномъ смыслѣ слова, была носима на рукахъ высшимъ венеціанскимъ обществомъ. Да и нельзя было не восхищаться этой женщиною : она была красавица, какихъ мало, стройная, высокаго роста, имѣла голосъ обворожительный, которымъ владела въ совершенствѣ и, къ этимъ качествамъ, присоединяла умъ замѣчательный и самое обольстительное кокетство. Фаустина очевидно вела общій разговоръ и была центромъ его.

— Сивьоръ Тартини ! я очень довольна вашей Падуей,—говорила она :—концертъ мой тамъ былъ очень удаченъ ; меня все приняло радушно, какъ соотечественницу. Но, что меня болѣе всего поразило, такъ это хоръ и оркестръ, которыми вы управляете при церкви Св. Антонія : рѣшительно это лучшая капелла въ Италіи. Имѣете вы еще какіе-нибудь проекты ?

— Да, я хочу завести школу для скрипачей,—отвѣчалъ Тартини.

— Вы неумоимы !

— Послѣ смерти моей жены я единственное утѣшеніе нахожу въ занятіяхъ музыкой.

Бордони собиралась что-то отвѣчать, но въ это время въ залѣ произошло движеніе : «Il Sassone, il caro Sassone!» заговорили все и въ комнату вошелъ молодой человекъ красивый собою съ меланхолическимъ выраженіемъ, которое такъ поражаетъ на портретъ его, сдѣланномъ Менгсомъ. Этотъ молодой человекъ былъ Юганъ-Адольфъ Гассе, извѣстный впоследствии композиторъ. Гассе сдѣлался рѣшительно всеобщимъ любимцемъ въ Неаполь и Венеціи за свой обходительный нравъ и прекрасныя оперы въ чисто итальянскомъ стилѣ, которыя онъ создавалъ легко и въ изобиліи. Онъ вошелъ скромно, просто, какъ человекъ, сознающій свое достоинство, но не обнаруживающій его. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ удалился всторону и вмѣшался въ толпу, не желая быть на первомъ планѣ.

Разговоръ возобновился. Кванца попросили сыграть, что-нибудь на флейтѣ и онъ всехъ поразилъ тѣмъ искусствомъ, съ которымъ исполнилъ концертъ своего сочиненія. За тѣмъ хозяинъ дома

подошелъ къ Гассе и попросилъ его дать тоже услышать себя. Гассе съѣлъ къ клавикордамъ и сыгралъ какую-то вещицу своего сочиненія : въ ней было много простоты и прелести ; всѣ были поражены. Фаустина сказала ему комплиментъ и была очень довольна : il caro Sassone ей очень понравился. Она спросила его о Дрезденѣ.

— Фаустина, — сказалъ Тартини, подходя къ ней ;— спойте намъ что-нибудь : я такъ давно васъ не слыхалъ.

— Вы? да мнѣ кажется, что мы въ первый разъ встрѣтились здѣсь другъ съ другомъ !...

— Да, но я васъ уже слышалъ....

— Гдѣ-же это ?

— Здѣсь, въ 1718 году, въ соборъ Св. Марка : голосъ вашъ поразилъ меня тогда своей прелестью и теплотою !

— Я буду пѣть, — отвѣчала Бордони, но съ условіемъ, чтобы вы передъ этимъ, что-нибудь сыграли намъ на вашей скрипкѣ, о которой мнѣ говорили чудеса.

Слышавшіе этотъ разговоръ также пристали къ Тартини, прося его сыграть. Тартини взялъ скрипку ; онъ былъ въ особенномъ расположеніи и рѣшился сыграть свою «Трель». Когда онъ кончилъ, — общій ропотъ изумленія пробѣжалъ по залу. Гассе былъ въ полномъ восторгѣ и подошелъ къ Тартини.

— Это ваше сочиненіе ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Тартини.

— Какъ такъ ? — воскликнули всѣ.

Тартини разсказалъ исторію, описанную выше.

Въ 1828 году, въ Лейпцигѣ Брейткопфъ и Гертель сдѣлали новое изданіе этого сочиненія Тартини. Оно точно поразительно, если припомнить себѣ состояніе инструментальной музыки въ эпоху его созданія. Но удивительнѣе всего присутствіе въ сонатѣ тѣхъ фантастическихъ пассажей и, вообще, тѣхъ *романтическихъ* приемовъ, которые введены позднѣе въ скрипичныя сочиненія великимъ Паганини. Тартини умеръ въ 1770 году : до самой смерти «*Знаменитая Трель*» висѣла постоянно въ рамкѣ, на стѣнѣ его рабочаго кабинета.

Въ 1754 году онъ издалъ свой «*Trattato di Musica*», въ основаніи котораго лежала теорія третьяго звука (*terzo suono*), заслужившая полное одобреніе д'Аламбера и Ж. Ж. Руссо. (См. *d'Alambert*

«Discours préliminaire» и *Rousseau* «Dictionnaire de musique», статья «Système.»)

Нѣсколько времени спустя послѣ описаннаго нами музыкальнаго вечера, — Фаустина Бордони вышла замужъ за молодого Гассе*.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ КРЕЙСЛЕРЪ.

* Рядъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ, изъ которыхъ первый мы представляемъ теперь на судъ читателей, имѣетъ цѣлю мысль, выставленную въ эпиграфъ къ нимъ: «Expliquer l'artiste par l'individu moral et celui-ci par l'artiste». Остается прибавить къ этому, что всѣ мелочныя подробности обстановки во всемъ вѣрны исторіи той эпохи и того чело-
вѣка, которыхъ мы выбирали.

МЕМУАРЫ.

СКАЗКА МОЕЙ ЖИЗНИ, БЕЗЪ ВЫМЫСЛА.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ АНДЕРСЕНА.

Въ слѣдующемъ году я былъ въ Берлинѣ. У Мейербера зашла рѣчь о Женни Линдъ. Онъ слыхалъ ее въ шведскихъ пѣсняхъ и былъ отъ нея въ восторгѣ. — «Но хорошо-ли она играетъ?» спросилъ онъ; я съ восхищеніемъ высказалъ свое мнѣніе о ея драматическомъ талантѣ и привелъ нѣкоторыя черты изъ ея выполненія роли Алисы; Мейерберъ сказалъ, что ему удастся можетъ быть, уговорить ее пріѣхать въ Берлинъ. Всѣмъ извѣстно, что она пріѣхала въ Берлинъ, привела всѣхъ въ изумленіе и восторгъ и стяжала себѣ въ Германіи европейскую славу. Прошлою осенью * пріѣзжала она опять въ Копенгагенъ, и возбудила невѣроятный энтузіазмъ; геніи становятся понятенъ всѣмъ, когда окруженъ лучами славы. Желавшіе слышать ее располагались бивуаками передъ театромъ, чтобы добиться билета. На этотъ разъ геніи Женни Линдъ явился еще ярче, потому-что мы

* То есть въ 1845 году.

видѣли ее въ нѣсколькихъ и самыхъ противоположныхъ роляхъ. Ничто не можетъ сравниться съ пластичностью ея «Нормы»; каждое ея положеніе, каждое движеніе могло-бы служить моделью скульптору; а между тѣмъ чувствуешь, что оно порождено минутнымъ вдохновеніемъ, а не изучено передъ зеркаломъ. Ея Норма не бѣшеная итальянка; это оскорбленная женщина, — женщина, у которой станутъ душевныхъ силъ на то, чтобы пригнестъ себя въ жертву несчастной соперницѣ, — женщина, въ сердцѣ которой, въ минуту страсти и отчаянія, можетъ родиться мысль убить дѣтей педѣрнаго, но которая обезоружена при первомъ взглядѣ на певничья существа. «Норма, великая жрица,» поетъ хоръ, и Женни Линдъ вполне постигла эту жрицу и передаетъ ее въ арии *Casta diva*. Въ Копенгагенѣ она пѣла всѣ свои роли по шведски, прочіе же актеры по-датски; однако эти два языка прекрасно сливались между собою и нисколько не производили непріятнаго впечатлѣнія; даже въ «Дочери полка», въ которой много разговору, шведскій языкъ имѣлъ какую то невыразимую прелесть на ея устахъ. А какъ она играетъ! самое выраженіе «играть» тутъ неумѣстно, потому что никогда не выдано на сценѣ такой естественности, такой истинны. Она являетъ намъ типичное дитя природы, взросшее въ лагерь, и которое въ каждомъ движеніи изобличаетъ свое благородное происхожденіе. Дочь полка и Невѣста-дуватникъ самыя неподражаемыя роли Женни Линдъ; едва ли найдется другая артистка, которая могла-бы въ нихъ состязаться съ нею. Она заставляетъ васъ смѣяться, заставляетъ плакать, наводитъ на васъ умиленіе; выходя изъ театра, вы чувствуете себя лучшимъ человекомъ потому-что вы сознаете божественное происхожденіе искусства. «Пройдутъ вѣка, говорилъ мнѣ Мендельсонъ о Женни Линдъ, прежде чѣмъ родится другое существо, подобное ей;» и слова его вполне согласовались съ моею мыслью; когда она выходитъ на сцену, вы видите, что это чистѣйшій сосудъ, созданный небомъ для заключенія въ немъ чистѣйшаго искусства.

Если что можетъ сравниться съ впечатлѣніемъ, которое Женни Линдъ оставляетъ въ душѣ, какъ артистка, то это впечатлѣніе, оставляемое ею-же въ душѣ того, кто видалъ ее въ частной жизни. Ея умъ и дѣтская простота очаровываютъ каждаго какимъ-то непонятнымъ обаяніемъ; все свое счастье полагаетъ она въ томъ, чтобы со временемъ не принадлежать свѣту; тихій, мирный уголокъ на родинѣ, — вотъ предметъ всѣхъ ея желаній и мыслей; а между-тѣмъ, она всею душою предана своему искусству и сознаетъ свое призваніе.

нѣ. Такая чистая, такая дѣтски кроткая и смиренная душа не можетъ подвергнуться тлетворному вліянію похвалы и лести. Однажды разъ только слышалъ я на ея устахъ выраженіе гордости и радости своему таланту. Это было въ послѣдній прїѣздъ ея въ Копенгагенъ. Почти каждый вечеръ являлась она, то на театрѣ, то въ концертахъ; почти каждый часъ ея былъ занятъ. Тутъ она узнала объ обществѣ, которое предложило себѣ задачею вспомошествовать бѣднымъ дѣтямъ. Члены общества вносили ежегодно извѣстную сумму для этой цѣли, однако средства его были очень ограничены. — «Развѣ у меня не пайдется еще свободнаго вечера?» — сказала она; — я дамъ представленіе въ пользу бѣдныхъ дѣтей, но должно назначить двойныя цѣны.» Представленіе было устроено, и доставило очень значительный сборъ; когда она узнала сколько несчастныхъ дѣтей могли получить помощь изъ этой суммы, слезы блеснули на ея глазахъ, и она сказала съ умиленіемъ: — «счастливъ, однако, тотъ, кому Богъ далъ такой талантъ!»

Съ искренимымъ чувствомъ брата люблю и уважаю я ее, и считаю себя счастливымъ тѣмъ, что имѣлъ случай узнать и могу понимать такую душу. Да пошлетъ ей Богъ миръ, тихое счастье, которыхъ она желаетъ! Женни Линдъ научила меня понимать высокое значеніе искусства; она научила меня, что художникъ долженъ забывать свою личность въ служеніи искусству. Ни одна книга, ни одинъ человекъ не имѣли на меня, какъ поэта, такого благотворнаго вліянія, какъ Женни Линдъ, и вотъ почему я съ такимъ одушевленіемъ разговаривалъ о ней.

Я имѣлъ счастье испытать, что по мѣрѣ того, какъ человекъ яснѣе понимаетъ жизнь и искусства, свѣтлѣетъ и лучъ счастья, проникающій въ его душу извнѣ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, было со мною. Сколько отрадъ, сколько счастья возникло изъ первыхъ, мрачныхъ дней моей жизни! спокойствіе и увѣренность въ себѣ наполнили мое сердце. Такое спокойствіе, впрочемъ, очень хорошо сочетаетсяъ съ разнообразіемъ и непостоянствомъ страннической жизни; я вездѣ чувствую себя какъ на родинѣ, легко схожусь съ людьми и довѣряю имъ, и они отвѣчаютъ мнѣ тѣмъ-же довѣріемъ и радушіемъ.

Лѣтомъ 1844 года я еще разъ посѣтилъ сѣверную Германію. Одно милое и образованное семейство убѣдительно пригласило меня провести нѣсколько недѣль въ деревнѣ; графъ Фопъ Ранцау-Брейтенбургъ, въ письмахъ своихъ, также изъявлялъ желаніе меня видѣть. Я поѣхалъ, и эта поѣздка была если не одною изъ

продолжительнѣйшихъ, то во всякомъ случаѣ одною изъ пріятнѣйшихъ въ моей жизни. Я увидѣлъ роскошную луговую страну во всей ея лѣтней красѣ и совершилъ съ графомъ Рантцау много пріятныхъ поѣздокъ по окольнымъ мѣстамъ. Брейтенбургъ находится среди лѣсовъ, на рѣкѣ Штѣрѣ; гамбургскіе пароходы оживляютъ небольшую рѣчку, мѣстоположеніе живописно, а жизнь моя въ этомъ домѣ текла такъ тихо и радостно. Я могъ читать и заниматься, сколько душѣ угодно, потому что я былъ свободенъ какъ птица; обо мнѣ заботились, какъ о родномъ. Къ сожалѣнію, это было послѣднею моею поѣздкою въ Брейтенбургъ. Графъ Рантцау тогда уже предчувствовалъ свою близкую кончину. Однажды мы встрѣтились въ саду; онъ взялъ мою руку, сжалъ ее съ чувствомъ, сказалъ, какъ радуется его всеобщее расположеніе ко мнѣ за границу, какъ искренно желаетъ онъ мнѣ счастья, и наконецъ присовокупилъ: — «Да, любезный другъ, будущее въ рукахъ Господнихъ, но я твердо убѣжденъ, что мы въ послѣдній разъ видимся въ этомъ мѣстѣ; я скоро отживу свое время.» При этихъ словахъ, я прочелъ такое твердое убѣжденіе въ его возрахъ, что сердце мое стѣснилось, но я не могъ произнести ни слова; мы были близъ часовни; онъ отворилъ калитку въ густой живой изгороди, и повелъ меня въ небольшой садикъ, въ которомъ была покрытая дерпомъ могила в передъ нею скамейка. — «Здѣсь буду я въ слѣдующій разъ, какъ вы пріѣдете въ Брейтенбургъ!» сказалъ онъ, и слова его сбьлись; онъ умеръ слѣдующею зимою въ Висбаденѣ. Я утратилъ въ немъ искреннаго друга, покровителя и благороднѣйшаго изъ людей.

Когда я былъ въ первый разъ въ Германіи и посѣтилъ Гарца в Саксонскую Швейцарію, Гёте былъ еще живъ. Мнѣ очень хотѣлось видѣть его; съ Гарца завернуть въ Веймаръ было недалеко; но я не имѣлъ къ нему рекомендательныхъ писемъ и ни одно изъ моихъ сочиненій не было еще переведено на шѣмцкій языкъ; а мнѣ описывали Гёте какъ человека надменнаго, и могъ возникнуть вопросъ, приметъ-ли онъ меня? Я усомнился, и потому рѣшился отложить свою поѣздку въ Веймаръ до такого времени, когда какое-нибудь сочиненіе сдѣлаетъ мое имя извѣстнымъ въ Германіи. Я дожидъ дозатога, но Гёте тогда уже не было. Еще на возвратномъ пути изъ Константинополя, въ Лейпцигѣ, у Мендельсона-Бартольди, познакомился я съ невѣсткою Гёте, г-жею Гёте, урожденною Фонъ-Погвичъ. Она приняла меня очень дружелюбно; и рассказала мнѣ, что сынъ ея, Вальтеръ, давно уже безъ ума отъ меня, что онъ еще ребенкомъ, сочинилъ цѣлую драму изъ моего

«Импровизатора», что эта драма была играна на домашнемъ театрѣ у старика Гёте, и что Вальтеръ однажды хотѣлъ ѣхать въ Копенгагенъ, чтобы познакомиться со мною. Стало-быть, теперь у меня были уже друзья въ Веймарѣ. Какая-то волшебная сила влекла меня посѣтить городъ, въ которомъ жили Гёте, Шиллеръ, Виландъ и Гердеръ, изъ котораго разлилось столько свѣту на весь міръ. Я въѣхалъ въ небольшую страну, ознаменованную Лютеромъ, Вартбургскимъ состязаніемъ пѣвцовъ, и столькими другими воспоминаніями. 24-го іюня, въ день рожденія Наслѣднаго Великаго герцога въѣхалъ я въ милый городъ. Все возвѣщало праздникъ. Въ театрѣ, гдѣ давалась новая опера, Наслѣдный герцогъ былъ встрѣченъ единодушными радостными привѣтствіями. Не думалъ я тогда, что столь многіе изъ окружавшихъ меня станутъ такъ дороги моему сердцу, что вокругъ меня сидѣло столько будущихъ моихъ друзей, что городъ будетъ такъ милъ мнѣ, станетъ моимъ вторымъ, нѣмецкимъ отечествомъ!

Я былъ рекомендованъ почтенному другу Гёте, доброму канцлеру Фонъ-Мюллеру, который привялъ меня съ невыразимымъ радушіемъ. Въ первое же мое посѣщеніе, я случайно встрѣтился у него съ камергеромъ Болё-де-Марковнэ, котораго зналъ еще въ Ольденбургѣ; онъ переѣхалъ на службу въ Веймаръ и уговорилъ меня поселиться въ его домѣ. Спустя нѣсколько часовъ, я былъ уже у него домашнимъ человѣкомъ. Бываютъ люди, съ которыми достаточно пробыть день, чтобы узнать и полюбить ихъ; въ Болё я въ нѣсколько дней приобрѣлъ друга, который, надѣюсь, останется мнѣ другомъ на всю жизнь. Онъ и добрый канцлеръ познакомили меня со многими семействами; въѣзжая въ городъ, и узнавъ, что г-жа Гёте и сыновья ея въ Вѣнѣ, я боялся не найти ни души знакомой въ Веймарѣ, а вмѣсто того, въ короткое время, я былъ окруженъ друзьями, которые наперерывъ старались угождать мнѣ.

Владѣтельный великій герцогъ и его супруга удостоили меня благосклоннаго приѣма, котораго воспоминаніе навсегда сохранится въ моемъ сердцѣ. Немедленно послѣ представленія моего имъ, я былъ приглашенъ къ ихъ столу, а потомъ Наслѣдный герцогъ и его супруга пригласили меня въ свой загородный дворецъ, Эттербургъ. Дворецъ построенъ на возвышеніи, близъ густаго лѣса. Внутренняя отдѣлка и меблировка, въ стилѣ рококо, и обширный видъ изъ парка, простирающійся до самаго Гарца, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Въ короткое свое пребываніе въ Веймарѣ нѣсколько разъ ѣздилъ я въ Эттербургъ. Наслѣдный

герцогъ самъ водилъ меня въ садъ и показывалъ мнѣ дерево, на которомъ Гёте, Шиллеръ и Виландъ вырѣзали свои имена, громъ пожелалъ присоединить къ нимъ память о себѣ, и разсѣкъ молніею одинъ сучокъ дерева. Умная госпожа фонъ Гроссъ (Амалия Виптеръ), канцлеръ фонъ Мюллеръ, который умѣлъ такъ живо раскрывать передъ нами Гётеву эпоху и такъ прекрасно объяснялъ Фауста, честный и дѣтски добродушный Экерманъ, составляли обычное общество Эттерсбурга. Вечера проходили какъ пріятный сонъ; каждый поочередно читалъ вслухъ, и даже я долженъ былъ рѣшиться читать въ первый разъ на чужомъ языкѣ одну изъ своихъ сказокъ, «Неустрашимаго оловяннаго солдата.» Канцлеръ фонъ Мюллеръ водилъ меня къ склепу, въ которомъ погребены великій герцогъ Карлъ Августъ и его супруга, рядомъ съ Шиллеромъ и Гёте, но не между ними, какъ я говорилъ въ одномъ ихъ прежнихъ своихъ сочиненій. Рядомъ съ высокою четою, которая понимала и цѣнила великое, покоятся два друга; я пашелъ завядшіе лавровые вѣтви на простыхъ, дикихъ гробницахъ, которыхъ вся красота заключается въ безсмертныхъ именахъ Гёте и Шиллера. При жизни государь и поэтъ шли вмѣстѣ, и по смерти прахъ ихъ покоится подъ однимъ сводомъ. Такое мѣсто никогда не изгладится изъ памяти; тутъ душа возсылаетъ тихую молитву, которую слышитъ одинъ Богъ.

Больше педѣли пробылъ я въ Веймарѣ, и мнѣ казалось, будто я бывалъ уже въ этомъ городѣ, жилъ въ немъ, будто это была моя родина, съ которою я долженъ былъ разставаться. Когда я выѣхалъ изъ заставы, переѣхалъ черезъ мостъ, мшиновалъ мельницу, и отсюда въ послѣдній разъ взглянулъ на городъ и замокъ, тяжелая грусть охватила мою душу; мнѣ казалось, что по выѣздѣ изъ Веймара не встрѣчу я уже ни одного друга на всемъ пути. Какъ часто съ того времени летѣлъ сюда вѣсьма! а еще чаще мыслилъ! Пребываніе въ Веймарѣ — одинъ изъ ясныхъ дней моей артистической жизни.

Изъ Веймара поѣхалъ я въ Лейпцигъ, гдѣ меня ожидалъ нетинно поэтической вечеръ у Роберта Шумана. Еще за годъ передъ тѣмъ гениальный композиторъ обрадовалъ меня, посвятивъ мнѣ свою музыку къ нѣкоторымъ изъ моихъ пѣсень. Гжа Фреге исполнила ихъ тѣмъ дивнымъ голосомъ и съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которые поражаютъ и приводятъ въ восторгъ всѣхъ, вмѣющихъ счастье слышать ея пѣніе; Клара Шуманъ ей акомпанировала, а слушателями были только сочинитель и компози-

торъ. Затѣмъ скромный ужинъ и дружеская бесѣда не дали замѣтить, какъ прошелъ вечеръ. У Брокгауза встрѣтилъ я такой-же радушный пріемъ, какъ и въ прежнія времена. Число моихъ друзей въ пѣмецкихъ городахъ быстро умножается, но сердце все какъ-то ближе лежитъ къ тому, который первый сталъ другомъ.

Въ Дрезденѣ нашелъ я старыхъ друзей, сохранившихъ весь пылъ юности: даровитаго полужемляка моего, норвежца Даля, который такъ мастерски возсоздаетъ на полотнѣ норвежскія долины, съ ихъ потоками и березами, и Фогель-фонъ Фогельштейна, который вызвался снять съ меня портретъ для королевской портретной галлерей. Интендантъ театровъ, фонъ-Люттихау, предложилъ мнѣ мѣсто на каждый вечеръ въ директорской ложѣ, а одна изъ знатнѣйшихъ дрезденскихъ дамъ, почтенная баронесса фонъ Декевъ, пріняла меня какъ роднаго сына; и первое впечатлѣніе, которое она произвела на меня, вполне подтвердилось при дальнѣйшемъ моемъ знакомствѣ съ ея милымъ семействомъ и обществомъ. Младшій братъ Болѣ, Эдмундъ, служившій офицеромъ въ арміи, пріѣхалъ однажды изъ Таранда, гдѣ онъ проводилъ большую часть лѣта; я воспользовался его приглашеніемъ ѣхать съ нимъ, провелъ нѣсколько дней среди горъ, и познакомился со многими соеѣдиненн семействами.

Съ баронессою фонъ Декевъ отправился я въ первый разъ къ геніальному художнику Ретцшу, творцу дивныхъ рисунковъ къ сочиненіямъ Гёте, Шекспира и другихъ. Онъ живетъ совершенно идиллически среди низменныхъ, покрытыхъ виноградниками горъ, близъ Мейссена. Каждый годъ ко дню рожденія жены, онъ даритъ ей новый рисунокъ, и всегда одно изъ самыхъ лучшихъ своихъ произведеній. Съ теченіемъ лѣтъ изъ нихъ образовался уже довольно объемистый, превосходный альбомъ, который она должна издать по смерти его, если онъ умретъ прежде нея. Изъ множества дивныхъ вещей, собранныхъ въ этомъ альбомѣ, особенно поразила меня мысль одного рисунка, изображающаго бѣгство въ Египетъ: ночь; все на рисункѣ спитъ, Богородица, Юсифъ, деревья, трава, не спитъ одна Святой Младенецъ, и его открытое, круглое личико освѣщаетъ всю картинку. За сказку, которую я рассказалъ ему, Ретцшъ оплатилъ мнѣ прелестнымъ рисункомъ, на которомъ онъ изобразилъ прекрасную дѣвушку, прячущуюся за старушечью маску; такъ вѣчно юная, цвѣтушая красотою душа выглядываетъ изъ за старушечьей маски сказки.

Рисунки Ретцша всегда полны глубокой и оригинальной, истинно гениальной мысли.

У майора Серре и его милой жены, въ богатомъ ихъ помѣстьѣ Максенъ имѣлъ я случай насладиться всѣми удовольствіями иѣмецкой деревенской жизни; я не знаю никого, кто бы такъ хорошо понималъ сельское гостепріимство. Тутъ постоянно соби-рался кружокъ умныхъ, замѣчательныхъ людей; тутъ познако-мился я съ путешественникомъ Колемаъ и съ даровитою писатель-ницею графинею Ганъ-Ганъ, которая съ перваго разу очаровы-ваетъ каждаго своимъ умомъ и своею высокою, женственною душою.

Гдѣ человѣка хорошо принимаютъ и ласкаютъ, тамъ онъ охот-по остается; я былъ невыразимо счастливъ въ эту поѣздку въ Германію; я чувствовалъ, что я тамъ не чужой. Теплоота чувства и вѣрность природѣ, вотъ что уважали въ моихъ сочиненіяхъ; какъ ни восхитительна и ни похвальна красота формъ, какъ ни преклоняемся мы неволью передъ мудростью ума, — сердце и природа все таки менѣе всего подвергаются вліянію измѣнчиваго времени, и всего доступнѣе бѣльшинству людей.

На обратномъ пути, я поѣхалъ черезъ Берлинъ, въ которомъ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ; по лучшаго изъ моихъ тамош-нихъ друзей уже не было; Шамиссѣ умеръ. Меня встрѣтили толь-ко осиротѣвшіе его дѣти. Только смотря на подроставшее во-кругъ меня юное поколѣніе, замѣчаю я, что я самъ старѣюсь; на себѣ самомъ я этого не чувствую. Сыновья Шамиссѣ, которыхъ я въ послѣдній разъ еще видѣлъ мальчиками, бѣгавшими съ от-крытыми шеями по саду, предстали мнѣ въ мундирахъ, офице-рами прусской службы. Въ это мгновеніе почувствовалъ я, какъ быстро проходятъ годы, какъ все на свѣтѣ измѣняется, и сколь-кихъ мы каждый годъ не досчитываемся!

У министра Савиньи, котораго домъ всегда отличался истинно германскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, познакомился я съ замѣшпою Беттиною и ея умными дочерьми. Цѣлый часъ слу-шала я бесѣду этой оригинальной женщины, которая все это время почти не переставала говорить; и бесѣда ея такъ разно-образна, такъ увлекательна, что я почти онѣмѣлъ передъ этимъ потокомъ мыслей. Литературные труды ея извѣстны всѣмъ; по-немногіе знаютъ другой прекрасный талантъ, которымъ она об-ладаетъ, именно талантъ ея къ рисованію. Рисунки ея, также какъ и литературныя произведенія, поражаютъ обиліемъ и ориги-нальностью идей. Я видѣлъ, между прочимъ, одинъ эскизъ, въ

которомъ она изобразила истинное происшествіе, случившееся не задолго передъ тѣмъ. Одинъ молодой человекъ угорѣлъ отъ винаго спирту; она представила его, полунагаго, сходящимъ въ погребокъ, гдѣ всѣ бочки и бутылки представляются вокругъ него безобразными, злыми духами; вакхантъ и вакхантки окружаютъ его своимъ адскимъ хороводомъ, хватаютъ свою жертву и умерщвляютъ ее. Торвальдсенъ не разъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ пораженъ, увидѣвъ однажды ея рисунки, богатствомъ и своеобразностью ихъ идей.

Ничего не можетъ быть отраднѣе для путешественника въ чужой землѣ, какъ найти домъ, въ которомъ его всегда встрѣчаетъ привѣтливый, радостный взоръ, домъ, гдѣ взоръ и мысли его могутъ отдохнуть на картинѣ тихаго семейнаго счастья. Такимъ домомъ былъ для меня домъ профессора Вейса. Но конца не было бы моему списку, еслибъ я хотѣлъ перечислять всѣ новыя знакомства, которыя я завелъ, и всѣ старыя, которыя я возобновилъ въ эту поѣздку. Я засталъ въ Берлинѣ своего римскаго знакома Корнелиуса, мюнхенскаго Шеллинга, своего полуземляка норвежца Стефенса; увидѣлся и съ Тикомъ, котораго не видалъ съ первой своей поѣздки въ Германію. Онъ очень переиѣнился въ этотъ промежутокъ времени; но глаза его сіяли все тѣмъ же умомъ и тѣмъ же добродушіемъ, пожатіе его руки было также горячо и искренно, какъ прежде; я чувствовалъ при этомъ пожатіи, что онъ мнѣ другъ. Онъ просилъ меня непременно пріѣхать къ нему въ Потсдамъ, гдѣ онъ живетъ въ довольствѣ и даже богато. За обѣдомъ познакомился я съ его братомъ, скульпторомъ. Отъ Тика узналъ я, какъ благосклонно расположены были ко мнѣ Прусскій король и его супруга; они читали мой романъ «Только скрипачъ,» и освѣдомлялись обо мнѣ у Тика. Къ сожалѣнію ихъ въ то время не было въ Берлинѣ; я пріѣхалъ вечеромъ наканунѣ ихъ выѣзда.

Изъ Штеттина отправился я моремъ, въ бурную погоду, въ Копенгагенъ. Повидавшись со всѣми близкими мнѣ людьми, я нѣсколько дней спустя поѣхалъ къ графу Мольтке, на островъ Фюенсъ, чтобы провести тамъ нѣсколько лѣтнихъ дней. Тутъ получилъ я письмо отъ министра Раунцау Брейтебургга, который находился съ королемъ и королевою на островѣ Феръ, куда они пріѣхали пользоваться морскими ваннами; онъ писалъ, что ихъ величества поручили ему пригласить меня туда же. Островъ Феръ, какъ извѣстно, находится на Нѣмецкомъ морѣ, не далеко отъ шлезвигскаго берега, близъ очаровательныхъ Галлгенскихъ

острововъ, которые Бернацкій такъ живо описалъ въ своихъ повѣстяхъ. Такимъ образомъ мнѣ представлялся неожиданный случай увидѣть въ моемъ отечествѣ новую для меня природу. Я былъ восхищенъ милостью короля и королевы и радовался предстоящему свиданію съ Рантцау; это было послѣднее наше свиданіе.

Ровно двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я вѣхалъ однокимъ, безпомощнымъ мальчикомъ въ Копенгагенъ. И какъ разъ въ двадцать пятую годовщину этого дня приводимось мнѣ быть при королѣ и королевѣ. Все окружавшее меня, люди и природа являлись мнѣ въ какомъ-то радостномъ свѣтѣ, мнѣ казалось, будто меня вдругъ перенесло на высоту, съ которой я могъ яснѣе обозрѣть прошедшія двадцать лѣтъ, со всеми радостями, со всею счастіемъ, которыя они мнѣ принесли. Дѣйствительность иногда превосходитъ самые блестящіе сны.

Я перенравился съ Фюнена моремъ въ Фленсбургъ, который чрезвычайно живописно раскинутъ, съ своими лѣсами и холмами, на берегу большого залива. Но за нимъ открывается обширная, пустынная песчаная равнина. Я ѣхалъ въ лунную ночь; но скоро ѣхать тутъ невозможно; однообразно тащились мы по глубокимъ пескамъ; однообразно вскрикивали ночныя птицы въ рѣдкихъ верескахъ. Потомъ начались болота; продолжительные дожди обратили луга и поля въ озера; гати, по которымъ мы ѣхали, представляли повсюду тонкую грязь; лошади скользили и вязли; во многихъ мѣстахъ крестьяне должны были поддерживать легкій экипажъ, чтобы онъ не скатился на низкія избы, построенныя внизу, вдоль гати. Иногда нѣсколько часовъ тянулось мы одну милю. Наконецъ открылось передъ нами Швецкое море съ его островами; весь берегъ образуетъ длинную дамбу, обложенную на протяженіи нѣсколькихъ миль соломою и фашнами, о которыя разбиваются морскія волны. Я пріѣхалъ въ самый приливъ; вѣтеръ былъ попутный, и менѣе чѣмъ въ часъ времени я достигъ Фера, который показался мнѣ обѣтованною землею, послѣ такого труднаго пути. Значительнѣйшій городъ на островѣ, Викъ, въ которомъ учреждены купальни, построенъ на голландскій манеръ: все дома въ одинъ этажъ, все съ крутыми крышами. Препутетвіе двора и множество пріѣзжихъ чрезвычайно оживляло главную улицу; почти изъ cadaго дома выглядывали знакомыя лица, повсюду развѣвался дѣтскій флагъ, повсюду гремѣла музыка. Мнѣ немедленно была отведена квартира; и до самаго отъѣзда ихъ величества, я каждый день былъ пригла-

шаемъ къ ихъ столу, и каждый вечеръ сидѣлъ въ ихъ обществѣ; нѣсколько разъ приходилось мнѣ читать имъ свои сказки, которыя оны выслушивали съ признаками живѣйшаго удовольствія и вниманія.

Вмѣстѣ съ дворомъ отправился я на самый значительный изъ Галлигенскихъ острововъ, изъ этой группы живыхъ рунъ на морѣ, свидѣтельствующихъ о поглощенной моремъ странѣ. Волны изорвали материкъ на острова, прорвали потомъ и острова, и погребли людей и жилища; съ каждымъ годомъ онѣ подмываютъ часть берега, и черезъ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ, можетъ-быть, тутъ будетъ одно море. Нынче Галлигенскіе острова представляютъ небольшія, плоскія пространства земли, едва возвышающіяся надъ водою, и покрытыя травою очень темнаго цвѣта, на которой пасутся стада овецъ; когда море прибываетъ, овецъ загоняютъ на чердаки домовъ, и волны заливаютъ весь архипелагъ, который отстоитъ на нѣсколько миль отъ берега. На томъ островѣ, на которомъ мы были, Оландѣ, есть небольшой городокъ, котораго дома жмутся другъ къ другу, словно они предчувствуютъ опасность, и на случай нужды готовить ей дружный отпоръ. Всѣ они построены на сваяхъ, и окна въ нихъ крошечныя, какъ въ каютахъ корабля. Добрую половину года, мать и дочери сидятъ одиноко, за самопрялками, въ маленькой горенкѣ; впрочемъ почти въ каждомъ домѣ есть небольшое собраніе книгъ, обыкновенно датскихъ, нѣмецкихъ и фризскихъ. Жительницы читаютъ или работаютъ, между-тѣмъ какъ море бушуетъ вокругъ дома, который торчитъ среди водъ, какъ обломокъ погибшаго корабля; случается, что корабли ночью принимаютъ огни въ окнахъ за огни другихъ кораблей, и погибаютъ. Большое наводненіе 1825 года подмыло дома, и жители дни и ночи сидѣли полунатіе на кровляхъ, пока и эти не обрушились. Подать помощь не было возможности, ни съ Фера, ни съ твердой земли. Кладбище было вполнѣ размыто; вода вырыла изъ земли гробы и трупы. Зрѣлище было ужасное; а между-тѣмъ галлигенцы любятъ свое отечество, они не могутъ ужиться на твердой землѣ, ихъ беретъ тоска по своей водной роднѣ. Мы нашли одного только мужчину на всемъ острову, да и тотъ былъ тутъ отъ того только, что недавно началъ оправляться отъ тяжкой болѣзни; всѣ остальные отправились на болѣе или менѣе продолжительное время въ дальніе рейсы, и насъ встрѣтилъ одинъ женщины. Передъ церковью было устроено въ честь высокихъ посятителей нѣчто въ родѣ триумфальныхъ воротъ изъ цвѣтовъ,

привезенныхъ съ Фера; но такіе узкіе и низкіе, что ихъ должно было обходить кругомъ. Королева была очень тронута тѣмъ, что жительницы срѣзали единственный на острову розовый кустъ, чтобы прикрыть вѣтвями вязкое мѣсто, по которому ея величество должна была проходить. Дѣвушки на острову замѣчательно хороши собою, и носятъ полувосточный костюмъ; онѣ производятъ себя отъ грековъ. Лица ихъ почти завѣшены, а подь кускомъ полотна, который виситъ съ головы, — греческая феска, вокругъ которой обвиты толстыя сплетенныя косы.

На обратномъ пути былъ большой обѣдъ на королевскомъ пароходѣ, а послѣ обѣда, когда мы, при чудномъ солнечномъ заходѣ пробиралсь по архипелагу, палуба была обращена въ большую залу. Странно было, среди шума танцующихъ и бѣготни официантовъ, слышать однообразный голосъ матросовъ, стоявшихъ надъ колесами съ лотомъ, и объявлявшихъ глубину фарватера. Вскорѣ взошла полная луна, и обѣлила Амромскіе холмы, какъ сѣвѣжную Альпійскую цѣпь. Я впоследствии посѣтилъ въ другой разъ эти бесплодныя, песчаныя горы; король пріѣзжалъ сюда охотиться на кроликовъ. За нѣсколько лѣтъ около этого мѣста разбился корабль, на которомъ была пара кроликовъ; и съ тѣхъ поръ потомки ихъ тысячами заселяютъ Амромъ. Во время отлива море совѣтъ осушаетъ проходъ между Феромъ и Амромомъ, такъ что можно переѣзжать съ одного острова на другой сухимъ путемъ; но должно очень точно расчитать время и знать дорогу, потому что если приливъ настгнетъ несчастнаго путника, онъ погибъ безъ надежды; нѣсколько минутъ и тамъ, гдѣ передъ тѣмъ былъ песокъ, будутъ проходить самыя большіе корабли. Мы видѣли цѣлую вереницу телѣгъ и экипажей, ѣхавшихъ изъ Фера въ Амромъ; они казались вдвое больше настоящаго на бѣломъ пескѣ и на голубомъ горизонтѣ, а вокругъ точно сѣтъ, блестя лужи воды, словно обсервационное войско, оставшееся охранять владѣніе моря. Приближаясь къ горамъ, вы невольно вспоминаете Везувскія груды пеплу; и здѣсь ноги ваши проваливаются на каждомъ шагу, твердые верески не могутъ удерживать рыхлой земли; солнце падитъ между бѣлыми вершинами, эта прогулка стоитъ прогулки по африканскимъ пескамъ. Въ лощинахъ между холмами растутъ особаго рода шиповникъ и верески; въ другихъ мѣстахъ нѣтъ и слѣда растительности, только сырой песокъ, на которомъ остается еще отпечатокъ волнъ. Море, убываая, начертало на немъ странныя гіероглифы. Съ одного изъ самыхъ высокихъ холмовъ я взглянулъ на Нѣмецкое море, это бы-

до во время отлива; море отступило на дѣлую милю, корабли лежали на пескѣ, какъ заснувшія рыбы, ожидая прилива. Нѣсколько матросовъ, сошедши на песокъ, двигались на немъ черными точками. Среди воды явилась длинная, песчаная коса, которая въ приливъ не видна, и на которую часто находятъ корабли. Я видѣлъ устроенныя на этомъ мѣстѣ высокія деревянныя башенки, въ которыхъ всегда держится бочка прѣсной воды, корзина хлѣба и нѣсколько водки, несчастные, сбѣвшіе тутъ на мель, находятъ среди моря пропитаніе на нѣсколько дней, пока не подоспѣтъ помощь. Переходъ отъ такой природы, къ придворному столу, къ придворнымъ концертамъ, къ баламъ въ салонѣ, къ прогулкамъ при свѣтѣ луны по бульварамъ, кишашимъ людьми, это какъ-то сбиваетъ на сказку.

Сидя за королевскимъ столомъ, въ достопамятную для меня двадцать-пятую годовщину, 5-го сентября, я невольно обратился мыслями къ своему прошедшему; и долженъ былъ собрать всю свою твердость, чтобы не прослезиться. Бываютъ минуты благодарности, въ которыя сердце наше чувствуетъ потребность обратиться къ Богу; съ какою силою чувствовалъ я въ это мгновеніе свое ничтожество, и что все мое блаженство было отъ Бога. Ранцэу зналъ, какое значеніе имѣлъ этотъ день въ моей жизни. Послѣ обѣда король и королева съ невыразимою благосклонностью и участіемъ поздравляли меня съ тѣмъ, что я успѣлъ выдержать столько гѣрестей и проложить себѣ путь къ славѣ. Король пожелалъ узнать нѣкоторыя подробности моей жизни, и я рассказалъ ему главныя черты. Въ разговорѣ онъ спросилъ меня, получаю-ли я какое-нибудь постоянное содержаніе. Я сказалъ ему о пенсіи. — «Не много!» сказалъ король. — «Мнѣ много и не нужно, — отвѣчалъ я, — мои сочищенія доставляютъ мнѣ остальное.» Король продолжалъ съ участіемъ спрашивать меня о моемъ положеніи, и заключилъ слѣдующими словами: — «Если я могу какимъ либо образомъ быть вамъ полезенъ, и содѣйствовать вашей литературной дѣятельности, обращайтесь прямо ко мнѣ.»

Вечеромъ, во время концерта, нѣкоторые знакомые стали бранить меня за то, что я не воспользовался случаемъ; они говорили, что король самъ наводилъ меня на то, чтобы я не просилъ какой-нибудь милости, а я этого не понималъ. Но по моему мнѣнію, я не могъ и не долженъ былъ просить; пенсія была мнѣ пожалована отъ короля и король одинъ имѣлъ право найти ее недостаточною и увеличить. И я не ошибся; въ слѣдующемъ-же году, король Христіанъ VIII пожаловалъ мнѣ прибавку къ

пенсія, такъ что теперь, съ этой суммой и съ доходами отъ сочиненій, я могу жить прилично и безъ заботы. Пятое сентября было для меня незабвеннымъ днемъ, праздникомъ. Нѣмцы, прѣхавшіе къ морскимъ ваннамъ, также предложили тостъ въ мою честь въ салонѣ. На прощальной аудіенціи королева позарила мнѣ дорогой перстень на память моего пребыванія въ Ферѣ, а король подтвердилъ свое приглашеніе, смѣло обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ овъ можетъ мнѣ быть полезенъ.

Герцогиня Аугустенбургская была также въ Ферѣ съ двумя старшими дочерьми. Я каждый день имѣлъ счастье видѣть ее, и неоднократно получалъ приглашеніе ѣхать въ обратный путь на Аугустенбургъ. Поэтому я переправился съ Фера на Альсъ, одинъ изъ красивѣйшихъ острововъ Нѣмецкаго моря. Весь островъ представляетъ цвѣтущій садъ; богатые поля и нажити перегорожены мѣлкимъ орѣшникомъ и шиповникомъ, крестьянскія избы окружены фруктовыми садами. Вдали виднѣется то открытое море, то Малый Бельтъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не шире рѣки. Замокъ очень величественъ; отъ него идетъ богатый, полный рѣдкихъ цвѣтовъ и растеній садъ, сходящій до самаго берега извилистаго залива. Герцогская фамилія приняла меня съ самою трогательною благодарностію; я пробылъ въ замкѣ двѣ недѣли, и присутствовалъ на праздникахъ, бывшихъ по случаю дня рожденія герцогини. Тихая семейная жизнь то же, что прекрасный лѣтній вечеръ; она наполняетъ душу спокойствіемъ, разливаєтъ свѣтъ на все окружающее; на сердцѣ становится невыразимо отрадно! И это то я чувствовалъ въ Аугустенбургѣ.

ГЛАВА VII.

Весною 1844 года я кончилъ драматическую сказку «Цвѣтокъ счастья», въ которой я старался развить мысль, что ни бессмертное имя художника, ни слава вѣнца не могутъ доставить счастья человѣку, а что заключается оно въ довольствѣ немногимъ и взаимной любви. Обстановка была совершенно датская, идиллическая, пригрѣтая солнцемъ живая, на которой рѣзко отдѣлялись, какъ зловѣщій сонъ, два мрачные образа: несчастный датскій поэтъ Эвальдъ, и воспѣваемый въ нашихъ богатырскихъ пѣсняхъ королевичъ Бурисъ; вѣкъ, который многими поэтами изображается въ такихъ блестящихъ краскахъ, я рѣшилъ, для чести нашего вѣка, представить въ настоящемъ его видѣ, мрачнымъ и

несчастливымъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Профессоръ Гейбергъ, на котораго была возложена оцѣнка поступавшихъ въ дирекцію пьесъ, воспротивился принятію моей пьесы. Нѣсколько лѣтъ уже всѣ мои труды постоянно встрѣчали съ его стороны враждебный пріемъ; я причисывалъ это личному нерасположенію, и эта мысль огорчала меня еще больше, чѣмъ самое отверженіе моей пьесы; мнѣ больно было находиться въ враждѣ съ писателемъ, котораго я уважалъ, и относительно котораго совѣтъ говорила мнѣ, что я сдѣлалъ все, что зависѣло отъ меня, чтобы быть съ нимъ въ дружбѣ. Мнѣ оставалось сдѣлать еще одну попытку, и я рѣшился на нее: написалъ къ Гейбергу, представилъ ему откровенно и, кажется, убѣдительно наши взаимныя отношенія и мое желаніе измѣнить ихъ, и просилъ его прямо высказать причину его невыгоднаго приговора моей пьесѣ и недоброжелательства ко мнѣ. Гейбергъ тотчасъ самъ пришелъ ко мнѣ, но не засталъ меня дома; на слѣдующій день я отправился къ нему и былъ принятъ самымъ дружескимъ образомъ. Въ этомъ свиданіи и въ нашей бесѣдѣ не было ничего особенно занимательнаго для постороннихъ; но они повели къ объясненію и, я надѣюсь, къ болѣе дружелюбнымъ отношеніямъ на будущее время. Онъ ясно и просто изложилъ мнѣ свои понятія о драматической литературѣ, по которымъ онъ считалъ долгомъ отвергнуть мою пьесу; и дѣйствительно, съ его точки зрѣнія, доводы его были совершенно справедливы; но я смотрѣлъ на вещи иначе, и слѣдовательно мы не могли сойтись въ своихъ сужденіяхъ. Онъ увѣрилъ меня, что не питаетъ ко мнѣ никакой неприязни, а напротивъ признаетъ и уважаетъ мой талантъ, я напомнилъ ему нѣкоторыя его выходки противъ меня, напримѣръ, что онъ, въ своемъ журналѣ, рѣшительно отказывалъ мнѣ въ способности изобрѣтенія, тогда какъ, по моему мнѣнію, романы мои свидѣтельствовали эту способность.—«Но вы моихъ романовъ и не читали, прибавилъ я, въ этомъ самъ сознался.»—«Это правда, отвѣчалъ онъ, я ихъ еще не читалъ, но прочту непременно, при первомъ досугѣ.»—«Послѣ того, продолжалъ я, въ поэмѣ своей «Данія», вы посмѣивались надо мною и надъ моимъ «Базаромъ», и особенно надъ энтузіазмомъ, съ которымъ говорю о дивныхъ Дарданеллахъ, тогда какъ я въ своей книгѣ положительно говорю, что Дарданеллы вовсе не хороши, а люблюсь Босфоромъ, вы этого, кажется, и не замѣтили? можетъ быть, вы и «Базара не читали»?—«Такъ это былъ Босфоръ? подхватилъ онъ съ своею лукавою улыбкою;— а я это совсѣмъ забылъ! да вѣдь и писатели не обращаютъ на

это вниманія ; вѣдь тутъ дѣло было только въ томъ, чтобы пошелкать васъ !» И въ томъ признаніи было столько простодушія, столько оригинальности ; онъ, казалось, такъ наивно смотрѣлъ на это шелканіе, какъ на вещь самую простую, что я не могъ удержаться отъ улыбки ; я посмотрѣлъ въ его свѣтлые, умные глаза, вспомнилъ, сколько онъ написалъ прелестныхъ вещей,—и не могъ на него сердиться. Разговоръ сталъ оживляться, онъ сказалъ мнѣ много любезностей, напримѣръ очень высоко поставилъ мои сказки, и просилъ меня навѣщать его почаще. Съ-тѣхъ-поръ я имѣлъ случай ближе всмотрѣться въ эту оригинальную, поэтическую натуру, попятъ ее вполне, и могу надѣяться, что и онъ лучше понимаетъ меня. Наши характеры и умы совершенно противоположны, но цѣль, къ которой мы стремимся,—одна. Когда я сталъ собираться домой, онъ повелъ меня на свою маленькую обсерваторію, на которой онъ проводитъ теперь почти все свое время ; странное существо, который бросаетъ все, чтобы съ равнымъ энтузіазмомъ приниматься поочередно за поэзію, за философію или за астрономію ; въ послѣдней, я думаю, онъ всего менѣе принесетъ пользы человѣчеству.

Конечнымъ результатомъ моего свиданія съ Гейбергомъ было то, что моя драматическая сказка явилась на театрѣ, и выдержала въ теченіе сезона семь представленій.

Когда человѣкъ достигнетъ извѣстнаго возраста, сколько бы онъ до-тѣхъ-поръ ни толкался по всему свѣту, онъ избираетъ одно мѣсто какъ свою родину ; даже у перелетной птицы, и у той есть мѣсто, куда она постоянно возвращается ; такимъ мѣстомъ для меня былъ домъ Коллина. Принятый въ немъ какъ сынъ, почти выросши съ дѣтьми, я сталъ членомъ семейства ; и никогда не видалъ я такой тѣсной связи, такой неограниченной любви между всѣми членами семейства, никогда не имѣлъ болѣе милой родины. Одно звѣно въ этой цѣпи расторгнулось, и именно въ это время почувствовалъ я всего сильнѣе до какой степени я считался роднымъ въ домѣ. Еслибъ я хотѣлъ представить образецъ супруга и матери, совершенно забывающей себя для мужа и дѣтей, я избралъ бы жену Коллина ; и со мною также она дѣлила радость и горе съ истинно материнскимъ участіемъ. Въ послѣдніе годы она почти лишилась слуха и едва не ослѣпла ; ей должно было сдѣлать глазную операцію, которая хорошо удалась, такъ что въ теченіе зимы она была уже въ состояніи читать. Возвращеніе зрѣнія наполняло ея сердце радостью и благодарностью ; одного только желала она,—увидѣть первую весен-

нюю зелень. И она увидѣла ее въ своемъ маленькомъ садикѣ. Однажды вечеромъ я оставилъ ее совершенно здоровою и веселою; но ночью меня разбудили и подали мнѣ письмо; Коллинъ писалъ: — «Жена моя очень больна; всѣ дѣти собрались около нея!» Я понялъ, и поспѣшилъ къ больной; она спала спокойно и безъ страданія; это былъ сонъ праведника, это была смерть, наступавшая такъ спокойно и такъ привѣтливо. На третій день она лежала все такъ же спокойно, будто спала; но лицо ея было блѣдно, — она умерла.

Никогда не думалъ я, чтобы отходъ изъ этой жизни могъ быть такъ спокоенъ, такъ чуждъ страданія. Это зрѣлище наполнило мою душу религіознымъ благоговѣнiемъ; теплою вѣрою въ Бога и вѣчность, и сдѣлало изъ этой минуты одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ моей жизни; это была первая смерть, при которой я присутствовалъ, съ самаго дѣтства. Дѣти и внучата стояли вокругъ умирающей. Душа ея была полна чистѣйшей любви, и возвратилась къ любви и Богу.

Въ концѣ iюля назначено было открыть памятникъ королю Фридриху VI, поставленный близъ Скандербурга, въ самой срединѣ Ютланда; мнѣ поручено было написать къ этому случаю кавтату, Гартманъ положилъ ее на музыку, а исполнить ее хотѣли датскіе студенты. Я былъ приглашенъ на торжество, которое и составило цѣль моей поѣздки на это мѣсто. Скандербургъ находится въ одной изъ очаровательнѣйшихъ частей Давіи. Вокругъ возвышаются довольно значительные холмы, увѣнчанные вѣковыми буковыми деревьями, а среди холмовъ, въ самыхъ прихотливыхъ формахъ стелется обширное озеро. За городомъ, у самой церкви, построенной на развалинахъ стариннаго замка, стоитъ монументъ, работы Торвальдсена. Самымъ лучшимъ моментомъ въ этомъ праздникѣ, для меня, былъ вечеръ послѣ открытія памятника, когда вокругъ него, на огромномъ протяженіи, было зажжено безчисленное множество смоленыхъ вѣнковъ, которыхъ дрожашій свѣтъ отражался въ озерѣ; въ мѣсу свѣтились тысячи свѣчъ; танцевальная музыка гремѣла въ палаткахъ. Въ одно мгновеніе по всѣмъ окружнымъ холмамъ, во всѣхъ простѣнкахъ, запылали радостные огни, блестяшіе красными звѣздами въ ночномъ полумракѣ. Надъ озеромъ и по лугамъ, во всемъ воздухѣ было то невыразимое, упойтельное спокойствіе, которое свойственно только сѣверу и составляетъ принадлежность его ясныхъ лѣтнихъ ночей. Тыни стоявшихъ между памятникомъ и

церковью, скользил исполнами по красной стѣнѣ церкви, словно духи пришедшіе гостями на торжество.

Я возвратился домой. Въ этомъ году романъ мой «Импровизаторъ» былъ переведенъ на англійскій языкъ извѣстною писательницею Марією Гоунтъ, и былъ принятъ ея соотечественниками съ самыми лестными похвалами. За нимъ вскорѣ послѣдовали «O. Z.» и «Скрипачъ,» и, кажется, удостоились такого же хорошаго приѣма; за тѣмъ явился голландскій, а наконецъ и русскій переводъ «Импровизатора.» Со мною сбывалось то, о чемъ я никогда не смѣлъ мечтать; все мои сочиненія, казалось, родились подъ счастливою звѣздою. Когда писатель видитъ, какъ его мысли разносятся по свѣту, между столькихъ тысячъ людей, имъ овладѣваетъ и чувство радости и гордости, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой то невольный страхъ; ему становится страшно принадлежать такому множеству людей; доброе и высокое въ его сочиненіяхъ принесетъ хорошій плодъ; но вредное, ошибочное, если оно закралось въ его мысли, будетъ также разнесено по свѣту, можетъ также принести плодъ! Такое чувство, по крайпей-мѣрѣ, смѣсь радости и страха, овладѣваетъ мною каждый разъ какъ я узнаю, что моя счастливая звѣзда перенесла какое-либо мое сочиненіе чужому народу.

Путешествіе дѣйствуетъ на умственные силы какъ крѣпительныя ванны на тѣло, какъ волшебный напитокъ, поддерживающій вѣчную юность. Я чувствую потребность путешествія, не для того, чтобы искать матеріаловъ, какъ говорилъ одинъ рецензентъ, разбирая мой «Базаръ;» во мнѣ самомъ, въ моей душѣ нахожу я достаточный запасъ матеріалу, и жизнь слишкомъ коротка, чтобы истощить его; но для того, чтобы этотъ матеріалъ переносить на бумагу свѣжимъ и зрѣлымъ, нужна свѣжесть умственныхъ силъ, а путешествіе для меня, какъ я уже сказалъ, есть освѣжающее купаніе, послѣ котораго я становлюсь всегда какъ бы моложе, сильнѣе и свѣжѣе. При бережливомъ образѣ жизни, и при тѣхъ средствахъ, какія доставляютъ мнѣ мои труды, я могъ, въ послѣдніе годы, предпринять нѣсколько путешествій; самое радостное, самое свѣтлое изъ нихъ для меня то, въ которомъ пишется настоящая книжка; повсюду встрѣчаю я уваженіе, можетъ быть даже не соответствующее моему таланту, вездѣ вижу радушное, искреннее, дружеское расположеніе ко мнѣ. Счастье и радость, однимъ словомъ, слѣдуютъ за мною на каждомъ шагу. Въ глубокой благодарности моей къ Богу, который покровитель-

ствовалъ и теперь покровительствуетъ мнѣ, я заключу краткимъ очеркомъ послѣдняго года третій отдѣлъ моей жизни.

Мнѣ хотѣлось въ третій разъ посѣтить Италію, провести въ ней нѣкоторое время, чтобъ узнать югъ и въ лѣтнее время, и предполагая, въ случаѣ возможности, возвратиться оттуда черезъ Испанію и Южную Францію. Въ концѣ октября 1845 года выѣхалъ я изъ Копенгагена. Прежде, отправляясь въ путь, я думалъ: — «Боже, что суждено мнѣ встрѣтить на пути!» На этотъ же разъ всѣ мысли мои обращались къ друзьямъ, оставшимся въ моемъ отечествѣ; мало ли что можетъ случиться съ ними; въ одинъ годъ, сколько разъ могутъ дроги смерти воротиться къ воротамъ, и какія имена могутъ быть высѣчены на могильныхъ плитахъ? У насъ есть поговорка; когда по человѣку пробѣжитъ внезапный морозъ, мы говоримъ: «Смерть идетъ черезъ мою могилу!» но такой ли еще морозъ пробѣгаетъ по насъ, когда мысль наша идетъ по могиламъ нашихъ друзей!

Я пробылъ нѣсколько дней въ Глорупѣ, у графа Мольтке; въ сосѣднемъ провинціальномъ городѣ труппа кочующихъ актеровъ играла одну изъ моихъ пьесъ; но я не видалъ ея, мнѣ не стало духу даже на одинъ вечеръ разлучаться съ деревнею. Деревня не утрачиваетъ для меня своей красоты, своей поэзіи, даже въ глубокую осень; когда листья снадеть съ деревьевъ, но солнце свѣтитъ на зеленую траву и птички щебечуть, перелетая съ вѣтки на вѣтку, можно почти вообразить, что день весенній; такъ и въ жизни человѣка, бываютъ осенніе дни, въ которые сердце мечтаетъ еще о веснѣ. — Въ Одензе я пробылъ одинъ только день; здѣсь все мнѣ чужое, болѣе чужое, чѣмъ въ многочисленныхъ городахъ Германіи. И ребенкомъ жилъ я здѣсь одиноко, отчужденнымъ отъ остальныхъ дѣтей, и слѣдовательно нѣтъ у меня здѣсь друзей молодости; фамилии, съ которыми я былъ знакомъ, болѣею частью вымерли; новыя поколѣнія ходятъ по улицамъ, да и самыя улицы измѣнились. Бѣдныхъ могилъ отца и матери уже не отыскать было за множествомъ новыхъ могилъ, вырытыхъ на ихъ мѣстѣ. Все измѣнилось. Я вспомнилъ любимыя прогулки своего дѣтства, дачу, принадлежавшую прежде фамиліи Пверсеновъ; но прежніе хозяева были разсѣяны по разнымъ концамъ Даніи, и незнакомыя лица смотрѣли въ окна; сколько юношескихъ помысловъ и мечтаний было здѣсь высказано и выслушано! Одна молодая дѣвушка, которая тогда тихо и скромно сидѣла здѣсь, съ свѣтлымъ, кроткимъ взоромъ, и слушала первыя мои стихотворенія, когда я пріѣзжалъ сюда на лѣто школьни-

комъ изъ Слагельзе, теперь сидитъ еще тише и уединеннѣе среди шумнаго Копенгагена, и оттуда послала на судъ людей первыя свои произведенія. Ея нѣмецкій переводчикъ разсудилъ, что нѣсколько словъ отъ меня будутъ не лишними, чтобы подготовить нѣмецкую публику къ знакомству съ нею, и я, такой же чужестранецъ какъ она, но уже знакомый и обласканный, можетъ быть выше своихъ заслугъ, представилъ Германіи сочиненія скромной дѣвушки. Это Генриетта Ганкъ, авторъ «Тетушки Анны» и «Дочерей литератора»*. Я посетилъ мѣсто ея рожденія, гдѣ собирался нѣкогда небольшой кругъ, который первый порадовалъ меня снисходительнымъ вниманіемъ къ моимъ юношескимъ опытамъ. Но все тутъ было мнѣ чуждо, я самъ былъ чужой.

Герцогъ Аугустенбургскій, съ своимъ семействомъ, былъ въ это время въ своемъ загородномъ замкѣ, Гравенштейнѣ, онъ былъ извѣщенъ о моемъ пріѣздѣ, и тотъ же благосклонный, радушный пріемъ, который былъ сдѣланъ мнѣ прежде въ Аугустенбургѣ, возобновился и теперь. Я пробылъ въ Гравенштейнѣ двѣ недѣли, и это время было какъ бы предвѣстіемъ тѣхъ счастливыхъ минутъ, которыя готовились мнѣ въ Германіи. Мѣстоположеніе замка живописно въ высшей степени; огромные лѣса и обрывистые холмы безпрестанно перемежаются извилистыми морскими заливами и озерами. Самый туманъ осени придавалъ новую прелесть картинѣ, какой-то колоритъ незнакомый жителю острововъ. Все здѣсь является въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ на островахъ. Здѣсь я написалъ новую сказку «Маленькую разнощицу спичекъ», единственную вещь, какую я написалъ въ эту поѣздку. Съ сердцемъ полнымъ благодарности и съ приглашеніемъ чаще бывать въ Аугустенбургѣ и въ Гравенштейнѣ простился я съ мѣстомъ, гдѣ провелъ столько пріятныхъ дней.

Теперь дорога не идетъ уже извиистою полосою среди песковъ и болотъ; желѣзная дорога въ нѣсколько часовъ переноситъ путешественника изъ Рендсбурга въ Альтопу и Гамбургъ. Число моихъ знакомыхъ въ этихъ городахъ очень увеличилось въ послѣдніе годы; но почти все свободное время я проводилъ у своихъ давнишнихъ друзей графа Голька, министра резидента Бил-

* После того какъ были написаны эти строки, получилъ я извѣстіе изъ Даніи, что Генриетта Ганкъ умерла въ июль 1846 года. Это была истинно и глубоко поэтическая натура, и я утратилъ въ ней вѣрнаго друга; съ дѣтскихъ лѣтъ до самой смерти она дѣлила съ участіемъ родной сестры всѣ мои радости и горести.

ле, и у переводчика моихъ сказокъ Цейзе. Даровитый Шпектеръ изумилъ и обрадовалъ меня своими чудными, смѣлыми рисунками къ моимъ сказкамъ, у него было уже цѣлое собраніе, изъ котораго мнѣ было извѣстно до того времени только шесть пумеровъ. Личность его отличается тою-же смѣлостью, тою же свѣжестью и естественностью, которыя дѣлаютъ изъ каждаго его сочиненія вѣчто истинно художественное; живетъ онъ, кажется, въ патриархальномъ семействѣ, съ старикомъ отцомъ и съ сестрами, которыя также обладаютъ замѣчательными талантами и питаютъ къ нему самую нѣжную любовь. Однажды вечеромъ я вздумалъ идти въ оперу; оставалось четверть часа до представленія. Шпектеръ пошелъ со мною; поровнявшись съ красиво отдѣланнымъ домомъ, онъ остановилъ меня и сказалъ:—«Мы непременно должны зайти сюда; тутъ живетъ одно богатое семейство, мои друзья, и страшные охотники до вашихъ сказокъ; дѣти будутъ въ восторгѣ.»—«А опера»? замѣтилъ я.—«Мы пробудемъ не болѣе двухъ минутъ!» возразилъ онъ, и не давъ мнѣ опомниться, повлекъ меня въ домъ, назвалъ меня, и насъ тотчасъ окружила толпа дѣтей.—«Теперь расскажите сказку!» сказалъ Шпектеръ,—«Сказку, расскажите сказку, только одну!» раздалось со всѣхъ сторонъ; я долженъ былъ удовлетворить общее желаніе, и поспѣшилъ въ театр.—«Отличное посѣщеніе!» замѣтилъ я, выходя изъ дому.—«Отличное посѣщеніе, неоцѣненное!» кричалъ онъ, смѣясь;—представьте себѣ только, что дѣти на яву и во снѣ бредятъ Андерсеномъ и его сказками; и вдругъ, откуда ни возьмись, онъ самъ передъ вами на лицо, самъ рассказываетъ сказку, и—исчезъ! Да это своего рода сказка, и повѣрьте, что они ея не забудутъ!» И Шпектеръ такъ простодушно радовался своей выдумкѣ, что и мнѣ стало забавно.

Въ Ольденбургѣ уже приготовлена была для меня компанья, уютная и веселенькая. Совѣтникъ Фонъ-Эйзендекеръ и его милая жена, которыхъ я могу считать въ числѣ самыхъ искреннихъ моихъ друзей за границею, ждали меня; я обѣщалъ пробыть у нихъ двѣ недѣли, но время шло такъ незамѣтно, что я пробылъ гораздо долѣе; и неудивительно, какъ не засидѣться въ домѣ, гдѣ хозяйка такъ мила, и гдѣ собирается самое умное и образованное общество изъ всего города? Общительность и гостепримство въ этомъ небольшомъ городѣ доведены до высшей степени, а его театръ, хотя не даетъ ни оперъ, ни балетовъ,—одинъ изъ лучшихъ въ Германіи. Директоръ его, Галль, извѣстенъ знаніемъ своего дѣла и образованнымъ вкусомъ, и немалую пользу доста-

виль онъ театру, пригласивъ поэта Мозена. Благодаря послѣднему, имѣлъ я удовольствіе видѣть одно изъ классическихъ произведеній нѣмецкой драмы, Лессингова «Натава мудраго», въ которомъ главную роль исполнялъ Кайзеръ, столь-же умный и хорошій актеръ, какъ и превосходный чтець. Мозень наружною вѣсколко похожъ на Александра Дюма; такое-же полуафриканское лицо, такіе-же черные, сверкающіе глаза; и не смотря на тѣлесныя страданія, онъ полонъ жизни и огня, и мы съ нимъ скоро сошлись. Одна черта его малютки сына глубоко тронула меня. Онъ нѣсколько разъ съ большимъ вниманіемъ и участіемъ слушалъ, какъ я читалъ свои сказки, а когда я пришелъ проститься передъ отъѣздомъ и мать сказала ему, чтобы онъ подаль мнѣ руку, прибавявъ, что можетъ быть намъ нескоро придется опять встрѣтиться; мальчикъ залился слезами. Вечеромъ, Мозень подошелъ ко мнѣ въ театрѣ и сказалъ: — «У моего маленькаго Эрика есть два оловянныхъ солдата; одного изъ нихъ онъ поручилъ мнѣ отдать вамъ, чтобы вы взяли его съ собою путешествовать.» Оловянный солдатъ съ тѣхъ поръ сопровождалъ меня во все мое путешествіе, и служилъ мнѣ вѣрой и правдой; онъ родомъ турокъ, видалъ кое-что на свѣтѣ, и, можетъ быть, когда нибудь на досугѣ разскажетъ про свои странствія. Носвящая мнѣ своего «Юанна Австрійскаго», Мозень писалъ мнѣ:

Kam ein Vogel einst herüber
 Von der Nordsee müßtem Strand,
 Singend zog er mir vorüber
 Märchen singend durch das Land
 Fahre wohl, bring' deine Lieder
 Und dein Herz den Freunden wieder (*)!

Въ Ольденбургѣ же встрѣтилъ я Майера, который такъ живо, такъ привлекательно описалъ Неаполь и неаполитанцевъ; мои сказки такъ поправились ему, что онъ написалъ о нихъ большую статью на нѣмецкомъ языкѣ. Капельмейстеръ Поттъ и мой соотечественникъ Терндорфъ принадлежать къ числу моихъ самыхъ давнишнихъ друзей. Впрочемъ каждый день почти заводилъ я новыя знакомства, потому что все дома были мнѣ открыты, черезъ семейство, въ которомъ я жилъ. Самъ герцогъ былъ такъ

* Принеслась птичка съ бесплоднаго берега Балтики, повеселась съ пѣсней, напѣвала сказки. Добрый путь тебѣ! Но вернись къ своимъ друзьямъ, принеси имъ обратно свои пѣсни и сердце!

милостивъ ко мнѣ, что въ самый день моего приѣзда пригласилъ меня на придворный концертъ, и нѣсколько разъ удостоивалъ приглашенія къ обѣду; вообще я встрѣтилъ при ольденбургскомъ дворѣ такой благосклонный приемъ, какого я иностранный литераторъ, никакъ не ожидалъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось читать свои сказки у Эйзендекера и у родителей моего друга Болье, у ольденбургскаго тайнаго совѣтника Болье. На датскомъ языкѣ могу я читать ихъ какъ слѣдуетъ, придавая имъ надлежащей колоритъ; притомъ въ самомъ языкѣ датскомъ есть какая-то особенная сила, которой не можетъ передать никакой переводъ; датскій языкъ какъ-то особенно усвоенъ датской поэзiи, и составляетъ почти необходимое ея условіе. Но тутъ я долженъ былъ читать свои сказки по-нѣмецки, и онѣ были мнѣ какъ-то чужды; я не могъ вложить своей датской души въ нѣмецкія слова, да и произношеніе мое въ нѣмецкомъ языкѣ слишкомъ мягко; есть слова, для которыхъ я долженъ дѣлать усиліе, чтобы выговорить ихъ. Не смотря на то, меня въ Германіи вездѣ заставляли читать свои сказки, и вездѣ слушали ихъ съ восхищеніемъ; я почти готовъ думать, что мой чужестранный выговоръ шелъ къ сказкамъ, ибо въ чужестранномъ выговорѣ есть нѣчто, подходящее къ дѣтскому лепету, и слѣдовательно при чтеніи сказки онъ можетъ придавать ей болѣе естественный колоритъ. Вездѣ самые замѣчательные литераторы и артисты, самыя умныя и образованныя женщины съ удовольствіемъ слушали мои сказки, а я охотно удовлетворялъ ихъ желаніе. Я долженъ былъ читать ихъ и у великаго герцога Ольденбургскаго, передъ небольшимъ кружкомъ приближенныхъ; это былъ первый случай, что я ихъ читалъ передъ чужестраннымъ дворомъ и на чужомъ языкѣ.

Между-тѣмъ наступила уже зима; луга, залитые водою и образовавшіе огромныя озера вокругъ города, покрылись толстымъ слоемъ льду, по которому носилась во всеѣхъ направленіяхъ толпа катающихся на конькахъ. А я все еще сидѣлъ въ Ольденбургѣ, все еще не могъ оторваться отъ своихъ гостеприимныхъ хозяевъ. Непримѣтно проходили дни и вечера, приближался праздникъ Рождества, а я предполагалъ быть къ этому времени въ Берлинѣ. Но что такое разстоянія въ нашъ вѣкъ! нынче желѣзная дорога переноситъ васъ въ одинъ день изъ Ганновера въ Берлинъ! Наконецъ я расстался съ друзьями, стариками и дѣтьми, которые были мнѣ равно милы. Передъ отъѣздомъ я былъ обрадованъ самымъ неожиданнымъ образомъ, получилъ отъ великаго герцога богатый перстень въ знакъ его благосклонности и на

память объ Ольденбургѣ. Я буду вѣчно хранить его, какъ храню всякое воспоминаніе о странѣ, въ которой я нашелъ вѣрныхъ и добрыхъ друзей.

Въ предъидущее свое пребываніе въ Берлинѣ, я, какъ авторъ «Импровизатора,» былъ приглашенъ въ итальянское общество, состоящее исключительно изъ лицъ, бывавшихъ въ Италіи. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ Рауха, который, своими съдыми волосами и сильнымъ, мужественнымъ тѣлосложеніемъ живо напомнилъ мнѣ Торвальдсена. Никто не вызвался представить меня ему, а я не хотѣлъ навязывать своего знакомства и потому, какъ другіе незнакомцы, одинъ бродилъ по его мастерской. Но послѣ того я познакомился съ нимъ у прусскаго посланника въ Копенгагенѣ; и теперь, пріѣхавъ въ Берлинъ, поспѣшилъ къ нему. Онъ былъ въ восторгѣ отъ моихъ сказокъ, обнялъ меня и осыпалъ меня похвалами, искренними, хотя и слишкомъ восторженными, чтобы мой талантъ могъ ихъ заслуживать. Такія свѣтлыя минуты въ жизни писателя выкупаютъ много годовъ унынія и горя. Раухъ первый привѣтствовалъ меня въ Берлинѣ, и сказалъ мнѣ, какое множество друзей я могъ считать въ прусской столицѣ, и что все они обрадуются моему пріѣзду. Я убѣдился на дѣлѣ, что слова его были справедливы; эти друзья были первыя лица въ Берлинѣ по званію, по заслугамъ своимъ въ наукѣ или въ искусствѣ: Александръ Гумбольдтъ, князь Радзивиллъ, Савиньи и многіе другіе. Еще въ прежній пріѣздъ свой я посѣтилъ братьевъ Гримовъ, но тогда не успѣлъ коротко познакомиться съ ними. Я не запасся рекомендательнымъ письмомъ къ нимъ, потому что мнѣ говорили, да и самъ я думалъ, что если кто-либо знаетъ меня въ Берлинѣ, то именно братья Гримы. Я отправился къ нимъ на квартиру; служанка спросила меня, котораго изъ нихъ я желаю видѣть. — «Того, который болѣе писалъ,» отвѣчалъ я, потому-что я въ то время и самъ не зналъ, который изъ нихъ болѣе занимался народными сказками. — «Яковъ Гримъ самый ученый изъ обоихъ» сказала служанка. — «Ну, такъ веди меня къ нему,» отвѣчалъ я. Я вошелъ въ комнату и увидѣлъ передъ собою умное, характеристическое лицо Якова Грима. — «Я являюсь къ вамъ безъ рекомендательнаго письма, надѣясь, что мое имя вамъ не совѣтъ безызвѣстно,» сказалъ я. — «Кто же вы?» спросилъ онъ. Я сказалъ ему свое имя, и Яковъ Гримъ отвѣчалъ мнѣ въ нѣкоторомъ смущеніи: — «Я не помню, чтобы когда либо слышалъ это имя; позвольте спросить, что вы написали?» Можно себя представить, какъ

смущалъ меня такой отвѣтъ; я назвалъ одну изъ своихъ сказокъ. — «Не знаю, сказалъ Гримъ; назовите что-либо другое изъ своихъ сочиненій, вѣрно я слыхалъ о нихъ.» Я назвалъ другое, третье; онъ только качалъ головой; я готовъ былъ провалиться сквозь землю. — «Что вы должны подумать обо мнѣ, сказалъ я, что я пришелъ къ вамъ, совершенно незнакомый, перечислять свои сочиненія! Не можетъ быть, чтобы вы не слыхали и не видали моего имени: есть собраніе сказокъ всѣхъ народовъ, изданное въ Давиц, и посвященное вамъ; въ немъ есть по-крайней-мѣрѣ одна сказка моего сочиненія.» Добродушно, но не менѣе меня смущенный, отвѣчалъ онъ: — «Я ихъ не читалъ, впрочемъ мнѣ весьма пріятно съ вами познакомиться; позвольте свести васъ къ моему брату.» — «Нѣтъ, благодарю», отвѣчалъ я, боясь, что съ другимъ братомъ будетъ сцена въ такомъ же родѣ, и потому желая скорѣе убраться, чтобы не попасть изъ огня да въ полымя; я пожалъ его руку и поспѣшно удалился. Съ мѣсяцъ спустя Яковъ Гримъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ и тотчасъ пришелъ ко мнѣ, не давъ себѣ даже времени переодѣться. Онъ уже зналъ меня, и спѣшилъ загладить непріятное воспоминаніе нашего берлинскаго свиданія. Но я въ это время укладывался въ дорогу, чтобы ѣхать въ провинцію, у меня не было ни минуты лишней, и потому пріемъ мой былъ почти такъ-же коротокъ, какъ его пріемъ въ Берлинѣ. Теперь же мы встрѣтились уже какъ старые знакомые. Яковъ Гримъ принадлежитъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ нельзя узнать коротко, чтобы не полюбить ихъ и не привязаться къ нимъ.

Однажды вечеромъ я читалъ одну изъ своихъ сказокъ у графини Бисмаркъ-Боленъ; изъ небольшого круга гостей одинъ слушалъ съ особеннымъ участіемъ и высказывалъ чрезвычайно дѣльные и оригинальныя замѣчанія о народной сказкѣ вообще; это былъ братъ Якова, Вильгельмъ Гримъ. — «Я призналъ бы васъ, еслибъ вы пришли ко мнѣ, въ прошлую свою побывку въ Берлинѣ», сказалъ онъ. Послѣ того, я видался почти каждый день съ обоими братьями; они были, повидному, своими людьми въ тѣхъ домахъ, въ которые я былъ приглашаемъ; и мнѣ невыразимо лестно и отрадно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали мои сказки, съ какимъ участіемъ слѣдили за ними два ученые, которыхъ имена и слава не погибнуть до тѣхъ поръ, пока будутъ читаться нѣмецкія народныя сказки. Первое мое свиданіе съ Гримомъ, когда онъ не призналъ меня, такъ меня огорчало, что когда мнѣ говорили о прекрасномъ пріемѣ сдѣлан-

номъ мнѣ въ Берлинѣ, я качалъ головою и отвѣчалъ: — «Гримъ, однако, не призналъ меня.»

Когда я пришелъ къ Тику, мнѣ сказали, что онъ боленъ и никого не принимаетъ, и я оставилъ только свою карточку. Нѣсколько дней спустя былъ я въ одномъ домѣ, гдѣ праздновали день рожденія Рауха, и встрѣтился тутъ съ скульпторомъ Тикомъ, который сказалъ мнѣ, что братъ его на дняхъ ждалъ меня цѣлыхъ два часа къ обѣду. Я отправился къ нему и узналъ, что онъ дѣйствительно посылалъ мнѣ приглашеніе, которое ошибкою было отнесено не въ ту гостиницу, гдѣ я стоялъ. Приглашеніе было возобновлено, и я имѣлъ случай провести нѣсколько пріятныхъ часовъ въ обществѣ историка Раумера и вдовы и дочери Штефенса. Въ рѣчи Тика есть какая-то музыкальность, въ его умѣ взоръ — простодушіе и чистосердечіе, которыя не только не убавляются съ лѣтами, но пожалуй даже становятся еще разительнѣе. Его «Эльфы» едва ли не лучшая изъ всѣхъ сказокъ, написанныхъ въ нашъ вѣкъ, и еслибъ Тикъ не написалъ ничего другаго, ея было бы достаточно, чтобы передать его имя потомству. Какъ сочинитель сказокъ, я преклоняюсь передъ нимъ, какъ передъ своимъ учителемъ и образцомъ, первымъ нѣмецкимъ поэтомъ, который, много лѣтъ назадъ, осѣнялъ меня и благословилъ на тотъ же путь, который онъ прошелъ самъ.

Пріѣхавъ въ Берлинъ на короткое время, я обязанъ былъ повидаться со всѣми своими старыми друзьями, въ тоже время число новыхъ знакомствъ возрастало съ каждымъ днемъ, приглашеніе слѣдовало за приглашеніемъ, такъ что подъ конецъ потребенъ былъ порядочный запасъ физической силы, чтобы выдержать это гостепрѣмство. Педѣли три пробылъ я въ Берлинѣ, но съ каждымъ днемъ мнѣ казалось, что время шло быстрѣе; чтобы немощно отдохнуть отъ праздниковъ и приглашеній, мнѣ слѣдовало бы сѣсть въ вагонъ и уѣхать, не сказавъ никому ни слова. А между тѣмъ, при этомъ множествѣ приглашеній, при этихъ всеобщихъ стараніяхъ занять меня и доставить мнѣ удовольствіе, выпалъ одинъ вечеръ, который я долженъ былъ провести въ самомъ тяжкомъ одиночествѣ. Это былъ сочельникъ на Рождество, вечеръ, который я съ дѣтства привыкъ праздновать, въ который я люблю видѣть ярко освѣщенную елку, радоваться радости дѣтей и родителей. Изъ множества друзей, у которыхъ я былъ въ домѣ какъ родной, никто не рѣшился, какъ я узналъ впоследствии, звать меня, полагая, что я отозванъ въ другое мѣсто. Такимъ образомъ вышло, что я просидѣлъ одинъ въ своей

комнатѣ, въ гостиницѣ, размышляя о роднѣхъ; я сѣлъ къ отворенному окну, и сталъ любоваться звѣзднымъ небомъ. Это была моя рождественская елка. Когда друзья мои узнали, какъ грустно я провелъ сочельникъ, всѣ поспѣшили вознаградить меня, приготовивъ нарочно для меня вторую елку. Это повторялось каждый вечеръ; и послѣдняя, наканунѣ самаго новаго году, была у Женни Линдъ. На этой елкѣ было только три лица: Женни Линдъ, ея компаньонка и я; всѣ трое дѣти сѣвера, а я былъ тѣмъ малюткою, для котораго была зажжена елка. Съ участіемъ родной сестры радовалась Женни Линдъ моему счастью въ Берлинѣ, и я могъ справедливо гордиться дружбою такого высокаго и благороднаго существа. Повсюду слышалъ я самые восторженные отзывы о ней, не только какъ объ артисткѣ, но и какъ о женщинѣ; это соединеніе таланта и величія души возбуждали энтузіазмъ во всѣхъ, кто имѣлъ случай узнать ее.

Невыразимо отрадно становится душѣ, когда видишь, что и другіе понимаютъ и любятъ то, что мы сами считаемъ достойнымъ любви и уваженія. Вотъ анекдотъ къ исторіи торжества Женни Линдъ. Однажды утромъ, сидя у своего окна, выходившаго подъ лпцы, я увидѣлъ человѣка, довольно дурно одѣтаго, который, спрятавшись за деревомъ, вынулъ изъ кармана щетку, пригладилъ волоса, потомъ поправилъ платокъ на шеѣ и почистилъ свое платье рукавомъ; мнѣ знакома эта бѣдность, стыдящаяся своей поношенной одежды. Минуту спустя, кто-то постучался въ мою дверь, и тотъ же самый человѣкъ вошелъ ко мнѣ; это былъ самородный поэтъ В., бѣдный портной по званію, но обладающій рѣдкимъ поэтическимъ талантомъ; Рельштабъ и нѣкоторые другіе берлинскіе критики отзываются о немъ съ большимъ почтеніемъ; стихотворенія его всегда проникнуты здоровою, живою мыслию, а нѣкоторыя полны глубокаго религіознаго чувства. Онъ узналъ изъ газетъ, что я въ Берлинѣ, и рѣшился посѣтить меня. Въ рѣчахъ его было столько довольствія своею судьбою, столько безропотной покорности волѣ Провидѣнія, столько безкорыстной любви къ ближнему, что мнѣ стало больно, что собственное мое скромное состояніе не позволяло мнѣ улучшить его положеніе; то, что я могъ бы для него сдѣлать, было такъ ничтожно, что я не осмѣлъ бы предложить ему. Мнѣ хотѣлось, однако, хоть доставить ему нѣкоторое удовольствіе такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ этимъ обидѣться, и я просилъ у него позволенія пригласить его послушать Женни Линдъ. — «Я уже слышалъ ее, отвѣчалъ онъ съ улыбкою; денегъ на покупку би-

лета, у меня, конечно, не было; но я упрямилъ старшаго статиста при театрѣ позволить мнѣ занять на одинъ вечеръ должность статиста въ «Нормѣ;» меня одѣли римскимъ ратникомъ, привѣсили мнѣ предлинный бердышъ, и пустили меня на сцену, гдѣ я слышалъ ее лучше всѣхъ, потому что былъ подлѣ нея. А какъ она пѣла! какъ играла! Я не могъ удержаться отъ слезъ, за что на меня очень сердился; старшій статистъ выбранилъ меня и объявилъ, что никогда уже не пустить меня на сцену, потому что онъ на сценѣ разчувствоваться не позволяетъ.»

За исключеніемъ театра, я въ этотъ прїѣздъ свой въ Берлинъ не былъ ни въ какомъ публичномъ мѣстѣ, у меня едва даже оставалось времени для посѣщенія художественныхъ галерей и другихъ собраній. Только благодаря стараніямъ директора, ученаго и любезнаго Ольфера, могъ я пройти наскоро по музеуму. Мы останавливались только передъ самыми замѣчательными предметами, которыхъ тутъ не мало; а любопытныя объясненія Ольфера, который вызвался самъ быть моимъ проводникомъ, прибавили двойную цѣну этой непродолжительной прогулкѣ.

Я имѣлъ нѣсколько разъ счастье получать приглашенія отъ принцессы Прусской. Флигель дворца, который она занимаетъ,—настоящій волшебный замокъ. Роскошный зимній садъ, въ которомъ фонтанъ журчитъ среди моху, у подножія статуи, примыкаетъ къ самымъ покоямъ ея милыхъ дѣтей. Передъ отъѣздомъ моимъ, Принцесса подарила мнѣ богато переплетенный альбомъ, въ которомъ на первомъ листкѣ было изображеніе ея дворца съ ея собственноручною подписью, и который я храню, какъ величайшую драгоценность; даръ получаетъ двойную цѣну отъ того какимъ образомъ онъ дается. Однажды утромъ я имѣлъ честь читать ей нѣкоторыя изъ своихъ сказокъ, и слушателями моими, кромѣ нея, были ея супругъ и князь Пюклеръ-Мускау.

Нѣсколько дней спустя по прїѣздѣ моемъ въ Берлинъ я былъ приглашенъ къ королевскому столу; какъ изъ всѣхъ гостей я всего болѣе былъ знакомъ съ Гумбольдтомъ, и самъ онъ оказывалъ мнѣ чрезвычайное расположеніе, то меня посадили подлѣ него. Онъ будетъ всегда незабвененъ для меня не только по своему высокому значенію въ ученomъ мїрѣ, но и по своему простому, милому обращенію, по дружбѣ, которую онъ оказывалъ мнѣ и словомъ и дѣломъ во все время моего пребыванія въ Берлинѣ.

Король также принялъ меня очень мило, и сказалъ мнѣ, что освѣдомлялся обо мнѣ въ бытность свою въ Копенгагенѣ,

но я былъ въ отъѣздѣ; потомъ онъ говорилъ мнѣ, что съ большимъ удовольствіемъ читалъ моего «Скрипача.» Королева также изъясляла много благосклонности ко мнѣ и къ моимъ сочиненіямъ. Послѣ того я былъ однажды приглашенъ въ Потсдамъ, и этотъ счастливый вечеръ никогда не изгладится изъ моей памяти. Кромѣ дежурныхъ придворныхъ были тутъ только Гумбольдтъ и я. Меня посадили къ столу ихъ величествъ, на то самое мѣсто, замѣтила королева, на которомъ сидѣлъ пѣкогда Эленшлегеръ и читалъ свою трагедію «Дину.» Я прочелъ четыре мои сказки: «Сосну», «Непригожую утку», «Мячъ и волчокъ» и «Свинопаса.» Король слушалъ съ большимъ вниманіемъ, и все сужденія его показывали человѣка, хорошо знакомаго съ литературою. Онъ рассказывалъ, какъ восхитила его датская природа, и какъ доволенъ онъ остался исполненіемъ одной комедіи Гольберга. Въ королевскихъ покояхъ было мнѣ такъ пріятно, на меня смотрѣли съ такимъ очевиднымъ благорасположеніемъ, что возвратившись въ тотъ вечеръ домой, я долго не могъ уснуть отъ сладостнаго волненія; мнѣ казалось, что я живу среди сказки. Всю ночь звонили колокола на церковной башнѣ, и музыка ихъ присоединялась къ моимъ мыслямъ, и сладко ублаживала меня.

Наканунѣ отъѣзда я получилъ новое свидѣтельство милости и благорасположенія короля: онъ пожаловалъ мнѣ орденъ краснаго орла, третьей степени. Такой знакъ почета долженъ, конечно, обрадовать каждаго, кто его получаетъ; я признаюсь откровенно, что эта милость привела меня въ восторгъ, потому что я видѣлъ въ ней доказательство расположенія ко мнѣ просвѣщеннаго монарха, и сердце мое наполнилось искреннею благодарностью. Я получилъ орденъ какъ разъ въ день рожденія Коллина, шестаго января, такъ что этотъ день сталъ мнѣ двойнѣ праздникомъ.

Послѣдній вечеръ свой въ Берлинѣ я провелъ въ небольшомъ кругу самыхъ близкихъ друзей, мужчинъ и женщинъ, большею частію молодыхъ; за ужиномъ пили за мое здоровье, читали прощальное стихотвореніе подъ названіемъ «Сказочникъ»; далеко за полночь возвратился я домой, а рано утромъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ.

Я рассказалъ часть тѣхъ свидѣтельствъ уваженія и благосклонности, которыми меня осыпали въ Берлинѣ; когда я вспоминаю о нихъ, я представляю себя какъ человѣка, который въ большомъ собраніи получилъ значительную сумму денегъ на опредѣленную полезную цѣль, и съ котораго потребуется отчетъ въ употре-

блея ея. Я могъ-бы присоединить еще многія имена, напримеръ Теодора Мюгге, Гейбеля, Геринга, и проч.; но еслибъ пересчитывать всѣхъ, содѣйствовавшихъ къ тому, чтобы эти три педѣли остались въ моей памяти въ числѣ счастливейшихъ эпохъ моей жизни, конца не было бы счету. Я только молю Бога, чтобы онъ даровалъ мнѣ силу на то, что я долженъ совершить послѣ огромнаго задатка поощренія, полученнаго мною.

Послѣ однихъ сутокъ пути, былъ я уже опять въ Веймарѣ, у наследнаго герцога. И пріемъ его снова доказалъ мнѣ, какимъ прекраснымъ сердцемъ, какимъ благороднымъ стремленіемъ ко всему высокому и прекрасному Провидѣніе надѣлило этого молодого принца. Я не нахожу словъ, чтобы высказать всѣ милости, которыми я былъ осыпанъ семействомъ великаго герцога во время пребыванія моего въ Веймарѣ, но сердце мое вполне чувствуетъ цѣну благосклонностей, которыя были мнѣ постоянно являемы высокимъ семействомъ и на придворныхъ праздникахъ и въ его домашнемъ кругу.

Больше заботился обо мнѣ какъ родной братъ, никогда не забуду очаровательныхъ вечеровъ, которые мы провели вмѣстѣ, въ дружеской, откровенной бесѣдѣ. Старыя друзья мои не измѣнились; къ нимъ присоединились нѣкоторые новые, Шель, Шоберъ и другіе. Женни Линдъ также пріѣхала въ Веймаръ, и я нѣсколько разъ имѣлъ счастье слышать ее въ придворныхъ концертахъ и на театрѣ. Съ нею посѣщалъ я мѣста, озаменованныя именами Шиллера и Гёте, съ нею и съ канцлеромъ фонъ-Мюллеромъ, посѣтилъ я еще разъ ихъ могилы. Здѣсь встрѣтился мы въ первый разъ съ австрійскимъ поэтомъ Роллетомъ, и онъ написалъ по этому случаю хорошенькое стихотвореніице, которое всегда будетъ служить мнѣ воспоминаніемъ объ этомъ днѣ и мѣстѣ. Мы любимъ вкладывать въ свои книги цвѣты, напоминающіе намъ радостныя минуты нашей жизни; какъ цвѣтокъ, вложу я въ свою книгу его стихи:

29 января 1846.

Märchenrose, die du oftmal
 Mich entzückt mit süßem Duft,
 Sah dich ranken um die Särge
 In der Dichtersfürsten gruft.
 Und mit dir an jedem Sarge
 In der Todtenstillen Hall'

Sah ich eine schmerzenthüchte
 Träumerische Nachtigall.
 Und ich freute mich im Stillen
 War in tiefster Brust enthücht,
 Daß die dunkeln Dichtersfärge
 Spät noch solcher Zauber schmücht.
 Und das Duften deiner Rose
 Wogte durch die Todtenhall'
 Mit der Wehmuth daß im Trauer
 Stummigewordnen Nachtigall *.

На одномъ пріятельскомъ собраніи у Фрарина встрѣтился я въ первый разъ съ Адербахомъ, который въ это время находился временно въ Веймарѣ. Его деревенскіе рассказы всегда интересовали меня въ высшей степени; я считаю ихъ самымъ поэтическимъ, самымъ благотворнымъ и отраднымъ явленіемъ въ новейшей нѣмецкой литературѣ. Личность его произвела на меня такое же пріятное впечатлѣніе; во всемъ его обращеніи есть нѣчто такое открытое и простое, глаза его такъ блестятъ умомъ и прямотушіемъ, что онъ самъ, такъ сказать, олицетворенный деревенскій рассказъ, полный здраваго ума и наивной смысленности; мы скоро стали друзьями, и, надѣюсь, останемся друзьями навсегда. Пребываніе мое въ Веймарѣ было продолжительнѣе, чѣмъ я предполагалъ и съ каждымъ днемъ становилось мнѣ труднѣе вырваться изъ этого милаго города. Наконецъ, выждавъ день рожденія великаго герцога, въ который я былъ приглашенъ на всѣ устроенныя по этому случаю празднества, я на слѣдующій же день выѣхалъ изъ Веймара, потому что я хотѣлъ непременно къ Свѣтлому Воскресенію поспѣть въ Римъ. Передъ самымъ отъѣздомъ, рано утромъ, я былъ въ послѣдній разъ у великаго герцога, и съ глубокимъ волненіемъ простился съ нимъ. Я никогда не забуду, какъ высоко надо мною поставило его роженіе; но тѣмъ не менѣе смѣло скажу, то, что онъ позволяетъ сказать о себѣ самому бѣднѣйшему и ничтожнѣйшему изъ своихъ под-

* Роза сказки, столько разъ восхищавшая меня своимъ чуднымъ ароматомъ, я видѣлъ тебя, обвиненную около могилы великаго поэта. И подлѣ тебя въ мирной обители, надъ двумя могилами, видѣлъ я грустнаго, мечтательнаго соловья. И возрадовалась душа моя, что это очарованіе до сихъ-поръ не оставило могилы поэтовъ. Ароматъ твоей розы вѣялъ въ мирной обители, съ грустной думой смолкшаго въ печали соловья.

данныхъ: что я люблю его, какъ лучшаго своего друга. Да благословить и наградить Богъ его высокое стремленіе! въ его груди бьется прекраснѣйшее сердце.

Болье проводилъ меня до Іены. Здѣсь ожидало меня трогательное гостепрїимство въ домѣ, полномъ самыхъ восхитительныхъ воспоминаній о Гётевомъ времени: именно у книгопродавца Фромана, котораго сестра оказывала мнѣ столько искренняго участія въ Берлинѣ. Братъ въ этомъ отношеніи не отсталъ отъ сестры. Голштинецъ Михельсонъ, бывшій въ это время профессоромъ въ Іенѣ, собралъ множество друзей, чтобъ праздновать мой прїѣздъ, предложилъ тостъ въ мою честь, и въ умной, увлекательной рѣчи представилъ значеніе датской литературы и ея оригинальныя свойства, здоровое направленіе и вѣрность природы. У Михельсона познакомился я съ профессоромъ Газе, который, выслушавъ нѣкоторыя изъ моихъ сказокъ, изъявилъ самое лестное мнѣніе о моемъ талантѣ; доказательствомъ этого могутъ служить нѣсколько строкъ, которыя онъ тогда же написалъ въ моемъ альбомѣ: «Шеллингъ, — не нынѣшній Берлинскій Шеллингъ, а безсмертный герой въ духовной сферѣ, — сказалъ нѣкогда: «Природа есть духъ, облеченный въ осязательную форму.» Этотъ духъ, эта невидимая природа являлась мнѣ вчера вечеромъ наглядно, въ вашихъ сказкахъ; какъ вы, съ одной стороны, такъ глубоко проникаете въ тайвы природы, понимаете говоръ птицъ и знаете задушевную думу ели и полевой маргаритки, что кажется будто цѣль существованія каждаго существа заключается въ немъ самомъ, и мы, съ своими дѣтьми принимаемъ участіе въ его радостяхъ и горестяхъ, такъ точно, съ другой стороны, все твореніе есть образъ духа, и во всемъ бьется и трепещетъ человѣческое сердце съ его безконечностью. Пусть этотъ ключъ бьетъ еще нѣкоторое время, съ тою-же свѣжестью и полнотою жизни, изъ поэтическаго сердца, вложеннаго въ васъ Богомъ, и ваши сказки, въ памяти германскихъ племенъ обратятся въ народныя сказанія.»

Все къ чему я долженъ стремиться, какъ сочинитель сказокъ, заключено въ этихъ немногихъ строкахъ.

Профессору Газе и геніальному импровизатору, Іенскому профессору Вольфу обязанъ я преимущественно изданіемъ полного собранія моихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ. По прїѣздѣ своемъ въ Лейпцигъ, я удѣлилъ нѣсколько часовъ отъ своего путешествія дѣламъ, чтобы привести свои сочиненія въ порядокъ, и столица книжной торговли отпустила меня съ подаркомъ, все-

гда пріятнымъ для человѣка, живущаго своимъ трудомъ: съ щедрымъ вознагражденіемъ. Это была, впрочемъ, не единственная радость, доставшаяся мнѣ въ Лейпцигѣ. Я увидѣлся опять съ добрымъ Брокгаузомъ и провелъ много восхитительныхъ часовъ съ гениальнымъ Мендельсономъ, много разъ слышалъ его игру, его импровизацію, читалъ его поэтическую душу въ его взорахъ; я рѣдко видалъ людей, въ лицѣ которыхъ такъ ярко отражался бы гений. Милая и кроткая жена и прелестные дѣти оживляютъ его домъ, въ которомъ богатство соединяется съ духовными наслажденіями искусства. Когда опъ подшучивалъ надо мною за апста, который такъ часто является въ моихъ сочиненіяхъ, въ словахъ его было что-то столь милое, столь дѣтски простодушное что, казалось мнѣ, каждый, кто просидѣлъ-бы съ нимъ нѣскольکو минутъ, былъ бы плененъ этою истинно-поэтическою душою.

Я видѣлся также съ своимъ соотечественникомъ Гаде, котораго сочиненія возбудили такой всеобщій восторгъ во всей Германіи; я привезъ ему новое оперное либретто, которое я написалъ для него, и которое надѣюсь видѣть со временемъ на нѣмецкихъ театрахъ. Гаде уже прежде написалъ музыку къ моей драмѣ «Агнета» и музыка его имѣла огромный успѣхъ. Адербахъ, съ которымъ я съѣхался и здѣсь, познакомилъ меня съ нѣкоторыми очень милыми семействами, съ композиторомъ Калливолюю и съ даровитымъ журналистомъ Кюне, котораго малютка очень полюбилъ меня за мои сказки.

Пріѣхавъ въ Дрезденъ, я поспѣшилъ немедленно къ своей старой и доброй покровительницѣ, баронессѣ фонъ-Декенъ, которая встрѣтила меня съ непритворною радостью, какъ давно невиданнаго друга, такой-же радостный пріемъ ожидалъ меня у Даля. Я видѣлся также съ своимъ римскимъ другомъ, живописцомъ словомъ и красками, Рейнекомъ, и съ гениальнымъ Бендеманомъ; профессоръ Граль снялъ съ меня портретъ. Одного только изъ моихъ старыхъ друзей я не досчитался, — поэтъ Брунова; прекрасные цвѣты, украшавшіе комнату, въ которой онъ принималъ меня въ послѣдній разъ съ такимъ некренимъ радушіемъ, цвѣли теперь на его могилѣ. Страшное чувство наполняетъ душу, когда подумаешь о человѣкѣ, съ которымъ пришлось встрѣтиться одинъ разъ на пути жизни, побесѣдовать съ нимъ и полюбить его, и за тѣмъ быть разлученнымъ съ нимъ до того времени, когда наступитъ конецъ пути для обоихъ.

Чрезвычайно пріятный вечеръ провелъ я въ королевскомъ семействѣ, которое приняло меня очень милостиво. И тутъ я ви-

дѣль счастливую картину семейной жизни ; мы были окружены милыми дѣтьми принца Юганва. Меньшая изъ принцессъ, маленькая дѣвочка, узнавъ, что я авторъ сказки о «Ели», довѣрчиво подошла ко мнѣ и вступила со мною въ разговоръ, начавъ тѣмъ, что и у нея, на Рождество, стояла здѣсь ель. Потомъ, когда ее увели спать, простившись съ родными, она еще разъ остановилась въ дверяхъ и дружески кивнула мнѣ. Моя сказка «Гольгеръ Дапекъ» навела разговоръ на неистощимый кладъ древнихъ сагъ, которымъ обладаетъ сѣверъ ; я разсказалъ нѣкоторыя изъ нихъ, объясняя особенности и красоты датской природы. И здѣсь въ королевскомъ дворцѣ, какъ при дворѣ Веймарскомъ, не видно ни слѣда обременительнаго этикета.

Послѣдній вечеръ въ Дрезденѣ я провелъ у умнаго и любезнаго министра Фовъ-Кенверца.

Яркое и теплое солнце возвѣщало скорое наступленіе весны, когда я выѣзжалъ изъ города. Мысли мои соединяли въ одну общую картину всѣхъ, доставившихъ мнѣ столько счастья и удовольствія въ мое краткое пребываніе. Вокругъ меня природа привѣтствовала весну, и весна озаряла мое сердце.

Въ Прагѣ былъ у меня только одинъ знакомый, профессоръ Визенфельдтъ ; по письму доктора Каруса, изъ Дрездена, доставило мнѣ входъ къ графу Тууу. Эрцгерцогъ Стефанъ принялъ меня также очень ласково, и я нѣсколько часовъ наслаждался его умною и приятною бесѣдою. Впрочемъ я выѣхалъ изъ Праги въ очень интересную минуту, когда войска, стоявшія здѣсь нѣсколько лѣтъ безвыходно, сѣли въ вагоны, чтобы отправляться по желѣзной дорогѣ въ Галицію. Весь городъ былъ на ногахъ, чтобы прощаться съ друзьями и знакомыми ; по улицѣ, ведущей къ станціи, почти невозможно было продаться ; нѣсколько тысячъ солдатъ сѣли въ вагоны. Наконецъ все ушло, и поѣздъ тронулся. Кругомъ, склонъ горы былъ усеянъ пародомъ ; онъ пестрѣлъ, какъ богатѣйшій турецкій коверъ головами, мужскими, женскими, дѣтскими, махавшими шляпами и платками. Никогда еще не случалось мнѣ видѣть такой массы народу ; это картина, которой нельзя и описать. Всю ночь ѣхали мы черезъ Богемію ; во всѣхъ городахъ собирался около поѣзда толпы людей ; казалось, весь народъ провожалъ насъ. Смуглыя лица, пестрая, по большей части дырявая одежда, факлы, непонятный мнѣ языкъ, все это придавало самый оригинальный характеръ зрѣлищу. Мы летѣли черезъ тунели и по насыпямъ, окна дребезжали, паровозъ

давалъ сигнальные свистки, фыркалъ и пыхтѣлъ, — наконецъ я приклонилъ голову къ рамѣ и отдался подъ охраненіе морфея.

Въ Ольмюцѣ, гдѣ насъ пересадили въ другіе экипажи, чей-то голосъ произнесъ мое имя: это былъ Вальтеръ Геме; мы всю ночь просидѣли въ одной каретѣ, не подозрѣвая того. Въ Вѣнѣ видались мы безпрестанно. Внуцата Геме, и композиторъ и поэтъ, обладаютъ истиннымъ, огромнымъ талантомъ; но слава и величіе дѣла, какъ будто давятъ и пугаютъ ихъ. Листъ былъ въ это время также въ Вѣнѣ и пригласилъ меня на свой концертъ, на который иначе мнѣ не добиться бы билета: я еще разъ слышалъ его фантазію изъ Роберта, слышалъ его волшебную игру, которая изумляетъ и потрясаетъ фантазію, какъ вихрь носящійся по струнамъ. Засталъ я въ Вѣнѣ и Эрнста; когда я пришелъ къ нему, онъ схватилъ скрипку, и провѣлъ на ней раздирающими звуками тайныя скорби человѣческаго сердца. Грильпарцеръ принялъ меня такъ же мило и любезно, Кастели былъ такъ же добродушенъ, какъ въ прежнія наши свиданія. Последний только что за нѣсколько дней передъ тѣмъ получилъ отъ Датскаго короля орденъ Даненброга; онъ былъ въ восторгѣ, просилъ меня говорить всѣмъ моимъ соотечественникамъ, что каждый датчанинъ найдетъ у него пріемъ роднаго, и пригласилъ меня первое свободное мѣсто провести въ его великолѣпномъ помѣстьѣ. Во всемъ обхожденіи, въ рѣчахъ и взорѣ Кастели, есть что то такое открытое, такое прямое, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ столько добродушнаго юмору, что его нельзя не полюбить, для меня онъ живой портретъ истиннаго вѣнца.

Кастели познакомилъ меня съ Зейдземъ и Боуервельдомъ; у датскаго посланника, барова Бевенштерна, сошелся я съ Зедлицемъ. Почти все свѣтила вѣнской литературы промелькнули передо мною, какъ мелькаютъ передъ вами башни церкви, когда вы несетесь по желѣзной дорогѣ; впрочемъ я могу сказать, что видѣлъ ихъ всехъ, въ саду Конкордіи; тутъ были собраны все, отъ маститыхъ старцевъ до юнаго поколѣнія, которое только готовитъ свои силы на будущую дѣятельность. У графа Сечени, который очень любезно пригласилъ меня къ себѣ, встрѣтилъ я его брата; эту короткую встрѣчу я причисляю къ самымъ пріятнымъ мнунтамъ, проведеннымъ мною въ Вѣнѣ; вся душа этого прекраснаго человѣка такъ откровенно высказывается въ его взорахъ и рѣчахъ, что съ перваго свиданія внушаетъ неограниченное довѣріе.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Дрездена, королева саксонская

спрашивала меня, были-ли у меня письма къ кому-либо при Вѣнскомъ дворѣ, и какъ я отвѣчалъ, что нѣтъ, то она написала письмо къ своей сестрѣ, эрцгерцогвини Софїи Австрійской; однажды вечеромъ Эрцгерцогиня приказала пригласить меня и приняла меня чрезвычайно благосклонно; вдовствующая императрица, супруга императора Фравца I, присутствовала при этомъ, и оказала мнѣ такое же лестное благорасположеніе; кромѣ ихъ, тутъ находились принцъ Ваза и наследная герцогиня Гессенъ-Дармштадтская. Этотъ вечеръ всегда останется незабвеннымъ въ моей памяти; я читалъ нѣкоторыя изъ своихъ сказокъ; когда я писалъ ихъ, мнѣ и въ голову не приходило, что я буду когда-нибудь читать ихъ въ императорскомъ дворцѣ.

Мнѣ оставалось сдѣлать еще одинъ визитъ передъ отъездомъ: даровитой писательницѣ фонъ-Вейсентурнъ. Она только что начинала отправляться отъ опасной болѣзни; не смотря однако на слабость, приняла меня. Какъ съ порогу другаго свѣта протянула она мнѣ руку, и сказала, что мы, вѣроятно, увидимся въ послѣдній разъ, и потомъ, взоромъ полнымъ искренняго участія проводила меня до двери.

Изъ Вѣны въ Триестъ переѣздъ совершился частію по желѣзной дорогѣ, частію въ дилижансѣ. Паръ несетъ дрянный поѣздъ по узкой дорогѣ, проложенной по скаламъ и слѣдующей за всѣми изгибами рѣки. Страхъ беретъ путешественника, чтобы при этихъ частыхъ и крутыхъ поворотахъ паровозъ не разбился въ дребезги объ скалы, стоящія по одну сторону, или не слетѣли въ потокъ, kloкочущій по другую сторону; и легче становится на сердцѣ, когда благополучно кончится этотъ опасный путь. Но только лишь онъ сядетъ въ медленный дилижансѣ, его беретъ петерпѣніе, и онъ желалъ бы опять подвергнуться тѣмъ же опасностямъ, которыя, по крайней мѣрѣ, избавляли его отъ медленности. Наконецъ открылись передъ нами Триестъ и Адриатическое море, вокругъ насъ раздались звуки итальянскаго языка, но для меня это не была еще Италия, страна, куда стремились всѣ мои желанія. Впрочемъ не долго былъ я чужой въ Триестѣ; датскій, прусскій и ольденбургскій консулы, къ которымъ у меня были письма, приняли меня какъ нельзя лучше; чрезъ ихъ посредство я свелъ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ, именно съ графомъ Одонвелемъ и графомъ Вальштейномъ; знакомство послѣдняго было мнѣ, какъ датчанину, особенно интересно: онъ потомокъ несчастнаго Корфица Ульфельда и Элеоноры, одной изъ замѣчательнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ Даніи. Графъ

Вальдштейнъ показалъ мнѣ ихъ портреты, которые висятъ въ его кабинетѣ, и развѣя датскія достопримѣчательности тѣхъ временъ. Въ первый разъ видѣлъ я портретъ Элеоноры; грустная улыбка ея, казалась, говорила мнѣ: «Поэтъ, разорви своими пѣснями оковы, наложенныя суровымъ вѣкомъ на того, для кого жить и страдать было мнѣ счастиемъ.» Еще до появленія Эленшлегеровой «Дивы», которой содержаніемъ служить эпизодъ изъ жизни Ульфельда, думалъ я объ этомъ сюжетѣ, и предпологалъ написать изъ него драму; но тогда всё полагали, что она не можетъ быть представлена на театрѣ, и такимъ образомъ я отказался отъ своего плана.

На Адриатическомъ морѣ воображеніе мое перенеслось совершенно во времена Ульфельда, и къ датскимъ островамъ. Встрѣча съ графомъ Вальдштейномъ и портреты его предковъ возвратили меня въ міръ фантазій и поэзій, и я почти забылъ, что на слѣдующій день буду въ Италіи. При дивной погодѣ отправился я на пароходѣ въ Анкону; ночь была такая тихая, такая звѣдная, что грѣшно было бы проспать ее. Къ утру показался передъ нами берегъ Италіи, и вдали волнообразная линія свинихъ горъ съ ослѣпительными снѣжными вершинами: солнце грѣло такъ пріятливо, земля и деревья одѣлись молодою зеленью! вечеромъ я былъ еще въ Триестѣ, а утромъ уже въ Анконѣ, въ самой срединахъ Папской области. Снова видѣлъ я Италію столь же живописную, столь же прекрасную, какъ прежде; весна усыпала фруктовыя деревья цвѣтами; каждая травка въ полѣ ушивалась живительною теплотою весенняго солнца; вязы стояли какъ каріатиды, обвитые виноградными лозами, пускавшими листья; а за всею этою массою зелени — синія горы съ ихъ снѣжными покровами. Пять дней тащилъ насъ итальянскій веттуріано, меня и моихъ двухъ спутниковъ, графа Пара и одного молодого венгерскаго дворянина. Уединенные постоялые дворы, въ Апеннинахъ, болѣе живописныя, чѣмъ удобныя къ постою, служили намъ ночлегомъ. Наконецъ открылась передъ нами пустынная, наводящая на размышленіе Кампанья. Тридцать перваго марта 1846 года увидѣлъ я наконецъ Римъ; въ третій разъ въ жизни подъѣзжалъ я къ столицѣ міра. Я былъ счастливъ; чувства благодарности и радости исполняли мою душу. Сколько счастья и радостей удѣлило мнѣ Провидѣніе передъ тысячами другихъ людей! Въ этомъ даже чувствѣ есть свое наслажденіе; въ большой радости, какъ и въ большомъ горѣ, къ Богу возносится первая

мысль. Первое мое ощущение выразилось теплою, безмолвною молитвою.

Я не могу лучше и короче высказать то, что я чувствовалъ, когда солнце озарило мой возлюбленный Римъ, какъ словами которыя я тогда же писалъ къ одному изъ своихъ друзей: «Я прирастаю здѣсь къ развалинамъ, живу съ этими окаменѣлыми богами, по прежнему цвѣтутъ и благоухаютъ розы, по прежнему раздается церковный благовѣстъ, а между тѣмъ это не тотъ Римъ, что я видѣлъ за тридцать лѣтъ, когда прѣхалъ въ первый разъ. Мнѣ кажется, будто все въ немъ обновѣло, будто самыя развалины, трава, кустарники расчищены; все такъ прибрано, такъ чино, — народная жизнь, кажется, исчезла: я не слышу болѣе по улицамъ тамбуриновъ, не вижу молодыхъ дѣвушекъ, пляшущихъ свою живую сальтареллу. Черезъ десять лѣтъ, когда желѣзныя дороги еще тѣснѣе соединятъ города, Римъ перемѣнится еще болѣе; но, какъ бы онъ не перемѣнился, онъ всегда будетъ такъ же дорогъ и милъ сердцу поэта и художника. Римъ — книжка сказокъ; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе открывается чудесь; фантазія въ немъ сливается съ дѣйствительностью.»

Когда я въ первый разъ прѣхалъ въ Италію, я былъ слѣпъ къ красотамъ скульптуры. Въ Парижѣ привлекали меня только великолѣпныя картины, и я равнодушно проходилъ мимо статуй. Только во Флоренціи, передъ Медическою Венерою, «снѣгъ сталъ съ моихъ глазъ,» по выраженію Торвальдсена; новый міръ искусства открылся передо мною. Въ третій прѣздъ свой въ Римъ, проводя по цѣлымъ днямъ въ Ватиканѣ, я уже цѣнилъ статуи выше картинъ. Но гдѣ, кромѣ Рима и Неаполя, сливается это искусство такъ хорошо съ жизнью? Здѣсь она увлекаетъ васъ, овладѣваетъ вами; здѣсь вы научаетесь въ произведеніи искусства дивиться природѣ; пластическая красота одухотворяется.

Между множествомъ прекрасныхъ вещей, выставленныхъ въ мастерскихъ молодыхъ художниковъ, особенно глубоко вѣзались въ моей памяти нѣсколько скульптурныхъ работъ моего соотечественника Терихау. Я видѣлъ его группу «Геркулесъ и Геба,» о которой съ такими восторженными и вполне заслуженными похвалами отзывались почти все нѣмецкіе журналы; она поразила меня своимъ античнымъ спокойствіемъ, и дивною красотою формъ; но, какъ она ни восхитила меня, я отдаю однако преимущество позднѣйшей группѣ Терихау, борющемуся охотнику; онъ такъ прекрасно моделированъ, что, кажется, взятъ живой изъ природы. Истина, красота и величіе, проявляющіяся въ каждомъ про-

изведеніи Терпхау убѣждаютъ меня, что имя его со временемъ разнесется по всему образованному міру. Для датчанина особенно долженъ быть отраденъ геній этого молодаго художника; это новая слава для нашего отечества. Я зналъ его еще почти ребенкомъ; онъ родился на томъ-же островѣ, какъ и я, въ небольшомъ городишкѣ Ассенсѣ, потомъ мы сошлись въ Копенгагенѣ. Никто, не исключая его самого, не подозрѣвалъ скрывавшагося въ немъ дарованія; полусуто, полусерьезно говорилъ онъ о своей перѣшимости, отпраляться-ли ему въ Америку и идти въ дикари, или ѣхать въ Италію и сдѣлаться художникомъ?— живописцемъ или скульпторомъ, этого онъ самъ еще не зналъ. Между тѣмъ онъ бросилъ кисть и принялся лѣпить; мой бюстъ былъ первымъ его опытомъ въ скульптурѣ. Академія не дала ему пособія на путешествіе; сколько мнѣ извѣстно, одна пожилая художница, страстно любившая искусство, первая оцѣнила въ немъ искру генія, и хотя сама имѣла очень скромное состояніе, однако доставила ему средства ѣхать моремъ въ Италію. Сначала онъ работалъ въ мастерской Торвальдсена. Въ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ отечествѣ, ему, конечно, пришлось узнать все испытанія, которымъ подвергается геній, испытать всю тягость нужды; но теперь звѣзда счастія возшла надъ нимъ. Когда я пріѣхалъ въ Римъ, онъ былъ боленъ и особенно страдалъ хандрюю: онъ не могъ переносить знойнаго солнца Италіи, и многіе врачи говорили, что ему не встать, если онъ не съѣздитъ на сѣверъ, чтобы подышать сѣвернымъ воздухомъ, и пользоваться морскими ваннами. Все журналы прославляли его, дивныя произведенія стояли въ его мастерской, но этимъ еще пропитаться нельзя. Въ это горестное время одинъ вельможа, кажется русскій, пришелъ въ его мастерскую, и заказалъ ему группу охотника; въ тотъ же день получилъ онъ еще два заказа. Въ восторгѣ пріѣхалъ онъ ко мнѣ рассказать радостную вѣсть; а черезъ нѣсколько дней поѣхалъ съ женою, которая также съ рѣдкимъ талантомъ занимается живописью, въ Данію; укрѣпившись тамъ тѣломъ и душою, онъ возвратится къ зимѣ въ Италію и опять примется за рѣзецъ и долото, которые, я надѣюсь, скоро прославятъ его имя.

Я встрѣтилъ въ Римѣ еще другаго датскаго скульптора, который до сихъ-поръ извѣстенъ еще только въ Давни, но тамъ пользуется большимъ уваженіемъ; это ученикъ и любимецъ Торвальдсена, Кольбергъ. На память нашей встрѣчи въ Римѣ онъ вызвалъ вылѣпить мой бюстъ.

Въ мастерской милого и добродушнаго Кюхлера наслаждался я тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ свѣжіе, полныя жизни и истины образы возникали на полотнѣ подъ его искусною рукою. Снова сидѣлъ я съ римскимъ простымъ народомъ въ кукольной комедіи и слышалъ радостныя клики дѣтей и взрослыхъ. Нѣмецкіе художники приняли меня такъ же радушно, какъ датскіе и шведскіе. День моего рожденія былъ празднованъ очень весело. Г-жа Гёте, бывшая въ это время въ Римѣ и жившая въ томъ самомъ домѣ, гдѣ, въ моемъ романѣ, родился и провелъ дѣтство импровизаторъ, прислала мнѣ огромный, истинно римскій букетъ, ароматную мозаику; всѣ датчане, шведы и норвежцы устроили для меня вечеръ, и шведскій живописецъ Седермаркъ предложилъ за ужиномъ мое здоровье. Всѣ друзья мои осыпали меня картинками и другими подарками на память этого дня.

Гаюверскій министръ Кестнеръ, дружбѣ котораго я обязанъ многими пріятными вечерами, невыразимо пріятный и милый человѣкъ, и соединяетъ въ высокой степени талантъ живописи, поэзіи и музыки. У него видѣлъ я въ первый разъ изображеніе цвѣтовъ, соединенное съ мыслью. Одну комнату своей квартиры онъ украсилъ цвѣточною арабескою, изображающею въ порядкѣ флору цѣлаго года; она начинается первыми весенними цвѣтами, крокусами, поденъжниками, — и прочая; потомъ идутъ лѣтнія растенія, потомъ осеннія, и оканчивается гирланда декабрскими красными ягодами и красножелтыми листьями.

Находясь почти безпрестанно на вольномъ воздухѣ и въ движеніи, стараясь пользоваться каждою минутою, чтобы все осмотрѣть, я наконецъ сталъ чувствовать дѣйствіе постоянно дующаго сирокко; римскій климатъ былъ мнѣ рѣшительно вреденъ, и потому, выждавъ освѣщеніе купола Святаго Петра и жирандолы, я немедленно послѣ Святой Недѣли отправился черезъ Террачину въ Неаполь. Графъ Паръ поѣхалъ со мною. Мы поселились въ Санта Лучія; передъ нами было море, въ сторонѣ горѣлъ Везувій; вечера были чудные и смѣнялись столь же чудными лунными ночами. Сводъ неба, казалось, возвысился, и звѣзды отступили. Игры свѣта невозможно ни описать, ни вообразить! На сѣверѣ луна бросаетъ на воду серебряный свѣтъ, здѣсь же чисто золотой; свѣтъ вращающейся лампы на маякѣ то показывался съ ослѣпительнымъ блескомъ, то исчезалъ; факелы на рыбацкихъ лодкахъ отражались огненными отблесками въ водѣ; въ иныхъ мѣстахъ тѣнь лодокъ ложилась черною полосою на поверхность воды, которой освѣщенное пространство, горѣло отъ того еще

ярче; вода была так прозрачна, что, казалось, можно было видеть сквозь нее дно, съ колыхавшимися на немъ травами и шмыгавшими надъ нимъ рыбами. Вдоль самой улицы горбли тысячи огней въ окнахъ рыбныхъ и фруктовыхъ лавокъ; вдругъ появился толпа дѣтей со свѣчами, шедшая процессією къ церкви Санта Лучія; многіе падали съ своими свѣчами. А надъ всею этою огненною картиною возносился, какъ глава, Везувій съ своимъ кровавымъ пламенемъ и съ облаками багроваго дыму.

Я еще разъ посѣтилъ острова Капри и Искію; а какъ палаціей зной солнца и свирѣлый сирокко не позволяли мнѣ долѣе оставаться въ Неаполѣ, то я отправился въ Соренто, родину Торивато Таесо, гдѣ воздухъ свѣжѣе, и я почувствовалъ себя гораздо лучше. Тутъ я дѣятельно принялся за настоящую книжку; въ Римѣ, на берегу Неапольскаго залива и среди Пиреней, написалъ я сказку своей жизни.

Знаменитый праздникъ della Madonna dell'arco заставилъ меня возвратиться въ Неаполѣ; я поселился въ самомъ городѣ, въ гостиницѣ близъ Толедской улицы, и къ счастью своему попалъ на отличныхъ хозяевъ. Я уже прежде жилъ тутъ, но зимою; теперь представился мнѣ случай увидѣть Неаполѣ въ самый зной его лѣта, и въ самый разгаръ его шумной жизни. Палаціе лучи солнца проникали въ узкія улицы, въ двери и въ окна; все слѣдовало затворять наглухо, ни малѣйшій вѣтерокъ не колебалъ воздуха. На улицѣ, гдѣ только выдавался уголокъ или клочекъ земли, заслоненный тѣнію дома или чего-нибудь другаго, вездѣ сидѣли ремесленники съ своею работою, и шумно и весело разговаривали: громъ экипажей по мостовой, крики разношниковъ, говоръ народа, все сливалось въ однакъ общій гулъ, подобный гулу моря. Во всѣхъ церквахъ безпрестанно звонили колокола, а сосѣдь мой, жившій прямо напротивъ меня, — не знаю кто онъ такой, но да проститъ ему Богъ пытку, которой онъ меня подвергалъ, — съ утра до ночи игралъ гаммы. Было отчего съ ума сойти! Сирокко попрежнему пышало столпами раскаленнаго воздуха, я былъ въ совершенномъ изнеможеніи; въ Санта Лучія не было ни одной свободной квартиры, а морскія ванны скорѣе утощали, чѣмъ подкрѣпляли меня. Я опять отправился за городъ, но солнце тутъ палило точно также; воздухъ тутъ былъ нѣсколько влажнѣе, но все-таки дѣйствовалъ на меня какъ отравленный хитонъ Геркулеса, прожигалъ меня насквозь до самыхъ костей и растлѣвалъ всѣ мои силы. До того времени я считалъ себя рожденнымъ для солнечныхъ странъ, потому-что сердце мое

все проспало на югъ; но тутъ я узналъ, что я сынъ сѣвера, что тѣло мое, какъ сѣверный снѣгъ, стаяло отъ палящихъ лучей, и я съ каждымъ днемъ слабѣлъ и чахнулъ. Почти все иностранцы, бывшіе въ Неаполѣ въ это лѣто, которое, по словамъ самихъ даже неаполитанцевъ, было необыкновенно знойно, подверглись такимъ-же страданіямъ, и кто только могъ, все снѣшили выѣхать. Я хотѣлъ послѣдовать примѣру другихъ, но долженъ былъ ждать нѣсколько дней высылки мнѣ кредитнаго письма; оно было выслано изъ дому во время, но лежало у моего банкира, который забылъ о немъ. Мнѣ оставалось еще много осмотрѣть въ Неаполѣ, у меня была вила приглашеній въ разные дома; я хотѣлъ испытать воля не переспалтъ-ли неаполитанское солнце; но это усиліе до того разстроило мои нервы, что до самаго почти выѣзда, я долженъ былъ лежать, не вставая, въ душевной комнатѣ, въ которую даже ночь не навѣвала несколько прохлады. Съ ранней зари и до полуночи безъ умолку раздавались звонъ колоколовъ, крики народа, топотъ лошадей по мостовой, а сосѣдъ мой разыгрывалъ свои гаммы. Это была пытка невыносимая! Въ этомъ состояніи я долженъ былъ отказаться отъ предполагаемой поѣздки въ Испанію, тѣмъ болѣе, что меня утѣшали тѣмъ, что тамъ будетъ точно такой-же зной. Врачъ даже положительно говорилъ, что я не выдержу путешествія въ это время года.

Я взялъ мѣсто на пароходѣ «Касторъ», и отправился въ Марсель. Пароходъ былъ биткомъ набитъ пассажирами; вся палуба, не исключая первыхъ мѣстъ, была уставлена экипажами; я велѣлъ постлатъ себѣ постель подъ однимъ изъ нихъ; многіе другіе послѣдовали моему примѣру, и скоро вся палуба устлалась тюфяками и коврами. Море было не совсѣмъ спокойно; вѣтеръ все усиливался, а на вторую ночь разразилась страшная буря, и повторилась на слѣдующую ночь. Пароходъ носило во все стороны, какъ бочку въ открытомъ морѣ; волны подходили къ самому судну и поднимали свои широкіе, сѣдые гребни высоко надъ бортомъ, словно смотрѣли на насъ. Казалось намъ того только и ждоть было, что экипажи, подъ которыми мы лежали, раздавятъ насъ или будутъ снесены волнами черезъ бортъ. Повсюду были слышны стоны, аханія и крики ужасу; но я лежалъ спокойно, смотрѣлъ на быстро носившіяся надъ нами тучи, и думалъ о Богѣ и о своихъ друзьяхъ.

Наконецъ мы достигли Гевуи, большая часть пассажировъ сошла на берегъ и продолжала путешествіе сухимъ путемъ. Я охот-

но послѣдовалъ-бы этому примѣру, и отправился бы черезъ Миланъ въ Швейцарію; но мои кредитныя письма были на Марсель и нѣкоторые испанскіе портовые города; и такъ я долженъ былъ возвратиться на пароходъ. Между тѣмъ море утихло, вѣтеръ спалъ; въ воздухѣ была пріятная свѣжесть, и мы ѣхали въ виду дивнаго сардинскаго берега. Я ожилъ, и пріѣхавъ въ Марсель, почувствовалъ себя бодрѣе и дыханіе стало легче; меня опять взяло сильное желаніе посѣтить Испанію. Я прежде предполагалъ этимъ заключить свое путешествіе, но разстройство здоровья принудило меня отказаться отъ этого плана; теперь же когда я почувствовалъ себя почти здоровымъ, мнѣ казалось, что сама судьба вела меня къ исполненію моего желанія, принудивъ меня ѣхать въ Марсель, вмѣсто того, чтобы повернуть изъ Генуи на Миланъ. Но Барселонскій пароходъ только что ушелъ передъ нашимъ прибытіемъ; до отправленія слѣдующаго парохода оставалось нѣсколько дней; чтобы не терять времени, я рѣшился ѣхать небольшими переѣздами черезъ Южную Францію и Пиренеи.

Передъ отъездомъ моимъ изъ Марсели, случай привелъ мнѣ встрѣтиться съ однимъ изъ моихъ сѣверныхъ друзей, Оле-Булемъ; онъ только что возвратился изъ Америки и во всей Франціи былъ встрѣчаемъ общимъ восторгомъ и серенадами; нѣкоторымъ изъ нихъ привелось мнѣ быть свидѣтелемъ. Мы совершенно неожиданно встрѣтились за общимъ столомъ въ *Hôtel des Etrangers*, гдѣ мы оба остановились. Онъ рассказалъ мнѣ, что сочиненія мои въ большомъ ходу въ Америкѣ, что очень многіе съ участіемъ разспрашивали его обо мнѣ, и что англійскіе переводы моихъ романовъ перепечатаны въ Соединенныхъ Штатахъ и дешевыя изданія ихъ разбираются въ огромномъ количествѣ. Я никакъ не ожидалъ такого почету, и мнѣ не вѣрилось, чтобы мое имя могло проникнуть за Атлантическій океанъ. Въ эту минуту я еще сильнѣе почувствовалъ свое ничтожество, но въ то же время эта вѣсть наполняла мое сердце радостью и счастіемъ, что выпала мнѣ такая счастливая доля передъ тысячами другихъ существъ, можетъ быть болѣе достойныхъ? Я не могу выразить своего ощущенія иначе, какъ представивъ себя бѣднымъ деревенскимъ парнемъ, на котораго надѣян бы почетную мантию; я былъ счастливъ выше всякихъ словъ! Тщеславіе-ли это? или мое тщеславіе заключается только въ томъ, что я откровенно высказываю свою радость?

Оле-Буль съѣлъ на пароходѣ, чтобы ѣхать въ Алжиръ, а я отправился къ Пиренеямъ. Черезъ Провансъ, который живо напоминаетъ мнѣ Давію, достигъ я Нима, который величіемъ и величиною своего римскаго театра перенесъ меня въ Италію. Сколько мнѣ извѣстно, памятники классической древности, уцѣлѣвшіе въ Южной Франціи, не пользуются тою славою, которой они заслуживаютъ своимъ числомъ и величіемъ: такъ называемый квадратный домъ (la maison carrée) въ Нимѣ стоитъ во всей своей первоначальной красотѣ, какъ храмъ Тезея близъ Афинъ, и въ самомъ Римѣ не найдется остатковъ, которые такъ-бы хорошо сохранились. Въ Нимѣ живетъ даровитый булочникъ-поэтъ Ребуль; кто даже не читалъ его прелестныхъ стихотвореній, все-таки знаетъ его имя изъ Ламартинова «Путешествія на востокъ.» Я отыскалъ его домикъ, вошелъ въ булочную и обратился къ человѣку въ одномъ жилетѣ, но съ прекрасными чертами лица и съ благородною, мужественною физиономією, сажавшему хлѣбъ въ печку. Это былъ самъ Ребуль. Когда я объявилъ свое имя, онъ сказалъ, что оно знакомо ему изъ *Revue de Paris*, и просилъ меня зайти къ нему послѣ обѣда, потому что тогда ему удобнѣе будетъ принять меня. Я возвратился въ назначенный часъ и засталъ его въ небольшой, но стѣленной и довольно богато убранной комнатѣ, украшенной картинами, статуями и книгами; бібліотека его, кромѣ произведеній французской литературы, содержитъ и переводъ греческихъ классиковъ. Между прочими картинами, я замѣтилъ одну, заимствованную изъ его знаменитаго стихотворенія «Смерть младенца». Онъ зналъ изъ «Скандинавскихъ пѣсенъ» Мармье, что я написалъ стихотвореніе на ту же тему, и я разсказалъ ему, что оно принадлежало ко временамъ моей шольной жизни. Утромъ засталъ я его трудолюбивымъ булочникомъ; вечеромъ онъ явился мнѣ истиннымъ поэтомъ съ одушевленіемъ говорилъ онъ о литературѣ своего отечества и о своемъ желаніи видѣть сѣверъ, котораго природа и духовная дѣятельность сильно интересовали его. Я съ глубокимъ почтеніемъ разсуждалъ съ этимъ человѣкомъ, которому Провидѣніе дало высокій поэтическій талантъ, и котораго разсудокъ не поколебался отъ воздаваемыхъ ему почестей; не смотря на всѣ расточаемыя ему похвалы, онъ остался честнымъ ремесленникомъ, и предпочитаетъ быть знаменитымъ Нимскимъ булочникомъ, чѣмъ, послѣ кратковременной славы, исчезнуть въ Парижѣ среди сотенъ поэтовъ.

Желѣзная дорога перенесла меня черезъ Монпелье въ Сеть съ

тою неимоверною быстротою, съ какою ходятъ паровозы во Франціи; поѣздъ, кажется, летитъ въ обгонку съ вихремъ. Тутъ мнѣ невольно пришло въ голову, что въ Базель, на углу одной улицы, гдѣ нѣкогда была знаменитая картина «Хороводъ смерти,» начерчена нынѣ крупными буквами надпись «Хороводъ смерти,» а напротивъ, на другомъ углу, другая надпись гласитъ «Дорога къ желѣзной дорогѣ.» Летя съ неимоверною быстротою, я вспомнилъ эту странную игру случая, которая пришла къ разѣ на границѣ Франціи, и моя фантазія такъ разыгралась, что сигнальные свѣтки казались мнѣ знакомъ къ бурному хороводу. Нѣмецкія желѣзныя дороги не наведутъ такихъ дикихъ фантазій!

Островитянинъ любить море, какъ горецъ любить свои горы. Море, въ моихъ глазахъ, придаетъ невыразимую прелесть каждому приморскому городу, какъ онъ ни будь ничтоженъ. Не знаю, вилъ ли моря производилъ на меня такое впечатлѣніе, или то, что я нашелъ два дома, въ которыхъ слышалъ одинъ датскій языкъ, но въ Сетѣ мнѣ казалось, что я въ Даніи, а не въ южной Франціи. Когда въ чужой странѣ войдешь въ домъ, гдѣ все, отъ хозяевъ до послѣднихъ слугъ, говорятъ на родномъ языкѣ, родные звуки получаютъ какую-то волшебную силу: они, какъ плащъ Фауста, въ одно мгновеніе переносятъ васъ на родину. Но здѣсь было не сѣверное лѣто, здѣсь палило солнце Неаполя; оно сожгло бы плащъ Фауста, оно растлѣвало все физическія силы. Никто не могъ припомнить такого жаркаго лѣта, и каждый день изъ окрестныхъ деревень приходили извѣстія, что люди падали замертво отъ удушливаго зноя; даже ночи были душны. Мнѣ говорили напередъ, что я не выдержу путешествія въ Испанію; я это и самъ чувствовалъ; но Испанія должна была увѣнчать эту поѣздку, я уже видѣлъ передъ собою Пиренеи, синія горы манили меня, — и однимъ утромъ, довольно рано, я былъ уже на пароходѣ.

Солнце уже было у насъ надъ головами; оно палило сверху, палило снизу, отражаясь отъ поверхности моря; милліоны студенистыхъ медузъ копошились вокругъ насъ въ водѣ, словно лучи солнца обратили воду въ волнующійся рой животныхъ; я никогда не видалъ ничего подобнаго. Въ устьѣ Лангедокскаго канала насъ пересадили въ большую барку, принаровленную, по-видимому болѣе для перевозки товаровъ, чѣмъ для людей. Палуба была

уоставлена ящиками, сундуками, чемоданами; на нихъ усадили толпу людей, которые старались защититься отъ палящаго солнца подъ зонтиками. Между множествомъ клади и взгромоздившихся на ней людей, почти не было проходу; четыре лошади тянули на длинной бичевѣ этотъ грузъ сундуковъ и людей, не обведенный даже рѣшеткою. Внизу, въ двухъ каютахъ была такая тѣснота, какъ будто рой мухъ налетѣлъ на чашку патоки. Одна женщина лишилась чувствъ отъ зною и табачнаго дыму; ее внесли въ каюту, кое-какъ очистили для нея небольшое пространство и положили ее на полу. Ей нуженъ былъ свѣжій воздухъ, а его не было, не смотря на усердное маханіе нѣсколькихъ десятковъ вѣровъ; на баркѣ нечего было пить; невозможно было даже достать стакана порядочной воды, а надо было довольствоваться желтою, мутною и разогрѣтою солнцемъ водою канала. Надъ головами, изъ люковъ палубы влило множество ногъ въ огромныхъ сапогахъ, которыя не только не пропускали въ каюту свѣта, но еще болѣе спирали и безъ того уже душный воздухъ. Сидѣть въ каютѣ было мученіе нестерпимое, а тутъ еще присталъ человѣкъ, который всѣхъ терзалъ своими остротами; потокъ словъ безпрестанно журчалъ съ его языка, какъ струя канала около барки. Съ непомѣрными усиліями протеръ я себѣ дорогу сквозь сундуки, людей и зонтики, назадъ на палубу, и сталъ подъ палящими лучами солнца. По обѣ стороны видъ убійственно однообразный: зеленая трава, зеленое дерево и шлюзъ, опять зеленая трава, зеленое дерево и шлюзъ, и опять и опять все тоже самое. Тоска такая, что радъ бы броситься въ воду.

Въ получасѣ пути отъ Безье насъ высадили на берегъ; я едва держался на ногахъ, а экипажей никакихъ не было, потому что омывбусы не ждали насъ такъ рано; солнце палило, воздухъ былъ раскаленъ, такъ что почти невозможно было дышать. Въ Безье ждали дилижансы, но всѣ лучшія мѣста были разобраны и мнѣ пришлось, въ первый и, надѣюсь, въ послѣдній разъ, довольствоваться мѣстомъ сзади. Подлѣ меня усѣлась отвратительная женщина въ туфляхъ, съ чепцомъ въ добрый аршинъ вышиною, который она повѣсила надъ головою; потомъ вошелъ матросъ, насвистывавшій какую-то пѣсню, и очевидно выпившій лишнюю чарку, другую; за нимъ два грязныхъ парня, чернорабочихъ, которые сняли сапоги и верхнее платье, и сидѣли такимъ образомъ, не обращая вниманія на столбы раскаленной пыли. Зной, духота, пыль, томили всѣ члены и выѣдали глаза. Я не въ состояніи былъ ѣхать

далѣ Нарбонны. Большой, измученный, изломанный, я думалъ было успокоиться, отдохнуть; не тутъ то было: явились жандармы, за паспортомъ; потомъ, къ самой ночи, загорѣлся пожаръ въ одной соседней деревнѣ; загремѣлъ набатъ, понеслись пожарныя трубы, началась бѣготня, крикъ, шумъ; — казалось все злые духи сорвались съ цѣпей и праздновали шабашъ. Отъ Нарбонны, до самыхъ Пиреней, путешественнику не даетъ покою безпрестанная прописка паспортовъ; такого мученія съ паспортами не испыталъ я даже въ Италіи. Въ оправданіе этой мѣры приводили близость испанской границы, множество бѣглецовъ изъ за Пиреней и случавшіеся въ окрестностяхъ разбои. Какъ бы то ни было, во все соединилось, чтобы обратить мнѣ эту поѣздку въ истинную пытку.

Я пріѣхалъ въ Перпиньянъ. Солнце, казалось, не оставило ни одного живаго существа на улицахъ; но едва наступила ночь какъ толпы народу потокомъ хлынули изъ домовъ, и подняли шумъ и гвалтъ, словно возстаніе въ городѣ. И весь этотъ потокъ людей собрался и шумѣлъ подъ моими окнами: мои несчастные нервы точно тянули на дыбахъ. Что-жъ это такое? что это значило: «Да здравствуетъ мосье Араго!» заревѣлъ одинъ оглушительный голосъ, и тысячи голосовъ повторили привѣтствіе; затѣмъ раздалась музыка. Это значило, что Араго пріѣхалъ въ Перпиньянъ, и жилъ въ смежной со мною комнатѣ, и что жители давали ему серенаду. Это была третья серенада, которую мнѣ привелось видѣть въ это путешествіе. Араго провознесъ рѣчь изъ отвореннаго окна и радостныя клики народа опять огласили улицу. Не припомню другаго вечера въ своей жизни, въ который бы я такъ страдалъ; шумъ, крикъ пѣніе, — превосходное пѣніе, какъ меня послѣ увѣряли, — раздражали мнѣ нервы самымъ мучительнымъ образомъ. Въ этомъ болѣзненномъ состояніи, нечего было и думать о поѣздкѣ въ Испанію; я долженъ былъ отказаться отъ нея, какъ отъ вещи рѣшительно невозможной; я не зналъ хватить ли у меня силъ доѣхать только до Швейцаріи; морозъ пробиралъ меня при одной мысли объ обратномъ пути. Мнѣ совѣтовали немедленно ѣхать въ Пиреней, чтобы укрѣпиться горнымъ воздухомъ и минеральными водами; преимущественно рекомендовали мнѣ холодныя ключи въ Верне, и дали даже письмо къ директору тамошняго заведенія. Проѣхавъ цѣлую ночь и почти цѣлое утро, я прибылъ наконецъ въ Верне, откуда посылаю эти послѣдніе листки. Воздухъ здѣсь такой свѣжій, такой

крѣпительный, кажимъ не дышалъ я уже нѣсколько мѣсяцевъ; въ нѣсколько дней я совершенно ожилъ, и перо мое опять свободно идетъ по бумагѣ, а мысли уносятся къ чудной Испаніи. Она представляется мнѣ вождельнымъ краемъ, который дано увидѣть мнѣ только съ границы; но дастъ Богъ я въ другой разъ, зимою, прошусь съ сѣверомъ и полечу въ эту благословенную страну, въ которую теперь солнце, своимъ огненнымъ мечемъ, преграждаетъ мнѣ путь.

Верне не принадлежитъ къ числу извѣстныхъ минеральныхъ водъ, не смотря на то, что круглый годъ сюда стекается множество больныхъ. Самымъ важнымъ посѣтителемъ въ прошлую зиму былъ Ибрагимъ-паша; имя его до-сихъ-поръ не сходитъ съ устъ директора, содержательницы квартиръ для больныхъ и прислуги; номеръ, который онъ занималъ, показывается каждому прїѣзжему, какъ достопримѣчательность; и до сихъ-поръ хозяйка имѣетъ всегда про запасъ полдюжины анекдотовъ о важномъ гостѣ и между прочимъ рассказываетъ, что онъ зналъ только два французскихъ словъ, merci и très bien, да и тѣ выговаривалъ такъ, что не было почти возможности разобрать. Верне, во всѣхъ отношеніяхъ, находится еще въ состояніи первобытной нецивности и патриархальности, въ сравненіи другихъ минеральныхъ водъ; въ одномъ только отношеніи начетовъ и искусства обирать посѣтителей, нынѣшній директоръ поставилъ свое заведеніе на одну ногу съ знаменитѣйшими заведеніями въ Европѣ. Больные совершенно отрѣзаны отъ свѣта, живутъ въ глуши и уединеніи, о которыхъ нельзя имѣть понятія ни на какихъ другихъ водахъ; для удовольствія ихъ не принимается никакихъ мѣръ, и всѣ развлеченія ограничиваются прогулками въ горахъ, пѣшкомъ или верхами на ослахъ. За то природа здѣсь такъ богата, такъ разнообразна, такъ необычайна и своеобразна, что и не чувствуешь потребности въ другихъ наслажденіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ, соединены здѣсь самыя противоположныя природы, сѣверъ и югъ, растительность горъ и растительность долинъ. Съ одной точки вы видите огромные виноградники, а за ними склоны горы представляютъ вамъ образцовую таблицу всевозможныхъ хлѣбовъ и луговыхъ травъ; въ другомъ мѣстѣ передъ вами одни обнаженные, металлоносные утесы, изъ которыхъ причудливо выступаютъ длинныя и узкіе глыбы камня, точно обломки статуй или колоннъ; здѣсь, подъ огромными тополями, небольшая лужайка, заросшая кудрявою мятою, напоминаетъ вамъ Давію и кажется

отрѣзкомъ Зелаида; а рядомъ съ нимъ, подь навѣсомъ скалы, растутъ кипарисы, фиговые деревья, и виноградъ, и переносятъ васъ въ Италию. Но душа всего этого, душа высказывающаяся въ горахъ миллионами голосовъ, это ключи, которые бьютъ въ безчисленномъ множествѣ изъ каждаго края. Вода составляетъ жизнь, неумолкаемый говоръ Пиреней; повсюду слышите вы ея голосъ: то она журчитъ, пробираясь подь мохомъ, то клокочетъ, перекидываясь черезъ огромные камни; это вѣчное движеніе, жизнь, которой слово не въ состояніи передать; это вѣчный, неумолкающій аккордъ миллионовъ струнъ.

Высоко на отвѣсной скалѣ, надъ ужасною пропастью стоятъ развалины Мавританскаго замка; облака висятъ тамъ, гдѣ былъ прежде балконъ; тропинка, по которой ступаетъ оселъ, идетъ черезъ старинную рыцарскую залу. Съ этой высоты открывается вся долина, длинная и узкая, которая, какъ рѣка зелени, пробирается между красныхъ обгорѣлыхъ скалъ, а среди долины, террасами, раскинутъ на пригоркѣ городокъ Вернѣ, которому не достаетъ минаретовъ, чтобы быть вполне болгарскимъ городомъ. Одна бѣдная церковь съ двумя длинными пробоими вмѣсто оконъ, и подлѣ нея развалившаяся башня, составляютъ его верхнюю часть; далѣе идутъ темнобурія кровли и грязнобѣрыя дома съ открытыми, досчатыми ставнями вмѣсто оконъ; бѣдно, но очень живописно. Когда же войдете въ городъ, котораго единственная аптека соединяетъ въ себѣ и единственную книжную лавку, общее впечатлѣніе, который онъ производитъ,—бѣдность, нищета. Почти все дома построены изъ необтесаннаго камня, кое какъ наваленнаго грудами съ нѣсколькими отверстиями, замѣняющими двери и окна, въ которыя свободно влетаютъ и вылетаютъ ласточки. Куда я не входилъ, вездѣ видѣлъ въ широкія скважины полусгнившаго пола глубокія, темныя ямы. На стѣнѣ обыкновенно виситъ кусокъ сала съ кожею и шерстью; мнѣ объяснили, что оно употребляется для смазки обуви. Спальня украшена нама-леванными на стѣнѣ, *al fresco*, изображеніями святыхъ и ангеловъ, вѣнками и гирляндами, напоминающими первыя времена искусства. Люди, болѣею частью, безобразны, даже дѣти па-стоящіе гномы; прелесть дѣтства не можетъ смягчить ихъ урод-ливыхъ очарованій. А за нѣсколько часовъ ѣзды, по ту сторону хребта, въ Испанію; роскошно цвѣтеть красота, сверкаютъ умные черные глаза испанокъ. Одна только поэтическая картина пора-

зила меня во все время моего пребыванія въ Вернѣ; кочующій разношьякъ пришелъ на базарную площадь, поселился подъ огромнымъ прекраснымъ деревомъ и разложилъ вокругъ себя, на землѣ, весь свой товаръ, платки, книги, картинки, уборы, галантерейныя вещи, словомъ—цѣлый базаръ; всѣ ребятишки, вся молодежь сбѣжалась со всего города, и обступила его, восхищаясь этими сокровищами; нѣсколько безобразныхъ старушечьихъ головъ высунулись также въ отворенныя ставни; чрезъ площадь тянулся длинный поѣздъ посѣтителей водъ, мужчинъ и дамъ, на лошадяхъ и на ослахъ, а двое шалуновъ ребятишекъ, спрятавшись за кучею досокъ, кричали пѣтухами.

Гораздо болѣе похожа на городъ, гораздо красивѣе и удобнѣе для житья крѣпость Вильфраншъ, съ замкомъ временъ Людовика XIV, отстоящая отъ Вернѣ на нѣсколько часовъ ѣзды. Чрезъ Вильфраншъ и Олетту идетъ дорога въ Испанію; поэтому здѣсь больше жизни и развитія; многіе дома поражаютъ своими прекрасными мавританскими окнами, высѣченными изъ мрамору. Церкви также въ полумавританскомъ стилѣ; алтарь какъ въ церквахъ Испаніи; надъ престоломъ образъ Божіей Матери съ Младенцемъ, въ золотой и серебряной ризѣ. Я посѣтилъ Вильфраншъ нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Вернѣ; всѣ пользовавшіеся водами сговорились совершить эту поѣздку вмѣстѣ, для чего были собраны всѣ лошади и осламы со всего города. Директоръ водъ далъ намъ свою допотопную колымагу, которая наполнилась сѣдками внутри, снаружи, и очень походила на простую французскую телегу. Предводителемъ поѣзда былъ очень милый голштейнецъ, самый лихой паѣздникъ изъ всего общества, извѣстный живописецъ Доза, другъ Александра Дюма. Мы осмотрѣли крѣпость, казармы и ущелья скалъ; не забыли дорогою посѣтить и городокъ Корвелью, съ его прелестною церковью. Повсюду видны слѣды могущества и искусства Мавровъ; все въ этой странѣ болѣе напоминаетъ Испанію, чѣмъ Францію, даже языкъ болѣе склоняется къ испанскому, чѣмъ къ французскому.

Среди этой чудной горной природы, почти на границѣ страны, которую мнѣ не удастся полюбоваться на этотъ разъ, дописываю я эти листки, которые также составятъ границу въ моей жизни, между прошедшимъ и будущимъ, со всѣми его красотами и горестями. Прежде чѣмъ я покину Пиренеи, эти листки, цѣлый отдѣлъ моей жизни, понесутся въ Германію, и начнется для меня

новый, неизвѣстный еще отдѣлъ. Что развернетъ мнѣ слѣдующая страница? Не знаю; но съ благодарностью и съ упованіемъ смотрю въ будущее. Во всей моей жизни, въ концѣ, какъ свѣтлыхъ, такъ и горестныхъ дней ея, было благо. Я могу сравнить ее съ морскимъ путешествіемъ: я стою у руля и избралъ себѣ путь; но Богъ повелѣваетъ моремъ и бурями, онъ можетъ дать моему челноку другое направленіе; и если дастъ, вѣрно для моего же блага. Это вѣрованіе непоколебимо въ моей груди и въ немъ заключается мое счастье.

Сказка моей жизни, до настоящей минуты, разложена передо мною; она такъ богата, такъ хороша, какъ я самъ не могъ бы сочинить ее. Я чувствую, что я баловень счастья; почти всѣ встрѣчаютъ меня съ открытыми объятіями, съ любовью; рѣдко случалось мнѣ обманываться въ своемъ довѣрїи къ людямъ. Отъ государей, до крестьянина, во всѣхъ сословіяхъ встрѣчалъ я добрыхъ, благородныхъ сердца. Отрадно сердцу жить и вѣровать въ Бога и въ людей. Откровенно и довѣрчиво, какъ въ кругу милыхъ друзей, рассказалъ я на этихъ листкахъ всю сказку моей жизни, свои горести и радости, униженіе и почести. Тщеславіе-ли это? Не думаю; рассказывая свою жизнь, я смирялся душою, и одно чувство наполняло мое сердце: благодарность къ Милосердому Творцу. Если я рассказалъ ее, то это не потому что отъ меня требовали очерка моей жизни къ полному собранію моихъ сочиненій, но болѣе потому, что моя жизнь, какъ уже говорено прежде, лучшій толкователь къ моимъ сочиненіямъ.

Черезъ нѣсколько дней я прошусь съ Пиренеями, и поѣду, чрезъ Швейцарію въ милую Германію, которая прибавила столько радости въ чашу моей жизни, гдѣ у меня столько искреннихъ друзей, гдѣ мои прежніе труды были приняты съ участіемъ и ободреніемъ, гдѣ и эти листки встрѣтятъ свисходительный судъ.

Когда запыхаетъ рождественская елка, когда, по выраженію моего отечества, зароятся свѣжныя пчелки, я, если угодно будетъ Богу, буду уже въ Даніи, близъ моихъ друзей, съ сердцемъ полнымъ свѣтлыхъ воспоминаній путешествія; укрѣпленный тѣломъ и душою, примусь я за новые труды, да благословитъ ихъ Отецъ Небесный! И Онъ благословитъ ихъ. Звѣзда счастья горитъ надо мною; тысячи другихъ, можетъ быть, заслужили это лучше меня, и я иногда самъ не понимаю, за что мнѣ дано

столько радости передъ другими; но пусть она свѣтитъ! А если суждено ей угаснуть, можетъ быть въ то самое мгновеніе, какъ я дописываю эти строки, то она долго свѣтила надо мною, я получилъ свою долю счастія, и богатую дою; пусть же она угаснетъ! И это будетъ къ моему же благу, и я буду благодарить Бога и людей, буду благодарить ихъ своею любовью.

Вернѣ, въ департаментъ Восточныхъ Пиреней, въ июль 1846.

А. ГРЕКЪ.

С М Ъ С Ъ.

ЛОНДОНСКАЯ ВСЕМІРНАЯ ВЫСТАВКА.

(Статья, написанная очевидцемъ-наблюдателемъ.)

Значеніе Выставки.—Открытіе ея. — Зданіе Кристальнаго Дворца.—
Первое впечатлѣніе.—Распредѣленіе Выставки по народамъ.—Ихъ срав-
неніе и бѣглый обзоръ.—Предметы изящныхъ художествъ.

Лондонъ, 18-го августа 1851 года.

Какъ въ жизни частныхъ лицъ, такъ и въ жизни народовъ
бываютъ минуты торжественныя, минуты размышленія и со-
вокупленія въ одно время и въ одномъ мѣстѣ всѣхъ промышлен-
ныхъ силъ до того разсѣянныхъ,—соединенія въ одномъ горнилѣ лу-
чей тепла, которое окружаетъ ихъ и свѣта, который освѣщаетъ ихъ.
И посему минуты таковыя носятъ на себѣ печать величія, передъ
которымъ повергаются скептицизмъ и насмѣшливость нашего вѣ-
ка. Достойно замѣчанія, что въ наше время, когда остроуміе бо-
лѣе значитъ нежели умъ и чувство, когда все поражается мечемъ
остроумія, никто не рѣшился издѣваться надъ значеніемъ Все-
мірной Выставки.—Ясно, что шутить надъ такимъ предметомъ
дѣло невозможное.

Пришла очередь и для XIX вѣка отпраздновать свой юбилей,—этого вѣка, отличающагося непрерывными успѣхами по всеѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности.—Миръ, господствовавшій въ большей части Европы въ теченіи тридцати-пяти лѣтъ далъ народамъ возможность измѣрить свои промышленныя силы, и за то каждый день блеститъ новымъ торжествомъ разума, новымъ пріобрѣтеніемъ для удобства жизни. Наконецъ люди промышленные цѣлаго міра, сомкнулись въ условленный день въ одну фалангу, на общій совѣтъ, чтобы отпраздновать побѣды, долготѣ одержанныя, пересчитать и повѣрить ряды свои, ближе познакомиться между собою и взаимно поучиться. Подвигъ великій и торжественный!

Но гдѣ приличнѣе могло состояться это важное событіе какъ не въ столицѣ государства, котораго промышленность господствуетъ въ цѣломъ свѣтѣ. Лондонъ могъ имѣть только двухъ соперниковъ, именно города: Парижъ и Нью-Йоркъ. Но хотя Америка и велика и общааетъ много въ будущемъ,—она еще дитя, напоминающее, что Европа вырвала ее за три предъ симъ столѣтія изъ варварства: она живетъ еще и дѣйствуетъ по направленію и примѣру стараго свѣта;—чтоже касается до Франціи, страны вкуса и забавъ,—она уступаетъ Англій какъ промышленностію жителей, такъ и богатствомъ края. Если кто имѣлъ случай объѣхать на пароходѣ берега Англій отъ Гернъ-Байя (Hern-Bay) до Гривича, а оттуда до Вестминстерскаго Моста (Westminster-Bridge), если кто окинулъ взоромъ окрестныя мѣста, измѣрилъ безконечный лѣсъ мачтъ, безчисленный рядъ дымящихся трубъ фабричныхъ и прислушался къ чудовищному шуму и движенію, господствующему въ лондонскихъ докахъ, тотъ согласится, что Лондонъ есть столица всесвѣтнаго труда, т. е. торговли и промышленности.—Торговая жизнь находится вездѣ, по сердцу, разливающее животворную кровь по цѣлому тѣлу, находится здѣсь.—Здѣсь окончательно отражается начало и конецъ дѣятельности человѣческой,—сюда со всеѣхъ ковцовъ земли плыветъ золото, которое нынѣ принято за самое краткое и самое прямое выраженіе дѣйствій промышленности.—Здѣсь оно измѣняется, перерабатывается и снова разливается во все части свѣта — Нигдѣ такъ сильно и такъ стойко не напряженъ умъ, какъ въ Лондонѣ, для разрѣшенія важныхъ торговыхъ вопросовъ, нигдѣ такъ сильно, какъ здѣсь, частныя выгоды не соединяются съ выгодами общественными, нигдѣ достоинство новыхъ открытій и новыхъ изобрѣтеній не находитъ скорѣйшихъ цѣнителей; нигдѣ трудъ человѣческій не имѣетъ большаго вѣса, нигдѣ время не

бываетъ болѣе цѣнно, нигдѣ не встрѣчается менѣе этой безразсудной ревности, которая вредитъ и счастливому сопернику,—нигдѣ нѣтъ столь сильнаго соперованья между трудящимися и столь быстро пользованія усовершенствованіями новыхъ открытій;—однимъ словомъ: нигдѣ духъ торговли, не имѣетъ столь точнаго значенія, т. е. правдивости, акуратности, честности, силы и энергіи.—Только изъ среды этого неизмѣримаго базара могъ быть подавъ сигналъ перваго торжественнаго собранія XIX вѣка, собранія промышленнаго.—И какой громкій отголосокъ имѣлъ этотъ сигналъ! никакое другое событіе Англій не произвело-бы столь глубокаго и столь продолжительнаго впечатлѣвія.

Всѣ народы на него явились!—Я былъ свидѣтелемъ торжественнаго открытія Выставки, я слышалъ какъ королева, стоя у подножія трона и вознеся мольбы ко Всевышнему, торжественно объявила, при громѣ пушекъ и пѣніи нѣсколькихъ сотъ пѣвцовъ, объ открытіи Выставки;—я видѣлъ типы всего рода человѣческаго въ окружавшей меня массѣ. Всѣ участвовали въ этомъ торжествѣ: европейцы всѣхъ націй и языковъ; китаецъ, съ бритою головою и клочкомъ волосъ завитыхъ въ косу, великанъ Патагоніи, лапландскій карликъ, негръ съ курчавыми волосами и бѣловласый альбиносъ, островитянинъ съ Отаити и житель Томбукту;—лица бѣлыя, желтыя, красныя, черныя;—всѣ люди и всѣ земли имѣли тамъ своихъ представителей. Римъ, въ самое блестящее время своего могущества, не видѣлъ ничего подобнаго, когда онъ хотѣлъ возвысить свои триумфы народами всего свѣта. Проконсулы присылали въ Римъ на корабляхъ, съ четырехъ странъ тогдашняго Свѣта, разныя племена невольниковъ, которые свидѣтельствовали только о могуществѣ римскаго оружія. Но кто участвовалъ въ нынѣшнемъ торжествѣ, тотъ пришелъ на него по собственной волѣ;—сюда стеклись со всѣхъ сторонъ не для того, чтобы увеличить торжество надменнаго города, но для участія въ общемъ празднествѣ, для обозрѣнія собственными глазами тѣхъ чудесъ, которыя служатъ очевиднымъ свидѣтельствомъ хода просвѣщенія и промышленности и для утвержденія важнаго факта усѣховъ цивилизаціи.

Торжество открытія соотвѣтствовало вполне великости этого событія. — Подробности этого праздника вѣроятно уже извѣстны вашимъ читателямъ, но онѣ слишкомъ сильно врѣзались въ моея памяти, чтобы я умолчалъ о нихъ. Подобнаго собранія и подобнаго величественнаго зрѣлища еще не бывало никогда. — Быть можетъ, что большая часть зрителей, кото-

рая не могла попасть во внутренность зданія и толпою стояла вокругъ всего обширнаго дворца, не умѣла дать себѣ отчета о важности этого событія и только подчиняясь невольному инстинкту, сѣдѣла на это великое торжество сплзъ человѣческаго разума. — Вы вѣроятно читали подробное описаніе открытія. — Безчисленная масса народа наполняла неизмѣримое пространство Гайдъ-Парка и сплошною стѣною стояла по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ Кристальному Дворцу. Балконы, окна, крыши сосѣднихъ домовъ наполнены были зрителями. Тѣ, которые не могли попасть на мѣста, ближайшія къ дорогѣ, помѣстились на всѣхъ возможныхъ возвышеніяхъ, съ которыхъ, хотя издали, можно было видѣть это торжество; и вскорѣ сдѣлалась такая тѣснота, что самый любопытный зритель, еслибы былъ даже одаренъ Геркулесовскою силою, не могъ подвинуться ни на шагъ. — Но что при этомъ особенно меня поразило: это чувство удовольствія, написанное на всѣхъ лицахъ, показывавшее полное убѣжденіе въ счастіи этого великаго событія. Каждый охотно соглашался съ своимъ положеніемъ: ни давка, ни кутерьма, ни усталость, ни другія непріятности, обыкновенно случающіяся при огромномъ стеченіи народа, не мѣшали общей веселости зрителей. Правда, величіе зрѣлища заставляло каждого забывать о себѣ. — Что за великолѣпіе! — какія богатства! — Тысячи великолѣпныхъ каретъ, украшенныхъ гербами, какія можно видѣть въ одной только Англій, запряженныхъ красивѣйшими лошадьми, съ богато одѣтыми и напудренными кучерами въ трехугольныхъ шляхахъ; за каретами стояли егеря исполинскаго роста, или лаксн въ костюмахъ прошлаго столѣтія. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукѣ трость съ золотымъ или серебрянымъ набалдашникомъ; — къ богато вышитой ливреѣ краснаго цвѣта приколотъ былъ огромный букетъ, подобный тѣмъ букетамъ, съ которыми пѣвицы являютя передъ публикою въ концертахъ. — А эти вызолоченные экипажи, разрисованные *al fresco*, съ самыми разнообразными окнами, которыхъ форма и украшенія служили живымъ анахронизмомъ; а эти историческіе костюмы сановниковъ: красные и голубые плащи, подбитые горностаемъ или соболями, огромные напудренные парики, тяжелыя золотыя цѣпи и звѣзды: эти дамскіе туалеты, дышашіе свѣжестію и вкусомъ, осыпанные жемчугомъ и брильянтами, отражавшими солнечные лучи; — это богатое собраніе драгоценныхъ камней; эта пышность и пестрота мундировъ: какъ все это прельщало взоры любопытныхъ. — Только по вре-

менамъ сцены другаго рода развлекали зрителей: любопытнѣйше и недовольные своимъ мѣстомъ влѣзали на деревья, желая вполне насладиться зрѣлищемъ этого движущагося и неизмѣримаго моря: но эти любители прекрасныхъ видовъ не считывали на полицію, а она спѣшила исполнять свою обязанность. Отъ этого выходили разные забавныя сцены борьбы и гонки. — Одна изъ подобныхъ сценъ была очень забавна: полицменъ гонялся за уличнымъ мальчишкой, который смѣло перескакивая съ одного дерева на другое, вдругъ торжественно упалъ на землю при громѣ смѣха тысячъ народа. — Но вообще господствовалъ во всемъ такой порядокъ, всеми обладало такое чувство важности совершающагося событія, что не смотря ни на напоръ въ одномъ мѣстѣ милліона людей, не смотря на пролѣзъ болѣе десяти тысячъ экипажей, не было никакого беспорядка, ни суматохи, хотя въ этой давкѣ каждый изъ зрителей довольно вытерпѣлъ.

И я не безъ успій и не безъ избитыхъ боковъ попалъ въ Кристалльный Дворецъ. — Здѣсь измѣнилась мѣстность, но неизмѣнилось зрѣлище: сколько было оттоптаныхъ ногъ сколько сдавленныхъ плечъ, сколько изодранныхъ платьевъ, измятыхъ шалей! У людей, которые могли заплатить за входъ три гивен, локти также тверды и кулаки также сильны, какъ, и у той толпы, изъ которой я только что выбрался. — Предъявивъ наконецъ наши впускные билеты, мы получили новые, съ означеніемъ мѣста, въ которое мы должны идти. Но какъ добыть это мѣсто? — Мы входимъ; — некогда посмотрѣть на дворецъ: каждый хочетъ занять первое мѣсто; дамы также спѣшатъ, по большая часть изъ нихъ опоздала: все скамьи и кресла внизу и на галлерейхъ заняты съ 9-ти часовъ.

— Полицменъ! — что означаетъ на моемъ билетѣ № 40?

— Значитъ, что вамъ нужно идти въ галлерей № 10.

— Но гдѣ же она?

— Надо идти направо и пройти черезъ Францію и Португалію въ Германію.

— Нельзя ли мнѣ показать: гдѣ Франція, Португалія и Германія?

— Читайте надписи.

— А! хорошо! — но я оттуда ничего не увижу, отсюда лучше смотрѣть — я здѣсь останусь.

— Здѣсь вамъ нельзя оставаться; — идите на свое мѣсто....

— Полицменъ! — гдѣ Китай?

— Здѣсь, возлѣ Бразиліи, — прямо надъ вами.

— А какъ-же я туда попаду?

— По лѣстницѣ отъ Швейцаріи.

— Но это не возможно; — посмотрите могу ли я согнать съ лѣстницы всѣхъ дамъ.

— Надо ихъ попросить; — здѣсь вамъ никакъ нельзя оставаться....

Такіе разговоры слышны были при входѣ въ залу; — но вскорѣ толпа разрѣдѣла, — я нашелъ свободное мѣсто и осмотрѣлся.

Боже! — что за великолѣпный видъ! — Въ состояніи ли я буду его описать? — могу ли передать вамъ всю прелесть этого зрѣлища? — Это не дворецъ, — это очарованный замокъ, съ кристалльнымъ небомъ, съ радужнымъ брильянтовымъ горизонтомъ — Я не видалъ ничего, чтобы имѣло въ себѣ столько легкости и веселости. — Окинувъ взоромъ величину этого зданія, я пораженъ былъ тѣмъ же чувствомъ, какое овладѣваетъ каждымъ при входѣ въ церковь Св. Петра въ Римѣ. — Эта громадная Базилика не кажется такой огромной, какова она дѣйствительно, и только, при разсмотрѣніи подробностей, зритель пораженъ бываетъ изумленіемъ и даже страхомъ. — Но здѣсь мысль поражена огромностію и памятью о томъ, какого короткаго времени нужно было для того, чтобы красиво установить этотъ лѣсъ, желѣза и эти горы кристаловъ. — Кажется невидимые титаны двигали ими и держали надъ нашими головами.

Что я въ эту минуту перечувствовала — я не въ состояніи выразить. Пусть читатель перенесется мыслію подъ неизмѣримые стеклянные своды, подъ которыми исполинскія деревья расширяютъ вѣковыя вѣтви свои, не касаясь самыми вершинами своими этой волшебной клѣтки, въ которую ихъ заключили, — пусть представитъ себя обвѣшеннымъ кругомъ надъ головою безчисленнымъ множествомъ ковровъ, которые, не смотря на огромные размѣры свои, кажутся небольшими знаменами; — пусть окинетъ взоромъ на право и на-лѣво, пока синій цвѣтъ атмосферы не заслонитъ ему картины, — пусть взоръ его остановится на этихъ горахъ цвѣтовъ, на этомъ цвѣтникѣ розъ, рододендроновъ, азалей и множества другихъ, которыхъ въ этой пестротѣ и изобиліи не можно различить; — пусть припомянется къ блеску этихъ кристалльныхъ и серебряныхъ фонтановъ, изъ которыхъ бьютъ алмазныя струи воды, — пусть наконецъ приглядится къ этой красотѣ алебастровыхъ статуй, которыя бѣлизною своею гармонируютъ такъ съ пестротою и разнообразіемъ костюмовъ; къ

этому непрерывному движенію толпы, которая, подобно морю, безпреставно приливаетъ и отливаетъ, — къ этому блеску и сверканію брильянтовъ.... Всѣ нервы артистическаго духа его такъ будутъ вдругъ пригнетены, что душа погрузится въ сладостное упоеніе, потеряетъ способность различать предметы и получить какой-то новый органъ, которымъ вдругъ видитъ, чувствуетъ, слышать всѣ красоты, о которыхъ когда-либо мечталъ, всѣ чудеса, о которыхъ слышалъ, все могущество, которому когда-либо удивлялся, всѣ звуки, которые когда-то улаждали его слухъ, и очарованному этою радужною атмосферою и этою удивительною гармоніею кажется, что этотъ волшебный замокъ и все, что въ немъ находится — всѣ люди, и всѣ статуи увлечены въ какой-то удивительный танецъ: кружатся, выются и исчезаютъ въ отдаленіи, за лучами золота, брильянтовъ и синевы.

Только появленіе знаменитыхъ особъ и громкіе крики, которыми ихъ привѣтствовали, вырвало меня изъ этого неопредѣленнаго состоянія. Духовные хоры четырехъ церквей, ученики двухъ музыкальных обществъ и военная музыка привѣтствовали прибытіе Королевы народнымъ гимномъ *God save the Queen*. — Послѣ минутной тишины, во время которой принцъ Альбертъ прочиталъ отчетъ устройства Выставки, а Примасть вознесъ простую но возвышенную молитву, — раздалась «Алелуя» Гайдна — и началась процессія. — Для меня, котораго судьба помѣстила на близкой галереѣ, это было зрѣлище самое великолѣпное, какое я когда-либо имѣлъ передъ глазами. — Сначала я увидѣлъ смѣшанную массу синевы, золота, кармазина, но вскорѣ я могъ отличать цвѣта и лица. — Въ началѣ показались герольды, въ старинныхъ костюмахъ, припоминавшихъ минувшіе вѣка, когда обязанность герольдовъ имѣла дѣйствительное значеніе; за ними слѣдовали гражданскіе чины въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, составляя разительную противоположность съ костюмами герольдовъ, характеризующую вѣкъ прошедшій и настоящій, поэтическія времена рыцарства и настоящій, положительный вѣкъ промышленности и науки; — потомъ шли попарно частныя лица и должностныя въ придворныхъ костюмахъ, или въ мундирахъ тѣлохранителей (Yeomen); — за ними 30 иностранныхъ комиссаровъ, каждый въ мундирѣ своей націи, — потомъ нѣсколько чиновниковъ и комиссары Выставки, а среди ихъ стая секретари и члены обѣихъ палатъ. — Богатый виндзорскій костюмъ блескомъ своимъ доказывалъ, что въ этомъ кругу находились главнѣйшіе государственные люди Англіи. — За ними слѣдовали

посланники и вѣсколько ветерановъ англійской арміи, какъ на-примѣръ: маркизь Энгльзи (Anglesea) и герцогъ Веллингтонъ — сѣдовласый старецъ, которому въ этотъ самый день наступилъ восемьдесятъ третій годъ. — Примазь королевства и сонмъ духовныхъ особъ, своимъ чернымъ и бѣлымъ нарядомъ прервали блестящую пестроту богатыхъ костюмовъ, но вслѣдъ за ними длинный рядъ офицеровъ королевскаго двора возвратилъ этому собранію яркій и живой цвѣтъ. — Наконецъ, опираясь на руку Принца Альберта и ведя наследника престола, шла королева, привѣтствуемая радостными возгласами зрителей. — Процессія прошла по обѣимъ крыламъ — и за этимъ объявлено объ открытіи Выставки.

По отбытіи королевы публика не хотѣла разставаться съ этимъ новымъ, богатымъ зрѣлищемъ внутренности дворца, — но какъ всѣ вдругъ хотѣли видѣть и всѣ стремились въ средину дворца, откуда представляется самый обширный видъ, — то никто и не могъ хорошо осмотрѣть. — Невольнымъ образомъ я былъ вытиснутъ въ паркъ, гдѣ стѣсненная толпа хотѣла еще разъ видѣть знаменитыхъ посѣтителей. Опасались давки и безпорядка отъ иностранцевъ, но, кажется, климать Англій и примѣръ англичанъ на нихъ производятъ удивительное дѣйствіе. — Лондонъ всѣхъ поглощаетъ. — Я замѣтилъ, что въ Лондонѣ французы степенны, итальянцы въ разговорахъ не размахиваютъ руками; турки принимаютъ видъ первыхъ джентльменовъ, — египтяне ходятъ въ перчаткахъ, и нѣмцы говорятъ мало, а еще меньше курятъ. — Я увѣренъ, что, по окончаніи Выставки, ни одинъ англичанинъ не перемѣнитъ своей прически и не повяжетъ иначе своего галстука, а между-тѣмъ иностранцы возвратятся домой англичанами.

Весьма естественно, что въ первыхъ дняхъ по открытіи Выставки, положивъ себѣ все осмотрѣть и разобрать въ возможной подробности, я началъ обзоръ свой съ самаго важнѣйшаго произведенія англійской промышленности, то-есть, съ Кристальнаго Дворца. — Зданіе это имѣетъ 1848, англ. футовъ длины, — 408 ф. ширины, — въ средней залѣ (nef) 108. футъ, а въ обоихъ продолговатыхъ крылахъ 66 футъ вышины; оно составлено изъ 11,000 центнеровъ кованаго желѣза, и 70,000 центнеровъ чугуна, — изъ массы стекла, имѣющей 896,000 квадратныхъ футовъ поверхности и 8,000 центнеровъ вѣсу, — изъ дерева, котораго вышло 600,000 кубическихъ футъ. Зданіе, въ которомъ поверхность пола имѣетъ 772,784 квадратныхъ футъ, а галлерей 217,000

квадратныхъ футъ и содержащее въ себѣ 33 милліона кубическихъ футъ объема, — вдвое болѣе самаго огромнаго зданія въ Лондонѣ, то есть церкви Св. Павла, — построено съ необыкновеннымъ искусствомъ, основанномъ на большой опытности: начато и окончено въ теченіи 30 недѣль! — Истинно, смотря на это огромное пространство, въ которомъ взоръ теряется, на эту смѣлость постройки, на это большое количество матеріаловъ, должно признаться, что одни только англичаве, при своей эвергіи, своей твердости и постоянствѣ характера и своемъ богатствѣ, могли придумать и осуществить въ столь короткое время такое гигантское дѣло.

Извѣстно, что Кристалльнй Дворецъ находится въ южномъ концѣ Гайдъ-Парка; онъ имѣетъ четыре главные входа, то есть — Южный, Восточный, Сѣверный и Западный. Посрединѣ его отъ юга на сѣверъ идетъ самая высокая зала, поперечная, съ овальной крышею, — отъ востока на западъ тянется огромная зала, съ плоскою крышею, пересѣкающая первую. — При входѣ въ среднюю залу находится преддверіе въ 72 фута длиною, — за нимъ идутъ балюстрады, фонтаны, сады, посреди множества статуй и бюстовъ до самаго центра, гдѣ обѣ залы пересѣкаются. Во всю длину этого креста идутъ галлерей, пересѣкаемыя посрединѣ поперечными галлерейми, такъ что онѣ составляютъ обширный второй этажъ, подъ которымъ нижній этажъ служитъ также мѣстомъ для Выставки.

Начертавъ такимъ образомъ общій видъ этого зданія, посмотримъ теперь, какъ оно наполнено. — Средній крестъ въ обѣихъ залахъ заставленъ статуями изъ бронзы, цинка, мрамора, алебастра, гипса и т. п., великолѣпными фонтами, нѣсколькими огромнаго размѣра органами, разными ископаемыми, отличающимися своею огромностью и рѣдкостью, неслыханной величины зеркалами и т. п. Всѣ эти предметы принадлежатъ государствамъ, при которыхъ они разставлены — и которыя распределены въ слѣдующемъ порядкѣ:

ГЛАВНАЯ ПОПЕРЕЧНАЯ ЗАЛА.

(входъ съ сѣверной стороны.)

Турція.

Восточная Индія.

Египеть.

— —

Персія и Аравія. — —

Китай. — —

Тунисъ. — —

Бразилія. — —

БОКОВАЯ ЗАЛА.

(входъ съ восточной стороны.)

Иностранное крыло.

(Восточное.)

Съверо-Американскіе
Штаты.

Россія.

Съверная Германія.

Таможенный Союзъ.

Австрія.

Голландія.

Бельгія.

Франція.

Италія.

Испанія и Португалія.

Греція.

Персія и Аравія.

Съверо-Американскіе
Штаты.

Россія.

Данія, Швеція, Нор-
вегія.

Таможенный Союзъ.

Австрія.

Бельгія.

Франція.

Франція.

Швейцарія.

Китай.

Франція.

Россія.

ЗАПАДНОЕ КРЫЛО.

(входъ съ западной стороны.)

Англія.

Англія.

Англія.

Англія.

Англія.

Англія.

Восточная Ин-
дія.

Англія.

Англія.

Англія.

Колонія.

Колонія.

Колонія.

Восточная Индія.

Пройдемся теперь по всѣмъ этимъ государствамъ.

<p>Восточная Индія.</p> <p>Великобританское Королевство и Колоніи Вел. Брит. Кор.</p>	<p>Западные ворота.</p>	<p>Восточная Индія.</p> <p>Великобританское Королевство.</p>	<p>Южные ворота.</p> <p>Франція.</p> <p>Франція. Франція. Бразилія. Тунисъ.</p> <p>Китай, Швейцарія, Франція.</p> <p>Бельгія. Австрія. Тамож. Союзъ. Данія. Швеція. Норвегія. Россія. Сѣв. Америк. Штаты.</p> <p>Австрія. Россія. Франція.</p>	<p>Восточныя ворота.</p>	<p>Сѣверныя ворота.</p> <p>Франція. Бельгія. Франція.</p> <p>Франція.</p> <p>Персія и Греція, Испанія Аравія, и Италія, Бельгія. Португалія.</p> <p>Голландія. Австрія. Тамож. Союзъ Сѣв. Германія. Россія. Сѣв. Америк. Штаты.</p> <p>Турція. Египетъ. Франція.</p>
---	-----------------------------	--	--	------------------------------	--

Когда я приступалъ къ описанію Выставки и собирался познать читателя съ внутренностію Кристалнаго Дворца, я не зналъ, какую принять методу, чтобы не затеряться въ этомъ океанѣ чудесъ человѣческаго разума, не запутаться въ мелочности

описаній и показавъ , по возможности послѣднюю степень усилій человѣческихъ въ каждой отрасли , представить , въ какой мѣрѣ различныя народы содѣйствуютъ успѣху каждой отрасли , или по крайней-мѣрѣ , какую степень занимаетъ каждый народъ на этой огромной лѣствицѣ труда и разума. Если-бы я зналъ , что статью мою прочтутъ люди спеціальныя , то , обращая менѣе вниманія на народность , я послѣдовалъ бы примѣру англійскихъ описаній Выставки и , разсматривая одно отдѣленіе за другимъ , я разбиралъ-бы стоимость произведеній и заслуги производителей. Но , повторяю , такой *космополитизмъ* возможенъ только при спеціальности , которая дѣлается для человѣка его отечествомъ , его роднымъ домомъ , для вашихъ-же читателей систематическое описаніе , въ которомъ не видны различія народности , было-бы слишкомъ сухо и не столь поучительно. Съ другой стороны описаніе по народамъ представляетъ еще и то неудобство , что заставляетъ описывать и такія произведенія , которыя въ сравненіи съ произведеніями другихъ народовъ не заслуживаютъ вниманія , и принуждаютъ разбирать съ одинаковою точностью , какъ самыя ничтожныя произведенія только что рождающейся промышленности такъ и дивныя произведенія разума человѣческаго. Для избѣжанія этихъ неудобствъ , я рѣшился , опредѣлить въ этой статьѣ общую фязіономію каждаго государства отдѣльно и поговорить о тѣхъ съ большею подробностью , о которыхъ въ слѣдующихъ статьяхъ я буду менѣе говорить , и показать , какое именно мѣсто занимаетъ въ дѣлѣ промышленности каждый народъ , а въ послѣдствіи я намѣренъ поближе познакомить читателя съ тѣми отраслями промышленности , которыя для насъ болѣе интересны. Поэтому я посвящаю эту статью географическому обзору.

При входѣ въ Восточныя Ворота встрѣчаются обширныя и по большей части мало наполненныя отдѣленія *Сѣверо Американскихъ Штатовъ*. Смѣлость помысловъ , неослабность въ предпріятіяхъ , сбереженіе времени и силъ и практическая польза издѣлій при выдѣлкѣ которыхъ не было обращено вниманія на артистическія украшенія : таковы отличительныя качества издѣлій этого народа. Проходя по обширнымъ отдѣленіямъ Американской Выставки , которыя хотя и несовершенно наполнены , однако требуютъ нѣсколькихъ часовъ времени для подробнаго обозрѣнія , я чувствовалъ себя перенесеннымъ за Атлантическій Океанъ. Миѣ казалось , что я путешествую по обширнымъ областямъ Сѣверной Америки и вижу этихъ отважныхъ переселенцевъ , которые пускаются на ладьяхъ по бурному морю , въ

страны имъ неизвѣстныя, этихъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, которымъ для воздѣлыванія обширныхъ степей не достаетъ рукъ человѣческихъ и которые должны замѣнять ихъ машинами; — вижу этихъ предприимчивыхъ купцовъ, наконецъ этихъ трудолюбивыхъ ремесленниковъ и фабрикантовъ, которые, будучи обременены съ одной стороны огромными заказами, а съ другой недостаткомъ работниковъ, все усиліе свое напрягаютъ къ тому, чтобы съ самымъ большимъ сбереженіемъ времени и съ самою дѣйствительною пользою выполнить эти заказы, не обращая вниманія на то, будутъ-ли издѣлія ихъ *поражать* или пѣтъ глаза, привыкшія къ изящнымъ формамъ. Миѣ казалось, что я вижу мысль человѣческую, борящуюся съ безчисленными препятствіями и труды столь великіе, что человѣку не достаетъ времени для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ цивилизаціи.

Я уже сказалъ, что Американская Выставка кажется не полною; она не полна въ сравненіи съ тѣмъ, что Сѣверо-Американскіе Штаты могли бы прислать. Я разговаривалъ со многими изъ американцевъ: они единогласно объявили, что впрочемъ и очевидно, что выставка ихъ недостаточно показываетъ состояніе ихъ промышленности, и неудивительно. Американскіе фабриканты не имѣли достаточнаго времени для окончанія и высылки своихъ издѣлій, полагаясь на срокъ, первоначально назначенный Исполнительною Компаніею, который нѣсколько разъ былъ продолжаемъ для европейскихъ производителей. Все, что представлено на Выставку, въ теченіи шести недѣль, показываетъ быстроту и успѣшность работы американскихъ производителей.

Самое любопытнѣйшее мѣсто выставки этой великой республики Новаго Свѣта представляютъ сырые продукты и между ними огромные тюки отличной хлопчатой бумаги, присланной изъ Тенесси (Tennessee), Миссури и другихъ Южныхъ Штатовъ; находящіяся здѣсь же образчики шерсти доказываютъ, что американцы не довольствуются производствомъ одной хлопчатой бумаги: потому что Сѣверные-Штаты нуждаются въ одеждѣ теплѣйшей, какова шерстяная. Самые лучшіе образчики мериносовой шерсти присланы изъ Нью-Йорка. Очень разнообразны американскія масла (huiles), которыя совершенно отличаются отъ нашихъ; здѣсь находятся напримѣръ масла: изъ *клещевины* (турецкой конопли), изъ печени морской рыбы *Дорсовъ*; особенно замѣчательенъ свиной жиръ, добытый посредствомъ паровъ. Онъ присланъ на выставку фабрикантами изъ Цинцинната гг. Хольбрукомъ (Holbrook) и Стенлеемъ (Stanley), которые увѣряютъ, что онъ обходится 50

процентами дешевле китоваго жира и имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что гораздо лучше освѣщаетъ. Безъ сомнѣнія во Франціи и Англіи, гдѣ свинина дороже нежели въ Америкѣ, эта отрасль промышленности не можетъ быть съ выгодною принята, но быть можетъ, что у насъ въ Венгріи и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ занимаются разведеніемъ свиней, эта промышленность могла бы открыть новый источникъ богатства.

Американская Выставка весьма богата и разнообразна съѣстными припасами. Изъ Охейо (Ohio) напримѣръ присланы окорока, маршинованные не солью, а сахаромъ; изъ Техаса: — бульонные сухари, которые готовятся слѣдующимъ образомъ: въ продолженіи шестнадцати часовъ варится мясо, потомъ все, что въ это время не распустилось въ кипяткѣ, вынимается изъ котла, а густой бульонъ парится до тѣхъ-поръ, пока совершенно не сгустѣетъ. Тогда въ него всыпается достаточное количество муки и изъ составившагося такимъ образомъ тѣста пекутся сухари. И хотя въ нихъ вовсе не кладутъ соли, они сохраняются въ теченіи года, даже подъ палящимъ небомъ Техаса; въ нихъ даже не заводятся черви. Одинъ фунтъ такихъ сухарей можетъ замѣнить пять фунтовъ лучшаго мяса. Войска, охраняющія границы Техаса отъ нападений индѣйцевъ, весьма довольны этою пищею. Такъ какъ цѣна ея очень низка и вѣсь незначителенъ, то всѣ путешественники, отправляющіеся въ безлюдныя страны Миссури или Калифорніи, запасаются ими въ большомъ количествѣ. Извѣстно, что американцы высылаютъ въ Европу значительное количество муки: поэтому на Выставкѣ находятся пробы самыхъ лучшихъ сортовъ муки. Не говоря ничего объ обыкновенной мукѣ, я вспомню только о выдѣлываемой изъ кукурузы. Безчисленное множество пробъ различнаго рода и различнаго цвѣта кукурузы, прислано изъ Нью Йорка; крахмальная мука изъ кукурузы, присланная фабрикантомъ *Oswe*, достаточно показываетъ съ какимъ постоянствомъ развивается въ Америкѣ мысль замѣнить хлѣбъ кукурузой. Но къ счастью хлѣбородныхъ странъ, можно быть увѣреннымъ, что Европа неохотно согласится промѣнять хлѣбъ на это *formentone* итальянцевъ: хотя бы даже медицина и не учила насъ, что исключительное употребленіе кукурузы причиняетъ разныя болѣзни, притомъ-же нельзя допустить мысли, видя столько отличныхъ пробъ зерноваго хлѣба, присланныхъ изъ Новаго Свѣта, чтобы американцы для кукурузы пожертвовали произрашеніемъ хлѣба. Однимъ изъ неизвѣстныхъ въ Европѣ продуктовъ, присланныхъ изъ Америки есть вино: *Cataw-*

ба, но оно уложено въ ящикахъ, какъ подлежащее запретительнымъ правиламъ, относящимся до всѣхъ вообще спиртовыхъ напитковъ.

Хотя ископаемыя Америки весьма богаты, многочисленны и разнообразны, но присланные на Выставку не представляютъ намъ ничего новаго и неизвѣстнаго досель. Гг. Уардъ (Ward) и Бостонъ прислали пробы самородной мѣди, а докторъ Фейхтвангеръ, изъ Нью-Йорка — полную коллекцію минераловъ, между коими находятся: сталактиты, окаменѣлыя челюсти мастодонтовъ и мамонтовъ, топазы изъ Коннектикута, олово съ примѣсью серебра изъ Нью-Хемшира (New-Hampshire), (75° олова, 100 унцій серебра на 20 центнеровъ смѣси), хромъ, баритъ, сѣру изъ Коннектикута. — Сверхъ того находится кусокъ самородной мѣди, вѣсомъ въ 2,544 фунта, добытый въ копи при Верхнемъ Озерѣ, прекрасныя кристаллизаціи кварца, мраморъ черной и зеленый (vert antique), желѣзо, отличныя роды цинка и проч.

Земледѣльческія снаряды и машины Соединенныхъ Штатовъ будутъ описаны мною въ особой статьѣ, — число ихъ очень значительно, — но между важнѣйшими изъ нихъ я мало видѣлъ практическихъ. — Послѣ машинъ самая многочисленная издѣлія каучуковыя. Смотри на это огромное количество, на легкость и разнообразіе приспособленія, на большую пользу отъ него — нельзя не удивляться, съ какою быстротою американцы приспособили къ дѣлу этотъ продуктъ, столь недавно еще сдѣлавшійся извѣстнымъ. Изъ него выдѣланы понтоны, то-есть трубы, наполненныя воздухомъ, лодка для спасенія утопающихъ, разныя мелкія вещи, мастерски сдѣланныя ткаши, каретныя рессоры, составленныя изъ четырехъ пластовъ, занимающихъ весьма мало мѣста и весьма удобно замѣняющихъ обыкновенныя рессоры. — Двѣ стѣны обширной залы завѣшены дагерротипными картинами, между которыми находятся портреты, виды, ландшафты и разныя сцены, снятыя съ натуры. Одинъ художникъ представилъ нѣсколько видовъ Ниагарскаго водопада, снятыхъ вѣроятно издали, потому что быстрое теченіе водъ не препятствовало ясному изображенію предметовъ. — Другіе дагерротипы, снятыя съ масляныхъ картинъ, или большихъ гравюръ огромнаго размѣра, доказываютъ, что практической духъ американцевъ успѣшилъ распространить у себя этотъ механической способъ списыванія образцовыхъ произведеній и передалъ въ этомъ дѣлѣ европейцевъ, которые кажутся обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ относительно открытія Даггерра.

Коллекція оружія довольно значительна, но въ выдѣлкѣ ихъ также заботились объ одной пользѣ. Я замѣтилъ между прочимъ одно ружье, на которомъ сдѣланъ прицѣлъ между двумя кружками, изъ которыхъ одинъ находится сзади, а другой при оконечности дула и, какъ кажется, долженъ служить къ мѣткости ружья. Г. Колль (Coll) изъ Хардварта (Hartford) прислалъ много пистолетовъ и ружей одноствольныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ многострѣльныхъ, которыя заряжаются также какъ англійскія пяти или шести-ствольныя. Какъ вещь любопытная замѣчательно паровое ружье Перкинса. — Оно не имѣетъ признаковъ непріязненности къ роду человѣческому: потому-что очень тяжело и не переносится легко съ одного мѣста на другое, хотя можетъ быть скоро заряжаемо и выстрѣлъ его далекъ.

Моделей большихъ зданій находится не много: между ними замѣчательны два моста и пловучая церковь въ Филадельфій, — произведеніе достойное Соединенныхъ Штатовъ — Есть нѣсколько экспанжей, которые хотя и не такъ красивы какъ англійскія, но практичнѣе и поражаютъ новостью вымысла. — Такъ называемая *Американская карета* изъ Бостона, имѣетъ подвижной кузовъ: сдвинутый представляетъ двухъ-мѣстную карету, а раздвинутый четырехъ мѣстную; нѣсколько фазтоновъ, отличающихся необыкновенною легкостію, но постройка колесъ требуетъ твердой дороги. — Американская мебель практичнѣе европейской: вмѣсто пружинъ въ ней находятся каретныя рессоры, и еслибы въ ней было болѣе вкуса — она могла бы спорить о первенствѣ съ лучшею мебелью Франціи и Англій. — Собраніе музыкальныхъ инструментовъ представляетъ нѣсколько совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ изобрѣтеній, обещающихъ значительное усовершенствованіе въ составѣ оркестровъ. Самый большой недостатокъ въ устройствѣ фортепіанъ состоялъ до-сихъ-поръ въ непрерывномъ прерываніи послѣдующихъ тоновъ, но его нѣтъ ни въ духовыхъ, ни въ струнныхъ инструментахъ. — Г. Уудъ (Wood), фабрикантъ изъ Виргиніи, отклонилъ этотъ недостатокъ, присовокупивъ къ фортепіанамъ скрипки, на которыхъ играють два смычка, придѣланные къ дощечкѣ, приводимой въ движеніе ногою артиста. Клавиши, по желанію играющаго, отвѣчаютъ тонамъ скрипокъ или фортепіана, или обомъ инструментамъ вмѣстѣ; — но хотя вымыселъ этотъ и заслуживаетъ похвалы, хриплые звуки этого инструмента дѣлають его непріятнымъ для слуха; впрочемъ должно надѣяться, что онъ вскорѣ будетъ усовершенствованъ. — Физическіе инструменты по большей ча-

сти сдѣланы, или изобрѣтены капитаномъ Эриксопомъ ; между ними замѣчательнѣе : барометръ тревоги (d'alarme), подающій знакъ громкимъ ударомъ шарика, всякій разъ когда ртуть падаетъ ниже 28° и предвѣщаетъ тѣмъ быструю перемену атмосферы ; — оловянная пуля, означающая тотчасъ глубину воды и наконецъ какой-то новый инструментъ, непатентованный, а потому и неизвѣстный еще, названный *calorie engine*. — Часы, ножи, бумажная пряжа представляютъ мало замѣчательнаго ; — есть много кондукторовъ (проводниковъ), машина для открыванія заставъ и рогатокъ ; — домашній телеграфъ, небольшое число стеклянныхъ издѣлій, лампы, жирандоли. — Серебряныя издѣлія не богаты, ювелирныхъ почти вовсе нѣтъ. — Въ весьма обширной галереѣ, назначенной для Соединенныхъ Штатовъ, по недостатку другихъ предметовъ, какой-то парикмахеръ изъ Филадельфій установилъ огромное количество разныхъ духовъ и мыла.

Сравнивая между собою области Соединенныхъ Штатовъ, мы видимъ, что сѣверные штаты наиболѣе прислали своихъ произведеній, особенно же Нью-Йоркъ. Оттуда присланы разные земледѣльческія и мануфактурныя машины, зерновой хлѣбъ, разнаго сорта мука, физическіе инструменты, кожи, оружіе, карты и сукна. — Второе мѣсто занимаетъ Пенсильванія ; — отсюда присланы : земледѣльческіе снаряды, духи, мыла, музыкальныя инструменты, обои, минералы и каменный уголь. Изъ Охейо (Ohio) присланы разные кондукторы, кукуруза, табакъ, вина, свиной жиръ, мука и разные маринады. — Изъ Мэссачусетса, Нью-Хемпшира и Родъ-Эйланда : бумажныя издѣлія и ситцы, изъ Теннесси сырая хлопчатая бумага ; — изъ Южной Каролины : хлопчатая бумага, сарачинское пшено, экипажи ; — изъ Нью-Джерзи : цинкъ и цинковая окись — изъ Индіаны : земледѣльческіе снаряды ; — изъ Вермента : кленовой сахаръ ; изъ Миссури и Виргиніи : минералы, табакъ и шорыя издѣлія.

Такова выставка Сѣверной Америки. — Я нѣсколько расстроился о ней, потому что при систематическомъ обозрѣніи мнѣ придется рѣдко къ ней обращаться, развѣ какія-нибудь новыя высылки, которыхъ ожидаютъ, измѣнятъ ея характеръ. Читатель замѣтилъ, что не всѣ области собрались на эту *Всемирную ярмарку* народовъ, какъ обыкновенно называютъ въ Америкѣ Лондонскую Выставку.

Возлѣ Соединенныхъ Штатовъ находится *Россія*. — Большая часть выставленныхъ предметовъ возбуждаетъ здѣсь всеобщее

удвление. Описание Русской Выставки я отложу до систематическаго обозрѣнія.

На западъ отъ Россіи, на южной сторонѣ, находится *Швеція* съ *Норвегією*, а за ними *Данія*. — Печаленъ видъ этой выставки; — она вовсе не соотвѣтствуетъ ни пространству, ни населенію этихъ государствъ. Каждый англійскій городъ, каждый швейцарскій кантонъ и каждая область Соединенныхъ Штатовъ прислали на Всемирную Выставку гораздо болѣе произведеній. — Славныя своимъ богатствомъ рудокопни Швеціи и Норвегіи прислали едва нѣсколько сырыхъ продуктовъ желѣза, серебра и золота. — Хотя высѣшнее состояніе датскаго флота я не можетъ сравниться съ его прежнимъ, блестящимъ состояніемъ, — но, не смотря на это онъ еще и нынѣ занимаетъ довольно почетное мѣсто, а потому весьма удивительно, что только одна модель компаса и нѣсколько хронометровъ составляютъ цѣлую выставку инструментовъ, употребляемыхъ датскимъ флотомъ. — Отъ этихъ народовъ, разумѣется нельзя было ожидать изящныхъ издѣлій парижской промышленности, матерій лонскихъ, тканей Лидса и Манчестера, или богатыхъ парчей и оружіи Востока; — но все-таки жаль, что жители Скандинавіи, которые гораздо способнѣе, правдивнѣе и просвѣщеннѣе многихъ народовъ южныхъ странъ, — не постарались о приличнѣйшемъ представительствѣ своей промышленности въ глазахъ Европы и цѣлаго свѣта. — Такъ какъ въ полуночныхъ сферахъ жизнь проста, а роскошь почти неизвѣстна, то поэтому и цѣтъ тамъ этого лихорадочнаго движенія, которымъ отличаются фабрики южныхъ странъ; но за то непрерывная борьба человѣка съ дикою природою, съ пасмурнымъ и неумолимымъ небомъ и съ моремъ, которое воздымая безпрестанно свои бурныя волны, или оковываясь ледяною корою, дѣлается недоступнымъ человѣку: неужели, говорю, эта борьба не могла возбудить жителя сѣвера искать въ механикѣ орудія для обузданія непримиримаго врага своего, океана, который девять мѣсяцевъ въ году держитъ его въ неволѣ? —

Горные жители Швейцаріи и Зальцбурга, жители Тироля и Шварцвальдскаго округа, которыхъ холодъ держать въ избахъ почти также долго какъ и скандинавскаго крестьянина, образовали для себя особую отрасль промышленности и издѣлія свои, произведенныя ими во время продолжительныхъ зимнихъ вечеровъ, продаютъ лѣтомъ на всѣхъ ярмаркахъ средней Европы. — Отчего скандинавы не послѣдуютъ ихъ примѣру? — Трудно допустить, чтобы жители двухъ большихъ полуостро-

вовъ, подобно савойскимъ суркамъ, проводил во свѣ шесть мѣсяцевъ въ году, чтобы они не утравлялись въ теченіи большей половины своей жизни въ занятіяхъ умственныхъ, или физическихъ; а между тѣмъ, смотря на ихъ выставку, можно подумать, что они въ продолженіи длинныхъ зимнихъ вечеровъ не занимаются никакими ремеслами. Нѣтъ, должна быть какая-нибудь другая причина ихъ недѣятельности. — Никакая торговля не можетъ не только процвѣтать, но и существовать безъ значительнаго сбыта. Жители Скандинавскаго полуострова не могутъ пользоваться, подобно жителямъ Швейцаріи, легкимъ сбытомъ своихъ издѣлій иностранцамъ; у нихъ нѣтъ вблизи ни минеральныхъ водъ, ни Вѣны, которыя служатъ источникомъ богатства для Зальцбурга и Тироля, — поэтому явно, что скандинавская промышленность не пробудится, пока не найдетъ для себя открытыхъ морскихъ путей. — И такъ не на Выставкѣ, а въ таможенномъ тарифѣ Даніи, Швеціи и Норвегіи должно искать разрѣшенія вопроса о томъ: имѣютъ-ли крестьяне скандинавскіе какую-нибудь промышленность, и можетъ-ли эта промышленность сравниться когда-нибудь съ промышленностію другихъ государствъ?

Благодаря Копенгагенскому фарфоровому заводу и рѣзцу многихъ знаменитыхъ ваятелей, Датская художественная выставка отлична и хорошо составлена. — Это небольшое государство, погруженное въ туманы сѣвернаго моря, въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе представлено на выставкѣ, нежели многія южныя страны, гдѣ солнце вѣчно свѣтитъ и ни одно облачко не помрачаетъ неба. Данія — родина Торвальдсена; художества, какъ-бы вызванныя гениемъ этого великаго мужа, стеклись сюда и поселились на ледовитыхъ берегахъ Балтики; — до того они никогда не покидали голубыхъ волнъ Архипелага и прозрачной равнины Средиземнаго моря. — О датской машинѣ для складыванія типографскихъ буквъ, единственной въ этомъ отдѣленіи выставки, я поговорю въ своемъ мѣстѣ.

Несравненно богаче, полицѣе и гораздо интереснѣе выставка *Германскаго Таможеннаго Союза*. Она представляетъ могущественную промышленную организацию и отважное соревнованіе по всемъ отраслямъ промышленности. Этимъ огромнымъ успѣхамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ государства Германіи обязаны устройству Таможеннаго Союза, распространившаго область свободнаго обмѣна и усилившаго сподвижничество. — Происходящія отъ этого результаты не ограничиваются одною только промышленностію: какъ скоро мысль народа получить это спаситель-

ное направленіе, его матеріальное благосостояніе возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Потребность пріобрѣтенія отъ своихъ сосѣдей на выгодныхъ условіяхъ сырыхъ продуктовъ и надежда на выгодный сбытъ имъ произведеній своей промышленности производить благотворное дѣйствіе на взаимныя отношенія народовъ; поддерживаетъ ихъ взаимную зависимость одного отъ другаго, и тѣмъ самымъ съ каждымъ днемъ укрѣпляетъ болѣе ихъ взаимныя отношенія;—этими способомъ ежедневно и даже ежечасно прибавляется новый камень къ прочному основанію европейскаго промышленнаго благоденствія.

При систематическомъ обзорѣ всей Выставки я чаще буду обращаться къ предметамъ выставки Таможеннаго Союза,—а потому здѣсь ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями, объясняющими географію и статистику этой части Выставки.—Изъ всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза, *Пруссія* представила наиболѣе предметовъ и именно 800 статей; въ томъ числѣ: Рейнскія провинціи 317; городъ Берлинъ 175; Вестфалія 80;—Силезія 60. — Изъ Познаньскаго Герцогства находится 8 экспонентовъ, а въ томъ числѣ Липскій прислалъ шерсть въ подарокъ королевѣ Викторіи и Кишевскій: шелкъ сырецъ съ коконами. —Послѣ Пруссіи наиболѣе было экспонентовъ: изъ *Саксоніи* 202 и изъ герцогствъ *Саксонскихъ* 50;—изъ *Виртемберга* 129;—изъ *Баваріи* 108;—изъ великаго герцогства *Гессенъ-Дармштадтскаго*: 95. — *Баденская* выставка едва имѣетъ 11 представителей, что не мало удивляетъ každого, кто имѣлъ случай видѣть, при проѣздѣ чрезъ это государство, значительное число паровыхъ и гидравлическихъ машинъ, особенно же въ Шварцвальдѣ и въ обширной долинѣ, пересекаемой Рейномъ. —*Баварская* выставка также не соответствуетъ промышленному и политическому состоянію этого государства. — Нюрнбергъ, Фюртъ, Бамбергъ, Вюрцбургъ, Регенсбургъ, Мюнхенъ прислали весьма мало представителей своей разнообразной промышленности. —Такъ напримѣръ я напрасно искалъ въ Таможенномъ Союзѣ дѣтскихъ игрушекъ, которыхъ баснословная дешевизна, точно также какъ и деревянныхъ часовъ, или карманныхъ женскихъ, составляетъ для англійскихъ и французскихъ фабрикантовъ необъяснимую загадку,—между тѣмъ какъ она происходитъ отъ того, что промышленность эта, укоренившаяся въ этихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ, занимаетъ цѣлыя селенія и города и при распростираншемся раздѣлѣ труда, каждый членъ семейства занимается цѣлую жизнь свою выдѣлкою одной какой вѣбудь части, или ко-

лечка, — такимъ образомъ опытность и искусство одного поколѣнія переходитъ въ наслѣдство другому, и они пріобрѣтаютъ постепенно возможность производить свои издѣлія лучше и скорѣе.

То, что *Баварія*, прислала на Выставку не даетъ общаго понятія о сельской и городской промышленности этого королевства, но отличается дешевизною и удобствомъ. И здѣсь красота отдѣлки принесена въ жертву пользѣ и здѣсь не было обращено вниманія, на изящество формъ и совершенство издѣлій. Хотя Баварская Выставка и имѣетъ, такъ сказать, артистическія притязанія, оправдываемыя нѣкоторымъ образомъ немногими художественными произведеніями, но не взирая на то, что въ Мюнхенѣ художества въ большемъ уваженіи, нельзя съ этой точки зрѣнія смотрѣть на Баварскую Выставку, потому что художественное чувство не достигло еще тѣхъ рукъ, которыя изъ Нюрнберга и Фюрта засыпаютъ цѣлый свѣтъ своими издѣліями. Артистическое чувство въ Баваріи есть только *accessorium*: оставляя для него мѣсто, не должно было забывать о существенномъ.

Виртембергъ и герцогство *Саксенъ-Мейнингенское* увеселяютъ гостей выставки. Препараторъ королевскаго музеума Естественной Исторіи въ Штутгартѣ, Плонекъ (Plonequet) устроилъ довольно обширное мѣсто набитыми чучелами звѣрей, изъ которыхъ составилъ разныя комическія группы. Есть нѣсколько сценъ отлично и натурально устроенныхъ, напримѣръ: дикій кабанъ и олень, преслѣдуемые собаками, лисица, приносящая своимъ щенятамъ куропатку, — бой птицъ съ кушцами и хорьками, также отлично представлены басни Лафонтена, по рисункамъ Гранвиля. Эта часть выставки съ утра до поздняго вечера наполнена зрителями, которые, при громкомъ смѣхѣ, любятъ замысловатыми группами: и дѣйствительно трудно удержаться отъ смѣха при видѣ этихъ мینیатюрныхъ лисицъ и медвѣдей, которые, со всею страстію охотниковъ и съ самою нѣмецкою важною, стрѣляютъ зайцевъ; при видѣ выходящихъ на поединокъ крольковъ, играющихъ котовъ; мосекъ и лягавыхъ собакъ, углубленныхъ въ чтеніе огромныхъ фолиантовъ. Изъ Мейнингена г-нъ Саксенфегеръ прислалъ филармоническое зеркало, изображающее оркестръ Жюльена въ двадцати карриатурахъ, очень искусно сдѣланныхъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Пруссіи находятся *Саксонія* и *Виртембергъ*. Саксонскія сукна издавна извѣстны своею красотою и крѣпостію, — но на Выставкѣ не было суконъ, которыя могли бы сравниться съ французскими или англійски-

ми, — впрочемъ находящіяся здѣсь пробы суковъ не позволяютъ сдѣлать общаго сужденія о состояніи суковной фабрикаціи и сравненія этихъ суковъ съ иностранными. Саксонскія полотна в столовое бѣлье принадлежать къ первому разряду этихъ издѣлій и ни въ чемъ не уступаютъ самымъ лучшимъ произведеніямъ этого рода въ другихъ государствахъ европейскихъ. Не мало удивляетъ každого, что на Выставкѣ нѣтъ даже никакого слѣда лейпцигскаго книжнаго промысла. Какая тому причина? — Извѣстно, что промышленность эта, удивляющая англичанъ и французовъ, наводняетъ не только всю Германію, но почти цѣлый свѣтъ всякаго рода литературными произведеніями, помѣръ того какъ онѣ появляются въ какомъ-нибудь государствѣ, на какомъ бы то ни было языкѣ. Лейпцигъ, гдѣ едва считаютъ 40,000 жителей, издаетъ ежегодно въ четыре раза болѣе книгъ, нежели Вѣна и въ семь разъ болѣе Мюнхена. Столь обширныя предпріятія заслуживали бы завять соотвѣтственное мѣсто на Выставкѣ, еслибы не встрѣчалось то препятствіе, что большая часть лейпцигскихъ изданій принадлежитъ къ незаконному перепечатыванію. Вѣроятно это было причиною, что лейпцигская книжная промышленность не имѣетъ представителей на Выставкѣ, гдѣ интересы всѣхъ и každого уважаются добросовѣстно и гдѣ корыстолюбіе книгопродавцевъ, обкрадывающихъ своихъ сосѣдей, не могущихъ имъ отомстить, возбуждаетъ въ справедливомъ характерѣ англичанъ сильный гнѣвъ. Въ этомъ родѣ промышленности отличается особенно Бельгія, — но, какъ я слышу, и другіе книгопродавцы начинаютъ уже завистливымъ окомъ смотрѣть на ихъ жалкую славу. Еслибы въ Англіи какой-нибудь книгопродавецъ вздумалъ перепечатать какое-нибудь заграничное изданіе, составляющее собственность иностраннаго книгопродавца, то онъ по пустому бы истратилъ издержки изданія, потому-что каждый англичанинъ хорошо знаетъ, что человѣкъ, приобретающій вещь отъ незаконнаго владѣльца дѣлается соучастникомъ покражи.

Раздѣливъ Германскую Выставку по предметамъ, окажется, что въ самомъ большемъ количествѣ прислано разной пряжи и издѣлій, которыхъ всего 1081; потомъ идутъ произведенія металлическія, стекло и фарфоръ (469), мебель и деревянныя издѣлія (387), сырые продукты (343), машины и инструменты, (313) произведенія изящныхъ художествъ (157). Въ первомъ отдѣленіи самыя многочисленныя предметы: шерстяная пряжа, шали, смѣшанныя ткани, ковры, принадлежности туалета, издѣлія полотняныя, шелко-

выя, бархатъ, кожи и сѣтцы. Слѣдующая группа, по числу предметовъ начинается желѣзомъ, потомъ идетъ сталь и вообще металлическія издѣлія, далѣе издѣлія серебряныя и ювелирныя, пожи, фарфоръ, стекло и хрусталь; въ дальнѣйшемъ отдѣленіи идутъ: благовонныя издѣлія, каучуковыя, издѣлія изъ растительнаго царства, — и наконецъ четвертое мѣсто, относительно количества предметовъ, занимаютъ сырые продукты, и именно: изъ царства животнаго и растительнаго, употребляемые въ промышленности, минералы, предметы жизненной потребности, химическія и фармацевтическія издѣлія. Въ отдѣленіи машинъ особенно бросаются въ глаза физическіе инструменты, значительное число ручныхъ снарядовъ, замѣненныхъ въ Англіи машинами, снаряды земледѣльческіе, орудія, машины непосредственнаго употребленія, разныя архитектурныя и другія модели; отдѣленіе художествъ состоитъ изъ 157 нумеровъ, идущихъ въ слѣдующемъ порядкѣ, относительно количества предметовъ: разныя изваянія изъ мрамора, бронза, желѣзныя литейныя вещи, мозаика, рѣзныя издѣлія, медали, шлифованныя камни, архитектурныя украшенія, модели и наконецъ финифтевыя вещи, которыхъ всего четыре. Такова числительная статистика Выставки Таможеннаго Союза, показывающая, что прядильная промышленность занимаетъ первое мѣсто и слѣдовательно, что средняя Германія есть страна промышленная, а какъ сырые продукты занимаютъ только четвертое мѣсто, то можно заключить, что почва земли не производитъ достаточно матеріаловъ, для оживленія промышленности, а слишкомъ малое число машинъ служитъ причиною незначительности производства.

Выставка *Сѣверной Германіи*, — къ ней принадлежатъ государства, не входящія въ составъ Таможеннаго Союза, какъ-то: *Ганноверъ, В. герцогство Ольденбургское, Гамбургъ, Голштинія, Любекъ, Бременъ, Великія герцогства: Мекленбургъ-Шверинское и Мекленбургъ-Стрелицкое*, — гораздо слабѣе. Еслибы не Гамбургъ, котораго издѣлія заслуживаютъ вниманіе, назначенная для этого отдѣленія зала была-бы совершенно пуста. На Гамбургской Выставкѣ обращаетъ особое вниманіе богатая коллекція тростей фабрики г-на Мейера, прекрасная мебель Мена, Рампендаха и Пламберка, — рафинированный сахаръ, немного пожей, музыкальныхъ инструментовъ и художественныхъ произведеній.

За то Выставка *Австріи*, составляющей здѣсь третье отдѣленіе Германіи, во всѣхъ отношеніяхъ очень богата. Еще до открытія Выставки журналы наполнены были подробностями о мебели Лейтлера, мебельщика изъ Вѣны, — четыре залы его, выложенныя

искусственнымъ паркетомъ, составленнымъ изъ краснаго, палисандроваго и дубоваго дерева, уставлены великолѣпными издѣліями столярнаго искусства. Особенно отличается своимъ великолѣпіемъ спальная комната — и въ ней богатое ложе. Оно украшено рѣзными колонами, представляющими разныя фигуры и букеты цвѣтовъ и богатымъ бархатнымъ покровомъ; все это сдѣлано съ необыкновеннымъ искусствомъ и тщательностію. Нѣсколько группъ поражаютъ изяществомъ вымысла и рисунка и необыкновеннымъ искусствомъ вырѣзки. Я бы охотно занялся описаніемъ всѣхъ подробностей этого истинно художественнаго произведенія, перечисляя бы всѣ изысканья и даже съ избыткомъ, бросающимся въ глаза, украшенія, — если бы меня не ожидало еще въ этомъ письмѣ обозрѣніе такого множества предметовъ, даже не выходя изъ отдѣленія Австріи и еслибы для столь же подробнаго описанія, не имѣли право другія издѣлія Лействлера, каковы напримѣръ: шкафъ для библіотеки, подаренный Императоромъ Королевѣ Викторіи, — этажерки для цвѣтовъ и картинъ, палой и нѣсколько столовъ, отлично отдѣланныхъ. Но если искусству столяра нельзя сдѣлать ни какого упрека, то вымыселъ архитектора не можетъ быть совершенно безъ упрека. Мебель эта вообще слишкомъ громоздка и слишкомъ изыскана, какъ домъ обогатившагося мѣщанина. Шкафъ для библіотеки подобенъ готическому зданію въ мینیатюрѣ, — ложе своею оригинальнію переходитъ всякую пропорцію, а огромныя колоны его, сами по себѣ очень красивыя, могли бы служить къ поддержанію довольно большаго зданія. Письменный столъ Грегера изъ Вѣны можетъ служить доказательствомъ необыкновеннаго старанія и искусства художника, но обличаетъ вкусъ тривиальный, или правильнѣе, недостатокъ вкуса, который допустилъ столь маленькій предметъ испестрить столькими украшеніями, посреди которыхъ исчезаетъ цѣлое и зритель поневолѣ спрашиваетъ: что это такое? — столикъ, или лавочка, гдѣ съ нѣмецкою щепетилностію выставлены безчисленные ряды историческихъ и символическихъ статуекъ? — Гораздо болѣе вкуса показываютъ миланскія издѣлія: рамы и камни. — Въ этой же сторонѣ Австрійской Выставки занимаютъ почетное мѣсто произведенія Вѣнской Императорской типографіи, свидѣтельствующія о необыкновенномъ богатствѣ этого заведенія, которое представило на Выставку молитву «*Отче Нашъ*», напечатанную на 400 языкахъ и нарѣчійхъ, — которое издало огромной величины географическія карты и въ такомъ совершенствѣ распечатанная литографіи, что при сличеніи ихъ съ оригиналомъ, нельзя ра-

спознать подлинника отъ копій. Въ южной сторонѣ разложено при-
сланное изъ Вѣны и Праги богатѣйшее собраніе пѣнковыхъ тру-
бокъ и сигарницъ, иногда чудовищныхъ размѣровъ ; — огром-
ныя кучи стеариновыхъ издѣлій, множество разныхъ издѣлій изъ
Тироля, шелковыя матеріи и платки, которыя могли бы сопер-
ничествовать съ французскими, еслибы слишкомъ яркія цвѣта не
уменьшали ихъ красоты, — прекрасныя стриженыя ковры, —
и наконецъ одна изъ самыхъ красивыхъ залъ наполнена милан-
скими скульптурными произведеніями.

Одною изъ наиболѣ заслуживающихъ вниманія посѣтителя есть
безъ сомнѣнія *Бельгійская* Выставка. — По незначительному
пространству и населенію этого государства, оно занимаетъ въ
зданіи Выставки самое значительное и самое почетное мѣсто,
особенно же по практической пользѣ и по низкой цѣнѣ своихъ
издѣлій. — Эта выставка, начиная отъ каменнаго угля и самыхъ
простыхъ ископаемыхъ продуктовъ, отъ самыхъ мелкихъ ювелир-
ныхъ вещицъ до исполнскихъ машинъ, содержитъ въ себѣ всѣ
роды издѣлій, такъ что нельзя ни объ одномъ говорить, не за-
глянувъ въ Бельгійское отдѣленіе. — Фабрика *Seraing* прислала
два огромные локомотива, которые достойно поддерживаютъ ея
славу, а сверхъ того двѣ машины въ 140 силъ для пароходовъ,
одну машину въ 16 силъ, и одну совершенно механическую
игрушку : машину въ 4 силы. — Есть также много замѣдѣль-
ческихъ машинъ: соломорѣзокъ, молотильныхъ, разнаго рода плуговъ,
мельницъ, сѣялокъ и другаго рода снарядовъ, посредствомъ ко-
торыхъ Бельгія вошла въ малое число государствъ, гдѣ земледѣліе
достигло высокой степени совершенства. — Нѣсколько прядильныхъ,
ворсовальныхъ, Жакардовыхъ станки и машина Фанъ-Гетема, для
чищенія и бѣленія сахара, одинаковой съ англійскими машинами
системы. Всѣ стѣны завѣшены огромными коврами и клеенками.
Поставленныя на первомъ ярусѣ восковыя фигуры Епископовъ,
служатъ выставкою богатѣйшихъ облаченій поштѣфкальныхъ ; —
за ними слѣдуютъ позументныя и басовныя издѣлія, церковная
утварь, великолѣпно переплетенныя Библіи, кружева, — за ни-
ми оконныя и церковныя расписныя стекла, потомъ группа
бронзовыхъ статуэтъ и между ними въ миньятюрѣ статуя
льва на Ватерлооскихъ поляхъ. По поводу этого всоюзническа-
го памятника, сказано было, что народы, участвовавшіе въ
Ватерлооскомъ сраженіи представлены на поляхъ битвы въ пре-
вратномъ отношеніи, и именно : Англія поставила тамъ два, или
три памятника, Пруссія часовню, а Бельгія гору, на вершинѣ кото-

рой поставила чудовищнаго льва. При границѣ Голландіи церковныя утвари г. Гауіега изъ Мехельна составляютъ пирамиду, вышиною въ 12 футъ, а на двухъ-сторонней ковторкѣ разложены : бумага, письменныя принадлежности, книги, басонныя издѣлія и т. д. — Но что скажу я о кружевахъ ? — Три города : Ирръ, Граммонъ и Брюссель спорятъ о первенствѣ какъ самую выдѣлкою, такъ и узорами кружевъ. Разнообразіе ихъ удивительно и цѣна также весьма различна, отъ одного франка до тысячи двѣсти франковъ за локоть. — Хороши очень черныя кружева, но мнѣ болѣе всего понравились брюссельскія, изъ которыхъ самыя дешевыя стоятъ тысячу франковъ, а матеріаль, употребленный на нихъ, обошелся въ четыре тысячи франковъ за килограммъ.— На западной сторонѣ Бельгійской Выставки находится одинъ только столъ съ ювелирными издѣліями, но онѣ заслуживаютъ вниманіе, особенно же камелин, цѣпочки и икрустаціи на серебрѣ и золотѣ;— о сырыхъ продуктахъ, шерстяной и бумажной пряжѣ, предметахъ жизненной потребности и туалета, оружіи и шорныхъ издѣліяхъ я теперь умолчу.

Отъ Бельгіи переходятъ во Францію. — День открытія Выставки засталъ Французскую Выставку совершенно не приготовленною : въ обширныхъ залахъ ея суетились работники, открывавшіе ящики и тюки и устанавливавшіе машины и модели. — Длинный рядъ шкафовъ назначенныхъ для помѣщенія издѣлій Лионскихъ фабрикъ поражалъ всѣхъ своею пустотою : едва изъ-за покрываль, скрывающихъ остальную часть Выставки выглядывали бронзовыя и золотыя издѣлія. — Первые дни Выставки были роковыя для Франціи; говорили, что Франція въ эти дни во второй разъ проиграла Ватерлооское сраженіе. — Но едва протекло нѣсколько недѣль, какъ засіяли знамена Франціи, заблестѣли гербы фабричныхъ городовъ, вынесены ящики и тюки, открыты завѣсы и Французская Выставка явилась во всемъ блескѣ.—Говоря о ней, трудно не начать отъ значительнѣйшей промышленности Франціи, отъ шелковаго производства, процвѣтающаго въ Лионѣ.—Лионскіе фабриканты попали на счастливую мысль выступить на выставкѣ сборными силами;— Лионская Коммерческая Палата сама занималась высылкою издѣлій, даже закупала отличнѣйшія издѣлія отъ тѣхъ фабрикантовъ, которые сами не хотѣли участвовать на Выставкѣ,—и поручила двумъ парижскимъ фабрикантамъ развѣсить ихъ самымъ искуснымъ образомъ, — и потому-то, если богатство матерій превосходитъ все, что только глазъ человѣческій могъ когда либо видѣть, то не мало еще способствовало къ увеличенію эффекта искусное

размѣщеніе матерій.—Я не намѣренъ описывать богатства этихъ бархатовъ, газетовъ, атласовъ, различныхъ шелковыхъ тканей, штофовъ, усыпанныхъ цвѣтами, столь пестрыми и живыми, какъ луга весенніе. — Въ этомъ шелковичномъ саду, въ этихъ цвѣтахъ, искусно вытканыхъ есть столько правды и жизни, что, кажется, они должны разливать вокругъ себя благовопіе, очаровывающее душу. — За шелковыми матеріями находятся издѣлія бассонныя и ленты, которыя своимъ богатствомъ и разнообразіемъ не уступаютъ швейцарскимъ, а кружева изъ департамента Верхней Лоары (Haute-Loire) могутъ поспорить о первенствѣ съ Брюссельскими.— Далѣе разставлены искусственные цвѣты изъ батиста, г. Константина (Constantin), образцовыя произведенія въ своемъ родѣ, которыхъ нельзя ни съ чѣмъ сравнить, развѣ только съ ихъ подлинниками, взлелѣянными въ оранжереяхъ.

Во всемъ, что касается вкуса и изящества, французы имѣютъ неоспоримое первенство, торжественно подтвержденное здѣсь на Выставкѣ. — Форма, красота, изящество и это *ничто*, что трудно выразить и что даетъ жизнь матеріи, блескъ и цвѣтъ предметамъ и благовопіе цвѣтамъ, составляютъ неоспоримое преимущество французской промышленности. Сравнимъ, напримѣръ, мебель: на Французской Выставкѣ пѣтъ такого письменнаго стола Грегера, надъ которымъ художникъ работалъ три года, пѣтъ мебели, устрашающей своей огромностью или изобиліемъ украшеній, но за то есть превосходный буфетъ Фурдинва, — есть великолѣпный книжный шкафъ Барбедіена, есть письменные столы Крунера, Жюли и многихъ другихъ, — особенно же отличается своимъ изяществомъ мебель Тагана (Tahan). Тотчасъ видно, что при произведеніи этихъ роскошныхъ вещей художники заботились не столько о томъ, чтобы на нихъ налѣпить украшеній безъ мѣры и безъ разбора и увеличить работу безъ надобности, сколько о томъ, чтобы произвести вещь доступную такъ сказать взорамъ людскимъ, которые съ большимъ удовольствіемъ на нихъ останавливаются.— Не только въ дорогой мебели господствуетъ изысканность и изящество формъ, въ самой дешевой, доступной почти для каждаго самаго небогатаго человѣка, замѣтны вкусъ и нѣкоторое внѣшнее благородство; цѣлая выставка Франціи проникнута артистическимъ чувствомъ, изяществомъ формъ и внѣшнимъ блескомъ.

Послѣ великолѣпной во всехъ отношеніяхъ Выставки шелковыхъ издѣлій, бросивъ взглядъ на богатые платки парижскіе и лондонскіе, я приведу читателя въ обширную залу фарфора и гобеленевъ. —

Кто не видалъ гобеленевыхъ ковровъ, кто не имѣлъ случая восхищаться этой живою цвѣтовъ и этимъ совершенствомъ узоровъ, которыхъ тайной обладаютъ однѣ только французскія фабрики, тотъ не можетъ имѣть понятія о необыкновенномъ впечатлѣннн какое производятъ на зрителя видъ этихъ огромныхъ, ковровъ, испешренныхъ букетами дивныхъ цвѣтовъ, или представляющихъ со всею точностью чудныя творенія знаменитыхъ живописцевъ. — Въ этомъ же самомъ отдѣленнн, заключающемъ въ себѣ эти превосходныя произведенія, которымъ нѣтъ цѣны, находятся также издѣлія Севрской фабрики и другихъ фарфоровыхъ фабрикъ. Осматривая прелестныя украшенія на этихъ вазахъ, статуяхъ и столикахъ и восхищаясь превосходною живою, которую рука артиста съ такимъ искусствомъ выполнила, а огонь навсегда утвердилъ, не всякій подумаетъ о томъ, сколько нужно было поборотъ неслыханныхъ трудовъ, какое вниманіе и какую осторожность нужно было имѣть, чтобы произведенныя съ такимъ трудомъ и искусствомъ картины получили въ огнѣ желаемые цвѣта и покрылись нужнымъ блескомъ. — И въ этомъ родѣ Франція первенствуетъ; хотя очень хорошъ фарфоръ англійскій, превосходить саксонскій, отличны печатныя изображенія на датскомъ фарфорѣ, прекрасна живость на вѣнскомъ, но свѣжестю колорита, но изяществомъ вкуса ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться съ французскимъ. Какъ образцовое произведеніе живописи на фарфорѣ находятся на выставкѣ портреты натуральной величины англійской королевы Викторіи и принца Альберта, тоже самое, что мы сказали о фарфорѣ, должно сказать и о бронзахъ и издѣліяхъ изъ золота и серебра, хотя между варшавскими фабрикантами я не нашелъ самыхъ успешныхъ. — Бронзы Виттоза, Мпроя, Барбедіевна и многихъ другихъ, о которыхъ позже вспомню, достойно представляютъ на Выставкѣ эту промышленность, свойственную Франціи. — Все иностранцы соглашуются, что французскіе бронзовщики не имѣютъ въ цѣломъ свѣтѣ соперниковъ; въ ихъ издѣліяхъ есть столько силы, вкуса, духа изобрѣтательности и священнаго пламени искусства, что какъ англичане, такъ нѣмцы и бельгіицы отдаютъ имъ заслуженную похвалу; — но не меньшей похвалы заслуживаютъ и золотыхъ дѣлъ мастера. — Издѣлія Фроманъ Мерпса (Froment-Meuris), въ теченнн нѣсколькихъ педѣль, со времени открытія выставки пріобрѣли европейскую славу; туалетъ герцогини Беррійской и группа циклоновъ, двигающихъ шаръ земной, превосходятъ все, что только въ этомъ родѣ могло быть сдѣлаво. —

Ювелирные вещи Демочьера и некоторых других, которые через оксидировку серебра, умѣютъ придать ему важный историческій колоритъ, восхищаютъ своимъ богатствомъ, искусною выдѣлкою, характеристическими формами, превосходнымъ рисункомъ и приводятъ зрителя въ восторгъ. — Изъ сырыхъ продуктовъ заслуживаютъ наиболѣе вниманіе шелкъ и коконы и между ними особенно превосходна порода Броньскаго, о которой я послѣ поговорю въ подробности. — Рояли Эрарда превосходны какъ въ отношеніи украшеній, такъ и совершенства музыкальнаго, возлѣ нихъ находится также множество органичныхъ фортепіановъ и оргавовъ самаго малаго размѣра, также нѣсколько маленькихъ, кабинетныхъ фортепіанъ, которымъ нельзя довольно удивиться, слыша, что изъ такихъ мнѣнітурныхъ инструментовъ исходятъ такіе гармоническіе и полные звуки. — Нѣсколько земледѣльческихъ машинъ заслуживаютъ ближайшаго разсмотрѣнія; достойна также вниманія машина слѣпца для слѣпыхъ, а собраніе французскихъ фабричныхъ машинъ если и теряется посреди этого множества гигантскихъ машинъ, англійскихъ, то все еще оно, въ сравненіи съ машинами другихъ государствъ, можетъ занять почетное мѣсто.

Но относительно почти ни въ одномъ государствѣ промышленность не развилась такъ сильно, при встрѣчаемыхъ препятствіяхъ, какъ въ *Швейцаріи*. — Эта небольшая страна заявила на Выставкѣ нѣсколько залъ своими отличными издѣліями, между которыми заслуживаютъ всеобщую похвалу знатоковъ сукна, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, — а ленты изъ Базеля и Цюриха занимаютъ первое мѣсто на Всемирной Выставкѣ. Ящички, табакерки и часы съ музыкаю, составляющіе главную Швейцарскую промышленность, находятся въ огромномъ количествѣ, но Швейцарія особенно славится своими часами. — Разсматривая не безъ изумленія столь высоко развитый этотъ родъ промышленности Швейцаріи, я замѣтилъ, что первымъ фабрикантомъ часовъ въ Женевѣ, этомъ славномъ часовомъ городѣ, Патежъ и к^о.

Выставка карманныхъ часовъ Патка есть самая полная и самая богатая въ этомъ родѣ въ цѣломъ зданіи Выставки. — Въ ней все есть: отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ, самыхъ богатѣйшихъ и совершеннѣйшихъ часовъ; — отъ ординарныхъ часовъ цѣною въ 200 франковъ, до самыхъ крошечныхъ въ пять тысячъ франковъ, до самыхъ регулярныхъ хронометровъ и все это оковчено съ педагогическою точностью и все, отъ самыхъ мелкихъ зубцовъ и колесъ до самой дорогой эмали и самыхъ

красивыхъ часовыхъ колпаковъ — все это выдѣлано въ заведеніи Патка. — Онъ имѣетъ особый способъ работать : онъ дѣлаетъ все скорѣе, совершеннѣе и въ большомъ размѣрѣ. — Я неоднократно съ нимъ разговаривалъ и былъ восхищенъ этимъ священнымъ огнемъ, которымъ онъ пылаетъ къ своему искусству ; я былъ изумленъ этою любовью къ труду и предпріимчивостью этого человѣка, который, не имѣя никакой помощи, никакихъ денежныхъ средствъ, изъ ничего сдѣлался первымъ часовымъ мастеромъ въ свѣтѣ. — Когда политическія бури разогнали, въ 1848 г., всѣхъ работниковъ и опустошили фабрики въ западной Европѣ, когда женевскіе мастера, распущенные изъ мастерскихъ, принуждены были идти съ лопатою въ рукахъ на окопы и тамъ, чуждымъ для нихъ способомъ, зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ : одинъ только Патекъ, въ цѣлой Женевѣ, не только не распустилъ своихъ работниковъ, не только не уменьшилъ имъ платы за работу, но еще выбралъ лучшихъ изъ числа распущенныхъ работниковъ и помѣстилъ ихъ въ своемъ заведеніи. — Не давно женевскіе жители *принудили* его сдѣлать выставку своихъ издѣлій въ ихъ городѣ, и удивительная вещь, его сподвижники, люди, которые питаются тѣмъ же ремесломъ, единогласно отдали ему первенство.

Но можно-ли было не признать того, когда его хронометры доведены до высочайшей степени вѣрности, какъ не удивляться искусству работниковъ, которые въ состояніи были сдѣлать самые крошечные часы, какіе только были на свѣтѣ, на осьми камняхъ, въ три и три четверти линіи въ діаметрѣ. Выставка его бываетъ наполнена ежедневно толпою зрителей, между которыми находятся англичане, французы и нѣмцы, — часовые мастера всѣхъ націй, извѣстные знатоки и истинные цѣнители, и изъ устъ всѣхъ слышится одно только рѣшеніе : «Патекъ уничтожилъ собою часовыхъ мастеровъ всего свѣта». — Я видѣлъ много фабрикантовъ, но мнѣ не случилось еще встрѣчать ни одного, который былъ бы такъ строгъ къ своимъ собственнымъ издѣліямъ, который бы такъ много требовалъ отъ нихъ, былъ-бы такимъ педантомъ для своихъ произведеній, какъ Патекъ. Онъ не выпускаетъ изъ рукъ ни однихъ часовъ, которыми бы не былъ самъ совершенно доволенъ ; онъ не пугается ни какихъ усилій и не останавливается ни какими издержками. Извѣстно, что ему обязаны усовершенствованіемъ въ часахъ, которые заводятся безъ ключика : его пуговочки въ одно время и заводятъ и регулируютъ часы. — Между множествомъ часовъ, которыя я здѣсь видѣлъ,

особенно поразил меня хронометры, изъ которыхъ каждый выдержалъ испытаніе въ швейцарскихъ обсерваторіяхъ и снабженъ надлежащимъ о томъ свидѣтельствомъ. — Въ хронометръ, со звономъ (№ 2780) устроенъ морской компасъ, величипною въ четыре линіи, — но что въ немъ наиболѣе удивительно, это соединеніе двухъ механизмовъ, устроенныхъ такъ, что секунды не зависятъ отъ часовъ и мнютъ: онѣ могутъ ходить отдѣльно, а между тѣмъ заводятся въ одно время, отъ чего однако пружина не можетъ лопнуть. — Хронометръ этотъ имѣетъ ходъ якорный. Есть и другаго рода хронометры, а также полу-хронометры, т. е. такіе, въ которыхъ *компенсация* не доведена до послѣдней степени; — есть нѣсколько часовъ, на которыхъ изображены разные виды и портреты: на однихъ представленъ памятникъ Болеслава и Мечислава, — портреты: Вашингтона, и Понятовскаго, — рисунокъ ихъ можетъ пристыдить рѣзбу на стали и много выигрываетъ, когда разсматривать его въ увеличительное стекло, — есть часовые колпаки, на конхъ съ большимъ искусствомъ вырѣзанъ видъ охоты; — есть портретъ Стюарта, сдѣланный неизвѣстнымъ доселѣ способомъ, посредствомъ наущенія кислоты на золото; есть часы осыпанныя брилліантами — и съ изображеніемъ Остробрамской Божіей Матери (въ Вильнѣ) на превосходной эмали; — есть часы съ скрытыми портретами, которыхъ никто не найдетъ, не знавъ секрета; есть часы для слѣпыхъ, по системѣ Брегета, или правильнѣе Лероа; есть тысяча иныхъ прелестей, которыхъ глаза мои не могли разсмотрѣть или умъ не могъ оцѣнить. Но чего я не могъ открыть — присяжные судьи не замедлятъ обнаружить, тѣмъ скорѣе, что выставка карманныхъ часовъ въ другихъ отдѣленіяхъ вообще довольно бѣдна. — Французы занимаютъ болѣе выдѣлкою столовыхъ часовъ, въ которыхъ главнѣйшій предметъ есть наружное украшеніе, а не механизмъ. Англичане выдѣлываютъ много морскихъ хронометровъ и астрономическихъ регуляторовъ, что и весьма естественно при значительномъ сбытѣ и при вліяніи правительства на успѣхи промышленности. Тамъ каждый хронометръ, который подверженъ былъ годовому испытанію на морѣ и выполнилъ всѣ требуемыя условія, приобрѣтается Адмиралтействомъ по высокимъ цѣнамъ. Поэтому славятся своими хронометрами Фродшемъ и Дентъ въ Лондонѣ, а регуляторами Паркинсонъ и Фродшемъ; производство карманныхъ часовъ или питаются колесами и пружинами Женевскими, или же доставляетъ часы по цѣнамъ, не каждому доступнымъ.

Пройдя съ сѣверной стороны черезъ *Сардинію*, *Тоскану* и *Римъ*, изъ которыхъ первая славится своимъ бархатомъ, и деревянною мозаикою, — вторая своею несравненною рѣзбою в флорентинскую мозаикою, а послѣдній также своими отличными статуями, своею римскою стеклянною и мраморною мозаикою; миновавъ *Португалію*, которая кромѣ сырыхъ продуктовъ, почти ничего не прислала на выставку, и *Испанію*, въ которой, кромѣ незначительныхъ образчиковъ шелковыхъ матерій, поражаетъ взоры зрителей мозаиковый столъ, составленный изъ трехъ милліоновъ частицъ и богатая дароносица изъ Мадрита: мы входимъ въ *Грецію*, которая хотя и принадлежитъ къ числу государствъ христіанскихъ, но носитъ на себѣ печать Востока и, кажется, болѣе принадлежитъ къ Азіи, нежели къ Европѣ. — То, чѣмъ особенно отличаются выставки Турецкая, Персидская и Тунисская, то есть богатствомъ и пышностью нарядовъ, тоже самое видно и въ Греціи, гдѣ кромѣ великолѣпнаго національнаго костюма мало интереснаго. — Что-то подобное показывается и въ *Персіи* и *Турціи*, съ прибавкою еще драгоценнаго оружія, нѣсколькихъ ковровъ, хитческихъ издѣлій, листового табаку и большаго собранія различныхъ трубокъ, чубуковъ и *наргилей*. — *Тунисская* Выставка, граничащая съ Швейцарскою, гораздо разнообразнѣе: въ ней находятся необыкновенно богатые костюмы, съ большимъ искусствомъ шитые золотомъ, столь-же богатая копекая сбура, — но есть также и простые наряды, сырые продукты, фаянсовыя издѣлія, немного пряжи: однимъ словомъ въ ней находится почти все, что промышленность этого края производитъ.

Съ Тунисомъ и Швейцаріею граничитъ *Китай*. — Какъ странникъ, блуждающій по развалинамъ Помпей, съ изумленіемъ смотритъ на опустошенные дома и съ украдкою ловитъ послѣдній слѣдъ жизни, погашенной за двѣ тысячи лѣтъ внезапнымъ изверженіемъ волкана, и, медленно подвигаясь впередъ, осматривается на каждомъ шагу, удивляясь, что ему дозволено видѣть то, что прошедшее навсегда поглотило, — такъ и я, достигнувъ залъ Небесной Имперіи, которая впервые сорвала съ себя таинственную завѣсу, — съ удивленіемъ присматриваюсь ко всему, устремляю все свое вниманіе, чтобы какъ можно скорѣе и какъ можно болѣе осмотрѣть во всѣхъ подробностяхъ это любопытное отдѣленіе. Я чувствую себя перенесеннымъ въ другой міръ, въ другой вѣкъ, въ другую цивилизацію. — Съ изумленіемъ прохожу мимо надсмотрщика, китайца, который съ непривычною для него любезностью, ломаннымъ англійскимъ языкомъ, спѣшитъ сообщать требуемыя отъ него

объясненія, — окидываю взоромъ это огромное собраніе предметовъ, изъ которыхъ каждый отличается особенностью, каждый иначе и съ иною цѣлью выдѣланъ — и каждый доказываетъ необыкновенную ловкость и искусство китайскихъ работниковъ и ихъ неоспоримое преимущество передъ европейскими. Первое, что наиболѣе поражаетъ зрителя своимъ богатствомъ и странностью есть нарядъ мандарина: кромѣ остроконечной шляпы, длинной косы, спускающейся до пояса, и башмаковъ съ поднятыми къ верху кончиками — нарядъ этотъ состоитъ изъ длиннаго халата съ висячими рукавами, на которомъ вышита цѣлая китайскія космогонія, древія и новая исторія, лѣтописи сотворенія міра и проч. проч. — Трудно вообразить себѣ, какой работы и какого терпѣнія нужно было для окончанія этого дѣла. Я уже не говорю ни о великолѣпныхъ шаляхъ, ни о богатыхъ опахалахъ, ни о замысловатыхъ инкрустаціяхъ; пропускаю фарфоры, китайскія игрушки и длинный рядъ вышитыхъ картинъ; умолчу даже о рѣзбѣ на слововой кости, которая можетъ назваться совершенствомъ человѣческаго искусства. Этихъ игрушекъ и отличныхъ издѣлій такое множество, что нужно бы нѣсколько мѣсяцевъ для подробнаго ихъ обозрѣнія и нѣсколько томовъ для полнаго ихъ описанія. — Но можно-ли умолчать о превосходной рѣзбѣ на каменномъ углѣ, объ этихъ вазахъ, въ которыхъ такъ искусно поддѣланъ древній порфиръ и темный мраморъ, — можно-ли пропустить прекрасныя модели китайскихъ домовъ и вазъ, выточенныхъ изъ слоновой кости или перламутра. — Все это показываетъ необыкновенное трудолюбіе, терпѣніе и постоянство. При первомъ взглядѣ на китайскія издѣлія можно отгадать, что государство, которое прислало эти издѣлія слишкомъ много имѣетъ рукъ, когда человѣкъ тамъ можетъ посвятить цѣлую жизнь свою для выдѣлки какой-нибудь игрушки, что этотъ народъ уже отжилъ свой вѣкъ и устарѣлъ въ цивилизаціи, когда ему нужны столь изысканныя формы и такая, неизвѣстная въ Европѣ, мелочность. — А между тѣмъ не взвѣсивъ на всѣ способности китайскихъ мастеровъ и на ихъ необыкновенное трудолюбіе, они не въ состояніи такъ скоро и такъ хорошо упрясть огромныхъ кусковъ полотна, перкала и столько другихъ издѣлій, какъ самый простой англійскій работникъ, наблюдающій за дѣйствіемъ машинъ.

Но пора уже приблизиться къ концу и посмотрѣвъ, безъ потери времени, на одну изъ прекраснѣйшихъ картинъ, какая когда-либо представится человѣческимъ взорамъ, то есть на среднюю

залу (transept) съ ея великолѣпными статуями, кристалльными фонтанами, лучезарными садами и тремя столѣтними деревьями, которыхъ вершины теряются въ этомъ гигантскомъ зданіи, — пройти на другую половину Кристалльнаго Дворца, назначенную исключительно для выставки издѣлій Великобританіи и ея колоній. — Я быстро пройду по ней: потому что при систематическомъ обзорѣннй Выставки мнѣ придется долше здѣсь останавливаться; — но теперь я долженъ познакомить васъ съ богатствомъ и великолѣпіемъ *Индійской* Выставки. — Что за богатства! — какая утонченность работы! — какой блескъ и гармонія цвѣтовъ! — Какъ эти рубины, топазы и смарагды весело блещутъ, не безпокая васъ своимъ блескомъ, съ какимъ искусствомъ и постепенностью уложены эти цвѣта и въ какомъ совершенствѣ прибраны все отѣнки! — Можно простоять въ изумленіи цѣлый день надъ этимъ сѣдломъ изъ малиноваго бархата, на который самый изысканный вкусъ разсыпалъ щедрою рукою узоры изъ золота и жемчуга, — или надъ этимъ, сдѣланнымъ изъ кожи алаго цвѣта, на которомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ выдѣланы разныя фигуры. — Теперь неудобно-ли вамъ представить себѣ такое сѣдло съ приличною сбруею на арабскомъ конѣ бѣломъ и легкомъ какъ пѣна морская, съ огненною пастью, глотающею степной вѣтеръ, съ которымъ онъ состязается въ быстротѣ и съ длиннымъ хвостомъ, заметающимъ пески пустыни. А на конѣ этомъ пусть сидитъ одинъ изъ тѣхъ *Радисіевъ*, которыхъ баснословно-великолѣпное оружіе развѣшано здѣсь на стѣнахъ, — въ каскѣ, съ развѣвающимися черными перьями, — съ круглымъ щитомъ, обитымъ золотыми гвоздями, — съ копьемъ въ рукѣ — съ втянутымъ лукомъ и стрѣлами; за поясомъ у него одинъ изъ тѣхъ широкихъ ятагановъ, въ золотыхъ и бархатныхъ познахъ, которые поражаютъ васъ своимъ блескомъ и богатствомъ рукоятокъ и оправъ. Можетъ-ли быть зрѣлище великолѣпнѣе, — можетъ-ли быть вѣрнѣ картина неисчерпаемой природы, которая все цвѣта своей радуги, весь свѣтъ своихъ лучей, все благовонія своихъ садовъ, все, что есть богатѣйшаго въ мірѣ растительномъ и животномъ — все щедро разлила по его благословенной землѣ.

Кажется ни на одномъ европейскомъ языкѣ не найдется довольно словъ, чтобы придумать названія для этого безконечнаго числа и разнообразія оружія огнестрѣльнаго и холоднаго, которое находится на *Индійской* Выставкѣ. — Необузданное воображеніе жителей южной сферы осыпало разными украшениями ору-

дѣя смерти, обляло золотомъ длинныя ружья и пистолеты, — бронзовымъ пушкамъ дало видъ драконовъ изрыгающихъ пламя. — Возлѣ нихъ, минуя огромное и черезъ чуръ полное собраніе сырыхъ продуктовъ по всемъ тремъ царствамъ природы, минуя значительное количество разной домашней утвари, присмотрѣясь къ которой можно вполне ознакомиться съ хозяйствомъ нидѣйцевъ, — мимо разныхъ ординарныхъ тканей, — паходятся также музыкальные инструменты странной и тяжелой формы: скрипки, гитары, тамъ-тамы, пищалки изъ гутта-перчи, небольшіе котлы, обтянутые шкурою, которыхъ механизмъ могли бы намъ объяснить и усладить слухъ нашъ мелодическими звуками одни только виртуозы съ острова Цейлопа или изъ Сингапора. — Не въ далекѣ находится большая коллекція ящичковъ и коробочекъ для духовъ, различныхъ формъ, смотря по значенію лицъ: потому что іерархическія права соблюдаются тамъ во всей строгости, даже въ отношеніи формъ коробочекъ. Одна форма дозволена только радью (Raiah) — другая только Хиндагару (hindahara) то есть казначейству, — а эта форма назначена только для тамунхунга (tamungung), то есть военнаго министра. — Трудно вообразить себѣ съ какою искусствомъ сдѣланы эти мелочи, — съ какою ловкостію работаютъ эти бродячіе ювелиры, которые, странствуя изъ одной деревни въ другую и переходя изъ одного города въ другой, занимаются на извѣстное время, — раскладываютъ свою мастерскую и въ одну минуту превращаютъ золотой песокъ въ красивыя серьги, браслеты, броши и тому подобное. Но мы забудемъ объ ювелирномъ искусствѣ нидѣйцевъ, когда увидимъ ихъ шали и ковры. На выставкѣ находятся шелковыя ткани и бархаты самыхъ яркихъ цвѣтовъ, покрытые широкими полосами золота, — кисея удивительной тонкости, усыпанная золотыми букетами, парча, поражающая взоры своимъ богатствомъ и блескомъ. — Но что сказать о коврахъ изъ малиноваго и изумруднаго бархата, который нѣжище пуха персиковъ и испещренъ не цвѣтами, но цѣлыми пластами золота? — На коврахъ этихъ разставлена мебель, сдѣланная съ рѣдкимъ совершенствомъ, — столы и стулья изящной рѣзбы, кресла изъ слоновой кости *à jour*, выточенные съ такою тщательностію и кровати, поражающія своимъ богатствомъ, великолѣпіемъ и безчисленнымъ множествомъ такихъ превосходныхъ украшеній, что каждый, кто послѣ перваго впечатлѣнія, въ состояніи будетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что видѣлъ, каждый сдѣлаетъ себѣ вопросъ: гдѣ же жители этихъ шатровъ, гдѣ существа, покоющіяся на этихъ ложахъ и ков-

рахъ и сидящія на этой драгоцѣнной мебели. Кажется самыя воздушныя нимфы могли бы осквернить ихъ своимъ прикосновеніемъ и сѣльфы запылить своими крыльями!

И такъ оставимъ эти золотыя залы, и вздохнемъ воздухомъ цивилизаціи. — Вотъ здѣсь Англія, могущественная Англія, отлична промышленности. — Какая необъятность, что за могущество силъ человѣческихъ, какія богатства, какая масса побѣдъ человѣческаго разума надъ суровою природою. — До чего только разумъ человѣческій достигъ въ другихъ государствахъ, — какихъ бы образцовъ своихъ издѣлій ни прислала сюда заграничная промышленность: все здѣсь находится въ достаткѣ и изобиліи, неслыханномъ доселѣ. — Здѣсь есть и предметы художествъ, — есть шелковыя издѣлія, фарфоры и издѣлія ювелирныя, — и хотя нѣкоторые предметы и уступаютъ иностраннымъ своею выдѣлкою, — то вездѣ они превышаютъ ихъ своимъ богатствомъ и практическою пользою. — Здѣсь находится самое полное собраніе сырыхъ продуктовъ, ископаемыхъ, предметовъ первой потребности и самой изысканной роскоши, самыя простыя снаряды, самыя замысловатыя модели и самыя мудреныя машины. Особенно богата выставка машинами, этою славою человѣческаго разума, этими могущественными силами, которыя какъ бы вызванныя мановеніемъ чародѣя изъ желѣза и пара, заступили силы человека въ самыхъ тяжелыхъ трудахъ. — Ни одинъ европейскій народъ, — даже всѣ вмѣстѣ взятые, не могутъ сравниться съ англичанами относительно выдѣлки машинъ. — Здѣсь они находятся на свойственномъ имъ однимъ поприщѣ: ихъ гидравлическіе прессы, локомотивы, судоходныя машины превосходятъ всѣ извѣстныя донынѣ пропорціи. — Ихъ вагоны, экипажи, модели мостовъ, земледѣльческіе снаряды поражаютъ смѣлостью мысли и практическою пользою. — Проходя по этимъ огромнымъ заламъ англійскаго механическаго искусства, зритель невольно преклоняетъ колѣна передъ могуществомъ разума человѣческаго, который съумѣлъ создать машины, дѣйствующія по его указанію съ такою точностію, такъ успѣшно и съ такимъ хладнокровіемъ, какихъ ни какая рука человѣческая не въ состояніи исполнить.

Въ слѣдующихъ статьяхъ я весьма часто буду имѣть случай показать превосходство въ этомъ отношеніи англичанъ, и преклонять голову свою передъ предприимчивымъ духомъ, трудолюбіемъ и постоянствомъ этого народа.

ИДЕАЛЪ РАФАЭЛЯ

Исторія передала потомству очень мало подробностей о возлюбленной Рафаэля, объ этой женщинѣ, славившейся своею красотою, имѣвшей неограниченное владычество надъ сердцемъ и надъ гениемъ перваго, единственнаго художника живописца; и эти немногія подробности не полны, не сосредоточены и не даютъ намъ понятія опредѣленнаго о женщинѣ, которая имѣетъ полное, неоспоримое право стоять на ряду съ Петрарковою Лаурою и съ Дантовою Беатриче.

Вліяніе Форнаррины было, такъ сказать, началомъ новой эры въ исторіи живописи, особенно, въ отношеніи къ важнѣйшей части искусства, въ отношеніи къ идеальности въ реальности, въ существенности. Эстетическое чувство, которому обязаны мы образцовымъ произведеніямъ итальянской школы, замѣтствовали у этой красавицы формы болѣе совершенныя, болѣе положительныя.

Правда, чувство идеала выказывалось уже въ картинахъ и статуяхъ школъ, предшествовавшихъ школѣ Рафаэля, но на этотъ идеалъ пакинуть былъ покровъ мистицизма. Типъ дѣвъ Дуччіо, Чемабуе, Мизачіо—типъ житейскій и сухой, спокойный и созерцательный, былъ не иное что, какъ олицетвореніе отшельнической жизни. Глядя на ихъ лица блѣдныя, мрачныя, на ихъ члены изможденные, костлявые, вы постигаете строгость покаянія, посты, молитвы и безконечныя созерцавія. Въ Мадонахъ Рафаэля совсѣмъ другой порядокъ идей, и эти идеи полны вдохновенія высокаго, художественнаго. Рафаэль другой Пигмаліонъ; онъ умѣлъ постигать мечтою, и живо писать отвлеченную, самую чистую красоту человѣческой формы, и въ тоже время давалъ этой красотѣ душу,—небесную сокровищницу всѣхъ добродѣтелей; однимъ словомъ, онъ умѣлъ соединять нравственное выраженіе съ стилемъ.

Форнаррина сдѣлалась, такъ сказать, благотворнымъ гениемъ живописца; она доставила лицамъ его эти контуры, столь граціозныя, эти формы столь чистыя и въ то же время столь существенныя, которымъ мы до сихъ-поръ еще удивляемся. Всякой разъ, когда мечта его останавливалась на дѣвѣ, облаченной всѣми земными красотами, образъ Форнаррины непременно былъ тутъ между мечтою и рисункомъ. Скромная дочь хлѣбника всегда представлялась пламенному воображенію художника. Чтобы понять, что такое была эта любовь, надобно представить по-

положеніе Рафаэля и положеніе Форнарины. Рафаэль въ то время, какъ узналъ ее, считался уже величайшимъ изъ живописцевъ, какіе когда-нибудь существовали, удивленіе къ его произведеніямъ возрастало съ каждымъ днемъ, и наконецъ великаго художника, какъ прежде Петрарку, ввели съ триумфомъ въ Капитолій и увѣнчали лаврами. Онъ былъ богатъ и осыпанъ почестями. Предъ нимъ, какъ предъ Рубенсомъ, всѣ благоговѣли; онъ, какъ Рубенсъ, жилъ въ роскошныхъ палатахъ, имъ самимъ построенныхъ. Имя его переходило изъ устъ въ уста, и образъ его долженъ былъ глубоко врезаться въ сердцахъ многихъ римскихъ патриціевъ. Въ самомъ-дѣлѣ, можно-ли было тѣмъ, которые его видѣли, забыть его прелестную, благородную голову, его спокойное лицо, выражавшее рѣдкія качества ума и сердца? Прибавьте къ этому скромность и веселость, съ которыми соединялись привѣтливость и кротость нрава. Форнарина, бѣдная дѣвушка, ни чѣмъ владѣла кромѣ красоты, но красота ея была идеальна въ высшей степени. Какъ пламенно должна была любить Форнарина! Ей надобно было привязаться къ молодому художнику со всѣмъ самоотверженіемъ, съ безпредѣльною преданностью, которая составляетъ отличительную черту римлянокъ. Форнарина сдѣлалась идеаломъ Рафаэля, она слилась со всѣми его мечтами и привилась ко всѣмъ его твореніямъ....

Посмотрите на эту прелестную женщину, съ нѣжными дѣвственными формами, стоящую на морской раковинѣ, которая служитъ ей колесницею; посмотрите на нее, окруженную богами и тритонами! Это не Оетила, не Амфитрида, — это Галатея, которая замѣствовала у Форнарины легкія, изящныя формы тѣла и открытое лицо, одушевленное чувствомъ нѣги. Вы вездѣ встрѣчаете ее: на стѣнахъ въ покояхъ Рафаэлевыхъ меценатовъ, а эти меценаты были папы или государи. Рафаэль показываетъ всѣмъ образъ своей прекрасной Форнарины, этотъ идеалъ всѣхъ его созданій. Въ павильонѣ, въ садахъ Боргезіевой виллы, до-сихъ-поръ еще виденъ портретъ *alfresco*, написанный Рафаэлемъ; въ этомъ портретѣ опять вы узнаете Форнарину. Въ галереѣ Боргезе есть еще ея портретъ. Но самый вѣрный ея портретъ можно встрѣтить теперь во дворцѣ Барберини; эта очаровательная картина отличается какою-то особенною странностію стила. Полуобнаженная, приподнимающая тонкую, прозрачную ткань, Форнарина сидитъ въ боскетѣ между цвѣтами; на головѣ ея родъ тюрбана, на правой рукѣ браслетъ съ надписью: «*Рафаэль Урбино*». Благородная, смугловатая италянка, она полнотою своихъ формъ на-

поминаеть вамъ прекраснѣйшихъ древнихъ Венеръ. Носѣтъ нѣсколь-ко широкъ, глаза большіе, полные жизни, лобъ широкій, умный, цвѣтъ волосъ темный, подходящій не много къ золотистому. По-видимому художники итальянскихъ школъ сохранили вкусъ своихъ предковъ, дошедшій до нихъ по преданіямъ; римскіе поэты высоко цѣнили волосы съ золотистымъ отливомъ. Горацій, Овидій, Проперцій, Катуллъ воспѣвая въ безсмертныхъ своихъ стихахъ красоту Лесбій, Пирръ, Корнпъ и Каллпдій, не забыли славить удивительный цвѣтъ волосъ своихъ возлюбленныхъ.

Въ трибунѣ Флорентинской галереи есть между прочимъ портретъ женщины, который иные приписываютъ Рафаэлю, и думаютъ, что это портретъ Форнарпны; но это созданіе Рафаэля Менгса.

Любителямъ изящнаго въ живописи теперь знакомы черты женщины, имѣвшей необыкновенное вліяніе на славу римской школы, но почти никто не знаетъ частной исторіи этой удивительной красавицы. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія писали очень мало; тогда не было этого безпокойнаго любопытства, которое съ жадностію отыскиваетъ малѣйшія подробности, относящіяся къ жизни знаменитаго человѣка. Тогда вниманіе устремлялось на произведенія, выходящія изъ мастерской; имъ удивлялись съ энтузіазмомъ; творецъ скрывался за своимъ твореніемъ. Лѣтописецъ занимался производною жизнью художника и не заботился о событіяхъ его частной жизни. Такъ почти всегда дѣлалъ Вазари. Говоря, напримѣръ о Рафаэлѣ, онъ показываетъ его вамъ въ мастерской своего отца, въ Урбинѣ, потомъ въ школѣ Перуджино. Онъ слѣдилъ его во Флоренціи, въ Римѣ, во всѣхъ городахъ, которые художникъ обогащаетъ своими образцовыми произведеніями и описываетъ только большую часть его картинъ. Если подробности Рафаэлевой жизни мало извѣстны, по крайвей-мѣрѣ, представимъ тѣ изъ нихъ, которыя соприкосновенны съ Форнарпиною. Римскія народныя преданія на счетъ ея говорятъ очень не много. Настоящее имя ея неизвѣстно; извѣстно однакожъ въ какомъ кварталѣ она жила. Близъ моста и воротъ, ведущихъ къ Strada Balbi, и теперь еще можно видѣть маленькій, совершенно обветшавшій домикъ, который все еще служитъ хлѣбною лавкою; онъ называется la Casa Fornarina; эти слова, высѣченные на мраморной доскѣ, кажется, ясно говорятъ, что здѣсь жила возлюбленная Рафаэля. Этотъ домъ стоитъ въ опустѣвшей улицѣ, въ одномъ изъ римскихъ кварталовъ рѣже прочихъ посѣщаемомъ. Поэтому толпа путешественниковъ, осматрив-

вающихся памятники и достопримѣчательности вѣчнаго города, тогда, которая ищетъ только развлеченія, не заглядываетъ на эту руину, и не подозрѣваетъ ея существованія; однакоже вы иногда встрѣтите на этихъ опустѣлыхъ улицахъ путешественниковъ важныхъ, погруженныхъ въ думу. Это нѣмецкіе студенты, которые, какъ пилигримы, приходятъ по общанію въ тѣ мѣста, гдѣ еще живы воспоминанія о великомъ основателѣ живописи римской школы. Здѣсь Рафаэль Sanzio di Urbino еще молодой, но уже высокой талантомъ, въ 1508 году, идя въ домъ богатаго банкира Аженестино Киджи, у котораго онъ росписывалъ домовую капеллу, увидѣлъ Форнарину въ то самое время, какъ она продавала въ лавкѣ отца своего хлѣбы и булки. Онъ забылъ на минуту недоконченныя фрески и начатыя эскизы, не смотря на совѣты и дружескія убѣжденія своего покровителя. Утреннія посѣщенія молодаго художника въ лавкѣ хлѣбника становились такъ часты и такъ продолжительны, что останавливали успѣхи его работы, уже далеко подвинувшейся впередъ, работы сдѣланной позже извѣстною подъ именемъ Stanze di Rafael. Киджи чрезвычайно огорчался тѣмъ, что Рафаэль бѣгалъ отъ капеллы, которую взялся росписать. Старый банкиръ, желавшій видѣть оконченными рисунки молодаго художника, ничего не могъ умѣе придумать, чтобы заманить послѣдняго къ себѣ, какъ уговорить прелестную дочь хлѣбника переселиться въ свои роскошныя палаты. Она согласилась и маэстро, упоенный любовью, съ того времени усердно началъ продолжать работу.

Послѣ этого Форнарину никогда не разставалась съ Рафаэлемъ; она до самой его смерти была привязана къ нему. Рафаэль не могъ жить безъ нее.

Несправедливый свѣтъ проклинаетъ память Форнарину, обремененной несчастіемъ главу художника, несчастіемъ, которое свело Рафаэля въ гробъ въ полномъ разцвѣтѣ жизни и таланта. Рафаэль, говорятъ, однажды почувствовавши лихорадочный припадокъ, скрылъ причину своего недуга; ему пустили кровь, но было поздно. Спустя нѣсколько времени онъ умеръ; смерть его, какъ общественное бѣдствіе, оплакиваема была въ Римѣ. Бальтазаръ Кастильоне, другъ великаго живописца, сказалъ въ печали: «я въ Римѣ, но мнѣ кажется меня болѣе тамъ пѣть, съ тѣхъ-поръ какъ нѣтъ въ немъ болѣе бѣднаго моего Рафаэля!»

Самъ Левъ X горько плакалъ о потерѣ великаго живописца.

Грустно читать исторію этихъ людей, этихъ рѣдкихъ гениевъ,

которыхъ чело, въ полномъ цвѣтѣ юности, увѣчивается уже блистательнымъ ореоломъ славы. На нихъ обыкновенно полагаютъ великія надежды, думаютъ, что вмѣстѣ съ лѣтами они приближаются къ недосягаемому для другихъ совершенству, что они до безконечности расширятъ область наукъ или искусствъ. Они ослѣпляютъ міръ сіяніемъ подобно тѣмъ огненнымъ метеорамъ, которыя по временамъ являютя на землѣ; но увы! Это эфемерное сіяніе мгновенно исчезаетъ.

Бросьте бѣглый взглядъ на лѣтописи музыки, этой сестры живописи и вы увидите въ нихъ, какъ Моцартъ и Веберъ блистали и угасли подобно Рафаэлю. Сколько знаменитыхъ людей, жертвъ печальной судьбы, найдемъ мы въ исторіи литературы! Долго было бы исчислять этихъ гениевъ, передъ которыми, какъ предъ Юліанскою звѣздою римскаго поэта, тускнѣетъ сіяніе другихъ умовъ, которыми они окружены. Животворныя мысли, изумительныя созданія, подвиги ума, полнаго силы и увлекательности, которые, по видимому требуютъ долгой жизни, едва наполняютъ нѣсколько лѣтъ, славныхъ правда, но припадочныхъ, пожирающихъ. Умъ слишкомъ пламенный, съ самого начала истощаетъ всѣ свои силы, всю энергію съ ущербомъ силы и энергіи тѣлесной. Необходимое равновѣсіе между физическими и умственными силами, *mens sana in corpore sano*, навсегда разрушается и жизнь тотчасъ гаснетъ посреди самыхъ высокихъ успѣій. Эти люди не живутъ долго, они вдругъ изживаютъ жизнь.

Послѣ смерти Рафаэля о Форнаринѣ замолчали и преданія, и исторія; въ Римѣ однакоже полагали, что она въ послѣдствіи привязалась къ Джуліо Романо, любимому ученику великаго художника, но это предположеніе основывается только на томъ, что въ картинахъ Джуліо Романо многія женщины похожи на Форнарину.

Такъ любовь челоуѣка съ гениемъ обезсмертила красоту дѣвушки по странной прихоти случая; изображенія женщины безъ имени, бѣдной ничтожной плебянки, жившей въ заустѣвшей улицѣ предмѣстія, сдѣлалась навсегда украшеніемъ картинныхъ галлерей, радостію и гордостію художниковъ.

ВОЗДУШНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ СПА. СОВЕРШЕННОЕ РУССКИМЪ.

7 го іюня я пріѣхалъ въ Брюссель послѣ воздушнаго путешествія изъ Париза въ Спа. Въ восхищеніи отъ этого путешествія я

описалъ его въ нѣсколькихъ строкахъ одному изъ моихъ друзей, давъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ слово доставить со временемъ подробнѣйшее описаніе. Извѣстность, которую приобрѣло мое письмо въ слѣдствіе любезной нескромности моего друга, заставляетъ меня теперь отважиться на предпріятіе, которое для меня всегда было страшнѣе всякаго воздухоплаванія. Въ самомъ дѣлѣ я получилъ отъ моихъ друзей, родственниковъ и соотечественниковъ столько словесныхъ и письменныхъ просьбъ, разсказать имъ мой первый опытъ въ воздухоплаваніи, что я рѣшился наконецъ напечатать описаніе моей прогулки, надѣясь на благосклонность читателей, которые въ моей статьѣ не найдутъ ничего, кромѣ вѣрнаго и непреувеличеннаго разсказа о томъ, что было со мной и моими спутниками. — Давно уже я съ жаднымъ любопытствомъ читалъ описанія воздушныхъ путешествій Гей-Люссака, Бланшара, герцога Брунсвикскаго и знаменитаго Грппа; давно уже явилось во мнѣ желаніе пойти по слѣдамъ этихъ знаменитыхъ аэронавтовъ, и, не смотря на важность и прелесть родственныхъ связей, которыя меня удерживали на землѣ, я всегда надѣялся удовлетворить моему желанію. Теперь же, находясь въ Парижѣ, я ежедневно слышалъ разговоры о вновь совершенныхъ воздушныхъ путешествіяхъ и притомъ замѣтилъ, что о нихъ говорили, какъ о какой-нибудь прогулкѣ, на которую едва обращаютъ вниманіе и опасности которой такъ обыкновенны, что о нихъ и говорить не стоитъ. Все это еще болѣе развѣвало мою страсть къ аэростатикѣ. Наконецъ мнѣ было прямо сдѣлано предложеніе подняться на воздушномъ шарѣ; я, конечно, согласился и въ четвергъ 5-го іюня, въ 5-ть часовъ, 17-ть минутъ я уже сидѣлъ въ лодчкѣ аэростата «Орель» (L'aigle), который летѣлъ подъ управленіемъ извѣстнаго господина Годара. Спутниками моими были: графиня С**, графъ Полиперё и одинъ изъ его друзей. — Мы были все чрезвычайно веселы, покидая землю, и въ самомъ дѣлѣ состояніе атмосферы и опытность господина Годара могли насъ совершенно успокоить на счетъ опасностей воздушнаго путешествія. Поднявшись на воздухъ, мы долго оставались надъ Парижемъ и долго любовались панорамой этого огромнаго города и его прелестныхъ окрестностей. Облокотившись на бортъ лодки, какъ на перила балкона, мы смотрѣли внизъ — и колокольни, лѣса, деревья, поля, рѣки все сливалось въ одну группу, въ одну чудную картину. Невольно дѣлаешься философомъ, когда съ высоты смотришь на землю — и жизнь, и люди съ ихъ заботами и шумомъ кажутся ничтожными въ сравне-

пін съ той тишиною, которая тебя окружаетъ и съ тѣмъ безпре-
дѣльнымъ пространствомъ, которое можешь охватить взоромъ. Од-
нако мы спачала вовсе не философствовали; самое начало пу-
тешествія не даетъ времени для размышленія; веселые разгово-
ры, шутки, все это забавляло насъ; пролетая надъ знакомыми
намъ мѣстами, мы внимательно смотрѣли на нихъ; короче мы
еще принадлежали землѣ. Веселость и неустрашимость нашей
спутницы еще болѣе отгоняла отъ насъ мысли серьезные. Гра-
финя только забавляла насъ шутками, которыхъ во всякое дру-
гое время мы бы навѣрно испугались: то она своею прелестною
пожкою давала лодкѣ толчки, которые для насъ могли-бы очень
дурно кончиться; то, облокачиваясь на бортъ лодки, она заста-
вляла ее принимать довольно опасное положеніе. Наконецъ, мы
упросили графиню оставить эти шутки, и у насъ завязался раз-
говоръ объ аэростатахъ; каждый изъ насъ доказывалъ, какъ могъ,
что навѣрно со временемъ будутъ летать по данному направле-
нію и что человѣкъ съумѣетъ подчинить своей волѣ до сихъ-
поръ непокорную ему стихію. Разговоръ нашъ продолжался до
самаго обѣда; но вскорѣ зашелкали пробки, вино зашѣвлюсь въ
бокалахъ, и я провозгласилъ первый тостъ въ честь Государя
Императора. Однако день приближался къ концу, а движеніе
нашего аэростата было почти незамѣтно и мы чувствовали себя
такъ хорошо, что непременно хотѣли продолжать путешествіе;
но слѣдовало покориться необходимости добратся засвѣтло до
земли — и потому открыли клапанъ, и мы начали медленно опу-
скаться. Я не слѣбую передать того блаженства, которое я ощу-
щалъ въ эту минуту: какое-то внутреннее спокойствіе замѣнило
въ насъ энтузіазмъ и веселость, мы всѣ умолкли. Чѣмъ болѣе
приближались мы къ землѣ, тѣмъ лучше обрисовывался въ гла-
зѣхъ нашихъ дома, лѣса, холмы и колокольни. Вскорѣ мы услы-
шали отдаленный звонъ колокола, журчанье ручейка и наконецъ
человѣческой голосъ, голосъ какого-то крестьянина, который насъ
дружелюбно привѣтствовалъ. Опущенная господиномъ Годаромъ
на землю веревка въ 150 метровъ была захвачена крестьянами, и
благодаря ихъ помощи, мы скоро опустились на землю близъ де-
ревни Бюсси-Мелонгъ. Это возвращеніе на землю останется мнѣ
навсегда однимъ изъ пріятнѣйшихъ воспоминаній въ моей жизни.
Отъ деревни, въ которой мы опустились, до Суассона было все-
го одно лѣ и потому нашъ шаръ дотасили до этого города на
веревкахъ. По прибытіи къ воротамъ Суассона, я отправился на
гауптвахту просить солдатъ, чтобъ они приняли нашъ шаръ; они

конечно очень удивились такой просьбѣ и объявили мнѣ, что на это нужно позволеніе городского коменданта. Я вскорѣ получилъ это позволеніе и возвратился къ моимъ спутникамъ, ожидавшимъ меня, и тотчасъ-же шаръ, который я держалъ за веревку перелетѣлъ по крышамъ домовъ, задѣвая беспреестанно за трубы. Происшедшій отъ этого шумъ разбудилъ многихъ жителей Суассона. Наконецъ мы прибыли на большую площадь, отдали аэростатъ на попеченіе младшаго брата Годара; а сами отправились отдохнуть въ гостиницу, заплативши передъ тѣмъ за сломанныя трубы. — Однакожъ мысль о продолженіи путешествія не оставляла насъ, мы всё хотѣли ѣхать; но господинъ Годаръ объявилъ, что онъ можетъ взять только одного изъ насъ, такъ какъ шаръ его много уже потерпѣлъ въ слѣдствіе влажности атмосферы. Мои товарищи предоставили мнѣ право сопутствовать Годару и отправились искать экипажъ, чтобъ доѣхать до станиціи желѣзной дороги; а я между тѣмъ отправилъ письма въ Москву къ жещѣ и въ Парижъ къ нѣкоторымъ знакомымъ. И такъ не смотря на то, что шаръ потерялъ много газу и что подниматься ночью на аэростатѣ довольно опасно, мы рѣшились отправиться, взяли съѣстныхъ припасовъ и въ 3 часа 7 минутъ по полуночи оставили вторично землю. Насъ провожала толпа народу. Мы поднялись довольно высоко и вскорѣ снова опустились до крышъ домовъ; я думалъ уже, что намъ снова придется задѣвать за трубы и, замѣтивъ, что Годаръ выбрасывалъ бакаетъ, не сказавъ ему ни слова, съ своей стороны началъ помогать ему, и вскорѣ, благодаря нашимъ успіямъ — Орелъ поддержалъ свою репутацію и съ быстротою молніи полетѣлъ вверхъ. Мои товарищи, оставшіеся на землѣ, которые предсказывали мнѣ, что я не подымусь высоко и что даже не потеряю Суассона изъ виду, быть можетъ, уже приготовлялись посмѣяться надо мною, когда замѣтилъ, что мы начали опускаться. Теперь же довольно успѣшнымъ началомъ нашего путешествія, я гордо взглянулъ внизъ. Густой туманъ покрывалъ городъ и едва можно было отличить людей, ходившихъ по площади. Вскорѣ другаго рода зрѣлище привлекло мое вниманіе: началось свѣтатъ, багровое пламя охватило горизонтъ, и показалось солнце. Я не берусь описывать этой чудной картины. Особенно была хороша южная сторона; сѣверная же была покрыта туманами. Но восходъ солнца, доставившій намъ прелестное зрѣлище былъ для насъ и не совсѣмъ пріятенъ. Именно душно было то, что то становилось жарко, то страшно холодно, такъ что я дол-

женъ былъ закутываться въ шубу тогда, когда солнце жгло мнѣ лицо. Годары также должны были безпрестанно закутываться въ мою шубу. Мы были въ положеніи человѣка, который стоитъ среди льдовъ у костра; тогда жаръ и холодъ дѣйствуютъ на него во всей своей силѣ. Такого рода мученье изображено въ «Адѣ» Данта. Въ ту минуту, когда мы отправились изъ Суассона, термометръ показывалъ 10°; теперь-же онъ показывалъ 4°, послѣ ртути снова возвышалась до 16°, между тѣмъ какъ мы постоянно поднимались. Анероидъ пересталъ дѣйствовать въ 3 часа 40 минутъ. Тогда я посмотрѣлъ на компасъ и замѣтилъ, что магнитная стрѣлка также не дѣйствовала. Я думалъ, что компасъ сломавъ и передалъ его Годару, который, разсмотрѣвъ его, убѣдился, что компасъ былъ въ совершенной исправности; уѣзжая изъ Суассона ночью, мы не обратили вниманія на географическія карты и теперь не знали, куда летѣли. Для того-то собственно я и взялъ компасъ, который, какъ я уже сказалъ, въ это время не дѣйствовалъ. Хотя я неопытный путешественникъ и не рѣшаюсь дѣлать никакихъ ученыхъ выводовъ, по замѣчу, что и прежде меня аэронавты говорили, что компасъ перестаетъ дѣйствовать на извѣстной высотѣ. Это мнѣніе опровергнуто было Ге Люсакомъ, а у меня подтвердилось на опытѣ, на высотѣ 3760 метровъ. Нужно замѣтить, что, по возвращеніи на землю, компасъ снова началъ дѣйствовать. Мы разсуждали объ этомъ съ Годаромъ, какъ вдругъ услышали что то въ родѣ выстрѣла, что заставило насъ взглянуть другъ на друга. За первымъ выстрѣломъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Съ самаго нашего отъѣзда изъ Парижа намъ нѣсколько разъ случалось слышать ружейныя выстрѣлы, которыми насъ салатовали; но шумъ, который мы въ эту минуту слышали происходилъ не на землѣ, а надъ нами и мы никакъ не могли объяснить себѣ этого феномена. Прелестный видъ, насъ окружавшій, занималъ насъ; — мы видѣли горы камней и льда — мы видѣли Альпы. Я вижу уже недовѣрчивую улыбку читателя, но смѣло могу его увѣрить, что очень хорошо видѣлъ Монбланъ и что на извѣстной высотѣ можно видѣть мѣста отдаленныя: такъ съ горы Машукъ близъ Пятигорска я очень хорошо видѣлъ Эльбрусъ. Однакожъ обезпокоившіе насъ выстрѣлы продолжались. Сердце мое стало биться сильнѣе, я дышалъ тяжело какъ въ слѣдствіе рѣдкости воздуха, такъ и отъ испуга. Вдругъ лодка наша наполнилась какими-то сѣрыми парами, выходящими изъ аэростата. Годаръ обнаружилъ удивительное присутствіе духа въ этой новой и для него и для не-

ня опасности и схватился за веревку, которою открывается клапанъ. Я взглянулъ на него и, не прочитавъ въ его взглядѣ ничего утѣшительнаго, увидѣлъ, что Годаръ, не смотря на свою опытность, не звалъ какимъ образомъ избавиться отъ бѣды. Я уже считалъ себя погибшимъ и въ эту минуту мысли мои перенеслись къ моему семейству, къ моимъ дѣтямъ, которыхъ я не надеялся болѣе увидѣть. Къ счастью, сила, поддерживающая человѣка въ самыя страшныя минуты и заставляющая его съ надеждою прибѣгать къ Создателю, не покидала меня, и мгновенная молитва успокоила сердце мое. Однако все-же эти минуты ожиданія тянулись для меня невыносимо долго; и тутъ я убѣдился на дѣлѣ, что рѣшительная минута въ жизни нашей кажется намъ часомъ. Годаръ потянулъ веревку — тотчасъ газъ пересталъ выходить изъ шара и мы были спасены. Когда десять лѣтъ тому назадъ, я оставилъ Кираспрскій Его Высочества полкъ и отправился въ экспедицію на Кавказъ, я видѣлъ часто смерть вблизи такъ-же, какъ и мои товарищи; но никогда я не испытывалъ тѣхъ мученій страха, которыя я претерпѣлъ въ описанную мною минуту. Правда, я тогда былъ молодъ, я исполнял самую священную обязанность гражданина, я жертвовалъ жизнью за Царя и Отечество; между тѣмъ какъ здѣсь — я рисковалъ ею изъ одного любопытства и могъ погибнуть смертію жестокою, но безславною и бесполезною. Мы вскорѣ успокоились; взошло солнце, жаръ по непогоу увеличился и шаръ снова началъ подыматься; термометръ показывалъ 7°; но ртуть снова опустилась до той точки, на которой находилась за 2½ часа передъ тѣмъ, то есть въ минуту нашего отправленія изъ Суассона. Наконецъ въ 5-ть часовъ 37-мъ минутъ по полудни шаръ пересталъ подыматься и нѣсколько мгновеній оставался на мѣстѣ; а потомъ самъ по себѣ началъ медленно опускаться. Мы прошли сквозь облако; это было странное чувство: мы промокли до костей, а между тѣмъ не видѣли дождя. Отсырѣлый шаръ началъ опускаться быстрѣе; но, постепенно выбрасываемый балластъ не давалъ намъ слишкомъ скоро идти внизъ и поддерживалъ равновѣсіе нашей лодки. Годаръ младшій показалъ мнѣ летѣвшую подъ нами бѣлую птицу неизвѣстной мнѣ породы. Что дѣлала она въ безграничномъ пространствѣ? По всей вѣроятности она летала надъ своимъ гнѣздомъ, не теряя его изъ виду. Тутъ мнѣ пришла мысль о дальнѣйшемъ продолженіи нашего воздушнаго путешествія, и я рѣшился подняться въ третій разъ на воздухъ, если теперь спущусь благополучно. Вскорѣ мы спу-

стались въ засѣянное поле близъ замка Монкорне, который принадлежит графу Юлію де Шабрильяну. На полѣ работали крестьяне; они приняли насъ очень радушно, хоть и съ удивленіемъ. Особенно поразило ихъ то, что я русскій; они мнѣ дали на память нѣсколько колосевъ, которые я сохраняю въ моемъ гербаріумѣ. Скоро явился мэръ ближайшей общины и нѣсколько человѣкъ таможенныхъ досмотрщиковъ. Досмотрщики начали совѣтываться между собою о томъ, какъ приступить къ осмотру нашего воздушнаго экипажа и рѣшили наконецъ, что его осматривать вовсе не нужно. Недоумѣніе досмотрщиковъ меня очень забавляло. Въ Монкорне мы не много отдохнули и начали обдумывать планъ дальнѣйшаго путешествія. «Орелъ» долженъ былъ въ Воскресенье подняться изъ Парижа слѣдовательно, намъ должно было торопиться туда; а между тѣмъ, городъ Мезьеръ всего въ 2-хъ льѣ отъ Монкорне, и Годару очень хотѣлось показать шаръ тамошнимъ жителямъ. Наконецъ мы рѣшились отправиться въ Мезьеръ на аэростатѣ, и крестьяне потянули его на веревкахъ и пошли по деревнямъ, полямъ и дорогамъ. По дорогѣ, къ крестьянамъ присоединилось множество любопытныхъ изъ разныхъ деревень, и насъ торжественно сопровождала толпа, въ которой очень важно роль городскихъ властей разыгрывали таможенные, составлявшіе нашъ почетный конвой. Такимъ образомъ мы путешествовали цѣлый часъ и наконецъ достигли большой Мезьерской дороги; но она оказалась неудобною для нашего шара, потому что вѣтеръ наталкивалъ его безпрестанно на деревья, растущія по обѣимъ сторонамъ дороги. Идти же по полямъ было неудобно для толпы, ии за что не хотѣвшей отстать отъ насъ. Наконецъ мы рѣшились выпустить газъ изъ шара и довести его до Мезьера на тележкѣ. О! униженіе! Славный Орелъ, летавшій за облаками, долженъ былъ теперь лежать на какой-нибудь тележкѣ! мы выбрали мѣсто для выпуска газа и расположились въ полѣ; Годаръ отправился узнавать какимъ способомъ можно намъ будетъ добраться въ самомъ скоромъ времени до Парижа и оказалось, что самая ближайшая желѣзная дорога (Эпернейская) находится въ 30 ти льѣ отъ Мезьера; и слѣдовательно намъ до нее оставалось часовъ 30-ть ѣзды — перспектива довольно неутѣшительная для людей, которымъ менѣе чѣмъ въ сутки необходимо быть уже въ Парижѣ. Мы думали объ этомъ обстоятельстве, когда мэръ, о которомъ я говорилъ выше сказалъ намъ, что вѣтеръ началъ дуть по направленію къ Бельгіи. «Такъ полетимте лучше въ Брюссель,» — сказалъ Годаръ, — «тамъ мы скорѣе найдемъ

железную дорогу и опустимся на станцію.» — «Да возможно ли это?» — «И очень.» — «Летимъ!» Въ самомъ дѣлѣ въ 8-мь часовъ 40-ть минутъ, все еще подъ вліяніемъ энтузіазма и любопытства, мы отправились. Погода была прекрасная; но не смотря на то мы ожидали, что вѣтеръ усилится по мѣрѣ возвышенія солнца на горизонтѣ; и Годаръ предрекалъ, что намъ трудно будетъ опуститься на землю. Шаръ поднимался очень скоро; термометръ показывалъ 17°. Мы снова видѣли Альпы; но теперь видъ ихъ не былъ такъ привлекателенъ, какъ при восхожденіи солнца. Вскорѣ землю отъ насъ совершенно скрыли тучи, и мы не знали куда летѣли; но успѣли замѣтить, что мнѣніе мара было вовсе несправедливо, и что насъ вѣтеръ несъ не къ Бельгій; а прямо къ Пруссіи. «Не жалуйтесь на вѣтеръ,» — сказала я Годару, — «онъ насъ несетъ туда, гдѣ нѣкогда летали самые знаменитые аэростаты, которые храбро стояли подъ картечью прусской и австрійской армій.» Я это говорилъ про извѣстнаго аэронавта Кутеля, который счумѣлъ свое искусство приспособить къ стратегіи и этимъ оказалъ важныя услуги Франціи, показавъ ей блистательные опыты этого тогда новаго искусства въ Бельгій, при Шарлеруа, Флёрюсъ и Намюрѣ. По внимательности, съ которою Годаръ слушалъ мои слова, я могъ убѣдиться, что онъ не потерялъ, какъ я, цѣлыхъ часовъ на изученіе исторіи аэростатовъ и что онъ поднимался на воздухъ безъ всякихъ ученыхъ приготовленій такого рода. Признаюсь, я даже нѣсколько возгордился тѣмъ, что имѣлъ хоть въ этомъ отношеніи болѣе свѣдѣній, чѣмъ опытный хозяинъ аэростата. Облака пролетали подъ ногами нашими и казались намъ группою движущихся горъ, которыя какъ будто старались обогнать насъ. Смотрѣвши такимъ образомъ внизъ, мы увидѣли что-то въ родѣ миража: за нами летѣлъ точно такой же аэростатъ, какъ и нашъ. Но вдругъ сильный напоръ вѣтра разогналъ облака; — миражъ исчезъ, и мы очутились за бельгійскими границами. Мы съ восхищеніемъ взглянули на три пограничныя государства: Пруссію, Францію и Бельгію. Взоры наши блуждали по безграничной панорамѣ и не знали на какомъ пзѣ чудныхъ видовъ, представлявшихся намъ, остановиться. По берегамъ рѣкъ на высотахъ мы замѣчали города, которые своимъ сѣрымъ цвѣтомъ рѣзко отъ-нялись на зеленоватомъ фонѣ всего пейзажа; длинными прямыми и ломаными линіями представлялись намъ столь многочисленныя въ этихъ плодородныхъ и богатыхъ странахъ дороги и рѣки. Мы пролетали огромныя пространства; лучи солнца отра-

жавшіеся съ колоколенъ и спиновъ доходили до нашихъ глазъ; мы все летѣли по теченію Мааса и уже начинали видѣть Намюръ, какъ вдругъ разогрѣтый солнцемъ газъ расширился и шаръ поднялся страшно высоко. Все, что мы до сихъ поръ такъ хорошо видѣли, теперь смѣшалось въ какую то неясную группу; Альпы остались у насъ въ правой сторонѣ и Вогезскія горы казались намъ ихъ продолженіемъ. Мы несколько не беспокоились объ удаленіи отъ земли и даже сами ускоряли полетъ шара, выбрасывая изъ лодки балластъ. Мы навѣрно поднялись бы еще выше, еслибъ перемѣна представлявшей намъ картины не убѣдила насъ въ томъ, что мы поднялись слишкомъ высоко. Въ-самомъ-дѣлѣ и теперь намъ было довольно трудно спуститься, и шумъ, беспокоившій насъ во время втораго путешествія, теперь возобновился съ большею силою. Страхъ снова наполнялъ мою душу. Годаръ сталъ прилежно осматривать шаръ и убѣдившись въ томъ, что опасности никакой не было, очень просто объяснилъ мнѣ причину беспокоившаго меня шума: шумъ происходилъ отъ толчковъ, которые вѣтеръ давалъ тѣлѣ; потому она отъ напора газу снова принимала прежнее положеніе и задѣвала сѣтку, окружающую шаръ. Въ это время мы были на высотѣ 6,310 метровъ, было 9 ч. 40 м. и термометръ показывалъ — 3°. Вдругъ Годаръ и братъ его почувствовали себя дурно и мы всё на несколько минутъ оглохли. Я это замѣтилъ, потому что не слышалъ ни голоса Годара, ни своего собственнаго; а въ ухахъ моихъ раздавался какой-то странный шумъ. Годаръ говорилъ мнѣ потомъ, что съ нимъ прежде никогда такой глухоты не бывало. Шаръ пересталъ подниматься; мы полчаса оставались на мѣстѣ; пульсъ мой бился 99 разъ въ минуту, горло засохло, я дышалъ тяжело и чувствовалъ такое расслабленіе, что долженъ былъ безпрестанно вставать на ноги, чтобъ не поддаться ему совершенно. Годаръ младшій завернулся въ одеяло, легъ на дно лодки и спокойно заснулъ. Старшій братъ хотѣлъ сдѣлать тоже самое и поручить мнѣ управленіе шаромъ съ тѣмъ только, чтобъ я его разбудилъ, когда шаръ начнетъ опускаться. Но я не рѣшился взять на себя отвѣтственность за жизнь людей и замѣнить хоть на минуту двухъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ совершалъ свое 34-ое, а другой 85-ое воздушное путешествіе. Поэтому мы оба не ложились спать. Около 10 часовъ вечера шаръ началъ самъ спускаться и остановился на высотѣ 1,000 метровъ надъ облаками. Мы открыли клапанъ; но это намъ не помогало; потому что солнечные лучи сильно нагрѣли газъ. Наконецъ наши уснія

увѣнчались успѣхомъ: газъ началъ по немногу выходить, и мы, прошедши облака, начала быстро опускаться. Чтобы поддержать равновѣсіе лодки мы должны были выбросить весь балластъ, находившійся у насъ и не знали на что рѣшиться, если путешествіе наше, къ несчастію продолжится. Здѣсь первый разъ присутствіе духа измѣнило намъ, и мы не догадались изъ лодки выбросить скамейки. Младшій братъ Годаръ хотѣлъ опустить якорь; веревка въ 40 метровъ, на которой онъ былъ привязанъ, вырвалась и якорь полетѣлъ внизъ, давъ намъ сильный толчокъ. Другая веревка въ 150 метровъ, которую обыкновенно опускаютъ на землю, чтобы уменьшить скорость паденія, также не могла быть намъ полезна; потому что крестьяне, находившіеся на землѣ и не знавшіе ни французскаго, ни нѣмецкаго языковъ не понимали нашихъ словъ и не знали, что дѣлать съ веревкою. Якорь также не могъ взойти въ землю и потому летѣлъ за нами, за дѣвалъ за все, попадавшееся ему на встрѣчу и начиналъ уже ломаться; а мы между тѣмъ летѣли прямо на скалу и получали безпрестанные толчки, отъ которыхъ всѣ наши инструменты вылетѣли изъ лодки. «Господинъ Мацневъ,» — сказалъ мнѣ наконецъ Годаръ старшій, — «вамъ есть спасеніе: привяжитесь, какъ я, къ веревкѣ и, если вы надѣетесь на свою силу, опуститесь по канату до земли.» Между тѣмъ крестьяне захватили веревку по приказанію старосты общины Басъ-Бодэ, который увидѣлъ издалика наше ужасное положеніе и прискакалъ верхомъ къ намъ на помощь. Я между тѣмъ послѣдовалъ совѣту г. Годара и употребилъ все мое знаніе гимнастики, такъ что безъ особенныхъ бѣдствій добрался до земли. Теперь я очень спокойно рассказываю это происшествіе; но можно себя вообразить, что я перечувствовалъ въ то время, когда на тонкой веревкѣ висѣлъ между небомъ и землею. Первымъ моимъ дѣломъ по возвращеніи на землю было возблагодарить Творца за спасеніе и перенестись мыслию къ особамъ дорогимъ моему сердцу; потомъ я осмотрѣлся кругомъ. Крестьяне, окружавшіе насъ не понимали никакого языка, кромѣ своего фламандскаго нарѣчія и потому никакъ не могли понять, что Годаръ ихъ упрощивалъ не упускать изъ рукъ веревку отъ шара, на которомъ еще оставался Годаръ младшій. Наконецъ появились въ чемъ дѣло, крѣпко всѣ ухватились за веревку — и Орелъ всѣхъ насъ приподнялъ такъ, что веревка вырвалась изъ рукъ нашихъ. Къ счастью, бургомистръ Фосской общины и помощникъ его, шедшіе намъ на встрѣчу успѣли поймать веревку; но крестьяне болѣе никакъ не хотѣли ее взять въ руки; а

все наши усилія не могли удержать аэростатъ, который рвался къверху. Наконецъ онъ рванулся сильнѣе — и исчезъ изъ глазъ нашихъ. «Мой братъ погибъ!» вскричалъ Годаръ въ отчаяніи и бросился на удачу отыскивать шаръ. Въ самомъ дѣлѣ положеніе младшаго Годара было ужасно; мало того, что онъ летѣлъ неизвѣстно куда по волѣ вѣтра, — кромѣ того дно лодки было проломано и онъ долженъ былъ держаться за веревки. — Я побѣждалъ за старшимъ Годаромъ; но среди глубокаго рва потерялъ слѣдъ его. Не зная, что дѣлать, измученный я остановился у какой-то хижины и въ смущеніи ждалъ тамъ извѣстій о мопхъ несчастныхъ спутникахъ. Какой-то купецъ, проходившій мимо меня догадался, что я жду извѣстій объ аэронавтахъ и сообщилъ мнѣ, что они поймали шаръ и теперь уже выпускаютъ изъ него газъ. Я побѣждалъ къ тому мѣсту, гдѣ, по словамъ купца, были мои спутники и нашелъ ихъ невредимыми и занятыми выпусканіемъ газа. Годаръ младшій даже увѣрялъ меня, что на него не очень сильно подѣйствовала его послѣдняя прогулка по воздуху. Когда газъ выпустили, тотчасъ же напали телѣжку до Спа. Должно быть Орлу было предопредѣлено непременно проѣхать на телѣжкѣ. До-сихъ-поръ мы сдѣлали 140 лье въ 6½ часовъ; за то теперь одно лье ѣхали болѣе 3 часовъ. Въ 9 часовъ вечера мы прибыли въ Спа. На слѣдующій день я былъ въ Брюсселѣ; а черезъ день ѣхалъ въ Парижъ въ вагонѣ княгини Валахской, удостоившей меня приглашеніемъ. Черезъ часъ по моемъ пріѣздѣ въ Парижъ я изъ окна увидѣлъ «Орла», который снова поднимался на воздухъ. — «Желаю тебѣ счастья, — подумалъ я, — желаю отъ души успѣха молодымъ аэронавтамъ; но съ меня довольно и того, что я сдѣлалъ; я теперь буду гораздо хладнокровнѣе читать описанія воздухоплаваній и только мысленно буду участвовать въ этихъ опасныхъ путешествіяхъ.» Таковъ былъ мой образъ мыслей въ день моего пріѣзда въ Парижъ; но все мои благія намѣренія рушились при новомъ предложеніи. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ моего пріѣзда, послѣ нѣсколькихъ часовъ занятія, я отправился прогуляться и остановился, задумавшись у Нельскаго парка. Я замѣтилъ, что все гуляющіе смотрѣли вверхъ; я также взглянулъ и увидѣлъ аэростатъ величественно летѣвшій по воздуху. Онъ былъ на высотѣ ста метровъ надъ деревьями. Вскорѣ я услышалъ, что кто-то меня зоветъ — это былъ Годаръ, который узналъ меня издали и спустился, чтобъ предложить мнѣ полетѣть вмѣстѣ съ нимъ. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ — и чрезъ минуту я

очутился въ лодкѣ на скамейкѣ возлѣ Годара. Лишь только мы отправились, пошелъ сильный дождь и началась гроза. «Сегодня небо, — сказалъ я Годару, — доставляетъ намъ зрѣлище, котораго я еще не видалъ вблизи. Отправимтесь поближе къ нему.» Мы поднялись выше; насъ окружилъ густой туманъ; вода полилась въ лодку такъ, что я думалъ, что насъ затопитъ. Однако жъ мы залетѣли выше облаковъ, и гроза продолжалась подлѣ нами; но мы совершенно промокли и потому Годаръ открылъ клапанъ и мы страшно скоро опустились. Приближаясь къ землѣ, мы услышали звуки бальной музыки, это игралъ оркестръ на Аньерскомъ балу. Возвратившись въ Парижъ, я твердо рѣшился не пускаться болѣе въ воздушныя путешествія или по крайней мѣрѣ не говорить о нихъ публикѣ. Теперь мнѣ оставалось только рассмотреть мои наблюденія надъ барометромъ и термометромъ. Изъ этихъ наблюденій я составилъ три таблицы, изъ которыхъ одну представляю на судъ читателей, которые по ней могутъ судить объ остальныхъ. Я не довѣрялъ сперва своимъ вычислениямъ и показалъ ихъ челоуѣку, имѣющему авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, извѣстному господину Бабине, который нашелъ, что мои наблюденія могутъ послужить основою для разныхъ вычисленій и по нимъ-же вычислялъ высоту, на которой я находился во время моего путешествія. Вотъ эти вычисления: въ первое путешествіе большее отдаленіе отъ земли. 5 іюня, въ 6 часовъ 42 минуты по полудни — 1,820 метровъ; большее отдаленіе отъ земли во время втораго путешествія, 6 іюня 5 ч. 37 м. по полуночи — 3,760 метровъ; — большее отдаленіе, въ третье путешествіе 6 іюня въ 9 ч. 15 м. по полуночи — 6,340 метровъ. Теперь представляю мои наблюденія.

Часы.	Минуты.	Барометръ.	Термометръ.	Анероидъ.
5	37	657	20 $\frac{1}{2}$	631.
5	49	665	16	636.
5	58	655	18	630.
6	7	667	19	639.
6	22	660	12	643.
6	36	625	8	616.
6	42	616	6	614.
7		618	6	614.
7	13	618	5	625.

Во время втораго и третьяго -путешествій движенія аэростата

были гораздо чувствительнѣе, сильнѣе, нежели во время перваго путешествія. Въ 3 ч. 7 м. при отправленіи изъ Суассона, термометръ показывалъ $+ 10^{\circ}$; онъ показывалъ только $+ 6^{\circ}$ въ 3 ч. 25 м., $+ 3^{\circ}$ въ 3 ч. 28 м. и опустился до 0° въ 3 ч. 40 м. Въ 4 ч. 21 м. показывалъ $- 1^{\circ}$. Въ 5 ч. $+ 6^{\circ}$, въ 5 ч. 11 м. $+ 10^{\circ}$. Въ 5 ч. 55 м. $+ 70$. Во время третьяго путешествія переменны температуры были еще страннѣе. Въ 8 ч. 10 м. б. $+ 17^{\circ}$, въ 8 ч. 43 м. 8° , въ 9 ч. 15 м. $+ 9^{\circ}$, въ 9 ч. 17 м. $+ 2^{\circ}$. Въ 9 ч. 20 м. $+ 5^{\circ}$; а въ 9 ч. 38 м. $- 2^{\circ}$ и въ 9 ч. 42 м. $- 3^{\circ}$.

ИВАНЪ МАЦНЕВЪ.

ЭММАНЮЭЛЬ ДЮПАТИ.

(Некрологъ.)

Французская Академія понесла новую потерю. Литература лишилась одного изъ самыхъ добрыхъ своихъ представителей, писателя, который давно уже не занимался своимъ искусствомъ, но не былъ забытъ. Эмманюэль Дюпати скончался на семьдесятъ пятомъ году отъ роду.

Онъ былъ сынъ президента Дюпати, служившаго въ Бордоскомъ парламентѣ, писателя замѣчательнаго, который оставилъ намъ *Письма объ Италіи* и нѣсколько другихъ прекрасныхъ сочиненій. Отцовскій примѣръ увлекъ сына; и получивъ полную свободу избрать занятія, Эмманюэль послѣдовалъ своему призванію и посвятилъ себя литературѣ.

Какъ большая часть писателей, блиставшихъ во времена Имперіи, Дюпати началъ съ военнаго поприща. Того хотѣла Республика, которая не давала другой дороги молодымъ людямъ и которая не нуждалась въ литературѣ, въ искусствахъ, въ торговлѣ и въ промышленности. Когда ей было заниматься этими пустяками! Находясь въ постоянной борьбѣ съ противниками, порожденными ихъ звѣрскими системами, распорядители того времени, хозяева той мрачной эпохи, посылали всѣхъ здоровыхъ людей на границы, чтобы подъ ихъ защитою на свободѣ предаваться кровавому хищничеству. На шестнадцатомъ году отъ роду Дюпати принужденъ былъ проститься съ науками и вступить матрозомъ въ морскую службу; онъ былъ уже мичманомъ, когда находился на флотѣ адмирала Вилларе-Жойеза при

страшной битвѣ, въ которой корабль *Мститель* обезсмертилъ своимъ геройскимъ самоотверженіемъ.

Небольшаго росту, хорошо сложенный, живой, проворный, безстрашный, Дюпати обладалъ всѣми качествами необходимыми моряку, но слабость здоровья ослабляла эти добрыя расположенія, а съ другой стороны, демонъ поэзіи призывалъ его къ себѣ. Заплативъ свой долгъ отчизнѣ, онъ отказался отъ бранной славы и пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ передъ его достоинствомъ и именемъ открылись двери самыхъ значительныхъ домовъ.

Тогда была пора Консульства. Радушно принятый госпожею Бонапартъ, Дюпати очень часто посѣщалъ ея гостинную; тамъ онъ встрѣтился съ Далайракомъ, и знаменитый композиторъ согласился положить на музыку первое произведеніе молодаго писателя. Это была комическая оперетка, въ одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ: *Слуги въ передней* (*les Valets dans l'antichambre*), которая позже, съ перемѣною заглавія, называлась «Пикаросъ и Діаго.» Успѣхъ былъ блистательный и этотъ счастливый дебютъ долженъ былъ поощрить поэта; но ему дорого обошлась первая поэтическая попытка. Вотъ что случилось.

Дюпати не довольствовался литературными успѣхами, поэзія не удовлетворяла его пылкое воображеніе; онъ предавался еще другимъ побѣдамъ, которыя ему доставались легко. Молодой, изящный, красивый, полный ума и любезности могъ-ли онъ не выиграть въ расположенія дамъ временъ Консульства? Онъ умѣлъ правиться и пользовался этимъ; но дурная звѣзда навела его на непріятную встрѣчу въ этой цвѣтущей дорогѣ: онъ очутился соперникомъ важнаго лица, одного изъ братьевъ перваго консула, и имѣлъ несчастную выгоду одержать верхъ надъ этимъ могучимъ соперникомъ, который былъ обманутъ, и отставленъ въ пользу милаго поэта. Огорченный неудачею, вельможа поклялся отмстить за это оскорбленіе.

Въ одно утро, когда молодой литераторъ принималъ поздравленія друзей за свое первое драматическое произведеніе, къ нему явился незнакомецъ.

— Ужъ и вы не съ поздравленіемъ-ли? — спрашиваетъ поэтъ.

— Нѣтъ, я имѣю приказаніе васъ арестовать! — отвѣчаетъ незнакомецъ.

— Если это шутка, — то она очень неудачна! — вскричалъ Дюпати.

Но ничего не было дѣйствительнѣе.

По объясненіямъ знакомаго оказывается, что онъ полицей-

свій чиновникъ; онъ открываетъ дверь и взорамъ изумленнаго поэта является конвой изъ двѣнадцати солдатъ. Дюпати принужденъ былъ повиноваться; ему оставалось только узнать въ чемъ заключалось его преступленіе.

Преступленіе было это первое сочиненіе, осыпанное похвалами и рукописками. «Дайте мнѣ двѣ строки какого хотите пьеса и я берусь доказать, что писавшій ихъ заслуживаетъ висѣлицу!» говаривалъ Лобардемовъ.

Выходя изъ театра Фейдо, братъ перваго консула принялся объявлять, что пьеса въ высшей степени неприлична и заключаетъ въ себѣ бездну тайныхъ нападокъ на правительство, тысячи оскорбительныхъ намековъ, безсознательныхъ аллегорій, и что въ ней выведены самые значительные государственные люди подъ ливреею актеровъ.

Дюпати оправдывался, доказывалъ свою невинность, и, правду сказать, самый прощательный и подозрительный человекъ, если онъ честенъ, не найдетъ въ этой невинной пьескѣ, *Picaros et Diégo*, ни одного опрометчиваго слова, ни одной опасной колкости. Не смотря на всѣ доводы автора, его отравили въ Брестъ и тамъ помѣстили на попѣтахъ, какъ государственнаго преступника.

Къ счастью, въ многочисленной семьѣ перваго консула женщины были лучше мужчинъ. Онъ славился сострадательностью, въ особенности къ молодымъ и любезнымъ кавалерамъ. Дюпати возбудилъ участіе одной изъ этихъ дамъ; будущая принцесса, обратясь къ главѣ Государства, ходатайствовала съ такимъ жаромъ за молодаго автора, и просила правосудія съ такимъ краснорѣчіемъ, что наконецъ Дюпати возвратилъ свободу. Первымъ дѣломъ его было засвидѣтельствовать глубокую признательность своей очаровательной покровительницѣ.

Онъ сдѣлался по прежнему обычнымъ посѣтителемъ гостинной госпожи Бонапартъ, будто ничего и не было, а позже постояннымъ собесѣдникомъ въ Тюильри. Въ его сочиненіяхъ встрѣчается либретто кадрили въ лицахъ, которую онъ составилъ для увеселенія Императорской фамилии и въ которой участвовала Миорать, королева Обѣихъ-Сицилій. Спустя два или три года онъ сочинялъ пьесы для торжества возвращенія Бурбоновъ. — Но все это онъ дѣлалъ безъ расчета, безъ коварства, не приписывая этому ни малѣйшей важности. Онъ нисколько не заботился о политическихъ дѣлахъ, и разсуждалъ, какъ добродѣтельный человекъ, другъ порядка и благоденствія своей родины.

Перемѣна династїи на него не имѣла никакого вліянія; — но онъ являлся ревностнымъ защитникомъ народной чести, и когда союзныя войска осаждали Парижъ, Дюпати, бывшій капитаномъ гражданской милиціи, храбро драмса въ главѣ своего отряда. Съ горестію солдатъ онъ взялъ австрійское укрѣпленіе и доставилъ пушки маршалу Монсею. Орасъ Верне помѣстилъ капитана Дюпати въ своей картинѣ Кляшійской заставы, гдѣ онъ представляеть въ минуту его блистательнаго подвига.

Но обратимся къ писателю.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ граціозныхъ умовъ этой граціозной эпохи. Отъ литературы вѣяло тогда розовой эссенціей; она любила веселые, легкіе образы, нѣжныя и раздушенныя наивности.

Послѣ ужасовъ революціи, публика отъ души предалась подслащеннымъ нѣжностямъ, и театръ повиновался этой модѣ. Въ угодность современному вкусу, Дюпати написалъ мастерской водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Урокъ Ботаники,» напечатанный съ слѣдующимъ эниграфомъ, взятымъ изъ діалога и заключающимъ мораль пьесы:

«Лучше довѣрять свои тайны отцу, чѣмъ цвѣточку.»

Публика не требовала большаго, лишь бы урокъ былъ приправленъ нѣжными чертами и граціозными куплетами, во вкусѣ слѣдующаго, который остался типомъ и находится въ девятомъ явленіи, втораго дѣйствія «Урока Ботаники:»

Au sein d'une fleur tour à tour,
 Une heureuse image est placée:
 Dans un myrte on croit voir l'amour,
 Un souvenir dans la pensée,
 La douce paix dans l'olivier,
 L'espoir dans l'iris demi-close,
 La victoire dans un laurier,
 Une femme dans une rose!..

Мы вовсе не намѣрены шутить надъ поэтомъ, нѣтъ — это стиль эпохи, и онъ лишь угождалъ вкусу современниковъ. Это не мѣшало ему сочинять пьесы съ умомъ, располагать ихъ съ искусствомъ, пересыпать ихъ замысловатыми остротами и тонкими наблюденіями. И сверхъ-того эта наивная квинтэссенція, эти цвѣтушіе образы, эта поэтическая раздушенность были лучше дерзостей и грубостей нынѣшняго водевиля.

Кто бы подумалъ, что этотъ нѣжный, цвѣтистый писатель былъ человѣкъ раздражительнаго характера? Его дуэль съ Мартэнвилемъ надѣлала шуму во время Возстановленія. У него еще было нѣсколько дуэлей передъ этимъ и нѣсколько въ послѣдствіи. Самъ Дюпати говаривалъ въ дружеской бесѣдѣ:

— У меня характеръ раздражительный, по этому я не учился фехтовать; еслибъ я умѣлъ, какъ слѣдуетъ, владѣть шпагой, то слишкомъ бы часто дрался.

И въ самомъ дѣлѣ, во всю жизнь онъ дрался только на двѣнадцати дуэляхъ. Можно себѣ представить, чтобы онъ надѣлалъ, выучившись фехтованью!

Впрочемъ Дюпати зла не помнилъ. Слегка ранивъ Мартэнвиля, онъ обнялъ въ ту же минуту своего соперника, который сильно оскорбилъ его въ своемъ журналѣ, и остался его другомъ. Онъ всегда признавалъ свои ошибки и приносилъ чистосердечныя извиненія. Живость его характера смягчалась удивительною добротою. Дюпати былъ истинно обязательный человѣкъ, золотое сердце, и число его добрыхъ дѣлъ равняется по-крайней мѣрѣ числу его произведеній. Онъ любилъ протягивать руку помощи молодымъ людямъ, и пользовался всегда своимъ кредитомъ въ театрѣ, чтобъ покровительствовать скромнымъ артистамъ. Этотъ кредитъ былъ великъ, потому что въ періодъ двадцати лѣтъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ авторовъ Водевила и Комической-Оперы и онъ сильно содѣйствовалъ обогащенію этихъ двухъ театровъ, которые достигли тогда до блистательнаго состоянія.

Въ продолженіе своей литературной дѣятельности, Дюпати написалъ множество комическихъ оперъ, водевилей и отдѣльныхъ статей, изъ нихъ замѣчательны:

1^о Комическія оперы: «Пикаросъ и Діаго» (Picaros et Diégo), «Глава вторая» (le Chapitre second), «Изъ трактира въ трактиръ» (d'Auberge en Auberge), «Молодая Разумница» (la Jeune prude), «Нянона у г-жи де-Севинь» (Ninon chez M-me de Sévigné), «Госпожа де-Гизъ» (M-me de Guise), «Время Собьескаго» (Le Temps de Sobiesky), «Интрига у оконъ» (L'Intrigue aux fenêtres), «Франциска де Фуа» (Françoise de Foix), «Фелиція» (Félicie), «Поэтъ и Музыкантъ» (le Poète et le Musicien), «Опрокинутыя кареты» (les Voitures versées), «Военная тюрьма» (La Prison militaire), «Влюбленный изъ тщеславія» (l'Amant par vanité);

2^о Пьесы, игранныя на Французскомъ Театрѣ: «Портретъ Превіля» (Le portrait de Préville), «Совѣтъ мужьямъ» (l'Avis aux Maris);

3° Волевили : «Арлекинъ часовой (Arlequin sentinelle) «Арлекинъ самъ по себѣ» (Arlequin tout seul), «Софія, или здоровая больная» (Sophie, ou la malade qui se porte bien), «Два Отца» (Les Deux pères), «Урокъ ботаники» (la Leçon de botanique), «Больной ревнивецъ» (le Jaloux malade), «Молодая мать» (la Jeune mère), Агнеса Сорель» (Agnès Sorel), и проч.

4° Сатирическая поэма «Доносчики» (Les Délateurs).

Дюпати занималъ тридцать-четвертое кресло Французской Академіи въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Это кресло постепенно принадлежало : до 1634, Годо ; въ 1673, Флешье ; въ 1710, Несмонду, архіепископу Тулузскому ; въ 1727, Ж.-Ж. Амело ; въ 1749, маршалу Бель-Илю ; въ 1761, Трюбле ; въ 1770 и 1803, Сень-Ламберу ; въ 1803, Маре, исключенному въ 1816 ; и наконецъ, въ 1836, Дюпати.

На погребеніи Дюпати присутствовали члены Академіи, литературныя знаменитости, ученые, художники и толпа благодѣтельствованныхъ имъ.

При этой церемоніи невольно приходило на память, что было время, когда Дюпати, наскуча ждать у порога Академіи, сочинилъ себѣ слѣдующую эпитафію :

Ci-gît qui, d'humeur trop légère,
Passa du boudoir au cercueil ;
Il fit beau. oup pour la bergère,
Et pas assez pour le fauteuil.

Позже Академія ему отдала справедливость, и Эмманюэль Дюпати помѣщенъ былъ рядомъ съ Евгеніемъ Скрибомъ !

П. В.

=

ВАЛАГУРЪ.

КОММЕРЦІЯ И ЛЮБОВЬ.

У насъ есть пріятель, человекъ довольно нескромный, онъ сообщаетъ намъ письмо, которое нашелъ на Орлеанской желѣзной дорогѣ, выходя изъ вагона. Письмо это адресовано къ одной провинціальной купчихѣ; ея имя мы умолчимъ, но содержаніе пидюлочки полно юмора и потому мы не скроемъ его отъ читателей:

Парижъ, 29 іюня 1851.

Милостивая Государыня,

«Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 20 го числа сего мѣсяца, препровождаю вамъ прейсъ-курантъ и образчики требуемыхъ вами маринованныхъ рыбъ, а равно и увѣреніе въ пламенной моей любви. Вчерашняго числа я отправилъ къ вамъ также, съ дилижансомъ, двѣ бочки масла перваго сорту, согласно съ вашимъ приказаніемъ; все въ лучшемъ видѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ, и вѣроятно заслужу за то неоцѣненное ваше вниманіе. Не смотря на удобопопятные резоны, представляемые вами, и на существующій биржевой курсъ, я не покидаю надежды, милостивая государыня, тронуть ваше сердце моею страстью и особливо тщательнымъ выборомъ всѣхъ доставляемыхъ мною продуктовъ. Къ тому же не всегда вамъ оставаться вдовою, въ торговомъ дѣлѣ это иногда не выгодно и не приноситъ плодовъ. Характеръ

мой и знаніе по части укупорки сельдей вамъ извѣстны, чего-же вамъ опасаться? Вы будете главою торговаго дома, а я прикащикомъ, будете получать деньги лежа на боку, я одинъ стану работать, словомъ, будете тоже, что была моя покойница; ящикъ вашъ съ апельсинами, за № 5 — проданъ. Домъ Шартье проситъ шесть мѣсяцевъ кредиту; благоугодно-ли вамъ будетъ на это согласиться, а я уже долѣе ждать рѣшительно не могу. При семъ прилагаю отчетъ о продажѣ и счетную книгу, по нимъ узнаете вполнѣ порывы моего сердца. Доставьте мнѣ, милостивая государыня, какъ можно скорѣе новыя порученія и въ особености открытый листъ, по которому я могъ бы располагать своей судьбою въ извѣстномъ, вамъ дѣлѣ. Вы всегда передъ моими глазами, когда дѣло идетъ о выгодной спекуляціи. Я увѣдомлялъ о семъ господина Пишара. Чувство почтенія, которое вы внушили мнѣ, должно доказать вамъ, что я чистосердеченъ. Не говорю вамъ о матеріальныхъ выгодахъ, могущихъ произойти отъ нашего соединенія: ваши чувства выше этого. Впрочемъ, въ текущее время, необходимо обратить вниманіе и на дивидендъ. Переводъ денегъ на Бернара и Ком. принять; итогъ я перенесъ на вашъ счетъ, а на свой счетъ скажу опять: я отъ васъ безъ ума.

«Въ ожиданіи отвѣта, съ первою почтою, честь имѣю быть,

Милостивая Государыня,

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою и корреспондентомъ

«М...»

«Р. S. Дядя Шартье спрашивалъ меня вчѣра, не заключилъ ли вы вторичнаго супружества? У меня отъ этихъ словъ сердце замерло. Торговый домъ Фрицу скоро вылетитъ въ трубу. А моя душа пылаетъ. На нихъ подаю протестъ въ 2000 франковъ. Если вы не захотите мнѣ платить взаимностію, я буду протестовать противъ вашей холодности. Свидѣтельствую вамъ, милостивая государыня, мое нижайшее почтеніе и съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма. На биржѣ все въ чрезвычайномъ безпокойствѣ на счетъ привоза сала. Не помажьте меня по губамъ.

«М...»

СЧАСТЛИВОЕ Quiproquo.

Недавно умерла въ Парижѣ, госпожа Ленорманъ, вдова типографшица, которой отъ роду было девяносто лѣтъ. Журналъ «*Indépendance belge*» посвятилъ ея біографіи нѣсколько строкъ и разсказалъ при этомъ довольно любопытный анекдотъ.

Госпожа Ленорманъ (типографшица) напечатала *Записки* своей знаменитой одноименницы, сивиллы Ленорманъ, которой, какъ всѣмъ извѣстно, за гаданье, самъ Наполеонъ подарилъ сто тысячъ франковъ. Онѣ обѣ жили въ одномъ кварталѣ; сивилла въ Ново-Сенской улицѣ, а издательница, въ Сенской. Сходство именъ и близость квартиръ часто рождали пресмѣшныя недоразумѣнія. И вотъ случай, который вполне показываетъ доброту покойной старушки типографшицы.

Разъ, утромъ, къ ней вбѣгаетъ молоденькая дѣвушка съ глубокимъ отчаяніемъ.

— Ахъ! сударыня! — восклицаетъ незнакомка, — говорятъ вы читаете въ будущемъ.... помогите мнѣ!

Госпожа Ленорманъ смотритъ на дѣвучку и по ея наружности и манерамъ заключаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Нѣсколько искусныхъ вопросовъ подтверждаютъ ея подозрѣнія.

— Вы покинули родительскій домъ? — говорить она.

— Да!

— Вы увлекаетесь пламенной любовью?

— Да!

— Онъ васъ уговорилъ слѣдовать за нимъ?

— Да!

— Вотъ ваше настоящее, дитя мое.

— Но будущее.... сударыня.... будущее!...

— Будущее!... извольте.... Онъ васъ разлюбитъ.... онъ васъ покинетъ.... вы погибнете въ нищетѣ, въ слезахъ.... Вашъ престарѣлый батюшка умретъ отъ стыда и отчаянія.... Вотъ ваше будущее!...

Пользуясь ужасомъ и довѣрчивостью дѣвучки, она мало-по-малу разсѣяла ея восторженность, успокоила ее, увѣрила, что еще не поздно избѣгнуть этой гибельной будущности.... и отвезла ее къ отцу.

— Ахъ! сударыня, — говорила бѣдняжка, — какъ вы могли такъ угадать.... Значить вы настоящая волшебница?

— Нѣтъ, дитя мое.... но я мать и у меня материнское сердце!..

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ БРАУЭРА.

Адрианъ Брауэръ, голландскій художникъ, велъ очень безпкойную жизнь. Учитель его, Гальсъ, извлекавшій пользу изъ его трудовъ, постоянно держалъ его въ заперти на чердакѣ, боясь, чтобъ кто-нибудь не открылъ молодому живописцу все совершенство его таланта. Скопивъ себѣ нѣсколько гульденовъ, въ одно прекрасное утро, Брауэръ убѣжалъ отъ своего аргуса.... Долго бродилъ онъ по улицамъ, вдыхая полною грудью чистый воздухъ, потомъ зашелъ на рынокъ, и купилъ себѣ пряниковъ. Запасшись этимъ лакомствомъ, которое казалось ему несравненнымъ, онъ захотѣлъ насладиться имъ безъ помѣхи, зашелъ на биржу, спрятался за одну изъ конторокъ и пробылъ тамъ около трехъ дней.

Картина Брауэра «Ссора солдатъ съ крестьянами за карточной игрой» привела въ восхищеніе герцога Вермандоа, который заплатилъ за нее полтораста червонцевъ. Бѣднякъ художникъ, приученный съ дѣтства къ недостаткамъ, остолбенѣлъ, увидя столько денегъ, розсыпалъ ихъ по постели и легъ на свое сокровище. Потомъ онъ ихъ собралъ и ушелъ, не сказавъ ни слова свидѣтелямъ этого безумія. Объ немъ уже и забыли, какъ вдругъ, чрезъ нѣсколько времени, онъ возвратился въ родной городъ веселымъ, съ трубкою во рту, съ безпечностію на лицѣ. — Куда дѣвалъ ты деньги? — спросилъ у него прежній менторъ. — Слава Богу, — отвѣчалъ онъ, — я все спустилъ и теперь въ миллионъ разъ счастливѣе!

Какъ-то ночью на Брауэра напали воры и отняли у него всю одежду. Брауэръ не задумался, соорудилъ себѣ платье изъ холста, сорваннаго съ рамы, расписалъ его прелестными цвѣтками и въ этомъ фантастическомъ нарядѣ являлся вездѣ на гуляньяхъ. Всѣ дамы были въ восторгѣ отъ красивой матеріи и цѣко-

торыя даже спрашивали у него адресъ лавки, гдѣ онъ ее купилъ.

Обремененный долгами, онъ бѣжалъ изъ Амстердама въ Антверпенъ, но тамъ, у городскихъ воротъ, его приняли за шпіона и посадили въ крѣпость. Къ счастью, въ то время въ крѣпости находился герцогъ Армбергъ, содержавшійся по повелѣнію испанскаго короля, и Брауэръ принявъ его за коменданта, рассказалъ ему свои горестныя приключенія. Герцогъ просилъ Рубенса, жившаго тогда въ Антверпенъ, прислать все необходимое для живописи. Трое испанскихъ солдатъ задорно играли въ карты на дворѣ, противъ комнаты живописца; Брауэръ схватилъ кисть и палитру и съ натуральной сцены набросалъ картину, полную неподдѣльнаго комизма. Въ углу, капралъ, прижавшійся на корточкахъ, курить и, повидимому, разсуждаетъ о выходѣ, искрививъ ротъ, изъ котораго торчатъ единственные два зуба. Герцогъ не могъ удержаться отъ смѣха и послалъ за Рубенсомъ, который, взглянувъ на картину, вскричалъ: «Только Брауэръ могъ написать это!» Арембергъ купилъ картину у заключеннаго художника.

Рубенсъ отъ природы былъ одаренъ и великимъ талантомъ и прекрасною душою: онъ взялъ къ себѣ горемыку; но Брауэръ не могъ привыкнуть къ правильной жизни геніальнаго фламандца; онъ оставилъ Рубенса, говоря, что у него живутъ черезъ-чуръ строго и что въ крѣпости лучше.

У знаменитаго Орловскаго былъ слуга, который любилъ выпить. Разъ утромъ, слуга входитъ къ Орловскому шатаясь. Художникъ разсердился не на шутку. — Какъ, бездѣльникъ, — вскричалъ онъ: — еще утро, а ты успѣлъ ужъ выпиться? — Напрасно браните, сударь, — промычалъ пьянчуга, — я сегодня еще капли въ ротъ не бралъ: это со вчерашняго.

Путешествуя по Германіи, Жанъ Поль Рихтеръ пріѣхалъ въ небольшой провинціальный городокъ. У заставы остановилъ его сержантъ. Ваше имя? — Рихтеръ. — Рихтеръ, хорошо! а занимаетесь чѣмъ? — Я авторъ. — Авторъ, какъ бишь... вы то-

то? — спросил озадаченный служака, — что за мудреное слово? — Ну, проще.... я дѣлаю книги. — Книги дѣлаете, — сказала добрякъ, — понимаю.... нынче въ модѣ щеголять разными эдакими фокусами.... у насъ вотъ такихъ мастеровъ по-просту зовутъ переплетчиками!...

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

ПРЕРВАННЫЙ УЖИНЪ

ИЛИ

ЛИШНЯЯ ДВЕРЬ ВЪ КВАРТИРЪ ХОЛОСТЯКА.

шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи,

Н. Я. Яковлевскаго.

Представлена въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ театрѣ мая 22-го, 1851 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Ивановичъ Пузанчиковъ.
Кулаковъ, хозяинъ дома, въ которомъ квартируетъ Пузанчиковъ.
Авдотья Петровна, жена его.
Иванъ Семеновичъ Перочининъ.
Марья Петровна, жена его, сестра г-жи Кулаковъ.
Г. Плясунчиковъ, юноша изъ породы моншеровъ.
Каролина Ивановна.
Агафья, кухарка Пузанчикова.

АКТЕРЫ:

Г. Мартыновъ 1.
Г. Григорьевъ 1.
Г-жа Горская.
Г. Славинъ.
Г-жа Иванова.
Г-нъ Волковъ.
Г-жа Сандунова.
Г-жа Гусева.

Дѣйствіе происходитъ во время Масляницы, въ квартирѣ Пузанчикова.

Театръ представляетъ комнату весьма просто убранную. Дверь посрединѣ. На-право дверь въ спальню. На-лѣво дверь на лѣстницу. На правой сторонѣ столъ покрытый скатертью съ двумя приборами. На лѣвой сторонѣ письменный столъ. На стѣнѣ между дрянными картинами виситъ охотничье ружье.

АГАФЬЯ, выходитъ изъ спальни со свѣчей, которую ставитъ на столъ.

Кажется теперь все прибрано, какъ слѣдуетъ, и моя будущая хозяйка найдетъ здѣсь все въ порядкѣ. А, кажись, врядъ-ли мы съ ней поладимъ. Должно быть продувная.... Охъ! охъ! недоброе дѣло затѣялъ мой сердечный Петръ Ивановичъ.... Чтобы ему найти себѣ жену въ купецкомъ сословьи, съ хорошимъ капиталомъ, а то связался съ какою-то мадамой.... Совсѣмъ не по его званію.... онъ человѣкъ важный такой, а она что? — нѣмка какая-то.... да и хорошее-ли дѣло ходить къ своему жениху въ гости.... *(Плюетъ.)* Ужъ видно, что за птица!...

Перочинникъ *(входя въ среднія двери)*. Здѣсь живетъ Пузанчиковъ?

Агафья. Кого вамъ надобно?

Перочинникъ. Пузанчикова.... Петра Ивановича.

Агафья. Петра Ивановича?

Перочинникъ. Да.... да....

Агафья. Здѣсь. А что вамъ надобно? Его нѣтъ дома, но онъ скоро придетъ.... вѣдь теперь, я думаю, ужъ часъ девятый?

Перочинникъ. Ну, такъ я его подожду здѣсь. *(Садится.)*

Агафья. Скоро долженъ придти, вотъ и Каролина Ивановна также скоро придетъ....

Перочинникъ. Каролина Ивановна? Это что за птица? экономка его что-ли?

Агафья. Какая экономка! Каролина Ивановна невѣста его.... будущая законная его жена....

Перочинникъ. Вотъ что? Такъ Петръ Ивановичъ женится?

Агафья. Да, непременно послѣ Святой, на Каролинѣ Ивановнѣ.... она и теперь почти ужъ здѣсь хозяйка.... думаю ужъ года три тому назадъ, какъ они познакомились.... А развѣ вы не знали объ этомъ?

Перочинникъ. Не зналъ, матушка.... а отъ меня Петру Ивановичу не годилось бы такъ скрытничать, вѣдь мы старые пріятели, я его начальникъ отчасти.

Агафья. Такъ стало быть вы Иванъ Семенычъ Перочининъ.... Какъ же-съ, я объ васъ много наслышалась.... Петръ Иванычъ не можетъ вами нахвалиться.... знаю также, что вы своякъ нашего домового хозяина....

Перочининъ. А это какъ ты знаешь?

Агафья. Слухомъ земля полнится, говоритъ пословица.... вонъ хозяйская кухарка, Герасимовна, рассказывала мнѣ также, что вы съ ними въ есорѣ.... даже никогда не видалсь....

Перочининъ. О! такъ много же кое-чего ты знаешь....

Агафья. Все отъ Герасимовны наслышамши.... Какъ вы съ ними не ладите, то я вамъ скажу, что вашъ своякъ, хозяинъ здѣшняго дома, настоящий медвѣдь.... То и дѣло реветъ да ругается.... а съ своей хозяйкой живутъ куда какъ неладно.... Хороша, правда, и сама хозяйка....

Перочининъ. А что, развѣ Авдотья Петровна....

Агафья. Да вотъ Герасимовна говоритъ, что она до выхода замужъ, влюблена вишь-ли была въ какого-то, этакого — съ утками.... Но онъ уѣхалъ, да такъ на ней и не женился.... Вотъ ужъ повелѣвъ вышла за Кулакова.... Но, признаться, я не люблю въ чужія дѣла вмѣшиваться.... Вотъ вчера еще Герасимовна позвала меня пить кофе и рассказывала.... А вотъ и Петръ Иванычъ!...

—

II.

ТѢЖЕ И ПУЗАНЧИКОВЪ.

Пузанчиковъ (*входитъ въ среднія двери, съ разными съпстными покупками, которыя кладетъ на столъ, не замѣчая Перочинина*). Уфъ! усталъ ужасно, бѣжалъ, какъ угорѣлый.... Насилу дотащился до моего пятого этажа, да на лѣстницѣ чуть не уронилъ было заливнаго поросенка.... вотъ было-бы весело! Я знаю, что Каролину Ивановну ничѣмъ такъ не обрадуешь, какъ поросенкомъ.... Это ея слабость.... А что, Агафья, она еще не приходила?

Агафья. Нѣтъ еще, а вотъ, Петръ Иванычъ, у васъ есть гость.... (*Уходитъ*.)

Пузанчиковъ (*замѣтивъ Перочинина*). Ахъ, Иванъ Семенычъ!... (*Про себя*). Мой набольшій.... зачѣмъ это онъ.... (*Вслухъ*). Извините ради Бога, что не замѣтилъ.... Что доставляетъ мнѣ счастье видѣть васъ у меня?...

Перочининъ. А вотъ видите-ли, Петръ Ивановичъ, у насъ сегодня въ Клубѣ маскарадъ.... а какъ еще рано, то я пришелъ

пригласить васъ, не пойдете-ли и вы?... Клубъ отсюда въ двухъ шагахъ....

Пузанчиковъ. Въ маскарадъ?... Что вы это! Да я никогда въ жизни своей не бывалъ на нихъ.... (*Про себя.*) Что-нибудь да не даромъ.... прядетъ ему охота отыскивать меня въ пятомъ этажѣ, для маскарада.... Что-нибудь тутъ кроется....

Перочининъ. Впрочемъ, если откровенно говорить, я имѣю къ вамъ маленькую просьбу и надѣюсь, что вы не откажетесь мнѣ услужить....

Пузанчиковъ (*про себя*). Вотъ оно! (*Вслухъ.*) Вы знаете, Иванъ Семеновичъ, я всегда готовъ.... не смѣю и....

Перочининъ. Вотъ въ чемъ дѣло, мой любезнѣйшій Петръ Ивановичъ.... Какъ вы видите — я принесъ рукопись.... Это мое сочиненіе, повѣсть.... Мнѣ не хочется, чтобы у насъ тамъ знали, что я занимаюсь литературой, а потому я и выбралъ васъ.... вы человѣкъ надежный.... вы мнѣ хорошо и скоро переписете и, разумѣется, никому не откроете....

Пузанчиковъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ-съ.... вы можете быть увѣрены, что я никому на свѣтѣ не скажу объ этомъ... (*Про себя.*) Чтобъ ему провалиться съ его романомъ!...

Перочининъ. Я былъ увѣренъ напередъ....

Пузанчиковъ (*взявъ рукопись и положивъ ее на столъ*). Помилуйте! За счастіе почту.... и послѣ масляницы тотчасъ-же примусь....

Перочининъ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно къ завтрашнему утру....

Пузанчиковъ. Къ завтрашнему утру?... Такую огромную тетрадь.... а я сегодня жду къ себѣ кое-кого къ ужину.... Знаете, теперь время масляничное.... надо какъ-нибудь повеселиться....

Перочининъ. Знаю... знаю даже кого вы поджидаете къ себѣ.... Прощайте... я отправляюсь теперь въ маскарадъ, въ полной увѣренности, что вы въ точности исполните мое порученіе.... а я не позабуду васъ.... вѣдь вы знаете, я люблю поощрять людей ревностныхъ.... прощайте же, любезнѣйшій!...

Пузанчиковъ. Мое всеижайшее почтеніе.... Чтобъ тебѣ....

III.

ПУЗАНЧИКОВЪ, одинъ.

Вотъ весело! вотъ забавно!... А всему виной слабость моего характера, мое мягкосердечіе.... Я никакъ не могу никому ни въ

чемъ отказать.... всегда готовъ работать для другихъ.... какъ ломовая лошадь.... Но все равно, завтра дѣла нѣтъ никакого, такъ и займусь перепиской.... (*Беретъ рукопись.*) Вотъ навалялъ.... листовъ двадцать будетъ.... Охота-же людямъ сочинять! Для того, чтобы журналисты разбрали какъ кого-нибудь отъявленнаго негодяя и дурака.... Вотъ сегодня читалъ я въ одномъ толстомъ журналѣ.... Славно отдѣлали тамъ какого то сочинителя.... авторъ — да неграмотный, смѣемъ де его увѣрить.... (*Кладетъ рукопись на письменный столъ.*) Э, да то-ли еще я читалъ и видѣлъ.

Посмотрѣлъ я вонъ въ Пассаждѣ,
Тамъ за стеклышкомъ, всѣ въ рядѣ,
Ради смѣха и продажи,
Сочинители стоятъ.
Есть тамъ франты, есть съ усами,
Есть съ лорнетомъ, есть въ очкахъ,
Тѣ съ претонкими ногами,
Тѣ не крѣпки на ногахъ...
Во всѣхъ видахъ — всѣ породы
Всѣхъ возвышенныхъ умовъ...
Въ цѣломъ.... просто все уроды
Всѣхъ возможнѣйшихъ родовъ.
Рядомъ съ ними и актеры...
И Мартыновъ — тутъ стоитъ:
Съ булкой въ фартукѣ, умора!
Только что не говорить....
Да чего, видалъ я пробки
И на нихъ, вѣдь срамъ сказать,
Геніальныя головки,
Чтобъ бутылки затыкать!

Ну, до завтра! Сегодня-же я принадлежу вполнѣ моей Каролинушкѣ.... Какъ она будетъ рада, когда увидитъ, что я ей закупилъ къ ужину. Она не знаетъ, что я вчера выигралъ двадцать цѣлковыхъ въ преферанчикъ.... А когда увидитъ заливнаго поросенка, такъ я думаю такъ и ахнетъ. (*Устанавливаетъ на столъ свои покупки.*) Душка моя Каролинушка! славно мы съ ней сегодня поужинаемъ.

IV.

ПЛЯСУНЧИКОВЪ и ПУЗАНЧИКОВЪ.

Плясунчиковъ (*поспѣшно входитъ и кладетъ узелъ на кресло*). Вы одни, Петръ Ивановичъ?

Пузанчиковъ. А г-нъ Плясунчиковъ!... Какими судьбами?... (*Про себя.*) Еще нежданное посѣщеніе.

Плясунчиковъ. Я имѣю къ вамъ просьбу, Петръ Ивановичъ....

Пузанчиковъ (*про себя*). И онъ съ просьбой!

Плясунчиковъ. Вы можете оказать мнѣ величайшее одолженіе.

Пузанчиковъ. Объяснитесь, любезный товарищъ, объяснитесь.... Что могу я вамъ сдѣлать?

Плясунчиковъ. Одолжите мнѣ вашу комнату.... вашу квартиру....

Пузанчиковъ. Что? что такое? Какъ вы сказали?

Плясунчиковъ. Мнѣ нужна ваша комната....

Пузанчиковъ. Моя комната?... Послушайте, молодой человѣкъ!...

Плясунчиковъ (*прерывая его*). Не говорите.... или скажите только, что вы согласны....

Пузанчиковъ. Въ томъ-то и дѣло, что я несогласенъ.... Что вы думаете, развѣ комнату можно одолжать, какъ зонтикъ или фуражку?...

Плясунчиковъ. Все равно.... она мнѣ необходима....

Пузанчиковъ. А мнѣ.... развѣ она ненужна.... Что я?... дворовая собака, что-ли?

Плясунчиковъ. Знаете, крайнее обстоятельство... но вы не подумайте... сюда должна придти очаровательная женщина...

Пузанчиковъ. Что такое?

Плясунчиковъ. Которой хочется ѣхать въ маскарадъ, въ собраніе... Но мужъ ея...

Пузанчиковъ. Замужняя женщина!

Плясунчиковъ (*про себя*). Проговорился! (*Вслухъ*) Нѣтъ, мужъ ея умеръ... она вдова... и ей только надо переодѣться...

Пузанчиковъ. Молодой человѣкъ, за кого вы меня принимаете?... Чтобы я... человѣкъ, съ безукоризненными правилами, человѣкъ немолодой, нравственный, дорожащій своей репутаціею, сталъ потворствовать шалостямъ молодаго повѣсы? Никогда, сударь, никогда!

Плясунчиковъ. Такъ вы отказываете?

Пузанчиковъ. И слышать ничего не хочу! (*Про себя.*) Я самъ ожидаю съ минуты на минуту мою Каролину...

Плясунчиковъ. Въ такомъ случаѣ, Петръ Ивановичъ...

Пузанчиковъ. Извините, молодой человекъ, не сердитесь...

Плясунчиковъ. Послушайте, Петръ Ивановичъ, если вы мнѣ откажете, тогда я съ вами поступлю варварскимъ образомъ.

Пузанчиковъ. Ну, что же вы со мной едѣваете?

Плясунчиковъ. Я сочиню про васъ такую исторію, что вамъ покоя не дадутъ.... на улицахъ будутъ указывать на васъ пальцемъ.... берегитесь!...

Пузанчиковъ. Но это ужасно! Послушайте, молодой человекъ, за что же вы такъ на меня остервенились, что я вамъ едѣвалъ? Ну, а если я самъ поджидаю...

Плясунчиковъ. Также вдовушку?...

Пузанчиковъ. Нѣтъ, молодой человекъ, не вдовушку, а почтенную дѣвушку, мою невесту...

Плясунчиковъ. Такъ что-жь?... вы подите къ ней на встрѣчу, а мою даму оставьте здѣсь...

Пузанчиковъ. Да что же мы будемъ дѣлать на улицѣ, ночью?

Плясунчиковъ. Черезъ часъ вы воротитесь, она ужъ успѣетъ одѣться въ маскарадное платье.... Ну, Петръ Ивановичъ, будьте великодушны.... та, кого я ожидаю, можетъ сію минуту придти сюда....

Пузанчиковъ (*про себя*). Что дѣлать? Хуже будетъ, если Каролина Ивановна встрѣтится здѣсь съ его вдовушкой... Да ужъ лучше...

Плясунчиковъ. Такъ вы согласны, почтеннѣйшій Петръ Ивановичъ?... Я никогда не забуду вашего одолженія.... и если вамъ когда случится имѣть нужду въ моей комнатѣ...

Пузанчиковъ. Не безпокойтесь... у меня дамы не наряжаются въ чужихъ квартирахъ...

Плясунчиковъ. Такъ ступайте же скорѣе.. вотъ ваша шляпа и шинель... не хотѣте-ли сигаръ?

Пузанчиковъ. Покорно благодарю, я не курю...

Плясунчиковъ (*проводя его до дверей*). Идите, идите же скорѣе...

Пузанчиковъ. Да, что вы меня выгоняете изъ моей собственной квартиры?... смотрите, я черезъ полчаса приду... непременно приду... слышите-ли?... черезъ полчаса!

Плясунчиковъ. Хорошо... ступайте только теперь....

V.

ПЛЯСУНЧИКОВЪ, одинъ.

Слава Богу! уладилъ.... Добрый Петръ Ивановичъ, я былъ увѣренъ, что я его уговорю, что онъ согласится... Но еслибъ онъ узналъ, кого я здѣсь ожидаю!... Половина девятаго!... На лѣстницѣ никого еще не слышно... что она такъ замѣшкалась.... Мнѣ непременно надо быть въ девять въ маскарадъ.... Взялъ на себя обузу проводить эту барыню въ маскарадъ, да и самъ не радъ: еще въ исторію впутаетъ.... сердце такъ и сжимается.... (*сидится у накрытаго стола*) и желудокъ также... это потому что я не обѣдалъ, наѣлся за завтракомъ блиновъ съ икрой... (*Въ разспяніи пробуетъ покупки Пузанчикова.*) Очаровательный поросянокъ... странная Авдотья Петровна... Что это она затѣяла! А ужъ у меня такая привычка, не могу отказать дамѣ... Вотъ ее письмо, которое я вчера получилъ по городской почтѣ.... (*Читаетъ.*) Завтра я иду съ вами въ маскарадъ... Но гдѣ намъ встрѣтиться?... У меня невозможно, къ вамъ ѣхать мнѣ неприлично. Придумайте и напишите мнѣ. Не забудьте также записать домно для меня и костюмомъ для васъ. Это необходимо.—Будьте осторожны, не проболтайте объ этомъ.» (*Стучатъ въ боковую дверь.*) Это она!

VI.

ПЛЯСУНЧИКОВЪ и АВДОТЯ ПЕТРОВНА.

Авдотья Петровна. Константинъ Львовичъ!

Плясунчиковъ. Не бойтесь, мы здѣсь одни.

Авдотья Петровна. Какая неосторожность! Выбрать мѣсто въ нашемъ-же домѣ!

Плясунчиковъ. Но вы въ немъ живете не болѣе недѣли, васъ еще здѣсь хорошенько не знаютъ, я не могъ ничего удобнѣе придумать... къ тому-же эта лѣстница выходитъ въ переулокъ....

Авдотья Петровна. Поспѣшимъ.... гдѣ домно?...

Плясунчиковъ. Вотъ оно! (*Беретъ изъ узла.*)

Авдотья Петровна. Скорѣе! скорѣе! помогите мнѣ! (*Плясунчиковъ помогаетъ ей одѣваться.*) Я боюсь не слѣдили-ли за мной.

Плясунчиковъ. Кто-же? Вѣдь вашъ мужъ уѣхалъ по дѣламъ....

Авдотья Петровна. Да... но вся прислуга научена моимъ мужемъ.

Плясунчиковъ. Не бойтесь; надѣньте скорѣе маску и подымите домино....

Авдотья Петровна. Но знаете-ли вы навѣрное, что Олимпиада Васильевна будетъ въ маскарадѣ?

Плясунчиковъ. Непремѣнно. Она поѣдетъ съ своимъ племянникомъ, офицеромъ, который недавно возвратился изъ Москвы.

Авдотья Петровна (*про себя*). Такъ онъ будетъ тамъ!

Плясунчиковъ. Что вы говорите?

Авдотья Петровна. Ничего. (*Про себя*.) Какое наказаніе! Что значить разъ поступить неосмотрительно! Теперь я должна, Богъ знаетъ, на что пускаться для того только, чтобы возвратить письма мои, писанныя къ жениху, который измѣнилъ мнѣ... а эту молодую повѣса вѣроятно убѣжденъ, что у меня какая-нибудь интрига. (*Вслухъ*.) Но я слышу шумъ, пойдите, пойдите...

Плясунчиковъ. А мой костюмъ?

Авдотья Петровна. Намъ нельзя терять времени... дѣлать нечего, оставьте его... (*Про себя*.) Какой урокъ!

Плясунчиковъ (*бросая узелъ въ спальню*). Въ самомъ дѣлѣ сюда идутъ... Спасемтесь!... (*Уходятъ въ боковую дверь*.)

VII.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА и АГАФЬЯ входятъ чрезъ среднюю дверь.

Марья Петровна. Такъ здѣсь живетъ г-нъ Пузанчиковъ?

Агафья. Да, сударыня, здѣсь... но...

Марья Петровна. И онъ недавно ушелъ?....

Агафья. Минуть съ десять....

Марья Петровна (*про себя*). Онъ согласился. (*Вслухъ*.) Хорошо, я его здѣсь подожду.

Агафья. Но, сударыня... я, право, не знаю... не знаю, какъ...

Марья Петровна. Чего же ты боишься? Въ чемъ меня подозреваешь?

Агафья. Нѣтъ, я только такъ... знаете... теперь такое время...

Марья Петровна (*давая ей деньги*). Ну, теперь ты, я думаю, успокоишься...

Агафья. Конечно, я теперь увѣрена... (*Про себя*.) Трехъ-рубле-

вая бумажка! Каковъ же сталъ Петръ Ивановичъ? А еще увѣряетъ, что хочетъ жениться на Каролинѣ... Но я рада... пустьъ лучше на этой женится, чѣмъ на пѣмкѣ... По дѣломъ ей...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ оставь же меня теперь?... и прошу не говорить...

АГЛѢЯ. Хорошо... хорошо, сударыня, я сейчасъ уйду на пмянины къ кумѣ... баринъ позволитъ... *(Про себя.)* Каковъ же Петръ Ивановичъ! Молодецъ... нечего сказать... Ужъ это настоящая барыня!... *(Уходятъ.)*

VIII.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, одна.

Здѣсь еще никого нѣтъ; это меня успокоиваетъ... Я боялась за сестру. Теперь я могу уговорить ее. Неосторожная Дунюшка! Рѣшиться ѣхать въ маскарадъ въ сопровожденіи молодого чело-вѣка! Правда ея кавалеръ не опасенъ, но въ этомъ маскарадѣ она встрѣтится съ своимъ прежнимъ женихомъ, который ей много повредилъ еще до ея замужества... и у котораго теперь есть ея письма... Конечно, ихъ надо выручить, хотя они и невпаяны... Если узнаетъ объ этомъ ея мужъ... а онъ, говорятъ, такой строгій, жестокий, и ревнивъ до крайности... Но я ее спасу... Къ счастью, ея горничная страшная болтуня; она пересказала моей Машѣ замыселъ своей барыни... Я не колебалась, отговори-лась кое-какъ ѣхать съ мужемъ въ маскарадъ и пришла сюда, чтобы отговорить ее отъ этого безумства... Но я слышу шаги... *(Показываетъ на боковую дверь.)* Это вѣрно они. Гдѣ-бы мнѣ спрятаться, чтобы ихъ застать въ расплохъ... *(Ищетъ мѣсто.)* Не знаю... Ахъ, вотъ дверь въ другую комнату!... *(Роняетъ нечаянно свой платокъ, убѣгая въ спальню.)*

IX.

ПУЗАНЧИКОВЪ, КАРОЛИНА ИВАНОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА въ спальнѣ.

ПУЗАНЧИКОВЪ *(отворяя съ осторожностью дверь и осматривая комнату)*. Ушли! ну, слава Богу! а то я не зналъ, что и дѣ-лать. *(Вслухъ.)* Что же вы, Каролина Ивановна, такъ отстали?

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Зачѣмъ вы меня повели по черной лѣстницѣ... вы, кажется, никогда по ней не ходите?

ПУЗАНЧИКОВЪ. Да такъ... мнѣ хотѣлось скорѣе придти домой

и мнѣ казалось... Посмотрите-ка, Каролина Ивановна, какой я для васъ приготовилъ ужинъ... посмотрите... Ну, что вы скажете объ этомъ заливномъ поросенкѣ? а?... а?...

Каролина Ивановна (*разсматривая покупки*). Да что это вы, Петръ Ивановичъ! На сколько вы рублей накупили?

Пузанчиковъ. На пятнадцать цѣлковыхъ, Каролина Ивановна!

Каролина Ивановна. На пятнадцать цѣлковыхъ? Да что съ вами сдѣлалось? Какъ можно тратить такъ деньги?

Пузанчиковъ. Для васъ, Каролина Ивановна, я готовъ Индію завоевать. Будь я султанъ, я для васъ бы...

Каролина Ивановна. Полно вамъ любезничать. Скажите лучше, не получали вы награжденіе?

Пузанчиковъ. Именно... круглымъ счетомъ сто цѣлковыхъ! позвольте мнѣ за это поцѣловать вашу ручку, Каролина Ивановна.

Каролина Ивановна. Послѣ ужина... послѣ ужина...

Пузанчиковъ. Послѣ ужина... для десерта... на закуску... эту пухлую ручку... мое крымское яблочко, перенкъ мой... такъ сядемъ же скорѣй ужинать... начнемъ съ поросенка, а кончимъ вотъ этими пирожками...

Каролина Ивановна. Гдѣ вы купили эти пирожки?

Пузанчиковъ. Въ Пассажѣ... у хорошенькой булочницы... это Фавни пирожки...

Каролина Ивановна. У хорошенькой булочницы? и вы вѣрно на нее засмотрѣлись... любезничали, можетъ быть, съ нею? знаю васъ, повѣса!

Пузанчиковъ. Полноте, Каролина Ивановна, вы знаете, что я всѣхъ жепщивъ на свѣтѣ отдалъ за васъ однихъ...

Каролина Ивановна. Комплиментчикъ!... но посмотрите, все ваши покупки попробованы...

Пузанчиковъ. Что это, и въ самомъ дѣлѣ!... (*Про себя*). Разбойникъ Плясунчиковъ... это онъ съ своею вдовушкой...

Каролина Ивановна. Вѣрно у васъ есть крысы...

Пузанчиковъ. Есть... вѣрно есть... должны быть... и пре-
большія...

Каролина Ивановна. Но я не замѣтила... посмотрите какой у васъ беспорядокъ, стулья не на мѣстѣ... ваша Агафья ничего не дѣлаетъ...

Пузанчиковъ. Точно она дурно присматриваетъ за порядкомъ...

Каролина Ивановна. Вотъ платокъ валяется... (*подымая его*) да еще женскій...

Пузанчиковъ. Женскій? (Про себя.) Опять вдовушка.... это вѣрно она уронила.

Каролина Ивановна. Ваша прачка перемѣшала бѣлье... вотъ что значить быть холостымъ!

Пузанчиковъ. Вѣрно моя прачка.... (Про себя.) Никогда никому не уступлю моей комнаты ни на минуту.... (Вслухъ.) Но садите ужинать, Каролина Ивановна....

Каролина Ивановна. Какъ же намъ ужинать.... когда нѣтъ ни ножей, ни вилокъ, ни ложекъ....

Пузанчиковъ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ.... потрудитесь сходить въ спальню, онѣ тамъ въ шкафѣ.... (Каролина Ивановна идетъ въ спальню.)

Марья Петровна (поспѣшно притворяя дверь). Ахъ!

Пузанчиковъ. Ахъ, я дуракъ! я и забылъ....

Каролина Ивановна. Что вы забыли?

Пузанчиковъ. Забылъ купить бутылку донскаго. Я сейчасъ схожу, вы не боитесь остаться здѣсь однѣ минуты три?

Каролина Ивановна. Не оставайтесь только долго....

Пузанчиковъ. Погребъ у насъ въ домѣ.... я свою Агафью отпустилъ въ гости.... некого послать.... сію минуту, Каролина Ивановна.... (Уходитъ.)

—

X.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА И МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Каролина Ивановна. Надо признаться, что трудно найти мужа такого, какой у меня будетъ Петръ Иванычъ.... Я убѣждена теперь вполне, что онъ будетъ у меня, какъ говорится, подъ башмакомъ. Если бы я не была въ немъ такъ увѣрена, то этотъ женской платокъ, который я нашла, могъ бы меня встревожить нѣсколько.... Но подозрѣвать Петра Иваныча невозможно....

Марья Петровна (выходя изъ спальни). Послушайте....

Каролина Ивановна (въ крайнемъ удивленіи). Ахъ! что я вижу?

Марья Петровна. Не тревожьтесь....

Каролина Ивановна. Женщина въ его комнатѣ! женщина!

Марья Петровна. Два слова только.... госпожа Пузанчикова....

Каролина Ивановна. Она смѣетъ еще со мной разговаривать!

Марья Петровна. Я васъ попрошу сказать только.... уѣхали отсюда Авдотья Петровна.

Каролина Ивановна. Авдотья Петровна! Еще другая? Ихъ здѣсь было двѣ? цѣлыхъ двѣ! о ужасъ! о срамъ!

Марья Петровна. Зачѣмъ вы такъ тревожитесь, сударыня, безъ всякой причины....

Каролина Ивановна. Безъ всякой причины! у Петра Иваныча были двѣ женщины!... Нѣтъ, я не въ состояніи пережить этого.... я умру.... я умираю....

Марья Петровна. Вы ошибаетесь, сударыня....

Каролина Ивановна. Забудьте.... не забудьте, что вы говорите съ честною дѣвушкою....

Марья Петровна. Ну, если вамъ не угодно говорить со мною, то я сейчасъ же уйду....

Каролина Ивановна. Напрасно, напрасно, сударыня.... ваше мѣсто здѣсь.... я уйду.... а вы оставайтесь....

Марья Петровна. Но послушайте....

Каролина Ивановна. Водите за носъ Петра Иваныча, сколько вамъ угодно, я его вамъ уступаю....

(Слышенъ шумъ за сценою.)

Марья Петровна. Зачѣмъ вы не хотите меня выслушать.... но что это.... сюда идутъ.... слышны голоса.... куда мнѣ дѣться?... куда скрыться? опять туда.... (Снова убѣгаетъ въ спальню.)

XI.

ПУЗАНЧИКОВЪ, КУЛАКОВЪ, КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

Пузанчиковъ (за сценой). Да что вы ко мнѣ привязались? я вамъ говорю, отстаньте.... я не пушу васъ къ себѣ.... у меня въ квартирѣ больные....

Каролина Ивановна. А это овъ! пускай только придетъ!...

Кулаковъ. Я войду къ вамъ, вы не смѣете меня не пускать.... пустите же.... (Слышно дребезжаніе разбитой бутылки.)

Пузанчиковъ. Прекрасно! вы разбили бутылку доискаго!

Кулаковъ (показываясь въ среднихъ дверяхъ). Я вамъ сказалъ, что я войду....

Пузанчиковъ. Но, милостивый государь, вы нарушаете законы благочинія!... выйдите отсюда, у меня гости.... дамы....

Кулаковъ. Покажите мнѣ вашихъ дамъ.... мнѣ онѣ и нужны....

Пузанчиковъ. Вотъ наглый чело­вѣкъ! (*Подбѣгалъ къ Каролинѣ Ивановнѣ.*) Спрячьтесь въ спальню, Каролина Ивановна.

Каролина Ивановна. Что?... что?... а?

Кулаковъ (*подбѣгаетъ къ Каролинѣ Ивановнѣ и смотритъ ей подъ носъ*). Это не она!

Пузанчиковъ. Кто вамъ позволилъ ревизовать у меня? (*Кулаковъ осматриваетъ комнату, Пузанчиковъ ходитъ за нимъ.*) Милостивый государь! милостивый государь! убирайтесь отсюда... я васъ прошу... я васъ не имѣю чести знать... я не знаю, кто вы такой... можетъ быть, вы безпаспортный какой-нибудь.... или еще хуже.... уберетесь-ли вы, наконецъ, отсюда? Оставьте меня въ покоѣ!...

Кулаковъ. Сколько у васъ комнатъ?

Пузанчиковъ. Двадцать. У меня семьдесятъ четыре комнаты! А какое дѣло вамъ знать? я не отдаю свои квартиры въ наемъ....

Кулаковъ (*замптивъ дверь въ спальню*). А вотъ тамъ!

Пузанчиковъ (*становясь передъ Кулаковымъ*). Это моя спальня, вы туда не войдете!

Кулаковъ (*въ гнѣвъ*). Она тамъ!

Каролина Ивановна (*про себя*). Шаромыжникъ, боится за нее!

Кулаковъ (*взявъ за руку Пузанчикова*). Не думаете-ли вы меня дурачить?

Пузанчиковъ. Да убирайтесь — вы отсюда!

Кулаковъ. Напрасно вы притворяетесь невиннымъ... я все знаю....

Пузанчиковъ. Вы все знаете?

Кулаковъ. Все!

Каролина Ивановна. И я также!

Пузанчиковъ (*Каролинѣ Ивановнѣ*). И вы знаете? (*Про себя*). Что же они такое знаютъ?

Кулаковъ. Я давно подозрѣвалъ.... наконецъ, поймалъ васъ...

Каролина Ивановна. Да, ужъ именно поймали.

Пузанчиковъ. Поймали въ чемъ? (*Каролинѣ Ивановнѣ*). Что за ералашъ, Каролина Ивановна?

Каролина Ивановна. Молчите лучше.... не говорите ничего.... обманщикъ, безнравственный чело­вѣкъ!

Пузанчиковъ. Я обманщикъ? растолкуй мнѣ пожалуйста!

Каролина Ивановна. Этотъ господинъ лучше меда вамъ растолкуеть...

Пузанчиковъ. Послушайте, милостивый государь!

Кулаковъ. Что?... вы не ожидали, чтобъ я такъ скоро возвратился домой? Дурно я сдѣлалъ, не правда ли?

Пузанчиковъ. Весьма дурно!

Кулаковъ. Мой прїѣздъ васъ обезпеконилъ?...

Пузанчиковъ. Очень! очень!

Кулаковъ. Вы меня не ожидали?

Пузанчиковъ. Вовсе не ожидалъ.

Кулаковъ. И вы надѣялись спокойно поужинать?

Пузанчиковъ. И я надѣюсь теперь, только что выгоплю васъ отсюда...

Кулаковъ. Это ужъ слишкомъ! (*Марья Петровна отворяетъ не много дверь.*) Берегитесь! передъ вами Селфонтъ Лукичъ Кулаковъ!

Марья Петровна (*про себя*). Кулаковъ! Мужъ моей сестры! (*Поспѣшно притворяетъ дверь.*)

Пузанчиковъ. Кулаковъ?

Кулаковъ. Да... новый владѣлецъ здѣшняго дома.

Пузанчиковъ. Да что-жъ мнѣ васъ бояться... я заплатилъ за два мѣсяца впередъ за квартиру...

Кулаковъ. Я мужъ Авдотьи Петровны...

Каролина Ивановна (*про себя*). Вотъ что! мужъ!

Кулаковъ. Гдѣ она?

Пузанчиковъ. Кто?

Кулаковъ. Авдотья Петровна?

Пузанчиковъ. Я ее не знаю...

Кулаковъ. Она моя жена.

Пузанчиковъ. А мнѣ какое дѣло... съ роду не видалъ ее.

Кулаковъ. Она здѣсь!

Пузанчиковъ. Вздоръ! вы, кажется, сюда прибѣжали съ Петергофской дороги. Впрочемъ, если для вашего успокоенія нужны мои клятвы, то слушайте, я сейчасъ произнесу самыя адскія клятвы...

Каролина Ивановна. Несчастный! не клянись.... (*Кулакову.*) Жена ваша тамъ! (*Показываетъ на спальню.*)

Пузанчиковъ (*въ изумленіи*). Что?... что?

Кулаковъ (*стремясь къ спальнѣ*). Я это предугадалъ.

Пузанчиковъ (*про себя*). Вдовушка Плясунчикова! Ахъ, разбойникъ! онъ упряталъ хозяйскую жену въ мою комнату!

—

XII.

ТЪЖЕ и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Кулаковъ (*выводитъ за руку Марью Петровну*). Идите, идите сюда, сударыня... наконецъ я васъ поймалъ... (*Смотритъ на нее*.) Ахъ, что это! я ошибся... умоляю васъ, извините меня... я не зналъ...

Пузанчиковъ (*про себя*). Онъ прибѣжалъ сюда съ Петергофской дороги... вѣтъ въ томъ сомнѣнія... сумасшедшій да и только!

Марья Петровна (*про себя*). Къ счастью, онъ меня никогда не видалъ...

Кулаковъ. Я ошибся... это не жена моя.

Каролина Ивановна. Не жена его!

Пузанчиковъ. Это не его Авдотья Петровна.

Кулаковъ. Жена моя должна быть въ маскарадѣ... я найду ее тамъ и мое мщеніе будетъ ужасно... Извините, милостивый государь... вы можете теперь ужинать спокойно съ вашей любовью...

Пузанчиковъ. Что? что? съ моей любезной! послушайте...

Каролина Ивановна. Да-съ съ одной изъ вашихъ любезныхъ...

Пузанчиковъ. Каролина Ивановна, что съ вами? (*Марья Петровна*.) Послушайте, милостивая государыня...

Кулаковъ. Прощайте... желаю вамъ хорошаго аппетита.

Пузанчиковъ (*слѣдуя за Кулаковымъ*). Милостивый государь... что вы тутъ наслѣтничали?... (*Кулаковъ уходитъ*.)

—

XIII.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА, ПУЗАНЧИКОВЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузанчиковъ. Сударыня!... вы должны меня оправдать передъ моей невѣстой... сію-минуту...

Каролина Ивановна. Не пужно... не пужно... меня больше не обмзнешь...

Пузанчиковъ. Оправдывайте же меня...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, сударь, время-ли теперь!... мы должны съ вами, какъ можно скорѣе, ѣхать.... пойдете....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Ѣхать?... мнѣ съ вами ѣхать? Это еще что вы выдумали? Отвѣчайте лучше, зачѣмъ вы здѣсь остались? что вамъ отъ меня было нужно?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*про себя*). Что это за каша.... и этотъ начинаеть сердиться.

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Я оставляю васъ.... не хочу мѣшать.... ужинайте съ ней на здоровье.... вѣдь вы для нея купили поросенка....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Каролинушка!... душечка, выслушай прежде....

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Не хочу ничего слышать.... у васъ есть другая невѣста.... я теперь знаю, какія крысы у васъ завелись въ квартирѣ.... (*Плачетъ*.) Я предчувствовала, что мнѣ придется раскаяться въ моей къ вамъ слабости.... всѣ мужчины копѣйки не стоятъ.... старой подошвы не стоятъ....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Каролинушка! полно тебѣ сердиться.... ты знаешь какъ это нездорово для тебя.... дай мнѣ твою ручку!...

КАРОЛИНА ИВАНОВНА. Прочь, прочь! оставьте меня.... мы съ вами болѣе не увидимся.... злодѣй! обманщикъ!.. (*Уходитъ*.)

ПУЗАНЧИКОВЪ. Она уходитъ.... въ самомъ дѣлѣ уходитъ!... Каролинушка! Каролина Ивановна! мамзель Кольштейнъ! (*Блѣжитъ за ней, Марья Петровна его удерживаетъ*.)

XIV.

ПУЗАНЧИКОВЪ и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*удерживая его*). Выслушайте меня....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Оставьте меня!... она въ состоянiи теперь броситься въ Фонтанку....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Успокойтесь!

ПУЗАНЧИКОВЪ. Я долженъ остановить ее....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Оставьте ее....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Но помилуйте, что вамъ отъ меня надо?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы знаете, что они уѣхали....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Уѣхали.... уѣхали.... кто уѣхалъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Плясунчиковъ съ Авдотьей Петровной.

ПУЗАНЧИКОВЪ. Съ Авдотьей Петровной.... такъ это она.... такъ стало быть вы не вдова этого сумасшедшаго, который здѣсь бѣсновался?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Конечно нѣтъ?

ПУЗАНЧИКОВЪ. Тогда, сударыня, позвольте спросить у васъ, зачѣмъ вы ко мнѣ пожаловали? Чего вы искали въ ночное время въ моей комнатѣ? Ваше имя, отчество, фамилія, чинъ, званіе?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы все узнаете послѣ....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Но, однакожъ, кто вы такія?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Кто я? (*Про себя.*) Нѣтъ лучше скрыть.... (*Вслухъ.*) Подруга, самая короткая пріятельница неосторожной Авдотьи Петровны, жены г-на Кулакова.

ПУЗАНЧИКОВЪ. Этого сумасшедшаго усача.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я ужасно боюсь за нее. Я рѣшилась ее спасти; я опоздала, пришла, когда они уже уѣхали въ маскарадъ.... но я еще могу спасти ихъ и вы должны мнѣ оказать услугу....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Кажется, сегодня я долженъ оказывать услуги всему свѣту. Что я за герой такой?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вамъ только стоитъ поѣхать со мной въ маскарадъ.

ПУЗАНЧИКОВЪ. Мнѣ, съ вами, ѣхать въ маскарадъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да, поскорѣй.... поѣдемте, я васъ умоляю....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Оставьте меня въ покоѣ.... я не ѣзжу въ маскарады.... вотъ еще выдумали!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. На нѣсколько минутъ.... только для того, чтобы предупредить Авдотью Петровну, увезть ее оттуда....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Что мнѣ за дѣло до вашей Авдотьи Петровны!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но послушайте, отъ васъ зависитъ остановить несчастіе, помѣшать преступленію, смертоубійству можетъ быть....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Смертоубійству?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да.... вы не въ состояніи вообразить себѣ, какъ ея мужъ ревнивъ.

ПУЗАНЧИКОВЪ. Должно быть въ родѣ этого сумасшедшаго....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Въ припадкѣ ревности, онъ въ состояніи ее убить....

ПУЗАНЧИКОВЪ. Убить?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы растроганы.... у васъ доброе сердце.... поѣдемте, поѣдемте.... вы не знаете, что можетъ выйти изъ того, если мы не предупредимъ зла....

Пузанчиковъ. Но я вѣдь никогда не танцую... мнѣ только теперь досталось плясать, по вашей милости....

Марья Петровна. Поспѣшимъ, каждая минута дорога....

Пузанчиковъ. Что вы со мной только дѣлаете? Помѣшали намъ ужинать.... расковыряли моего поросенка.... прогнали мою не-вѣсту и въ добавокъ тащите меня въ маскарадъ!

Марья Петровна. Я все поправлю, я вамъ общаю; по-ѣдемте....

Пузанчиковъ. Вы мнѣ общаете, навѣрно....

Марья Петровна. Даю вамъ слово.

Пузанчиковъ. Въ такомъ случаѣ, ѣдемъ.

Марья Петровна *(останавливаясь)*. Ахъ, я и забыла!...

Пузанчиковъ. Что такое еще?

Марья Петровна. Если мужъ Авдотьи Петровны увидитъ васъ.... да лучше.... я-же могу найти домино при входѣ.... *(Бѣжитъ въ спальню.)*

Пузанчиковъ. Куда, куда вы побѣжали, тамъ моя спальня.

Марья Петровна *(возвращаясь съ узломъ, который бросилъ Плясунчиковъ.)* Надѣньте этотъ костюмъ.

Пузанчиковъ. Халатъ какой-то.... Это не мой, откуда вы его взяли? Съ собой, что-ли его принесли?

Марья Петровна. Надѣньте скорѣе, это костюмъ астролога.... вотъ такъ.... теперь возьмите этотъ колпакъ.... *(Подаетъ ему длинный остроконечный колпакъ астролога.)*

Пузанчиковъ. Покорно благодарю.... *(Смотря въ зеркало.)* Хорошъ я! Если-бъ меня увидала теперь Каролина Ивановна.... *(Стучатъ въ двери.)*

Марья Петровна. Стучать!

Пузанчиковъ. Это еще кто?

Перочинникъ *(за кулисами)*. Это я, Петръ Ивановичъ.

Марья Петровна *(схватывая у Пузанчикова его маску и надвывая ее на себя)*. Боже мой! Мой мужъ!

Пузанчиковъ. Какъ?... съ минуты на минуту не легче.... у васъ также мужъ и вы также?... тутъ и астрологъ ничего не разберетъ!

Марья Петровна. Ничего, не бойтесь, я въ маскѣ.

XV.

ПЕРОЧИННИНЪ, ПУЗАНЧИКОВЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА въ маскѣ.

Перочиннинъ (*входя*). Я звалъ, что васъ застану еще не спящимъ.... (*Увидѣвъ Пузанчикова въ костюмѣ*.) Такъ вы рѣшились таки ѣхать въ маскарадъ?... Ха! ха! ха!

Пузанчиковъ. Я въ маскарадъ.... и не думалъ....

Перочиннинъ (*смѣясь*). Зачѣмъ же вы въ костюмѣ?... Астрологомъ, чернокнижникомъ? Ха! ха! ха!

Пузанчиковъ (*опомнясь*). Ахъ! да.... мы собрались въ маскарадъ.... (*Про себя*.) Какое глупое положеніе.... я увѣренъ, что я похожъ на болвана....

Перочиннинъ (*замѣтивъ Марью Петровну*). Извините, я не замѣтилъ, у васъ дама.... (*Про себя*.) Это его пѣмочка!

Пузанчиковъ (*про себя*). Что, если онъ ее узнаетъ?

Перочиннинъ (*тихо Пузанчикову*). Поздравляю васъ, Петръ Ивановичъ.... таяя хотъ куда!

Пузанчиковъ (*про себя*). Онъ ее не узнаетъ.

Марья Петровна (*тихо Пузанчикову*). Смотрите, не проговоритесь!

Пузанчиковъ (*ей тихо*). Подальше, подальше отъ меня....

Перочиннинъ. Не тревожьтесь.... я къ вамъ зашелъ на минуточку, мнѣ было скучно въ маскарадѣ и я придумалъ маленькое сокращеніе въ моемъ сочиненіи.... Гдѣ оно?

Пузанчиковъ. Вотъ оно.... вотъ оно....

Перочиннинъ (*сидясь къ письменному столу*). Что вы, много написали уже?

Пузанчиковъ (*въ замѣшательствѣ*). Не очень.... кажется....

Марья Петровна (*въ полголоса Пузанчикову*). Но, другъ мой, пора намъ....

Пузанчиковъ (*также*). Отвяжитесь.... что я за другъ вамъ?... дальше.... дальше отъ меня.

Перочиннинъ (*перелистывая свое сочиненіе*). Вы еще успѣете побывать въ маскарадѣ, я прямо оттуда. Теперь тамъ такая тѣспота и давка, что пѣтъ возможности и ходить. Немного погоды будетъ сносно, а въ это время я успѣю сдѣлать поправки....

Марья Петровна (*тихо Пузанчикову*). Не забудьте Авдотью Петровну....

Пузанчиковъ (*топая въ досаду ногой*). Вы не имѣете ни капли совѣсти....

Перочининъ. Что такое? ссора.... Петръ Ивановичъ, какъ вамъ не стыдно. Я увѣренъ, что вы кругомъ виноваты....

Пузанчиковъ (*про себя*). Если-бы только онъ зналъ

Перочининъ. Не правда-ли, прекрасная маска, онъ виновать?

Марья Петровна (*притворнымъ голосомъ*). Когда не хочеть понимать.... не хочеть исполнять обѣщанія....

Перочининъ. Петръ Ивановичъ, перестаньте-же торопить вашу невѣсту.... Помиритесь.... и такъ миръ.... да?

Пузанчиковъ. Какъ же намъ мириться?

Перочининъ. Поцѣлуйте ее.... да покрѣпче.... ну!...

Пузанчиковъ. Поцѣловать? (*Про себя*.) Приказываетъ цѣловать жену свою!

Перочининъ. Что-же вы упрямитесь? (*Тихо*.) Ахъ, если-бы я былъ на вашемъ мѣстѣ, Петръ Ивановичъ!...

Пузанчиковъ (*про себя*). Мнѣ-бы этого самому хотѣлось....

Перочининъ. Ну, скорѣй-же....

Марья Петровна (*притворнымъ голосомъ*). Не нужно....

Перочининъ. Для меня.... я васъ прошу, Петръ Ивановичъ....

Пузанчиковъ. Для васъ. (*Хочеть цѣловать, останавливается и говоритъ*.) Не забудьте, что вы сами меня просили....

Перочининъ. Проворнѣе.... вотъ такъ.... прекрасно! еще....

Пузанчиковъ (*про себя*). Если бы это видѣла Каролина Ивановна! (*Цѣлуетъ въ другой разъ, колпакомъ своимъ задѣваетъ за маску и приподымаетъ ее*.)

Марья Петровна. Ай!

Перочининъ. Жена моя!

Пузанчиковъ. Уфъ!

Марья Петровна (*мужу*). Послушай, другъ мой....

Перочининъ. Увольте меня отъ вашихъ объясненій.... я вижу, что вы подражаете во всемъ вашей сестрицѣ.... Ваше присутствіе здѣсь, отказъ вашъ ѣхать со мной въ маскарадъ, переодѣванія.... этого достаточно, чтобы понять ваше поведеніе ...

Марья Петровна. Но, другъ мой, ты долженъ меня выслушать....

Перочининъ. Не теперь и не здѣсь.... (*Пузанчикову*.) А вы, милостивый государь, что за роль на себя взяли? Къ чему вы парядились?

Пузанчиковъ (*въ замѣшательствѣ*). Не знаю-съ.... этотъ костюмъ мнѣ не принадлежитъ.... вѣроятно изъ табачной лавки.... Я-же, Иванъ Семенычъ....

Перочининъ. Прекрасное ваше поведеніе, нечего сказать превосходное.... за то, что мужъ вамъ оказываетъ благодаренія, самъ вызывается покровительствовать вамъ, вы помогаете женѣ его имѣть свиданія въ вашей квартирѣ?...

Пузанчиковъ. Иванъ Семенычъ, я никогда и не думалъ помогать.... назначать свиданія.... это видите-ли во всемъ виноватъ Плясунчиковъ, а я.... я.... совсѣмъ ни въ чемъ передъ вами не провинился, Иванъ Семенычъ.... я всегда.... сохрани Богъ....

Перочининъ. Мнѣ все-равно, по глупости-ли вы, или по какой другой причинѣ, вдался въ такія продѣлки.... но знайте, что я теперь вижу въ васъ человѣка опаснаго, который не можетъ быть терпимъ.... Надѣюсь, вы меня понимаете?...

Пузанчиковъ *(со вздохомъ)*. Понимаю-съ.... понимаю-съ, Иванъ Семенычъ... но право... я не знаю... не въ состояннн никакъ пояснить всего этого дѣла.... голова трещить у меня.

Марья Петровна *(тихо Пузанчикову)*. Успокойтесь.... дома я ему все объясню....

Перочининъ. Сударыня, не угодно-ли отправляться.... Идите... *(Пузанчикову.)* Мы съ вами по квитаемся.... глухая рожа.... колпакъ!... *(Уходятъ.)*

XVI.

ПУЗАНЧИКОВЪ и ПОТОМЪ АВДОТЬЯ ПЕТРОВНА.

Пузанчиковъ. Наконецъ я одинъ.... голова закружилась отъ всѣхъ этихъ посѣщеній.... я даже не въ состояннн теперь размышлять.... помните, что со мной случилось... Уфъ! не ожидалъ я себѣ такой пріятной ночи!... Проклятый Плясунчиковъ порядкомъ насолил мнѣ.... Не сдѣлалъ-ли онъ всего этого съ намѣреніемъ? Не захотѣлось-ли какимъ-нибудь образомъ лишить меня мѣста.... зачѣмъ я его только не вытолкалъ отсюда.... Бѣдная Каролина Ивановна, гдѣ-то она теперь? Я думаю плачетъ себѣ, лежа въ постелькѣ.... можетъ быть прокликаетъ меня.... ужасно! Ахъ, какъ-бы мы могли пріятно провести съ нею время!... покушали-бы поросенка.... роспили-бы бутылку донскаго, потомъ она спѣла-бы мнѣ какой-нибудь нѣмецкій романсикъ.... а я-бы.... Нѣтъ, я не въ состояннн такъ оставаться.... побѣгу къ ней... *(Замѣчаетъ на себѣ костюмъ.)* А этотъ дурацкій халатъ все еще на мнѣ!.. *(Хочетъ раздѣваться, въ это время входитъ въ боковую дверь Авдотья Петровна.)*

Авдотья Петровна. Послушайте!

Пузанчиковъ (*оглядываясь*). А? кто еще? женщина! еще женщина! Въ моей квартирѣ сдѣлали пассажъ! Въ Петербургѣ открыли еще новый пассажъ!...

Авдотья Петровна. Не кричите... я жена хозяина здѣшняго дома!...

Пузанчиковъ. Авдотья Петровна!... Такъ вотъ, наконецъ, сама Авдотья Петровна!... Такъ это вы, сударыня, причина всѣхъ моихъ сегодняшнихъ несчастій... и вы еще пришли ко мнѣ?... Очень вамъ обязанъ... благодарю... сердечно благодарю... по вашей милости я теперь очень счастливъ!... Не угодно-ли вамъ будетъ отсюда поскорѣе убраться... извините за чистосердечіе...

Авдотья Петровна. Что съ вами? Какую неприятность и вамъ причинила?

Пузанчиковъ. Вы еще спрашиваете?... Нѣтъ, сударыня, я увѣренъ, что вы ошиблись этажемъ... ваша квартира въ бельэтажѣ, а моя въ пятомъ!...

Авдотья Петровна. Мнѣ нѣтъ возможности попасть къ себѣ домой. Мужъ мой нарочно разослалъ всѣхъ людей и мнѣ нельзя войти!... Его-же я сейчасъ видѣла въ маскарадѣ... онъ меня искалъ!...

Пузанчиковъ. Я имѣлъ удовольствіе видѣть вашего мужа у себя!... Скажите, пожалуйста, гдѣ это вы нашли себѣ такое сокровище? Онъ, мнѣ кажется, знаетъ — того!... не много бѣшенъ!... не укусила-ли его когда-нибудь собака?

Авдотья Петровна. Вся моя надежда на васъ. Спасите меня!...

Пузанчиковъ. Покорно благодарю!... за одно спасеніе меня сейчасъ только-что наградили!... полно спасать чужихъ женъ! Что за глупая обязанность!... спасайтесь, какъ хотите, сударыня, а меня оставьте въ покоѣ!... я не виноватъ, что у васъ такой мужъ. Я васъ за него не сваталъ и не выдавалъ.

Авдотья Петровна. Будьте такъ добры, проводите меня къ моему отцу!... онъ живетъ на Петербургской сторонѣ, я тамъ останусь, до завтра!...

Пузанчиковъ. Это изъ рукъ вонъ!... Да развѣ это моя обязанность развозить женъ по всѣмъ частямъ города? Нашли вы рыцаря?

Авдотья Петровна. Сдѣлайте одолженіе!...

Пузанчиковъ. Сударыня!... сударыня!... я человекъ солидный!... самъ думаю жениться!... такъ ужъ мнѣ не приходится!...

Авдотья Петровна. Что вы говорите? Неужели вы меня подозреваете?... знайте-же, сударь, я только предупредила недоразумѣніе, которое могло повлечь за собой несчастіе.... Мнѣ ужьно было возвратить письма.... и я успѣла.... они теперь въ моихъ рукахъ....

Пузанчиковъ. Съ чѣмъ васъ и поздравляю. Значить, теперь вы можете спокойно отправляться къ вашему батюшкѣ....

Авдотья Петровна. Какъ-же я поѣду въ ночное время, въ такую даль.... одна....

Пузанчиковъ. На то есть пзвозчики, сударыня.... Можетъ быть, у васъ пѣтъ двугривеннаго?... Я вамъ дамъ два, только оставьте меня въ покоѣ....

Авдотья Петровна. Какое положеніе!

Пузанчиковъ (*проводя ея до боковой двери*). Я сейчасъ ложусь спать.... желаю вамъ спокойной ночи, добраго сна.... засвидѣтельствуйте мое почтеніе вашему нѣжному супругу.... Прощайте.... (*Авдотья Петровна уходитъ.*) Вотъ женщина! Насилу отвязалась.... Ну, теперь, кажется, я одинъ....

XVII.

ПУЗАНЧИКОВЪ И КУЛАКОВЪ.

Кулаковъ (*входитъ въ среднія двери и кладетъ руку на плечо Пузанчикова*). Это я!

Пузанчиковъ. Ай! (*Про себя.*) Конца не будетъ.... опять сумасшедшій!

Кулаковъ. Полчаса тому назадъ, я извинился предъ вами....

Пузанчиковъ. Я васъ извинилъ.... просилъ васъ.... что-же вамъ еще угодно?

Кулаковъ (*страшнымъ голосомъ*). Но теперь.... Ха! ха! ха! теперь мы съ вами расчтается....

Пузанчиковъ (*про себя*). Пошлю сейчасъ за квартальнымъ.

Авдотья Петровна (*выказываясь въ боковыхъ дверяхъ*). Овъ здѣсь.... слѣдилъ-ли онъ за мной?

Кулаковъ. Я прямо изъ маскарада.

Авдотья Петровна (*про себя*). Послушаю, что будетъ говорить.... (*Она проходитъ къ дверямъ спальни.*)

Пузанчиковъ. Вы были въ маскарадѣ?... Ну, что, много тамъ народа?... весело вы танцовали?... Да, что, въ-самомъ-дѣлѣ я съ вами пускаюсь въ разговоры.... Оставьте-ли вы меня на-

конецъ въ покоѣ?... Вѣдь вы мнѣ какъ надоѣли.... пожалуй, съ вами и самъ съума сойдешь....

Кулаковъ. Я былъ въ маскарадѣ, но не видалъ ее.

Пузанчиковъ. Кого?

Кулаковъ. Авдотью Петровну.

Авдотья Петровна (*про себя*). Я спасена!

Пузанчиковъ. Ну, и прекрасно.

Кулаковъ. Я взбѣшенъ до нельзя.... меня хотять дурачить.... Но горе тому, кто пустился на это.... У меня есть доказательство....

Авдотья Петровна (*про себя*). Другаго нѣтъ средства.

(*Входитъ въ спальню.*)

Кулаковъ (*показывая записку*). Узнаете вы этотъ почеркъ?

Пузанчиковъ. Довольно неразборчивый....

Кулаковъ (*читая записку*). «Приходите завтра въ половинѣ девятого, въ квартиру Пузанчикова, по черной лѣстницѣ. У меня будетъ приготовлено для васъ домино, а для себя я взялъ костюмъ астролога.»

Авдотья Петровна (*про себя*). Записка Константина Львовича! (*Запираетъ за собой дверь.*)

Кулаковъ. Костюмъ астролога.... онъ на васъ!

Пузанчиковъ. На мнѣ.... да, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ на мнѣ, этотъ глупый халатъ.... (*Про себя, утираясь платкомъ Авдотьи Петровны.*) Чортъ знаетъ, какъ все это запуталось.... Проклятый Плясунчиковъ посадилъ меня въ тиски....

Кулаковъ. Но, что я еще вижу?

Пузанчиковъ. Еще что?

Кулаковъ. Этотъ платокъ....

Пузанчиковъ. Ну что, платокъ?

Кулаковъ. Онъ принадлежитъ жепѣ моей.... вотъ буквы А. К. означающія: Авдотья Куропаткина.... онъ изъ ея приданаго....

Пузанчиковъ. Возьмите его, я за нимъ не гонюсь....

Кулаковъ. Скажите-же мнѣ, гдѣ жена моя?

Пузанчиковъ. А я почему знаю, гдѣ жена ваша?

Кулаковъ. Не выводите меня изъ терпѣнія.... Я васъ заставляю говорить.... (*Вынимая пистолетъ.*) Я васъ убью, если вы мнѣ не откроете сію-минуту вашего обмана.... Отвѣчайте, гдѣ жена моя?

Пузанчиковъ (*въ ужасномъ страхѣ*). Что вы? что вы, милостивый государь?... Какъ это можно.... Я.... я.... спрячьте, ради Бога, это смертельное орудіе.... помилуйте, вѣдь это уголовное

преступленіе... какъ можно изъ такихъ пустяковъ рѣшаться на такія ужасныя вещи!

Кулаковъ. *(въ страшномъ гнѣвѣ хватаетъ Пузанчикова и наводитъ на грудь его пистолетъ).* Я вамъ даю двѣ минуты... отвѣчайте скорѣе... не то.... убью... слышите-ли, убью!

Пузанчиковъ. Жена ваша... Авдотья Петровна... она сейчасъ была... *(Кричитъ во все горло.)* Агафья! Агафья!

Авдотья Петровна *(выходитъ изъ спальни).* Остановитесь!...

Кулаковъ. Вотъ она! Наконецъ, я нашелъ васъ!

Пузанчиковъ. Она вышла изъ моей спальни... Это что за фокусы!

Авдотья Петровна. Выслушайте меня прежде...

Кулаковъ. Пойдемте внизъ, тамъ вы расскажете все предъ вашимъ батюшкой... пойдемте... *(Пузанчикову.)* Черезъ полчаса я приду къ вамъ для объясненій, милостивый государь... вы понимаете, что это такъ не можетъ кончиться между нами... мнѣ нужна ваша кровь...

Пузанчиковъ. Конечно, конечно... *(Про себя.)* Ему нужна моя кровь... Сю-минуто дамъ знать въ полицію...

ХІІІ.

ПУЗАНЧИКОВЪ, ПОТОМЪ ПЛАСУНЧИКОВЪ.

Пузанчиковъ. Разбойникъ! кровопійца! бѣшеная собака! онъ вѣдь меня чуть не убилъ... и за что? Еще если бъ я въ самомъ дѣлѣ ѣздилъ съ его Авдотьей Петровной... а то вѣдь безъ всякой причины...

Пласунчиковъ *(входитъ въ боковую дверь).* А Петръ Ивановичъ, вы еще не спите?

Пузанчиковъ. А это вы, г. Пласунчиковъ... вы пожаловали ко мнѣ очень кстати... милости просимъ!

Пласунчиковъ. Ну, что, не знаете-ли вы гдѣ та дама? ба, ба! да вы въ моемъ костюмѣ... Ха! ха! ха! онъ къ вамъ очень идетъ, Петръ Ивановичъ... Ха! ха! ха! вы точно зажигательная машинка... Ха! ха! ха!...

Пузанчиковъ. Вы еще осмѣливаетесь смѣяться! Чего вы здѣсь надѣлами съ вашей Авдотьей Петровной? Въ какую кашу вы меня впутали? Если не хотите имѣть неприятности... уйдите!

скорѣе... скорѣе... я чувствую, что въ противномъ случаѣ у насъ могутъ выйти непріятности....

Плясунчиковъ. Скажите, не была-ли здѣсь Авдотья Петровна?

Пузанчиковъ. Опять Авдотья Петровна! Вотъ я вамъ сейчасъ скажу, гдѣ она. Возьмите-ка напередъ вашъ дурацкой нарядъ! *(Снимаетъ костюмъ и бросаетъ его Плясунчикову.)* А Авдотья Петровна... вдовушка съ мужемъ.... вонъ она гдѣ.... *(Беретъ Плясунчикова за шею и выталкиваетъ его въ боковую дверь, которую потомъ запираетъ на ключъ.)* Сдѣлалъ бы сначала такъ — было-бы лучше....

Плясунчиковъ (за сценой). Какъ вы осмѣлились? я васъ....

XIX.

ПУЗАНЧИКОВЪ, одинъ.

Пузанчиковъ (идетъ къ средней двери и также запираетъ ее на ключъ и приставляетъ къ ней стулья). Коломенскій франтъ! кончено! теперь не впускаю къ себѣ никого до утра.... а завтра на счетъ сумасшедшаго хозяина дома, которому оказалась пужною моя кровь, объявлю въ кварталѣ.... Измучили, истерзали они меня нынѣшнюю ночью! Что дѣлать мнѣ теперь?... *(Стучатся въ дверь.)* Это сумасшедшій.... ну, какъ онъ въ бѣшенствѣ вздумаетъ выломать дверь....

Агафья (за сценой). Петръ Иванычъ.... отворите....

Пузанчиковъ. Моя кухарка.... она возвратилась съ няицинь....

Агафья (за сценой). Я веду къ вамъ гостей....

Пузанчиковъ. Кого еще несетъ нелегкая?... Меня нѣтъ дома, Агафья, я уѣхалъ.... не скоро возвращусь.... слышишь?... уѣхалъ.... дома нѣтъ....

Агафья (за сценой). Отворите.... Каролина Ивановна хочетъ васъ видѣть....

Пузанчиковъ (въ восторгъ). Каролина Ивановна! возможно ли? *(Близится къ дверямъ, отодвигаетъ стулья и отворяетъ дверь.)* Войдите, войдите, Каролина Ивановна.... о, блаженство, это вы!

XX.

ПУЗАНЧИКОВЪ и КАРОЛИНА ИВАНОВНА.

Каролина Ивановна (въ дверяхъ). Отдайте мои калоши....

Пузанчиковъ. Калоши?... Но войдите-же, Каролина Ивановна...

Каролина Ивановна. Я не къ вамъ пришла а за калошами, я ихъ у васъ забыла.... вонъ они тамъ подъ стуломъ. Подайте мнѣ ихъ....

Пузанчиковъ. Вы все еще на меня сердитесь.... но за что? за что? Чѣмъ я могъ провиниться предъ вами?... Вы знаете, какъ я васъ любилъ....

Каролина Ивановна. Замолчите.... не напоминайте мнѣ больше о прошломъ.... я васъ уже забыла, обманщикъ.... я не люблю васъ болѣе.... я рѣшилась выйти замужъ за Августа Карловича, сапожнаго подмастерья.... Отдайте мнѣ мои калоши и я уйду.... оставлю васъ навсегда.... невѣсть у васъ много....

Пузанчиковъ. Откуда вы это взяли, что у меня есть невѣсты?... вы видѣли у меня здѣсь какую-то женщину.... но я самъ не знаю, какъ она попала въ мою комнату! А поросенки, Каролина Ивановна, клянусь вамъ, купилъ для васъ, для васъ однихъ!

Каролина Ивановна. Не хочу васъ слушать.... я васъ ненавижу теперь....

Пузанчиковъ (*подавая калоши*). Вы ненавидите меня?... вотъ ваши калоши.... вы уходите.... и я пойду также.... я брошусь въ Неву и завтра-же вы прочтете въ Полицейской газетѣ, что меня не стало болѣе на свѣтѣ. Уходите, Каролина Ивановна уходите... что мнѣ жизнь теперь?

Что мнѣ въ жизни безъ васъ,

Что страдать каждый часъ?

Не могу васъ любить —

Такъ не буду и жить....

Какъ васъ много любилъ

Нѣту высказать словъ —

Я для васъ накупилъ

Поросятъ, пироговъ..

Что мнѣ въ жизни безъ васъ,

Что страдать каждый часъ?

Не могу васъ любить —

Стало быть мнѣ не жить!

Я рѣшительный человѣкъ... всѣ знаютъ, что очень рѣшительный!...

Каролина Ивановна (*бросая калоши*). Петруша! такъ ты точно не пересталъ меня любить?... Не измѣнялъ мнѣ?

Пузанчиковъ (*цѣлуя у ней руки*). Ты не сердись на меня? Ты любишь меня?... ты вѣришь мнѣ? ты не выходишь замужъ за сапожника?

Каролина Ивановна. Но за чѣмъ ты не хочешь рассказать мнѣ, что такое происходило у тебя здѣсь? Какимъ образомъ попала въ твою спальню женщина?... Зачѣмъ приходилъ сюда мужъ еще другой женщины?

Пузанчиковъ. Не спрашивай объ этомъ.... я самъ ничего не понимаю.... у меня въ головѣ настоящій винегретъ.... ты не знаешь, что со мной происходило послѣ твоего ухода.... Страшно, за человѣка страшно, Каролина Ивановна!.. Но что всего ужаснѣе, такъ это то, что въ моей каморкѣ была спрятана жена моего начальника и ее засталъ у меня ея мужъ.... Потомъ явилась другая жена и за ней еще другой мужъ.... Пришла еще третья.... Фу! заврался.... третьей не было, меня ругали, чуть не убили.... Пожалуй еще и убьютъ.... и это все отъ того....

XXI.

ТѢЖЕ, КУЛАКОВЪ, съ бутылкой шампанскаго, а потомъ АГАФЬЯ.

Каролина Ивановна. Кто-то вошелъ сюда?

Пузанчиковъ (*увидавъ Кулакова*). Вотъ онъ! вотъ мой убійца!.. Мы погибли, Каролина Ивановна... (*Кричитъ во все горло.*) Агафья! Агафья!...

Кулаковъ. Не тревожьтесь, любезнѣйшій, я пришелъ къ вамъ....

Пузанчиковъ. Знаю я васъ... вамъ нужна кровь моя?..

Кулаковъ. Нѣтъ ужъ, теперь не нужна. Я пришелъ исправить мои ошибки.... я во многомъ виноватъ предъ вами.... и во-первыхъ, вотъ вамъ бутылка шампанскаго, въ замѣнъ той, которую я разбилъ у васъ въ корридорѣ.... (*Ставитъ бутылку на столъ.*)

Пузанчиковъ. Я не понимаю....

Кулаковъ. Да, любезнѣйшій мой, Авдотья Петровна мнѣ все рассказала.

Пузанчиковъ. Все! что-же такое она рассказала?

(*Входитъ Агафья; въ рукахъ у ней письмо.*)

Кулаковъ. Вы ее спасли.... остановили на краю пропасти....

Пузанчиковъ. Какимъ-же это образомъ?

Кулаковъ. Она была совсѣмъ готова сдѣлать важную ошибку, но вы не допустили ее до того, удержавъ у себя....

Пузанчиковъ. Я ее удержалъ у себя ?

Кулаковъ. Да, вы видите, что я все знаю теперь... вы ее остановили вмѣстѣ съ ея вѣтренной подругой и не пустили ихъ въ маскарадъ.... подругу эту я видѣлъ здѣсь и вы были въ ея костюмѣ, безъ котораго она не могла ѣхать.... благодарю васъ, вы честнѣйшій, благороднѣйшій человекъ.

Пузанчиковъ. Помилуйте не за что.... (Про себя.) Я его принималъ за сумасшедшаго ! онъ просто дуракъ....

Кулаковъ. Я не хочу оставаться у васъ въ долгу, а потому сбавлю сто рублей въ годъ съ вашей квартиры !

Пузанчиковъ (про себя). О ! да онъ и не дуракъ ! (Ему.) Благодарю... но я самъ попрошу задѣлать эту дверь, что бы у меня не было двухъ лѣстницъ, а то пожалуй, мнѣ придется въ другой разъ останавливать кого-нибудь на краю пропасти.

А г а ф ѣ я. Къ вамъ принесли письмо, Петръ Ивановичъ!... (Уходитъ.)

Пузанчиковъ. Письмо.... отъ моего начальника.... (Развернуть письмо, прочитываетъ его.) Гора съ плечъ.... Кутерьма кончилась благополучно.... Иванъ Семеновичъ проситъ извиненія, называетъ меня великодушнымъ человекомъ.... А главное-то... главное—обѣщаетъ прибавку жалованья. Видишь-ли, Каролинушка, что добродѣтель всегда вознаграждается !

Кулаковъ. Очень радъ вашему счастью.... Прощайте, я иду къ женѣ моей, Авдотѣ Петровнѣ.... Благодарю васъ, я теперь совершенно счастливъ....

Пузанчиковъ. Прощайте!... Засвидѣтельствуйте почтеніе Авдотѣ Петровнѣ.... Да, вотъ и забылъ !... Дверь-то сдѣлайте одолженіе замажьте, залѣпите, заколотите.... словомъ, какъ вамъ угодно, только задѣлайте.... Это просто дверь, которая и меня и васъ приведетъ къ гибели.

Кулаковъ. Непремѣнно... прощайте.... душевно вами благодаренъ....

Пузанчиковъ. Фу батюшки !... вотъ такъ кутерьма.... Ну, Каролинушка и такъ мы снова благополучны — пойдемъ-же доѣдать нашъ прерванный ужинъ и нашего заливаго поросенка....

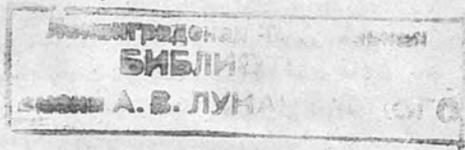
Каролина. Пойдемъ ! Какъ потревожишься, пострадаешь, потрусншь, проголодаешься, такъ и остатки сладки.

Вамъ авторскій знакомъ порядокъ
Просить у публики суда —
И ужъ простите за урядокъ
Мы это дѣлаемъ всегда.
Нашъ авторъ также молвить слово
Просилъ. Нельзя-ль отъ васъ узнать...
Скажите мнѣ вы какого :
Піесъ жить или умирать ?

В М Е С Т Ъ .

Скажите мнѣ вы какого :
Піесъ жить или умирать ?

9900.

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждого мѣсяца. Въ „*Репертуаръ Русской сцены*“ печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, и картинки.

Цѣна за 12 книгъ „Пантеона“, при нихъ 12 *л.л.* „Репертуара Русской сцены“, съ картинками и нотами:

12 руб. сер., съ доставкой и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ : въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Издатель долгомъ считаетъ увѣдомить, что даже и тѣмъ лицамъ, которые подписались-бы на „Пантеонъ“ не въ началѣ года, журналъ этотъ будетъ доставленъ *вполнѣ*, начиная съ *перваго номера* и со *всѣми приложениями*.

Кто пожелалъ бы имѣть „Пантеонъ“ за 1848 и 1850 годы, оба года влѣсть, или каждый отдѣльно, оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, тотъ можетъ получить ихъ изъ „Главной Конторы Пантеона“ въ С. Петербургѣ. Для новыхъ-же подписчиковъ на 1851 годъ, съ этихъ изданій дѣлается, по сношенію съ Главной Конторой журнала, уступка. (Въ 1849 г. Пантеонъ не издавался.)

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.